

ISSN 2079-1488

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 9

ISSN 2079-1488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

**STUDIA HISTORICA
EUROPAE ORIENTALIS**

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Основан в 2008 году

ВЫПУСК 9

Минск
РИВШ
2016

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 30 декабря 2015 г.)

Редакционная коллегия:

- А. В. Мартынюк* – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г. Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О. А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
А. А. Любая – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю. Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
В. А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
О. И. Дзярнович – кандидат исторических наук (Минск)
Д. Домбровский – доктор исторических наук (Быдгощ)
Л. В. Левицун – доктор филологических наук (Минск)
А. В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И. А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
В. Назирный – доктор истории (Краков)
Н. В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
В. А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В. А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А. И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А. Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 9. – Минск : РИВШ, 2016. – 252 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
<i>Вацеба Р. М.</i> Внешняя торговля Полабья в VIII–IX веках	7
<i>Войтович Л. В.</i> «Баварский географ»: попытки этнолокализации населения Центрально-Восточной Европы в IX в.	16
<i>Лавренченко М. Л.</i> «Отцовство» в древнейших русских летописях	52
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> Контактные персоны литовских князей в Пруссии (70–80-е гг. XIV века): штрихи к шести историческим портретам	68
<i>Наумов Н. Н.</i> Феномен городского «гражданства» в Венгерском королевстве XIV–XV вв.	81
<i>Келембет С. Н.</i> Происхождение князей Крошинских	90
<i>Воронин В. А.</i> Князя Олельковичи – претенденты на власть в Великом княжестве Литовском	96
<i>Попель Р. І.</i> Рэгіянальная манетная чаканка Вялікага Княства Літоўскага ў сувязі з пытаннем палітычнай аўтаноміі яго земляў у XIV–XV стст.	127
<i>Карач А. У.</i> Грашовая сістэма Вялікага Княства Літоўскага ў часы Аляксандра Ягелончыка (1492–1506)	156
<i>Лобин А. Н.</i> Образ воинов-«москвитов» на картине «Битва под Оршей»	165

<i>Осипян А. Л.</i> Прошлое как аргумент: обращение к отдаленному прошлому в судебной тяжбе католического патрициата с армянами Львова в 1578 Г.	176
<i>Ноздрин О. Я.</i> Ян Данкарт и его сочинение о России начала XVII века	198
<i>Пруднікаў А. А.</i> Стан знешняга і ўнутранага гандлю у мястэчках каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XVII – XVIII ст.	213
РЕЦЕНЗИИ	231
<i>Мартынюк А. В.</i> Русь по обе стороны Угорских гор (рецензия на книгу Мирослава Волощука «“Русь” в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV століття): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції». Івано-Франківськ, 2014)	233
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	239
РЕЗЮМЕ	241
SUMMARY	245
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	250

СТАТЬИ

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ПОЛАБЬЯ В VIII–IX ВЕКАХ

Торговлю на территории Славянского Полабья на основе анализа письменных источников изучали Александр Гильфердинг [1, с. 120–121], Вильгельм Богуславский [2, с. 580–646] и Ян Гжегожевский [3]. Найденные в течение XX в. археологические свидетельства торговых отношений полабских славян создали предпосылки для исследований Витольда Хенселя [4, с. 543–592], Яна Жака [5; 6], Казимира Слаского [7], Герарда Лябуды [8, с. 111–119], Ярослава Кобылецкого [9] в Польше, Герхарда Кёстера, Эрнста Петерсена, Гельмута Прейделя [10, с. 38], Иоахима Германа [11] в Германии и Николая Рудя [12] в Украине. И все же, комплексного исследования торговых отношений в раннесредневековом Полабье VIII–IX веков, в исторической науке еще не проведено. Цель данной работы заключалась в исследовании внешней торговли Полабья и, в частности, определении направлений торговых потоков, субъектов торговли и ее предметов в течение вышеуказанного периода.

На относительно интенсивную внешнюю торговлю полабских славян в VIII–IX вв. указывают находки монет. Так, по состоянию на 60-е гг. XX в. на территории Полабья было найдено 4 сасанидские драхмы, 5 франкских монет и 54 арабских дирхема, которые могли находиться в обороте в течение исследуемого периода [13, с. 36–60]. Франкские монеты были найдены в кладах полабских сербов (Нюнхритц [13, с. 49]), мильчан (Остро [13, с. 50]), гаволян (Ораниенбург и Паретц [13, с. 50]) и на берегу Балтийского моря (Преров-Дарсс [13, с. 54]). Последняя, вероятно, была скандинавским реимпортом, в то время, как первые четыре являются непосредственными свидетельствами франко-славянской торговли.

Более дискуссионным является вопрос происхождения арабских монет, которые вместе с драгоценными металлами (на землях велетов, ободритов и в Южном Полабье найдены сокровища с серебром) были основным денежным эквивалентом во внешней торговле полабских славян в IX в. [14, с. 98]. Примечательно, что из 58 восточных монет 43 найдено на землях северновелетских племен (из них 34 – на берегу Балтийского моря [13, с. 49–54], 11 – на острове Рюген [13, с. 54]). Поэтому их поступление следует связывать с балтийской торговлей. Касательно полаб-

ских сокровищ начала IX в. Владислав Лосинский предложил две альтернативные версии попадания сюда арабских монет: непосредственно с будущей территории Руси, независимо от наплыва дирхемов в Скандинавию (такую точку зрения отстаивал, в частности, Герард Лябуда [8, s. 118–119]), или же – из скандинавских рынков при посредничестве норманнских купцов [15, s. 214]. Эту дилемму несколько переформатировал Марек Дулинич, связав первую версию объяснения поступления старейших арабских монет в Полабье с торговой активностью славянских поселенцев, а вторую – с присутствием на южном побережье Балтийского моря скандинавских купцов [15, s. 213–214]. А последние, очевидно, таки основали в VIII–X вв. несколько торговых поселений на землях Полабья и Поморья. Трудно не заметить норманнских влияний в Рерике перед 808 г., ведь «Анналы Королевства франков» сообщают, что жители этого торгового центра платили дань датскому конунгу Годфриду [16, p. 126]. Убедительным выглядит и предположение Леонтия Войтовича об основании Рерика датским конунгом Рюриком (Рериком) в конце VIII в. [17, с. 58]. Археологические исследования торгово-ремесленного поселения в Мензлин-Гёрке (Menzlin-Görke), недалеко от устья р. Пенне, свидетельствуют об отчетливых следах пребывания здесь норманнов уже в конце VIII – начале X в. [18, s. 291; 9, s. 5]. Примерно в это время функционировали, очевидно, и норманнские эмпории в Бардах-Швельюбьи вблизи Колобжега и в Януве Поморском у устья Вислы [18, s. 291]. Дискуссионным остается вопрос о существовании Волина-Юмсборга в исследуемый нами период. Норманнский характер поселения с середины X в. не вызывает сомнения. Однако исследования культурного слоя второй половины IX в. на Серебряном Холме в Юмсборге позволили Йоанне Войтковяк говорить о присутствии здесь норманнских поселенцев уже с середины IX в. [19, s. 127]. Возвращаясь теперь к вопросу о происхождении найденных в Славянском Полабье арабских монет, можно предположить, что по крайней мере значительная их часть попала сюда через норманнские эмпории при посредничестве купцов с Готланда, Восточной Швеции или Дании [9, s. 8]. Нельзя также исключать участия купцов-евреев в случае поступления арабских дирхемов с Пиренейского полуострова [9, s. 8].

На протяжении VIII–IX веков внешняя торговля Полабья развивалась в пределах скандинаво-славянской, фризской и франкской торговли.

Сначала рассмотрим морскую торговлю. Купеческое судно, в среднем, одолевало за день от 29 до 37 морских миль (~54–68 км), хотя, плывя и днем, и ночью можно было достичь вдвое большей скорости [9,

s. 71]. Такие показатели, конечно, были далеки от скоростей тогдашних военных кораблей, которые преодолевали более 300 км в сутки [9, s. 71]. И все же, водный транспорт в VIII–IX вв. был как минимум в 4 раза быстрее, чем сухопутный, а морская торговля давала в 10 раз большую прибыль [9, s. 63, 71].

Уже с VI в. н. э. полабские славяне вели торговлю с норманнами. Ее предметом были соль, обработанный янтарь и железные шпоры из Полабья и элементы вооружения, золотые, серебряные и бронзовые украшения из Борнгольма, Уплланда и Ютландии [5, s. 265; 7, с. 68; 9, s. 8]. Основным стимулом для развития скандинаво-славянского торгового обмена были нехватка соли, недостаточное развитие обработки янтаря и производства острогов, избыток продукции цветной металлургии в Скандинавии и налаженное производство острогов, избыток соли и янтаря на территории Полабья, при отсутствии производства мечей и шлемов из-за низкого качества болотной руды [5, s. 261].

Субъектами скандинаво-славянской торговли выступали непрофессиональные норманские купцы, которые ежегодно с 15 мая по 15 августа и с 15 сентября по 1 октября совершали путешествия в Полабье [5, s. 278].

Развитие скандинавской-полабской торговли происходило в несколько этапов. Первый длился с VI до конца VIII в., второй – от IX к середине X в. [7, с. 90–91]. Каждый из этих этапов имел несколько фаз. VIII в. хронологически соответствует последней фазе первого этапа, для которой свойственно почти полное отсутствие археологических свидетельств скандинаво-полабской торговли [5, s. 270]. Казимир Слаский связывал это с внутренними конфликтами в слое родовых старейшин скандинавского и полабо-славянского обществ, вызванными формированием государственности [7, с. 68]. Однако, по нашему мнению, ближе к истине был Ян Жак, который считал, что упадок торговых контактов между норманнами и полабскими славянами в VIII в. был следствием расцвета фризской торговли в Балтийском море [5, s. 283]. Фризские профессиональные купцы предложили норманнам соль (правда, дорогую, из-за чего скандинавы с Готланда, Ютландии и Борнгольма начали покупать ее в Нижней Саксонии и Тюрингии [5, s. 262]) и соединили Скандинавию с долиной Рейна, где находились передовые во всей Северо-Западной Европе центры продукции стеклянных, металлических, деревянных, керамических и текстильных изделий (в том числе и предметов роскоши) [5, s. 262; 20, p. 501–503]. Как следствие, в VIII в. скандинаво-славянские торговые отношения перестали быть выгодными

для норманнских купцов (прибыль непрофессионального норманнского купца составляла 15–25%, в то время, как, например, профессиональные позднеримские купцы имели прибыль около 50%; примерно столько же могли зарабатывать и фризские профессиональные купцы) [5, s. 279].

Что же касается самих фризов, то они были посредниками между Франкским государством и народами, проживавшими на берегах Балтийского моря. Франкское государство, в свою очередь, было посредником в поставках меха, воска и рабов исламским народам [7, с. 67]. Таким образом, фризские купцы могли предложить норманнам и славянам франкские и арабские товары, в частности, стекло, оружие и украшения. Вместо этого им нужны были меха, воск и рабы. Все это фризам могли предложить как славяне, так и норманны [5, s. 253].

В первой половине VII в. основной поток фризской торговли был направлен в Скандинавию и на территории проживания пруссов, обходил северо-западных славян. Однако, уже с середины VIII в. на формирование товарооборота начала влиять и фризско-славянская торговля [5, s. 260]. Фризские купцы избегали бурных вод заливов Каттегат и Скагеррак [9, s. 6], поэтому в это время основные пути торгового обмена вели от Дорестада до устья р. Эйдер (впадает в Северное море), через долины р. Треене и Рейде к торговому поселению Хайтхабу (Хедебю), а оттуда – на Уппланд или на остров Готланд [7, с. 67]. События 804 г., когда Карл Великий передал Нордальбингию (Западную Голштинию) под управление ободритов [16, р. 118], должны были бы кардинально изменить место последних в фризской торговле. Ведь ободриты получили выход к Северному морю и контроль над частью фризского торгового пути. Вследствие этого, в 804–808 гг. торговый путь, очевидно, сместился на юг: из скандинавских портов в Рерик. А это, в свою очередь, не могло не вызвать переориентацию фризских купцов на торговлю с полабскими славянами, даже при условии, что торговое поселение все еще сохраняло датский характер и формально принадлежало датскому конунгу [16, р. 126] (привезенные в Рерик из Дании или Швеции норманнские товары не могли конкурировать с аналогичной продукцией или, тем более, сырьем из окружающих славянских земель). Такие изменения, разумеется, не удовлетворяли данов, что и могло стать истинной причиной похода короля Годфрида на ободритов в 808 г. Во время этого похода даны разрушили Рерик (несмотря на то, что жители этого торгового центра платили им дань), а всех купцов датский король Годофрид перевез с Рерика в Хайтхабу [16, р. 126]. Таким образом разрушение Рерика имело характер торговой блокады [8, s. 115]. В результате этих

событий в IX в. фризы снова начали обходить западнославянские берега [6, s. 27], а Хайтхабу оставил далеко позади теперь уже ободритский Рерик [7, с. 70; 17, с. 58].

В IX в. торговые контакты Скандинавии с Полабьем постепенно восстановились. Славяне в это время познакомились с техникой строительства кораблей с килем [7, с. 77; 8, s. 117], что позволило им плавать в Бирку и Хайтхабу [7, с. 91]. По мнению Ярослава Кобылецкого, торговые отношения прибалтийских славян с данами обусловили взаимный обмен технологиями кораблестроения [9, s. 43]. До 890 г. торговлю осуществляли непрофессиональные или полупрофессиональные славянские купцы и шведские купцы из Бирки [6, s. 29]. В конце IX в. на пути между Вагрией и Хайтхабу появились непрофессиональные ободритские купцы [6, s. 30]. Полабские славяне экспортировали керамику и продукты ремесла, а норманны – продукцию металлургии и разнообразные товары из Западной Европы [7, с. 91]. Очевидно, последние и были основным предметом торговли со стороны Скандинавии. Ведь, как утверждает Ян Жак, доля норманнского импорта в полабских кладах IX в. составляет 2–5% [6, s. 15] (при этом весь норманнский импорт происходит не из Скандинавского, а с Ютландского полуострова [6, s. 28]). В это же время распространение скандинавских предметов в прибалтийской части Полабья (за исключением Вагрии) совпадает с распространением каролингских товаров, что указывает на поступление последних из Скандинавии [21, s. 110]. Таким образом, в течение IX в. норманны выступали в роли посредника, благодаря которому предметы каролингской культуры попадали в прибалтийские регионы Полабья.

В сухопутной торговле главным партнером жителей Полабья в VIII–IX вв. были государства Каролингов. Франкская торговля заполнила нишу остгото-, гепидо- и тюрингско-западнопоморского торгового обмена [5, s. 262–263]. Уже с VI в. н. э. на тюрингско-надодерском пути воцарились «франкские» купцы, которые, как правило, были римлянами или евреями [5, s. 254]. В VIII в. они ездили в Поморье за янтарем, воском и рабами [5, s. 254]. Купцы из Фризии, Испании, Франции и надрейнских городов часто использовали сухопутный путь из Бардовика и Гамбурга до устья Вислы и прусских земель, который проходил через Стариград, Старый Любек и Велеград-Меклембург [9, s. 9]. Земли Южного Полабья лежали на торговом пути, который начинался во Франкфурте-на-Майне и вел через Эрфурт, Наумбург, Липск (Лейпциг), Будишин (Баутцен) и Згожелец (Гёрлиц), и далее в Краков [9, s. 7]. Существовала и приграничная торговля франков и саксов со

славянами, которая осуществлялась на ярмарках в рамках специально построенных временных укреплений, которые после завершения торгов разбирали [3, s. 24]. В Полабье импортировали бронзовые и серебряные украшения из долины Рейна, шерстяную одежду, стеклянную посуду и ожерелье [9, s. 9]. В течение IX в. особенно активно велась торговля с западными ободритами, ведь в Вагрии в это время наблюдалось значительное количество импортных (а не реимпортных) франкских товаров [21, s. 111]. Среди последних были и базальтовые жернова с Майена, найденные в Стариграде и в ряде поселений на Саксонском лимесе [9, s. 9].

Очевидно, именно торговля стала стимулом к созданию сети постоянных дорог в ободритских землях [10, s. 39]. В IX в. здесь появились мосты, вроде деревянного моста на озере Тетерев (близ современного г. Тетерова в федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания, ФРГ), длиной 750 м [10, s. 39; 4, s. 528–530], что значительно облегчило переход через реки и болота.

Важным источником для изучения франко-славянской торговли является «Капитулярий из Диденгофена», изданный Карлом Великим в 805 г. [22, p. 123]. Седьмым пунктом этого документа для купцов, которые приходили из славянских и аварских краев, были определены девять пунктов на линии от Нижней Эльбы до Дуная (Бардовик, Схезла, Магдебург, Эрфурт, Галашлат, Форгайм, Бабберг, Регенсбург и Лауриакум), где они могли вести торговлю под наблюдением франкских чиновников. Сначала в историографии было принято связывать эти торговые пункты с Сорабским лимесом [22, с. 104; 24, s. 50]. Однако дальнейшие исследования привели Ежи Стшельчика к отрицанию этого тезиса, ведь в тексте документа нет сведений о политической границе, а «*limes Sorabicus*» впервые упоминается в Фульдских анналах только в середине IX в. [25, s. 170]. Император под страхом конфискации имущества также запрещал упомянутым купцам брать на продажу оружие и доспехи [22, p. 123].

Этот документ очень противоречиво трактовали польские историки. Ян Гжегожевский связывал капитулярий с наддунайской торговлей [3, s. 8]. По его мнению, здесь речь шла о славянских и аварских купцах, которым запретили вывозить из Франкской империи оружие и доспехи [3, s. 25]. Но Генрик Ловмянский, Ежи Стшельчик и Ярослав Кобылецкий считали, что Капитулярий 805 г. касался франкских купцов, отправлявшихся на славянские земли [26, s. 224; 25, s. 170; 9, s. 9]. Первая точка зрения представляется нам более соответствующей тексту капитулярия.

Поэтому можно предположить, что у полабских славян уже в начале IX в. были свои купцы, которые осуществляли поездки в приграничные области Франкской империи (Саксонии и Тюрингии). Седьмой пункт документа был, скорее всего, направлен на защиту франкской торговли, ведь ограничения в передвижении славянских и аварских купцов территорией Франкской империи заставляло их продавать и покупать товары по такой цене, которую устанавливали франкские купцы в вышеупомянутых торговых точках (последняя могла быть существенно выше средней цены в империи). Открытым остается вопрос запрета торговли оружием и доспехами. Юзеф Видаевич, говоря о запрете на вывоз франкского оружия, связывал это положение с подготовкой похода на полабских славян в 806 г. [27, с. 18].

Выводы. На протяжении VIII–IX вв. внешняя торговля Полабья была интегрированной в балтийскую торговлю, осуществляемую скандинавскими, фризскими, а с IX в. отчасти и славянскими купцами. Свидетельством ее интенсивности являются многочисленные находки восточных монет, которые попадали на земли северо-западных славян, в основном через торговые поселения норманнов. Последние вместе с фризами выступали главными посредниками, которые поставляли предметы каролингской культуры и арабские товары в прибалтийские районы Полабья. Сухопутная торговля полабских славян с государствами Каролингов, происходила посредством «франкских» (римляне, евреи или фризы по происхождению) и славянских купцов. С начала IX в. ее регулировал «Капитулярый из Диденгофена». В Полабье импортировались западно-европейские товары (элементы вооружения, изделия из стекла и ценных металлов, базальтовые жернова), реже – скандинавские. К началу IX в. львиную долю славянского экспорта составляли соль, продукты охоты (меха) и бортничества (мед и воск), то есть, в экспорте доминировал первичный (сырьевой) сектор экономики. Экспорт железных шпор в Скандинавию был скорее исключением из этого правила и существенно не повлиял на развитие торговли. В то же время, существование торговых путей на территории Полабья и деятельность здесь франкских, норманнских и фризских купцов уже в VIII в. создавали благоприятные условия для развития ремесла. Как следствие, с IX в. наблюдался рост экспорта готовых изделий из Полабья. Внешняя торговля способствовала развитию славянского кораблестроения, стала стимулом для создания сети постоянных дорог на ободритских землях, а в дальнейшей перспективе, привела к возникновению первых городов на территории Славянского Полабья.

Список литературы

1. Гильфердинг, А. Ф. История балтийских славян. В 3-х ч. / А. Ф. Гильфердинг. – М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. – 704 с.
2. Bogusławski, W. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII w. / W. Bogusławski. – T. 2. – Poznań: Druk Dziennika Poznańskiego, 1889. – 997 s.
3. Grzegorzewski, J. Z kresów połabskich / J. Grzegorzewski. – Kraków: Red. «Przeglądu Powszechnego», 1885. – 83 s.
4. Hensel, W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna: zarys kultury materialnej / W. Hensel. – Warszawa: PWN, 1965. – 680 s.
5. Żak, J. Studia nad kontaktami handlowymi społeczeństw zachodniosłowiańskich ze skandynawskimi od VI do VIII w. n. e. / J. Żak. – Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1962. – 323 s.
6. Żak, J. „Importy” skandynawskie na ziemiach zachodniosłowiańskich od IX do XI wieku: streszczenie analityczno-syntetycznej części pracy habilitacyjnej / J. Żak. – Poznań: Katedra Archeologii Polski i Powszechnej Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1964. – 41 s.
7. Слаский, К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI–IX веках / К. Слаский // Скандинавский сборник. – Таллин, 1963. – Т. 6. – С. 61–95.
8. Labuda, G. Słowiańszczyzna Zachodnia i Skandynawia we wczesnym średniowieczu (IX–XII w.) // Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny Zachodniej / G. Labuda. – T. 2. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1971. – S. 107–190.
9. Kobyłecki, J. Sztuka korabnicza Słowian północnozachodnich (VIII – pocz. XIII w.) / J. Kobyłecki. – 82 s. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.srebroperuna.pl/download/korabnictwo_slowianskie_we_wczesnym_sredniowieczu.pdf. – Дата доступа: 1.03.2016.
10. Turasiewicz, A. Dzieje polityczne Obodryców: od IX wieku do utraty niepodległości w latach 1160–1164 / A. Turasiewicz. – Kraków: „Nomos”, 2004. – 311 s.
11. Herrmann, J. Austausch und Handel / J. Herrmann // Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. Bis 12. Jahrhundert / Hrsg. von J. Herrmann. – Berlin: Akademie-Verlag, 1985. – S. 126–152.
12. Рудь, М. О. До питання про генезис міст у полабсько-прибалтійських слов'ян в епоху раннього середньовіччя / М. О. Рудь // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка: Сер. Історичні науки. – 1990. – Вип. 32. – С. 70–76.
13. Kiersnowski, R. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Połabia: materiały / R. Kiersnowski. – Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1964. – 84 s.
14. Санчук, Г. Е. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов / Г. Е. Санчук // Этносоциальная структура раннефеодальных славянских государств и народностей / ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1987. – С. 97–107.

15. Dulinicz, M. Kształtowanie się Słowiańszczyzny Północno-Zachodniej: studium archeologiczne / M. Dulinicz. – Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2001. – 323 s.
16. Annales regni Francorum inde AB A. 741. us Que AD A. 829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores / post editorem G. H. Perzil; recognovit Fridericus Kurze // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi*. – Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1895. – 204 p.
17. Войтович, Л. В. Князь Рюрик / Л. В. Войтович. – Біла Церква, 2014. – (Серія “Славетні постаті Середньовіччя”. – Вип. 4). – 128 с.
18. Stanisławski, B. M. Jómswikingowie z Wolina-Jómsborga – studium archeologiczne przenikania kultury skandynawskiej na ziemię polskie / B. M. Stanisławski. – Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, 2013. – 355 s.
19. Wojtkowiak, J. Skandynawskie wpływy kulturowe w Wolinie (IX–XI wiek) / J. Wojtkowiak. – Wrocław: Wydawnictwo CHRONICON, 2012. – 162 s.
20. Verhulst, A. Craft and industrial production / A. Verhulst // *The New Cambridge Medieval History*. – Vol. 2: c. 700 – c. 900 / edited by Rosamond McKitterick. – New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 500–504.
21. Wachowski, K. Kultura Karolińska a Słowiańszczyzna zachodnia / K. Wachowski. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992. – 127 s.
22. Capitulare Missorum in Theodonis villa datum secundum. Generale // *Capitularia regvm Francorum / denvo edidit Alfredvs Boretivs. – Tomvs Primvs // Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo vsqve ad annvm millesimvm et quingentesimvm / edidit societas aperendis fontibvs rerum Germanicarum medii aevi. – Legvm section 2. – Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883. – P. 122–126.*
23. Нидерле, Л. Славянские древности / Л. Нидерле; пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хозанова; ред. А. Л. Монгайт; предисловие проф. П. Н. Третьякова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 450 с.
24. Strzelczyk, J. Po tamtej stronie Odry: dzieje i upadek Słowian połabskich / J. Strzelczyk. – Warszawa: “Księża i Wiedza”, 1968. – 288 s.
25. Strzelczyk, J. Słowianie i Germanie w Niemczech środkowych we wczesnym średniowieczu / J. Strzelczyk. – Poznań: UAM, 1976. – 303 s.
26. Łowmiański, H. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich / H. Łowmiański. – Warszawa: PWN, 1953. – 399 s.
27. Widajewicz, J. Serbowie nadłabscy / J. Widajewicz. – Kraków: L. Anczyc i Sp., 1948. – 63 s.

«БАВАРСКИЙ ГЕОГРАФ»: ПОПЫТКИ ЭТНОЛОКАЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В IX в.

В научном обороте давно известен интересный памятник с условным названием «Geographus Bavarus» («Баварский Географ»). В оригинале памятник имеет название «Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii» («Описание градов и земель на север от Дуная»). Этот текст на двух страницах был обнаружен еще в 1722 г. среди документов сборника IX в. в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, где находится и ныне (шифр Clm 560. «Descriptio» – приписка на двух страницах к тексту трактата Боэция из геометрии fol. 149v–150r). Памятник сохранился только в одном списке. Баварский герцог купил этот сборник в 1571 г. вместе с архивом антиквара Германа Шеделя (1410–1485). Первую публикацию в французском переводе сделал (то есть фактически ввел его в научный оборот) французский посол в Мюнхене граф дю Бюа в середине XVIII в. Название «Баварский Географ» памятнику дал известный польский писатель и ученый Ян Потоцкий (1761–1815) [161].

От многих других документов памятник отличается своей информационной насыщенностью. В нем содержится реестр племен, в большинстве славянских, из минимальными объяснениями, в частности с указаниями количества «градов» («civitates») у большинства племен.

Первым исследователем, сделавшим попытку выяснить происхождение и создание памятника, был известный польский славист Генрик Ловмянский (1898–1984). Согласно его выводам сохранился не оригинал, а вторая редакция, состоящая из двух частей. Первая часть (позиции 1–13) является точной копией утраченного оригинала первой редакции. В оригинале зафиксированы результаты стратегической разведки Франкской империи, служащие милитарным целям расширения влияния империи далее на север от Дуная. Вторая часть присоединена в ходе создания второй редакции, имеет географический характер, базирующийся на купеческой и миссионерской информации. По мнению польского ученого, эта редакция была создана в монастыре Св. Эммерама в Регенсбурге. Первая часть была создана около 844 г. монахом Рудольфом, автором второй части Фульденских анналов, по заказу ко-

роля Людовика Немецкого. Из Фульды документ попал в королевский двор в Регенсбурге, где после 845 г. монахи в монастыре Св. Эммерама создали вторую редакцию [136, с. 9–58].

Другие исследователи, опираясь на палеографические и кодикологические данные, утверждают, что «Описание градов и земель на север от Дуная» выглядит оригиналом, созданным в первой половине IX в. [149, с. 131–149; 67, с. 166–168].

Исходя из анализа памятника или его отдельных составляющих, датировка создания памятника разными исследователями колеблется в таких рамках: 795 г. (Лотар Драллэ [87, с. 43–44]); 817 г. (Любомир Гавлик [96, с. 282–289]); 830–840 гг. (Васил Тодор Гюзелев [21, с. 68–81]), между 833–890 гг. (Петер Раткош [56, с. 83, 94]) или вскоре после 844 г. (Вольфганг Фрице [93, с. 326–542; 94, с. 147; 95, с. 440–441]), между 866–890 гг. (Павел Йозеф Шафарик [184, с. 980–981]), в начале 70-х гг. IX века (Александр Назаренко [51, с. 35–61]). По мнению А. Назаренко, с которым трудно не согласиться, невозможно установить, является ли памятник оригинальным или копией более раннего оригинала. Согласно его выводам, памятник был создан в монастыре Рейхенау в верховьях Рейна на Боденском озере. Информацию о славянских племенах, входящих в круг интересов Великой Моравии и северо-восточных соседой этого государства, создатель памятника получил от одного из славянских апостолов – св. Мефодия или лиц из его окружения в период их пребывания в ссылке в Рейхенау, что подтверждается внесением их имен в «*liber confraternitatum*» – «книгу братства». Российский ученый также уверен, что упомянутое в документе племя Ruzzi тождественно русам, информацию о которых кирилло-мефодиевское окружение получило от созданной константинопольским патриархом Фотием около 866 г. епископии (митрополии) на Руси [48, с. 40–57; 49, с. 86–129; 50, с. 7–51; 51, с. 33–61; 53, с. 51–70].

Тщательное исследование памятника начали еще Иоахим Лелевель (1786–1861) [127; 128, с. 21–45], Павел Шафарик (1795–1861) [184, с. 979–998] и Иоганн Каспер Цейсс (1806–1856) [209]. Литература по этой проблеме практически необозрима. Наиболее основательные исследования текста принадлежат Волкеру фон Кельтшу [112, с. 507–560], Антону Краличеку [116, с. 216–235], Евгению Кухарскому [119, с. 111–125], Вольфгангу Фрице [93, с. 326–542], Генрику Ловмянскому [136, с. 9–58; 137, с. 1–22], Иоахиму Геррману [67, с. 162–169], Александру Назаренко [50, с. 13–51; 52, с. 292–295], Богдану Томенчуку [63, с. 211–219] и Леонтию Войтовичу [5, с. 818–822; 13, с. 42–62; 14, с. 12–34; 15, с. 35–66].

Памятник издавался много раз. Для удобства ниже приводим оригинальный текст памятника (по изданию С. Закшевского, сверенный с новыми изданиями [208, s. 4; 105, s. 7–9; 99, s. 220–221; 97, s. 712–713]) с нашим переводом:

**DESCRIPTIO CIVITATUM ET REGIONUM
AD SEPTENTRIONALEM PLAGAM DANUBII**

(ОПИСАНИЕ ГРАДОВ И ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕР ОТ ДУНАЯ).

(1) **Isti sunt qui propinquoires resident finibus Danaorum quos vocant Nortabtrezi, ubi regio in qua sunt civitates LIII, per duces suos patriae** (Те, которые ближе всех сидят к границам Данским, называют себя Нортабтричи; область их, в которой 53 грады, отдельно [управляется] ихними герцогами).

(2) **Uilci, in qua civitates XCV, et regions IIII** (Вильцы, у которых 95 градов и четыре области).

(3) **Linaa, est populisqui habet civitas VII** (Линони – народ, имеющий 7 градов).

(4–6) **Prope illis resident quos vocant Bethenici, et Smeldingon, et Morizani, qui habent civitates VII** (Недалеко от них сидят те, которые называют себя Бетеничи, Смелдинги и Моричане, имеющие 11 градов).

(7) **Juxta illos sunt qui vocantur Hehfeldi, qui habent civitates VIII** (Возле них сидят те, которые называют себя Гефельды и имеют 8 градов).

(8) **Juxta illos region quae vocatur Sorbi, in qua regione plures sunt quae habent civitates L** (Возле них находится область, которая называется Сорбы; в области многочисленный народ, имеющий 50 градов).

(9) **Juxta illos sunt quos vocant Talamenzi, qui habent civitates XIII** (Возле них те, которые называют себя Таламинцы и которые имеют 13 градов).

(10) **Behemare, in qua sunt civitates XV** (Бегеймары, у которых 15 градов).

(11) **Marharii, habent c ivitates XI** (Марары имеют 40 градов).

(12) **Uulgarii, regio est immensa et populus multus habent civitates V, eo quod multitudine magna ex eis sit et non sit eis opus civitates habere** (Вулгари, великая область и многочисленный народ имеют только 5 градов, так как большинство народа живет вне их, и таких образом не имеет нужды в градах).

(13) **Est populus quem vocant Merchanos, ipsi habent civitates XXX** (Есть народ, зовущийся Мереханы, у него 30 градов).

Istae sunt regions quae terminant in finibus nostris (Это области, которые граничат с нашими землями). **Istisunt qui juxta istorum fines resident** (Вот те, которые живут рядом с их границами).

(14) **Osterabtrezi, in qua civitates plusquam C sunt** (Остабтрезы, имеющие более 100 градов).

(15) **Miloxi, in qua civitates LXVII** (Милоксы, у которых 67 градов).

(16) **Phesnuzi, habent civitates LXX** (Феснучи имеют 70 градов).

(17) **Thadesi, plusquam CC urbes habent** (Тадесы имеют более 200 градов).

(18) **Glopeani, in qua civitates CCCC, aut eo amplius** (Глопяне, у которых 400 или немного больше градов).

(19) **Zuireani, habent civitates CCCXXV** (Журяне [Чуряне?] имеют 325 градов).

(20) **Busani, habent civitates CCXXXI** (Бужане имеют 231 град).

(21) **Sittici, region immensa populis et urbibus munitissimis** (Ситтичи, область в которой народу и градов без числа).

(22) **Stadici, in qua civitates DXVI** (Стадичи, в которых 516 градов и без счета людей).

(23) **Sebbirozi, habent civitates XC** (Себбирочи имеют 90 градов).

(24) **Unlizi, populus multiuse, civitates CCCXVIII** (Унличи, многочисленный народ, 418 градов).

(25) **Neriuani, habent civitates LXXVIII** (Нервяне имеют 78 градов).

(26) **Attorozi, habent CXLVIII, populus ferocissimus** (Атторочи имеют 148 [градов], народ наиболее разгнuzданный).

(27) **Eptaradici, habent civitates CCLXIII** (Ептарадичи имеют 243 грады).

(28) **Uuillerozi, habent civitates CLXXX** (Вильерочи имеют 180 градов).

(29) **Zabrozi, habent civitates CCXII** (Заброчи имеют 212 градов).

(30) **Znetalici, habent civitates LXXIII** (Знеталичи имеют 74 грады).

(31) **Aturezani, habent civitates CIII** (Атурезане имеют 104 грады).

(32) **Chozirozi, habent civitates CCL** (Хозирози имеют 250 градов).

(33) **Lendizi, habent civitates XCVIII** (Лендизи имеют 98 градов).

(34) **Thafnezi, habent civitates CCLVII** (Тэфнези имеют 257 градов).

(35) **Zeriuani, quod tantum est regnum ui ex eo cunctae gentes Sclauorum exortae sint et originem sicut affirmant ducant** (Червяне, у которых одних есть королевство и от которых все племена славян, как они утверждают, происходят и ведут свой род).

(36) **Prissani, civitates LXX** (Присяне, 70 градов).

- (37) **Uelunzani, civitates LXX** (Велунчане, 70 градов).
(38) **Bruzi, plus est undique, quam de Enisa ad Rherum** (Брусы, сюда больше, чем от Энса до Рейна).
(39) **Uuizunbeire** (Вичунбейры).
(40) **Caziri, civitates C** (Казирьы, 100 градов).
(41) **Ruzzi** (Русы).
(42) **Forsderen** (Форсдеры).
(43) **Liudi** (Лиуди).
(44) **Fresiti** (Фрезиты).
(45) **Serauici** (Серавичи).
(46) **Lucolane** (Луколяне).
(47) **Ungare** (Унгры).
(48) **Vuislane** (Висляне).
(49) **Sleenzane, civitates XV** (Слензяне, 15 градов).
(50) **Lunsizi, civitates XXX** (Лужичи, 30 градов).
(51) **Dadosesani, civitates XX** (Дадосечане, 20 градов).
(52) **Milzane, civitates XXX** (Мильчане, 30 градов).
(53) **Besunzane, civitates II** (Безунчане, 2 грады).
(54) **Uerizane, civitates X** (Веричане, 10 градов).
(55) **Fraganeo, civitates XL** (Фрагане, 40 градов).
(56) **Lupiglaa, civitates XXX** (Лупигляне, 30 градов).
(57) **Opolini, civitates XX** (Ополяне, 20 градов).
(58) **Golensizi, civitates V** (Голендзичи, 5 градов).

Еще Г. Ловмянский разделил условно памятник на две части, позиции 14–58 он отнес к трудно локализуемым названиям. По его мнению, в этой части памятника, присоединенной в ходе создания второй редакции, порядок названий в контексте был произвольным [136, s. 51; 137, s. 3]. Такой вывод позволил рассматривать любые версии без ограничений, независимо от места в контексте, а только с оглядкой на фантазию их авторов [11, с. 23]. Пользуясь этим выводом как аксиомой, ее приверженцы нередко грешат патриотическими чувствами, пытаются локализовать племена на современных территориях своих стран (в большинстве Польши или Чехии). Фактически гипотенза Г. Ловмянского в этом месте завела проблему локализации племен в тупик.

И. Геррман предложил рассматривать реестр племен за пределами границ империи Каролингов, руководствуясь зафиксированными или вероятными линиями торговых коммуникаций, принимая во внимание также возможность дублирования племенных названий [67, с. 162–169]. При идентификации племен этот путь выглядит более перспективным.

Он предлагает замену произвольных верификаций вокруг искаженных названий системой, в рамках которой поиск источниковедческих и археологических доказательств становится осмысленным.

Этот метод принял Б. Томенчук [63, с. 211–219], корректируя размещение племен вдоль путей, предложенное И. Геррманом. Однако, если принять хотя бы частично версию А. Назаренко и допустить, что текст Рудольфа или другого автора первой части был дополнен в Рейхенау информацией св. Мефодия и его сподвижников, то часть торговых направлений будут начинаться не от франкских границ или Балтики, а от границ моравских. При этом значительная часть предложений И. Геррмана и Б. Томенчука будут выглядеть сомнительными. В общем, предпочитая метод И. Геррмана методу Г. Ловмянского, локализацию племен целесообразно рассматривать блоками, принимая во внимание как торговые пути, так и границы империи Каролингов и Великоморавского государства. Нельзя также исключать возможность дублирования названий.

Вторым важным моментом является указание числа градов. Сравнение свидетельств источника с археологическими памятниками на территориях точно локализованных племен (пограничных с Франкской империей) показало, что они идентичны с бурговыми округами, то есть памятник содержит информацию о внутренней военно-политической структуре приграничных племен [67, с. 162–163]. Понятно, что для более отдаленных областей эти данные не могли быть точными. Но очень вероятно, что для этих территорий под термином «*civitates*» имелись в виду не только укрепленные поселения, но и громады-общины [64].

Не вызывает также сомнений, что названия племен часто переданы с ошибками. Однако немецкие редакторы «Баварского Географа» передавали эти названия значительно ближе к оригиналу, чем авторы византийские, которые были обязаны следовать традициям античных авторов [43, с. 198–217].

Локализация первых тринадцати племен не вызывает споров, поскольку речь идет о племенах, располагавшихся вдоль северо-восточной границы Франкской империи с севера на юг:

(1) **Nortabtzezi** [Северные ободриты, Ободричи]: в источниках упоминаются с 789 г., большая группа славянских племен, занимающая территории в нижнем течении Эльбы [184, s. 608; 157, s. 593; 117, с. 140; 197, с. 361–362; 124, s. 223–228; 79, s. 5–60; 173, s. 249–253; 94, s. 141–219; 58, с. 130–151; 59, с. 201–211].

(2) **Uilci** [Вильцы (лат. *Wilti*, нем. *Wilzi, Wulzi*), Велеты, Лютичи]: племенное объединение полабских славян на восток от *ободритов*. Ядро

этих племен размещалось между Варнавою и Одером [189, s. 153; 81, s. 71; 177, s. 217–238; 100, s. 164; 59, с. 201–206].

(3) **Linna** [Линоны или линияне]: впервые упомянуты Эйгардом под 808 г. и в «Chronicon Moissiacense» в рассказе о походе Карла, сына императора Карла Великого, против них и *смоленцев*. По П. Й. Шафарикку – *глиняне* [183, s. 723]. Племя упоминается у Адама Бременского и Гельмольда. *Линяне* размещались на правом берегу Лабы в соседстве с Битинцами и Смоленцами. В учредительном документе Гавельбергского епископства императора Оттона I (946 г.) упомянута провинция Линагга (Linagga) с градом Потлустим (ныне Путлитз) над р. Степеницей. В их земле был также град Лончин. Племя входило в объединение *ободричей* [209, s. 651; 75, s. 37; 146, s. 142; 105, s. 13–14; 181, s. 49–56].

(4) **Bethenici** [Бетеничи, Битинцы]: славянское племя, проживающее на восточном берегу нижней Лабы, южнее *глинян* и севернее *смоленцев*. Впервые упоминаются под 811 г. Исследователи спорят, в какое объединение начально входило это племя: *велетов* или *глинян*? Вероятно, позже их растворили *глиняне* [209, s. 652; 75, s. 30; 146, s. 113–115; 181, s. 49–56].

(5) **Smeldingon** [Смельдинги, Смоленцы]: славянское племя, занимающее территорию южнее *битинцев*. В 808 г. вместе с *глинянами* пристали к союзу с датским королем Готфридом и сопротивлялись наступлению Карла, сына императора франков Карла Великого. В 809 г. против них выступил союзник франков ободритский князь Дрожко, которому при помощи *саксов* удалось взять их град Semeldinconnoburg. После повторного наступления франков в 811 г. их земли были разорены, а франки соорудили здесь замок Abochi. Вопрос о более точной локализации *смоленцев* остается дискуссионным [73, s. 8–15; 178; 181, s. 49–56].

(6) **Morizani** [Моричане]: словянское племя, проживающее на правом берегу Лабы в ее среднем течении. В источниках упоминаются на протяжении 937–1114 гг. (Moritsani, Mortsani, Moraciani, Moroszani, Moresctns, Mrocini, Morkeni, Mrozini, Morazena, Morosini, Morozani, Moresini, Mrozani, Morschone) [77, s. 2; 176, s. 18–19; 199; 189, s. 108; 101, s. 34–38].

(7) **Hehfeldi** [Гевелери, Гаволяне (Hevelli)]: полабское племя, сосед *лютичей*. *Гаволяне* локализуются на р. Гавеле. Их столицей был Гавелберг (Havelberg), позднейшая Бренна (Бранденбург) [209, s. 15; 146, s. 143; 198, s. 136; 78, s. 19; 132, s. 327–334; 141, s. 12].

(8) **Sorbi** [Сорбы, Сербы]: одна из главных групп полабских славян. Упоминаются в источниках с 631 г. [92, p. 90] до конца X в., когда были

окончательно покорены немцами [60, s. 70–79; 88, s. 111; 72, s. 101; 76, s. 229; 59, с. 198–201].

(9) **Talaminzi** [Таламинцы, Делеминцы (Doleminci), Доленчани]: *делеминцы (гломачи)* – лужицкое племя, занимающее земли между р. Каменицей, притоком Мульды, р. Лабой (до Стрелы), Ползницей и Крушными горами. Входило в объединение *сорбов* [168; 202; 175, s. 79; 105, s. 18].

(10) **Beheimare** [Богемцы, Чехи, Богемы (лат. Bohemi, Baiahaeni, Voemani)]: название происходит от немецкого искажения названия *бойев* (лат. Voii), кельтского племенного этнонима (в первых столетиях нашей эры *бойи* занимали территорию Чехии, позже передвинулись в Паннонию, откуда в III в. перешли в позднейшую Ломбардию, где от них осталось название Болоньи). Этот этноним распространился на *чехов* [65, с. 120–143].

(11) **Marharii** [Моравии, Моравы]: славянские племена, которые поселились в современной Моравии и далее на восток по Вагу, Нитре и Гроне и создали в IX в. Великоморавское государство [100; 162; 163, s. 119–124; 164, s. 363; 165, s. 41; 195, s. 50–59; 136, s. 5–58; 137, s. 19; 110, s. 499–500; 111, s. 282–289; 80, s. 413–428].

(12) **Uulgarii** [Болгарии, Болгары]: *болгары-тюрки* на Балканах, в IX в. уже успешно асимилировались в славянском окружении, создав на Балканах громадное государство [44, с. 49–81].

(13) **Merchanos** [Мерехане]: это название остается дискуссионным. Значительная часть исследователей считают их дублем названия *мораван* либо их нитранской части [209, s. 452; 116, s. 216–235; 146, s. 211; 195, s. 42, 50; 196, s. 304, 309; 113, s. 88; 137, s. 10; 96, s. 282–289; 82, s. 84]. Но еще П. Й. Шафарик обратил внимание на славянское племя над р. Моравой на западе Балкан. Эту локализацию племени поддержал И. Геррман [67, с. 163]. Исходя из текста памятника, такая версия представляется правильной.

Согласно И. Геррману, во вторую группу включены племена, расположенные на торговом пути Бардовик – устье Одры. В эту группу исследователь включил только одно племя – *osterabtzezi* [67, с. 163]. Б. Томенчук предложил племена 14–25 локализовать вдоль Одерско-Висленского речного пути (Балтийское море – р. Одра – р. Нотец – р. Висла – р. Западный Буг – р. Серет – р. Днестр – Черное море) [63, с. 212–213]. Такая схема выглядит искусственной и не подтверждена археологическими материалами. Одним из ответвлений знаменитого «янтарного пути» был маршрут: Балтийское море – р. Висла – р. Западный Буг – р. Днестр (пе-

реход между Западным Бугом и Днестром в районе Плеснеска) – Черное море. А путь по реке Нотец к Висле выглядит целиком отдельным. Из Балтийского моря не было смысла через Одру и Нотец добираться к Висле. Поэтому относительно указанной части более убедительной выглядит гипотеза И. Геррмана. Кроме того, идентификация племени (поз. 14) особых дискуссий не вызывает.

(14) **Osterabtrezi** [Восточные ободриты]: из этого мощного племенного объединения между низовьями Лабы (Эльбы) на побережье Балтики выделялось племя *peregov*, центром которого был Мехлин (Mechlin) (Магнополис, Мекленбург) [109, s. 31; 70, s. 330; 114, s. 181; 122, s. 65–69].

Третью группу племен И. Геррман связывает с торговым маршрутом Магдебург – Ребус – Познань – Киев, размещая на этом пути племена 15–25 [67, с. 163]. Существование такого пути сомнительно. Рассматривая обе версии (И. Геррмана и Б. Томенчука), стоит сделать незначительную коррекцию: из Магдебурга мог существовать путь к средней Одре, откуда по р. Варте и р. Нотец можно было добраться до р. Вислы и главной артерии «янтарного пути», который заканчивался на Черноморском побережье, но не заходил в Киев. Вдоль этого пути можно попытаться разместить племена 15–25.

(15) **Miloxi** [Милоксы, Мильчане]: тождество *милоксов* с *мильчанами* довольно убедительно обосновал еще А. Краличек [116, s. 224]. *Мильчане* размещались между Лабой и Одрой над верхней Спревой (теперь Шпрее). Главным их градом был Будишин (теперь Баутцен) [75, s. 64; 202, s. 10–18; 98, s. 63; 105, s. 24]. И. Геррман считает их тождественными с племенем *Licikaviki* (средний Одер и Варта) [67, с. 164]. Племя *Licikaviki* упоминается только Видукингом в контексте войны польского князя Мешко I с саксонским наместником Вихманом и Велетами в 963–966 гг. (это упоминание повторено позже Титмаром Мерзебургским). *Licikaviki* были под властью польского князя. Их локализацию на средней Одре и Варте обосновал И. Видаевич [201, s. 85–179]. Эта версия соблазнительна, однако исходя из этимологии названия остается только гипотезой. Б. Томенчук разместил их на правом берегу Одры ближе к устью Варты без каких-либо объяснений, только исходя из собственной версии «пути» от Балтики через Одру, Варту и Нотец к Висле [63, с. 213, 219]. Этого, конечно, мало, чтобы с такой локализацией согласиться.

(16) **Phesnuzi** [Феснучі, Пешнуці?]: название племени настолько искажено, что вокруг него возникло наибольшее число различных вер-

сий относительно его размещения – от Лужиц [119, s. 120] до Нижнего Дуная [137, s. 18; 105, s. 24–25]. Была попытка даже отождествить их с *печенегами* [183, s. 178, 497] или *бежунчанами* [116, s. 226]. Из этих локализаций наиболее обоснованной выглядит гипотеза Е. Кухарского, разместившего племя в Лужицах по соседству с *милчанами*. Это вписывается и в контекст названий и в принятую «путевую» гипотезу. По соседству с *милчанами* (правда, над Вартой) поместил их и Б. Томенчук [63, с. 213, 219].

(17) **Thadesi** [Тадесы]: локализация этого племени принадлежит к наиболее дискуссионным. П. Й. Шафарик отождествил их с племенем *дзядошан* и на основании ономастических материалов локализовал в районе современного Галича [183, s. 180, 776]. Соглашаясь с ним, А. Краличек размещал племя на землях *дзядошан* силезских, опираясь на источники, в которых это племя упоминается [116, s. 226]. Согласно И. К. Цейссу, это было южнославянское племя [209, s. 615]. По Е. Кухарскому, это племя занимало южные склоны Судетов и Западных Бескидов [119, s. 6]. Ряд исследователей связывает это племя с р. Досса, притоком Гавелы, и отождествляют с локализованным здесь племенем *дошан*, которое хронист Адам Бременский упомянул как *Doxani*. Из других источников X в. известна область *Dassia* или *Desseri*, которая локализуется над верхней Гавелой [182, s. 17, 38; 105, s. 25; 149, s. 131; 150, s. 10]. Такая схема вписывается и в структуру контекста названий (возле *милчан* и *феснучи*). Противники этой локализации кроме замечаний относительно небольших размеров территории, которую занимали дошане (на этой территории нельзя разместить 200 градусов), критиковали версию и с позиций топономастики [180, s. 6; 137, s. 11–12]. Относительно количества градусов или, скорее, общин, то для более отдаленных регионов эти цифры не нужно абсолютизировать. Топономастические аргументы, без поддержки других источников, всегда оставляют проблему открытой. Б. Томенчук разместил их на берегу р. Нотец в соответствии со своим видением путей [63, с. 213, 219]. Заслуживает внимания гипотеза И. Германа, предложившего считать *Thadesi* вариантом названия *Thafnezi* [67, с. 164]. Вернемся к этой гипотезе при рассмотрении племени 34, заметив, что из всех предложенных гипотез наиболее обоснованной все же выглядит отождествление *Thadesi* с *дошанами*.

(18) **Glopeani** [Глопяне]: большинство исследователей считает их *гоплянами*, то есть племенем, населявшим район оз. Гопло либо все позднейшие Куявы с Хелминской землей. Исходя из количества градусов, это

было одно из самых больших племен региона [183, s. 180, 498; 203, s. 62; 134, s. 359; 137, s. 18; 115, s. 76–88; 144, s. 53–54; 105, s. 25–26].

Выходит так, что племена 15–17 размещались на отрезке пути между Лабой и Одрой, возможно, частично охватывая и бассейн Варты. Племя 18 размещалось на средней Висле ниже впадения Западного Буга.

Племена 19–25 размещались вдоль главной артерии «янтарного пути»: Висла – Западный Буг – Днестр.

(19) **Zuireani** [Журяне или Чуряне?, Червяне]: еще одно загадочное племя, относимое исследователями преимущественно к племенам, локализация которых невозможна. Б. Томенчук разместил их в нижнем течении Западного Буга [63, с. 213, 219]. Исходя из этимологии названия и размещения племени в контексте порядка названий «Баварского Географа», наиболее обоснованной выглядит гипотеза И. Геррмана, согласно которой *Zuireani* (19) являются дублетом *Zeriuani* (35) [67, с. 164]. Правильность этой гипотезы проанализируем при рассмотрении племени 35.

(20) **Busani** [Бужане]: кроме Г. Пашкевича, считающего *бужан* польским племенем [156, р. 63–66], все исследователи соглашаются, что «Баварский Географ» упомянул волынское племя *бужан*. Локализация *бужан* в верховьях Западного Буга, где находился их главный град Бужеск, подтвердится также летописными известиями и значительным количеством археологических материалов [3, с. 286–294; 11, с. 6–12].

(21) **Sittici** [Ситтичи, Житичи]: также принадлежат к неидентифицированным племенам. Существующие версии локализации от Житомира [183, s. 181] до Боснии [209, s. 615] являются обыкновенными верификациями. Определенную мотивацию имела попытка С. Закшевского связать их с р. Житавой, притоком Нитры [208, s. 31]. Как *житичев* их размещают также в районе устья Заале при Лабе [101, s. 156]. Все эти локализации никак не связаны с контекстом названий в «Баварском Географе». Поэтому наиболее обоснованной выглядит версия И. Геррмана [67, с. 163], поддержанная Б. Томенчуком [63, с. 213, 219]. Оба разместили их на восток от *бужан* по Днестру. Хорватские земли на левобережье верхнего и среднего течения Днестра, где позже сформировалось Стольское княжество, уничтоженное во время похода киевского князя Владимира Святославича в 981 г., а позже возникло Звенигородское княжество, были заселенным в VII–IX вв. массивом, который целиком подходит к «*области в которой народу и градов без числа*». Это племя *житичей* относилось к массиву карпатских хорватов [4, с. 49–79; 8, с. 105–112; 7, с. 38–45; 9, с. 133–146; 17, с. 71–101; 18, с. 207–254]. Воз-

можно, позже, уже в процессе распада этого объединения, оно вошло в состав Теробовельского княжества и от него взяло название *требовляне* [6, с. 195–210; 11, с. 6–39; 16, с. 13–54].

(22) **Stadici** [Стадичи]: также представлены многочисленными верификациями от Руси [183, s. 179] до срединной Боснии [209, s. 615]. Исследователи также нашли село Стадице над р. Билиной [116, s. 233] и Стадингию над нижним Везером [105, s. 28]. И здесь предпочтительней выглядит версия И. Германа [67, с. 163], поддержанная Б. Томенчуком [63, с. 213, 219], которые поместили это племя в Приднестровье. *Стадичи*, которым «Баварский Географ» насчитал 516 градусов, действительно могли проживать на густо заселенной в этот период территории позднейшего Теробовельского княжества [6, с. 195–210; 11, с. 13–39]. Даже названия *житичи* и *стадичи* полностью подходят для сельскохозяйственно-скотоводческого характера занятий здешнего населения (скотоводство здесь всегда занимало значительное место в хозяйстве).

(23) **Sebbirozi** [Себбирочи, Шеббиросы]: третье в этом ряду названий племя с очень широким диапазоном локализаций – от р. Себиры и оз. Сабро на Руси [183, s. 179] снова до срединной Боснии [209, s. 615]. Их пробовали отождествить с *северянами* [146, s. 75] либо с *сиверою* в Болгарии [108, s. 95], или саксонскими *нордальбингами* [105, s. 29]. Однако ни один из этих вариантов нельзя назвать убедительным. По И. Герману, *себбирочи* размещались на среднем Днестре [67, с. 163]. Б. Томенчук локализовал их южнее нынешней Буковины [63, с. 214, 219]. Наиболее вероятно, что это племя занимало густозаселенный массив на правом берегу Днестра в галицкой части территории карпатских хорватов. Само название слишком искажено, что делает невозможными попытки его расшифровки.

(24) **Unlizi** [Унличи, Уличи]: если отбросить фантастические вариации (Иульзен около Ганновера или Ванзлов на о. Узнам около берегов Хорватии), все исследователи связывают локализацию племени с летописными *уличами* [105, s. 30; 137, s. 13–14; 159, s. 235]. Этноним «уличи» выводят от «угличи», а последний от «угла» (местность между устьями Днестра и Дуная, которая называется Буджак, что по-тюркски означает «угол» и на самом деле так выглядит) [47, с. 235–253]. Однако *уличи* локализируются в верховьях и среднем течении Южного Буга до Днестра [45, с. 131; 62, с. 126; 57, с. 3–17; 1, с. 145–208; 2, с. 156–174; 61, с. 130–132], причём первичные поселения находились на Днестре, южнее впадения Лядовы, а Побужье было заселено в процессе позднейшей колонизации [68, с. 373].

(25) **Neriuani** [Нервяне, Нервы]: также принадлежат к племенам, чья локализация дискуссионна. И. Геррман поместил их на правобережье Днестра, южнее древлян и севернее уличей, исходя из своего варианта пути, который, по его мнению, должен был заканчиваться в Киеве [67, с. 163]. Из тех же побуждений Б. Томенчук разместил их возле устья Днестра [63, с. 214, 219]. Другие исследователи отождествляли *нервян* с *древлянами* [116, s. 220], связывали с реками на Нер-, Нур- и т. д., либо размещали аж в Боснии [209, s. 615], или просто считали мелким западнославянским племенем неизвестной локализации [137, s. 14]. Заслуживает внимания мнение Л. Нидерле, отождествившего их с *неврами* [146, s. 75]. *Невры* упомянуты Геродотом в связи с походом Дария против скифов еще в 512 г. до н. э. Часть исследователей отождествляет их с ранними протославянами [33, с. 31; 160, s. 247–268; 192, s. 57]. Их поселения локализируются археологами южнее племен *высоцкой* и *чернолесской* культур четырьмя близкими между собою районами: киево-черкасский район (тясминская, каневская и киевская группы), восточноподольский (по среднему течению Южного Буга в Винницкой области), западноподольский (в современных Тернопольской, Черновицкой и Хмельницкой областях) и волинский (север Хмельницкой области и часть Житомирской и Ровненской областей). Наиболее заселенными были первые два района [46, с. 5–102; 41; 55]. Выглядят фантастически, если действительно какая-то часть древнего населения, уцелевшего на своих первичных местах при всех трансформациях и миграциях на протяжении чуть не полторы тысячи лет (16 мая 451 г. в битве на Каталаунских полях в разноплеменной армии Атиллы, согласно свидетельству Аполинария Сидония, были *Neurees* вместе с *Bastarna* [174, s. 461], последние надежно локализованы на нижнем Дунае), сохранила свое давнее название – *невры*. В таком случае эта небольшая группа должна была бы размещаться вблизи *уличей* в верховьях Южного Буга.

Самым сложным для локализации является блок названий 26–32. Гипотеза И. Геррманна относительно их размещения «в обратном порядке» вдоль пути: устье Дуная – Днестр – Висла – Балтика [67, с. 163], подкорректированная Б. Томенчуком: Черное море – р. Дунай – р. Серет Карпатский – р. Прут – р. Днестр – р. Сан – р. Висла – Балтийское море [63, с. 214, 219], выглядит нелогичной надуманной конструкцией, особенно при наличии позиции (32), которую большинство довольно убедительно связывает с *хазарами*.

(26) **Attorozi** [Атторочи, Атторосы]: локализация этого племени остается неясной. Исследователи размещали их от Поморья до Турова на

Руси [105, s. 31–32]. П. Й. Шафарик видел в них летописных *тиверцев* [183, s. 179], что хорошо вписывается в порядок названий после *улицей* и *нервян* (нервов). Эту локализацию принимали В. Седов [61, с. 9] и другие исследователи. Приняв тождество *атторосов* с *тиверцами*, нужно отнести позицию (26) к третьей группе (торговому пути).

А. Краличек [116, s. 222], А. Брюкнер [78, s. 45], Г. Ловмянский [137, s. 15, 20] вообще считали, что это название, подобно дальнейшей номенклатуре названий, заканчивающихся на *rozi*, является мистификацией (придуманной искусственной конструкцией). Нужды в подобных мистификациях не было в любых условиях возникновения самого документа. Поэтому проследить вероятность их гипотезы практически невозможно.

Кроме того, дублетом *Attorozi* можна считать *Aturezani* [78, s. 45].

(27) **Eptaradici** [Ептарадичи]: из всех верификаций наиболее солидно выглядит версия А. Краличека, видевшего в этом названии объединение греческого *ἑπτὰ* из славянским *родичи*, то есть «семь родов» Феофана – славянских племен в Мезии за Дунаем во времена болгарской миграции [116, s. 223]. Эта версия также вписывается в порядок названий «Баварского Географа», давая основание присоединить позицию 27 к третьей группе (торговому пути).

(28) **Uuillerozi** [Вильерочи, Вилероси]: также вызвали целую цепь фантастических верификаций (над р. Булерою в Литве как *булерцы*, возле оз. Сюссер-Сее на запад от Гале, дубль *велетов* и т. д.) [105, s. 33]. В порядок названий «Баварского Географа» вписывается только версия А. Краличека, считающего их одним из наддунайских болгарских племен [116, s. 224].

(29) **Zabrozi** [Заброчи, Сабросы] и (30) **Znetalici** [Знеталичи] вообще представлены только фантастическими версиями. Если принять во внимание размещение этих племен возле *тиверцов* и предложенной локализацией племен 27–28 как придунайских болгарских племен, то можно предложить локализацию племен 29–30 в междуречьи Прута и Серета. Это могли быть дако-романские племена. Заброчи (Забросы, Сабросы) могло быть искажением названия *сабоков*. Это племя, впервые упомянутое Птолемеем, традиционно размещают в Дакии, в пользу дакийской принадлежности свидетельствует и название племени. Во II в. при Марке Аврелии и Коммодe *сабоки* тревожили римские границы, потом под влиянием кельтов и римлян мигрировали на север. Их помещают даже возле истоков Вислы и берегов Сана [209, s. 262–263; 188, s. 106–107; 210, s. 235–242; 85, s. 73, 256, 406]. Проблема эта гипотетическая. Нель-

зя исключать, что основная масса *сабоков* отошла на юг в межжуречье Серета и Прута, а может быть, даже Прута и Днестра.

(31) **Aturezani** [Атурезане, Тиверцы]: все локализации (над р. Турья на Воляни, между Карпатами и Дунаем или возле надлабского Туритца вблизи Магдебурга) [105, s. 35–36], кроме гипотезы П. Ю. Шафарика, считавшего их тождественными с *тиверцами* [183, s. 181], выглядят маловероятными.

(32) **Chozirozi** [Хозироzi, Хозары, Хазары]: также относятся к неидентифицированным названиям [105, s. 36–37]. С *хазарами* их первым связал П. Ю. Шафарик [183, s. 182]. Из всех существующих версий (в Венгрии, Тюрингии и т. д.), эта версия наиболее обоснована.

Подводя итог локализации группы племен 26–32, можно утверждать, что эта группа является продолжением предыдущей группы, связанной с основной артерией «янтарного пути». Эта группа включает тиверцев (26 и 31), болгарские придунайские (27, 28), дако-романские племена в междуречье Прута и Серета (29, 30) и хазар (32). Размещения последних информаторы детально не представляли, но знали, что они расселены где-то дальше за тиверцами.

Следующая группа племен 33–38, среди которых упоминаются *лендзяне*, *воляняне* и *пруссы*, связана с ответвлением знаменитого «янтарного пути» от границ Великоморавского государства до берегов Балтики. Именно эта, достаточно точная и объемная информация, могла быть получена от св. Мефодия и его окружения.

(33) **Lendizi** [Лендизи, Лендзяне]: старшая генерация польских историков, используя фрагмент трактата византийского василевса Константина Багрянородного «Об управлении империей», где сообщалось, что племя *Lenzenionoi* платило дань Киеву во времена регенства Ольги, пытались подвинуть пределы *лендзян* почти под Киев. В конце концов не устоял даже Г. Ловмянский. Он отказался от предыдущих взглядов и продвинул границы *лендзян* к Бугу и Стыру на Воляни [138, s. 491–493]. Эти тенденции имеют место и сегодня. Пределы *лендзян* на юге и на востоке произвольно передвигаются к верховьям Днестра и Стыра и далее, причем приверженцы этого мнения не замечают аргументов оппонентов [123, s. 9–17; 152; 153, s. 413–421; 154; 155, s. 151–165; 90, s. 135–155; 91, s. 441–455; 89, s. 23–34], а для обоснования своих выводов привлекают либо ономастические материалы (при этом такие названия, как Белз, Белзец или Тисменица однозначно относят к западославянским, то есть польским [143, s. 47–64]), либо произвольно трактуют текст Константина Багрянородного. Византий-

ский василевс, будучи кабинетным ученым, точно не знал, где находились лендзаны:

«Славяне ж, их [то есть Руси. – Л. В.] пактиоты, а именно: Кривичи (кривитеины) (Κριβιτταινοι), Лендзяне (лендзанины) (Λενζανήνοι) и другие Славинии рубят в своих горах моноксилы [лодки-однодревки. – Л. В.] во время зимы и, снарядив их, с началом весны, когда тает лед, вводят в водоемы, находящиеся по соседству. Так как эти [водоемы. – Л. В.] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту же реку и отправляются к Киеву» [35, с. 44/45].

«А фема Иавдиертим [наиболее западная часть территории правобережных печенегов. – Л. В.] находится по соседству с местностями, которые платят трибут Руси, из ультинами [уличами. – Л. В.], дервленинами [древлянами – Л. В.], лензанинами (Λενζενίνοις) и другими славянами» [35, с. 156/157]

На основании этих фрагментов легко отождествить *лендзян* с *лучанами*. *Лучане* по Стыру и Припяти могли легко доходить до Киева, принимая, таким образом, участие в торговле с Константинополем, а их южные границы могли быть доступны нападениям печенегов. Поэтому Тадеуш Василевский предложил считать этноним *лендзяне* другим названием племен волынского массива [200, s. 181–187]. Текст фрагмента не позволяет утверждать, что кочевья печенегов непосредственно граничили с землями *лендзян*, скорее последние были доступны нападениям кочевников.

Можно также допускать, что *бужане*, *волынские* и другие волыньские племенные княжества в периоды своей гегемонии брали в состав волынского племенного суперсоюза и *лендзян*, основной массив которых находился в Сандомирско-Люблинской земле. Тогда их часть могла продвинуться в бассейн Стыра и здесь, в волыньском окружении, трансформироваться в *лучан*, которые в середине X в. на короткое время могли быть гегемоном волыньского союза и участниками днепровской торговли, платящих какой-то трибут Киеву, из-за чего и попали в трактат василевса Константина VII. Именно в таком русле рассматривал эту информацию василевса Ярослав Дашкевич [22, с. 13–15; 23, с. 3–21]. Ссылаясь на еврейский историко-географический трактат «Иосиппон» (IX – начало X в.), ученый доказывал тождество названий *лендзяне* и *лучане* [24, с. 28–29]. К подобным выводам пришел и Георгий Хабургаев, опираясь на лингвистическую аргументацию [66, с. 186–187]. Первичный массив *лендзян* мог быть разрезан последующей миграцией *бужан* и *волынских*. «Баварский Географ» зафиксировал *лендзян* в их первичном

Сандомирско-Люблинском ареале, а более поздний трактат Константина Багрянородного – нахождение или перемещение части *лендзян* в бассейн Стыра, где они в волинском окружении трансформировались в *лучан* на протяжении IX – середины X в.

Подобный вывод не исключает справедливости гипотез Александра Головки, считающего, что небольшая группа *лендзян* жила в верховьях западных истоков Днепра (вероятно на территории современной Беларуси) и, не будучи каким-либо значительным этническим формированием, со временем полностью ассимилировалась восточнославянским населением [19, с. 9], и Антона Горского, считающего *лендзян* восточными *волянянами* [21, с. 276]. Впрочем, существуют также версии локализации *лендзян-лендичей* как восточных славян в бассейнах Случи, Горыни и Стыра [36, с. 4–7; 37, с. 256–270; 38, с. 47–49].

Как справедливо отметил Я. Дашкевич [24, с. 28–29], локализацию *лендзян* польская историография активно использовала для доказательства законности претензий Польши на эту пограничную территорию во время известных разграничений середины 1940-х гг., что периодически снова повторяется, невзирая на то, что подобных претензий уже нет. Но новые вариации на старые мелодии продолжают, при этом против воли их авторов все более открывая общие и близкие моменты в этногенезе обоих народов.

Южные границы *лендзян* доходили до Венгрии, но это еще не означает, что они доходили до Карпат. Находка целого венгерского кладбища X в. в Перемышле свидетельствует о том, что венгерское влияние в этом регионе могло доходить до Сандомирско-Люблинской земли. И этимология венгерского названия поляков – *lengyel* от *лендзян* – не требует наличия непосредственных границ. Достаточно было контактов через Перемышль, бывший тогда хорватским центром [32, с. 48–49]. Название его происходит от Пшемысла – имени хорватского или моравского князя (в период гегемонии Великой Моравии здесь мог сидеть моравский династ). После разгрома Великой Моравии хорватские княжества стали объектом борьбы между Чехией, Венгрией и Польшей. Польша в этот период переживала стадию формирования государственной территории. Вхождение *лендзян* в орбиту государства Мешко I сомнительно: известный документ «Dagome iudex» 991/992 г. не позволяет однозначно включать их в территорию *Civitas Schinesghe* (Гнезненского государства) [139, s. 606], дискуссия вокруг территории которого насчитывает более полторы сотни работ и далека от завершения [120, s. 419–422; 158; 194, s. 369–386; 151, s. 73–94]. В 981 г. Владимир Святославич присо-

еденил Перемышль и «червенские грады» к Киеву. Если бы эти земли были этническими территориями сандомирско-люблинских *лендзян*, то за них, безусловно, началась бы долгая борьба, в ходе которой местная верхушка поддерживала бы польскую сторону. Но этого не случилось, ибо эти земли были хорватскими [17, с. 71–101].

(34) **Thafnezi** [Тафнези, Тафнечи, Таняне]: П. Й. Шафарик и Л. Нидерле считали, что *Thafnezi* – это племя, которое жило на р. Танве, правом притоке Сана [183, s. 188, 782; 147, s. 150]. По данным «Баварского Географа» на их территории было 257 градов. Бассейн реки Танвы беден на археологические находки, что вызывало замечания исследователей. Однако практически ни на одной из территорий племен, перечисленных «Баварского Географа» в группе 14–58, не удалось найти соответствующего количества градов. Вероятно, информация все же касается приблизительного количества громад-общин. Другие варианты локализации племени *Thafnezi* (поморские, дравские, верхнедунайские) слабо аргументованы, они базируются на созвучии названий без связи с их этимологией, археологическим материалом и порядком названий у «Баварского Географа» [208, s. 52; 143, s. 64–85]. Е. Кухарский разместил *танян* на юг от *лендзян* и на север от Карпат [119, s. 118], что, по существу, не противоречит версии Шафарика-Нидерле. Гипотеза И. Германа относительно тождества *Thafnezi* и *Thadesi* может быть принята только в случае, если допустить, что редактор «Баварского Географа» ошибочно поместил *Thadesi* впереди *Glopeani* [глопьян], тогда как их нужно было поставить впереди *Zuireani* [червян].

(35) **Zeriuani** [Червяне]: существует версия их идентификации даже как черниговских *северян*. Значительное время признанием пользовалась догадка Тадеуша Левицкого, согласно которой *Zeruiani* – *сербы*, то есть нынешние лужицкие сорбы. Т. Левицкий исходил из порядка названий в контексте памятника: *Lendizi* – *Thafnezi* – *Zeruiani* – *Prissani* – *Velunzani*. Так как *Lendizi* – это лендзяне, локализованные в Сандомирской земле, а по мнению польского историка *Prissani* и *Velunzani* – искаженные названия поморских племен пуржичан и велинян, то *Zeruiani-сорбы* были помещены между средней Вислой и нижней Нотецией [130, s. 32–33; 121, s. 66–69, 83]. Уже Г. Ловмянский обратил внимание на ненадежность такой локализации [136, s. 51]. Появился еще целый ряд версий локализации от Поморья почти до устья Дуная, но ни одна из них не была убедительной.

Иван Крипякевич предлагал *Zeruiani* читать как *червяне*, то есть племя, связанное с *градами червенскими* древнейших летописей. Племенное

название червян сохранилось в Ипатьевском своде, а также отобразено в топониме Червняны (Черляны, ныне в Городецком р-не Львовской обл.) [40, с. 29, 81, 84]. Эта локализация связана и с контекстом, где сказано, что племя составляло великое «государство, что с него, как говорят, происходят все люди славянские» [в переводе А. Назаренко: «королевство настолько [большое], что из него происходят все славянские народы и ведут, за их словами, [свое] начало», что целиком корректно: «*regnit*» как «королевство» [50, с. 14, 35]. Отсюда и названия Червен и Червенские грады, информацию о которых сохранили древнейшие летописи [26, с. 135–138, в переиздании статьи: с. 75–80; 27, с. 83–100; 28, с. 71–83; 29, с. 107–124]. С червянами отождествляли этноним *Zeriuani* Й. Видаевич [203, с. 43] и Т. Лер-Сплавинский, считая это племя польским [125, с. 265]. Легко объяснить и этимологию названия в немецком искажении: *Zeruiani* = *Czeruiani* = *Czerweni* = Червяне. Этот вариант лучше других вписывается в порядок названий «Баварского Географа»: *Lendizi* – *Thafnezi* – *Zeruiani* – *Prissani* – *Velunzani* [5, с. 818–822]. Б. Томенчук разместил их в Висло-Бужском бассейне [63, с. 214], но для этого ему пришлось «переместить» волынян аж за устье Западного Буга, для чего нет никаких оснований. По И. Геррману *Zeriuani* – это носители культуры Луки Райковецкой, отождествляемой В. Седовым с *дулебами* [67, с. 166], хотя эта локализация ничем не мотивирована. В то же время гипотеза И. Геррманна, согласно которой *Zeriuani* являются дублем *Zuireani*, возражений не вызывает. Последние раскопки в Червене, которые продолжаются, позволяют утверждать о раннем вхождении этих территорий в состав Руси [206, с. 161–185; 207, с. 85–116; 71]. Видимо этому способствовала близость червян к массиву других волыньских племен.

(36) **Prissani** [Приссани, Присянцы]: Н. Карамзин [32, с. 22], Й. Добровский [86, с. 150] и А. Краличек [116, с. 220] отстаивали тождество *Prissani* = *Brzezani*. А. Крысинский выдвинул вариант: *Prissani* = *Brissani*, упомянутые Гельмольдом над нижней Гавелой [118, с. 499]. В. Войцеховский, Р. Кернсовский, Г. Ловмянский и другие историки привязывали это племя к поморским Пуржичам [113, с. 81; 136, с. 15]. Существуют еще варианты локализации племени в районе Пружан в Беларуси или Призрена на Балканах. Все они заставляют сильно исказить название источника, в зависимости от желаний исследователя. Они не принимают во внимание ни этимологии названия, ни наличия археологических памятников соответствующей эпохи и не вписываются в контекст названий «Баварского Географа».

Иходя из локализации соседних племен в контексте памятника, можно считать, что это *присане* (*приссане*, *присанцы*), то есть племя, живущее на р. Сан (искажение названия от *Zlasani* из Пражского привилея 1086 г. – *засане* (засанцы), так как формы присанцы, прикарпатцы и т. д. характерны для позднейшего времени). По данным «Баварского Географа», у них было 70 градов или громад. В районе Перемышля-Санока было почти столько же городищ [8, с. 117–118]. Центром земли *присан* был Перемышль, который в IX в. уже существовал [167, с. 38].

(37) **Uelunzani** [Велунчане, Вольняне]: польские историки и сейчас еще пытаются связать *вольнян* с поморским городом Велин (Волин). Даже известия арабского историка Абу-л-Хасана Али ал-Масуди (947) о государстве Валиняна и его короле Маджаке польские историки, а за ними и некоторые современные российские историки, склонны относить к поморскому Волину. Ал-Масуди получал информацию о восточных славянах от ал-Джарми, освободившегося из византийского плена в сентябре 845 г., и Харуна ибн Яхья, освободившегося из византийского плена около 900 г. Их информация относится к 40–80-м годам IX в. Как справедливо заметил А. Новосельцев, в IX в. Волина в Поморье не существовало. И вообще о Поморье в Византии тогда ничего и не знали [54, с. 3–17]. *Вольняне* – не гипотетическое племя из околлиц поморского города Велин (Волин), а реальное племя с Вольни, где *вольняне* засвидельствованы летописями, другими письменными памятниками и топонимами [25, с. 17–35].

(38) **Bruzi** [Брусы, Прусы]: тождество *Bruzi* и *прусы* не вызывает возражений [187; 133; 135, с. 152–179; 185, с. 9–27; 166, с. 161–183; 69, с. 513–530]. *Ятвяги*, бывшие наиболее южным из прусских племен, хоронили своих покойников под каменными курганами, ареал которых начинается в верховьях Шары и Немана [60, с. 119–122].

Сложно определить куда отнести племя 39 – исходя из вариантов его локализации оно могло относиться как к предыдущей, так и к последующей группе. И. Геррман выделил племена 40–46 в группу племен, расположенных вдоль пути: Саркел – Киев – Византия [67, с. 164, 166]. Уточнение Б. Томенчука (Балтийское море – Ладога – р. Волга – р. Десна – р. Днепр – Черное море) [63, с. 215] не может быть принято. Прямой путь *из варяг в греки* в IX в. проходил из Рижского залива Балтийского моря по р. Западная Двина – Каспль – Днепр (с единым волоком возле Хольмгарда-Гнёздова). Путь из Булгара по средней Волге и Оке сформировался уже в X в., когда после принятия мусульманства волжскими булгарами через этот регион пошла мусульманская торговля в обход

устья Волги, оставшегося под контролем хазар. А в IX в. связь Западной Европы с Хазарией проходила через Дон, в верховьях которого пребывали целые славянские массивы [12, с. 65–77]. Если информаторам «Баварского Географа» и был известен путь в Хазарию, то, естественно, из Киева через Саркел.

(39) **Uuizunbeire** [Вичунбейры] также собрали ряд фантастических локализаций (*Vidivarii* Йордана, *Veormas* Орозия, *Viarmi* короля Альфреда и скандинавских источников, *пермяки* либо *карелы*, *булгары белые* или *черные*) [105, s. 42]. Исходя из их размещения вблизи прусов заслуживает внимания вариант локализации в р-не Визны над Нарвой [118, s. 483]. Эта локализация лучше всего мотивирована и относительно названия (*uuizun* – *визна*, *bei* – *при*, *возле*, *около*), искаженного в немецкой передаче. Вариант Б. Томенчука «белая весь» [63, с. 215] с лингвистической стороны не обоснован. Приходится констатировать, что племя 39 принадлежит скорее к предыдущей группе и может быть локализовано в районе Визны над Нарвой.

Племена 40–47 лежали на пути из Хазарии через Киев к Черному морю и Византии.

(40) **Caziri** [Казиры, Хазары]: отождествление *caziri* с хазарами возражений не вызывает [105, s. 43].

(41) **Ruzzi** [Русы]: тождество *ruzzi* с русами возражений также не вызывает [50, с. 13–51; 52, с. 292–295; 53, с. 51–70]. Понятно, что Русь и русы – это днепровский Киевский каганат, недавно возникший после освобождения *полян* от верховенства *хазар* [67, с. 162–169; 9А, с. 109–117].

(42) **Forsderen** [Форсдери] и (43) **Liudi** [Лиуди, Люди?]: согласно И. Лелевелю и П. Й. Шафарику, пункты 42 и 43 – это названия разных финских племен, что принял также С. Закшевский [208, s. 60]. По И. К. Цейссу, это одно название: «Forst» – «лес», «Liudi» – «люди», то есть «лесные люди» или «древляне» [209, s. 623]. В. фон Кельтш локализовал их над днепровскими порогами, выводя название от скандинавского «fors» – «водопад» и от готских *тервингов* (Therwingi) [112, s. 507–560]. Б. Горак и Д. Травничек размещали их в Крыму [105, s. 44–45]. Объединил эти названия в одно также И. Геррман. По его гипотезе «Forsderen Liudi» – «Erste Leute», «Vorderste Leute» или «Führendes Volk» – «первые, руководящие люди» [67, 167–168]. То есть, таким образом подчеркнуто верховенство русов в приднепровском объединении – Киевском каганате. Эта версия довольно убедительна, хотя гипотеза И. К. Цейсса выглядит более аргументировано с лингвистической сто-

роны и также не противоречит размещению племен. Поэтому я склоняюсь больше в поддержку мнения И. К. Цейсса.

(44) **Fresiti** [Фрезити]: от *Fresi* [126, s. 72]. Племя помещали в Новгородской земле. П. Й. Шафарик колебался: относить их к славянам или финнам [137, s. 18]. С. Закшевский помещал их среди веси, обращая внимание на возможное тождество *Fresiti = Wariazi, Waregowie*. Он также допускал тождество *фрезитов* и *кривичей* [208, s. 60–62]. Б. Горак и Д. Травничек считали их крымскими *фризами*, то есть осколком *готов* [195, s. 44–45]. Здесь более убедительной выглядит гипотеза И. Германа, согласно которой *Fresiti* (от *Freigesessenen, Freisassen*) означают «людей, живущих на собственной земле», то есть свободных людей [67, с. 168]. Такое название немецкого редактора для далеких *полян* полностью логично. Епископ Пруденций зафиксировал в Бертинских Анналах (*Annales Bertiniani*) прибытие 18 мая 839 г. в Ингельгейм близ Майнца посольства византийского василевса Феофила. С этим посольством возвращалось на родину и посольство кагана Руси, которое через противодействие врагов не могло воспользоваться старым черноморским путем. Указание о кагане Руси является свидетельством освобождения *полян* от хазарской зависимости, о чем стало известно при дворе франкского императора [169, p. 1–12; 74, p. 23; 139, s. 130–132; 42, с. 190; 34, с. 189, 213; 186, p. 309; 145, p. 6–13]. Об этом есть упоминание и в древнейших летописях (в передаче легенды о полянской дани мечами, последние были атрибутом викингов-варягов).

(45) **Serauici** [Серавичи]: также хватает различных версий относительно их локализации: р. Зерев, приток Ужа на Вольни [183, s. 189]; околицы *Zag* между Бобром и Нейсе Лужицкой [128, p. 34; 116, s. 234]; как *Letauici* тождественны с *литовцами* либо *латишами* [119, s. 8]; на р. Серице в изборской земле [208, s. 61]; на р. Ижоре [137, s. 18]. Из этого ряда можно выделить версии И. К. Цейсса [209, s. 623] и Л. Нидерле [147, s. 186], отождествлявших *Serauici* с *северянами*, что, исходя из размещения племени в контексте названий, выглядит более логичным.

(46) **Lucolane** [Луколяне, Лучане]: размещались от района чешских осколков *лучан* в среднем течении Огры [172, s. 190] на запад от *чехов* до Лукоморья в устье Днепра [208, s. 62]. И. Геррман поместил их на юге в междуречье Южного Буга и Днестра [67, с. 163], Б. Томенчук – в нижнем течении Днепра [63, с. 215, 219]. Руководствуясь размещением племени в контексте названий, *луколян* можно поместить на среднем Днепре южнее *полян-фрезитов*.

(47) **Ungare** [Унгры, Угры, Венгры]: идентификация *ungare* с *венграмми* не вызывает сомнений. Понятно, что в середине IX в. венгры еще пребывали где-то вблизи черноморского побережья в степях между нижними течениями Днепра, Южного Буга и Днестра. Около 839 г. венгерские отряды как союзники болгар появились на Дунае [10, с. 205–206].

Племена 48–58 И. Геррман разместил вдоль торгового пути Краков – Бауцен – Эрфурт – Прага – Краков [67, с. 163]. Наверно, стоит согласиться с предложенным Б. Томенчуком уточнением этого пути как главного центрально-европейского пути, связывающего три речные системы Вислу – Одру – Эльбу с Дунаем [63, с. 215, 219].

(48) **Vuislane** [Висляне]: не возникает сомнений относительно локализации *вислян* (Верхняя Висла с притоками Нида, Нидица, Каменная, Дунаец, Раба, Скава, нижний и средний Вислок, нижний Сан) [30, с. 156–169; 31, с. 144–166].

(49) **Sleenzane** [Слензане]: этимология названия выводится от р. Сленза (Słęza), носящей теперь название Логге (Lohe), и горы Слез (Slez, теперь Sobótnie). Это лехитское племя хорошо локализуется на верхней Одре [31, с. 145–146, 150].

(50) **Lunsizi** [Лужичи, Лужици (Lusici, Lunsizi), Лужичане]: также хорошо известное племя, размещающееся южнее мильчан в позднейшей области Нижние Лужицы. *Лужичане* входили в объединение *сорбов* [175, с. 70–79].

(51) **Dadosesani** [Дадосечане, Дзядошане, Дядошани]: известны из различных источников, их локализуют в Нижней Силезии между нижним Бобром и Одрой [205, с. 142; 105, с. 50].

(52) **Milzane** [Мильчане]: также хорошо известное одно из сербо-лужицких племен, жилища которых находились на запад от Гвезды и Лабы в позднейших Верхних Лужицах [131, с. 41, 62; 197, с. 172; 202, с. 10–15; 98, с. 63].

(53) **Besunzane** [Безунчане, Бижунчани]: название, вероятно, происходит от местности Бижунец, Бижунь [105, с. 51]. Точная локализация этого сербо-лужицкого племени остается дискуссионной [106, с. 188–199; 43, с. 84; 140, с. 304–323].

(54) **Uerizane** [Веричане]: вокруг локализации этого небольшого племени также продолжается дискуссия (его связывают с р. Спревой, предлагают называть *Wkrzani* или считают одним из мелких чешских племен [105, с. 52]). Заслуживают внимания версии, связывающие их с *серадзянами* [191, с. 84–102] либо с р. Вартой (*Wierczanie – Wirczanie – вурчане*) [171, с. 19–21].

(55) **Fraganeo** [Фрагане]: согласно П. Й. Шафарику – *Fergunna* (*Hercynia silva*, то есть общее название полосы гор и леса от истоков Дуная до Карпат, скорее Крушные горы [102, s. 479]). *Fergunia*, готское *fairguni* – гора, узгорье. Согласно И. К. Цейссу – *прагане*, *пражане*, то есть жители пражской округи [209, s. 551]. Эту идею поддерживали В. Новотны [148, s. 501], В. Халупецки [83, s. 81–84], В. Ванечек [195, s. 52]. Согласно В. фон Кельтшу – *Frawengo* (от *Maegdhaland* короля Альфреда) в юго-западной Великопольше [112, s. 556]. По А. Краличеку – тождественны *амазонкам* Ибрагима ибн Якуба [116, s. 222]. С. Закшевский разместил их в краковской земле [208, s. 70]. Эту версию поддержал Б. Горак, отождествив их с *варягами* (*Waregomi*), жившими в Краковской земле [104, s. 81–84; 105, s. 52–53]. Из этих версий наиболее аргументированной выглядит версия П. Й. Шафарика – *крушняны* или *горяны*.

(56) **Lupiglaa** [Лупигляни, Глупчицы]: племя размещали над р. Лупья, в районе Еглави на Мораве, в земле Любуской либо Чехии, предлагали расшифровку названия как «*Głupie głowy*» – «дурные головы» [84, s. 3–57]. Лучше других обоснована локализация в местности Глупчицы в Верхней Силезии в бассейне рек Одры, Особлонга и Страдуни [193, s. 7–72].

(57) **Opolini** [Ополяне]: легко локализируются в верхнем течении Одры в районе Ополя [204, s. 123–154; 103, s. 127; 193, s. 7–72].

(58) **Golensizi** [Голендзичи, Голендзяне, Голеншичи]: племя локализуется в районе Олавы на границе Польши и Чехии [179, s. 53; 193, s. 7–72].

Таким образом, подводя итоги локализации племен «Баварского Географа», можно утверждать следующее:

1. Вдоль восточных границ империи франков с севера на юг точно локализируются 13 племен: *северные ободричи*, *велеты* (*лютичи*), *глиняне*, *бетинцы*, *смоленцы*, *моричане*, *гаволяне*, *сорбы-сербы*, *далеминцы*, *богемцы-чехи*, *моравы*, *болгары*, *мерехане*.

2. Вдоль одерского пути: *восточные ободричи*.

3. Вдоль пути между Лабой (Эльбой), Одром и Вислой: *мильчане*, *пешинуци(?)*, *дошане*, *глопяне*.

4. Вдоль основной артерии «янтарного пути»: *червяне*, *бужане*, *житичи*, *стадичи*, *шеббирасы(?)*, *уличи*, *нервяне*, *тиверцы* (*дважды упомянутые*), *придунайские болгары* (*ептарадичи*, *вилеросы*), *дако-романцы* (*саброрсы?* *знеталичи?*), *хазары*.

5. Вдоль второго ответвления «янтарного пути»: *лендзяне*, *таняне*, *червяне*, *присяне*, *воляняне*, *прусы*, *визняне(?)*.

6. Вдоль пути из Хазарии через Киев к Черному морю: *хазары, русы, древяне, поляне, сиверяне, луколяне, угры.*

7. Вдоль пути Висла – Одер – Эльба: *висляне, слензяне, лужичане, дядошане, мильчане, бежунчане, веричане, крушняне или горяне, глупицы, ополяне, голендзяне.*

Понятно, что локализация части племен из групп 14–58 остается дискуссионной.

Список литературы

1. Березовец, Д. Т. Поселения уличей на р. Тясмине / Д. Т. Березовец // Материалы и исследованиевания по археологии. – Вып. 108. – 1963. – С. 145–208.
2. Березовец Д. Т. Могильники уличів у долині р. Тясмина / Д. Т. Березовец // Слов'яно-руські старожитності. – Київ, 1969. – С. 156–174.
3. Войтович, Л. Етнотериторіальна підоснова формування удільних князівств Волинської землі / Л. Войтович // Волино-Подільські археологічні студії. – Т. 1. Пам'яті І. К. Свешнікова. – Львів, 1998. – С. 286–294.
4. Войтович, Л. В. “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? / Л. В. Войтович // Миколаївщина. – Т. 1. – Львів, 1998. – С. 49–79.
5. Войтович, Л. “Черв'яни” у працях І. Крип'якевича (До питання про початок державності) / Л. Войтович // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність / НАН України, Ін-т ім. І. Крип'якевича. – Т. 8: Іван Крип'якевич у родинній традиції, науці, суспільстві. – Львів, 2001. – С. 818–822.
6. Войтович, Л. Князівства карпатських хорватів / Л. Войтович // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. – Львів, 2001. – С. 195–210.
7. Войтович, Л. “Білі” хорвати чи “карпатські” хорвати? Продовження дискусії / Л. Войтович // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Вип. 8. – Дрогобич, 2004. – С. 38–45.
8. Войтович, Л. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-східної Європи раннього середньовіччя / Л. Войтович // Україна в Центрально-Східній Європі. – Вип. 4. – Київ, 2004. – С. 105–112.
9. Войтович, Л. Карпатские хорваты / Л. Войтович // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2. История. – 2005. – Вып. 1. – С. 133–146.
а. 9А. Войтович, Л. Київський каганат? До полеміки П. Толочка з О. Прицаком / Л. Войтович // Хазарский альманах. – Т. 4. – Киев-Харьков, 2005. – С. 109–117.
10. Войтович, Л. Княжа доба на Русі: Портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква, 2006.
11. Войтович, Л. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности / Л. Войтович // *Rossica Antiqua*. – 2006. – Исследования и материалы. – СПб., 2006. – С. 6–39.
12. Войтович, Л. Проблема утворення Тмутараканського князівства у світлі русько-хазарських стосунків X ст. / Л. Войтович // Хазарский альманах. – Т. 6. – Киев-Харьков, 2007. – С. 65–77.

13. Войтович, Л. «Баварський географ»: проблеми локалізації слов'янських племен / Л. Войтович // Проблеми слов'янознавства. – Вип. 57. – Львів, 2008. – С. 42–62.
14. Войтович, Л. «Баварський Географ»: спроба етнолокалізації населення Центрально-Східної Європи в IX столітті / Л. Войтович // Український історичний журнал. – 2009. – № 5. – С. 12–34
15. Войтович, Л. «Баварський Географ»: Спроба локалізації слов'янських князівств в IX столітті / Л. Войтович // *Średniowiecze Polskie i Powszechnie*. – Т. 2(6) / Red. Idzi Panić, Jerzy Sperka. – Katowice, 2010. – S. 35–66.
16. Войтович, Л. Прикарпаття в другій половині I тисячоліття н. е.: найдавніші князівства / Л. Войтович // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Вип. 45. – Львів, 2010. – С. 13–54.
17. Войтович, Л. Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного / Л. Войтович // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. – Т. 2. – Харьков, 2013. – С. 71–101.
18. [Войтович, Л.] Vojtovyč Leontij. Chrouati et altera Chrowati / Л. Войтович // *Ukrajinski Karpati: etnogeneza–arheologija–etnologija* / Priredio Jevgenij Raščenko. – Zagreb, 2014. – S. 207–254.
19. Головкин, А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой половины XIII в. / А. Б. Головкин. – Киев, 1988.
20. Горский, А. А. Баварский Географ и этнополитическая структура восточного славянства / А. А. Горский // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования*. 1997 г. – М., 1997. – С. 271–282.
21. Гюзелев, В. Баварский географ от IX в. и его значение за болгарскую историю / В. Гюзелев // *Средневековна България в светлината на нови извори*. – София, 1981. – С. 68–81.
22. Дашкевич, Я. Этнічні процеси на західноукраїнських землях IX–XI ст. До проблематики досліджень / Я. Дашкевич // *Науковий вісник Українського університету. Научный вестник Украинского университета*. – Т. 2. – М., 2002. – С. 13–15;
23. Дашкевич, Я. Українські землі в часах галицько-волинської держави (кінець X – середина XIV ст.) / Я. Дашкевич // *Пам'ять століть (Київ)*. – 2002. – № 4. – С. 3–21.
24. Дашкевич, Я. Галицько-волинські землі на перехресті орієнтацій: Захід. Русь. Схід (кінець X – середина XIV ст.) / Я. Дашкевич // *Українські землі часів короля Данила Галицького: церква і держава. Статті й матеріали*. – Львів, 2005. – С. 26–32.
25. Жих, М. До проблеми політогенези Волинської землі (VI – початок X ст.) / М. Жих // *Średniowiecze Polskie i Powszechnie*. – Т. 2 (6). – Katowice, 2010. – S. 17–35.
26. Исаевич, Я. Д. О происхождении названий Червен, Червенские города, Червоная Русь / Я. Д. Исаевич // *Доклады и сообщения Львовского отдела Географического об-ва СССР за 1966 г.* – Львов, 1969. – С. 135–138 [Исаевич Я. Україна давня і нова. – Львів, 1996. – С. 75–80].
27. Исаевич, Я. Д. До питання про західний кордон Київської Русі / Я. Д. Исаевич // *Історичні джерела та їх використання*. – Вип. 6. – Київ, 1971. – С. 83–100.

28. Исаевич, Я. Д. Территория и населения “Червенских градів” (X–XIII ст.) / Я. Д. Исаевич // Український історико-географічний збірник. – Вип. 1. – Київ, 1971. – С. 71–83.
29. Исаевич, Я. Д. “Грады Червенские” и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX – начало XI в.) / Я. Д. Исаевич // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. – М., 1972. – С. 107–124.
30. Исаевич, Я. Д. Висляне и лендзяне / Я. Д. Исаевич // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М., 1981. – С. 156–169.
31. Исаевич, Я. Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание / Я. Д. Исаевич // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 144–166.
32. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Т. 1. – СПб., 1818.
33. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Т. 2. – СПб., 1818.
34. Кирпичников, А. Н., Дубов, Л. В., Лебедев, Г. С. Русы и варяги (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени / А. Н. Кирпичников, Л. В. Дубов, Г. С. Лебедев // Славяне и скандинавы / под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 1986. – С. 189–297.
35. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. – М., 1991.
36. Конча, С. AENZANINOI Константина Багрянородного в контексті проблеми ляхів-лендзян / С. Конча // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Серія: Українознавство. – Вип. 10. – Київ, 2007. – С. 4–7.
37. Конча, С. “Лендзяни” в контексті Київської Русі / С. Конча // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. – Т. 15. – Київ, 2007. – С. 256–270.
38. Конча С. “Лендзяни” та поляни / С. Конча // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Серія: Українознавство. – Вип. 12. – Київ, 2008. – С. 47–49.
39. Королюк, В. Д. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке / В. Д. Королюк // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1952. – № 9. – С. 43–51.
40. Крип’якевич, І. Галицько-Волинське князівство / І. Крип’якевич. – Львів, 1999.
41. Кухаренко, Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю. В. Кухаренко. – М., 1961.
42. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историческо-археологические очерки / Г. С. Лебедев. – Л., 1985.
43. Литаврин, Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках / Г. Г. Литаврин // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. – М., 1976. – С. 198–217.

44. Литаврин, Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) / Г. Г. Литаврин // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 49–81.
45. Любавский, М. Историческая география России в связи с колонизацией / М. Любавский. – М., 1909.
46. Мелюкова, А. И. Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья / А. И. Мелюкова. – М., 1958.
47. Надеждин, Н. И. О положении города Пересечена / Н. И. Надеждин // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 1. – Одесса, 1844. – С. 235–253.
48. Назаренко, А. В. Об имени “Русь” в немецких источниках IX–XI вв. / А. В. Назаренко // Вопросы языкознания. – 1980. – № 5. – С. 40–57.
49. Назаренко, А. В. Имя “Русь” и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария – Австрия / А. В. Назаренко // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982 г. – М., 1984. – С. 86–129.
50. Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: Тексты, перевод, комментарий / А. В. Назаренко. – М., 1993.
51. Назаренко, А. В. Русь и Германия в X–XI вв. / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. – М., 1994. – С. 33–61.
52. Назаренко, А. В. “Хазары, русь, луколяне, венгры”: народы Восточной Европы в “Баварском географе” / А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 2000. – С. 292–295.
53. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. – М., 2001.
54. Новосельцев, А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель / А. П. Новосельцев // Вопросы истории. – 1991. – № 2–3. – С. 3–17.
55. Петренко, В. Г. Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. / В. Г. Петренко. – М., 1967.
56. Раткош, П. Великая Моравия – территория и общество / П. Раткош // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. – М., 1985. – С. 81–99.
57. Рыбаков, Б. А. Уличи (историко-географические заметки) / Б. А. Рыбаков // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Т. 35. – С. 3–17.
58. Саливон, А. Н. Самосознание ободритов (к вопросу образования раннефеодальной народности) / А. Н. Саливон // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М., 1981. – С. 130–151.
59. Санчук, Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI–X вв.) / Г. Э. Санчук // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 201–211.
60. Седов, В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / В. В. Седов. – М., 1982.
61. Седов, В. В. Русы (Древнерусская народность) / В. В. Седов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rusograd.xpomo.com. – Дата доступа: 31.01.2016.

62. Середонин, С. М. Историческая география / С. М. Середонин. – Петроград, 1916.

63. Томенчук, Б. Річкові шляхи в геополітичних зв'язках Центральної і Східної Європи доби Середньовіччя (за Баварським Географом) / Б. Томенчук // Етногенез та рання історія слов'ян: Нові наукові концепції на зламі тисячоліть. – Львів, 2001. – С. 211–219.

64. Филипчук, М. Генезис Прикарпатських городищ VIII–XIV ст. з позиції полісної структури суспільства / М. Филипчук // Тези доповідей міжнародної конференції “Еволюція розвитку слов'янських градів VIII–XIV ст. у передгір'ї Карпат”. – Львів, 1994.

65. Флоря, Б. Н. Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности / Б. Н. Флоря // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. – С. 120–143.

66. Хабургаев, Г. А. Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза / Г. А. Хабургаев. – М., 1979.

67. Херрманн, Й. Ruzzi. Forsderen Liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах “Баварского географа” (первая половина IX в.) / Й. Херрманн // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 162–169.

68. Шахматов, А. А. Повесть временных лет / А. А. Шахматов. – Петроград, 1919.

69. Antoniewicz, J. Terytoria plemienne ludów bałtyjskich w okresie starożytnym w świetle badań archeologii i hydronimii / J. Antoniewicz // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. – 1965. – № 4 (90). – S. 513–530.

70. Arnold, S. W sprawie ustrju pleminnego na ziemiach polskich / S. Arnold // Slavia Occidentalis. – T. 7. – Poznań, 1928. – S. 328–340.

71. Bagińska, J., Piotrowski, M., Wołoszyn, M. Czerwień – gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy / J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn. – 2012.

72. Bartmuss, H. Die Geburt des ersten deutschen Staates / H. Bartmuss. – Berlin, 1966.

73. Bathe, M. Die Sicherung der Reichsgrenze an der Mittelelbe durch Karl den Grossen / M. Bathe // Sachsen und Anhalt. – T. 16. – 1940. – S. 8–15.

74. Boba, I. Nomads, Northmen and Slavs. Eastern Europe in the ninth century / I. Boba. – Wisbaden, 1967.

75. Bogusławski, W. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej / W. Bogusławski. – T. 2. – Poznań, 1890.

76. Brachmann, H. Slawische Stämme am Elbe und Saale / H. Brachmann. – Berlin, 1975.

77. Brückner, A. Die slavischen Ansiedelungen in der Altmark und in Magdeburgischen / A. Brückner. – Leipzig, 1879.

78. Brückner, A. O nazwach miejscowych / A. Brückner // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. – T. 64. – Kraków, 1935. – № 2. – S. 16–25.

79. Bulin, H. Počátky statu bodrického / H. Bulin // Pravne historické studié. – T. 7. – 1958. – S. 5–60.

80. Bulin, H. Stare Slovensko v údajich t. zv. Bavorskeho geografa / H. Bulin // *Historický Časopis*. – T. 6. – 1958. – S. 413–428.
81. Bulin, H. Německý přínos k dějinám polabských slovanů / H. Bulin // *Vznik a počátky slovanů*. – D. 3. – Praha, 1958. – S. 3–74.
82. Bulin, H. Z diskuse o počátcích velkomoravské říše / H. Bulin // *Slavia Occidentalis*. – T. 22. – Poznaň, 1962. – S. 81–98.
83. Chaloupecký, V. Kniže svaty Václav / V. Chaloupecký // *Česke časopis historický*. – T. 47. – Praha, 1946. – S. 22–84.
84. Dąbrowski, J. Studia nad początkami państwa polskiego / J. Dąbrowski // *Rocznik Krakowski*. – T. 34. – Kraków, 1958. – Z. 1. – S. 3–57.
85. Detschev, D. Die thrakischen Sprachreste / D. Detschev. – Wien, 1957.
86. Dobrovski, J. Die Sloven stamme auf der Nordseite der Donau / J. Dobrovski // *Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst*. – T. 18. – 1827. – № 92–93. – S. 140–165.
87. Dralle, L. Slaven an Havel und Spree / L. Dralle // *Studien zur Geschichte des hevellisch-wilzischen Fürstentums (6. bis 10. Jahrhundert)*. – Berlin, 1981. – S. 34–48.
88. Eichler, B. Studien zur Frühgeschichte slawischen Mundarten zwischen Saale und Neise / B. Eichler // *Detsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte*. – T. 19. – 1965. – S. 101–114.
89. Florek, M. Topografia plemienna Międzyrzecza Wieprza i Bugu na przełomie I i II tysiąclecia i zagadnienie “Grodów Czerwiańskich” w swietle źródeł pisanych i archeologicznych / M. Florek // *Pogranicze polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu na Lubelszczyźnie / Skarby z przeszłości*. – Lublin, 2009. – S. 23–34.
90. Fokt, K. Chorwacja Północna – między rzeczywistością, hipotezą a legendą / K. Fokt // *Acta Archeologica Carpathica*. – T. 38. – Kraków, 2003. – S. 135–155.
91. Fokt, K. Zagadka plemion z nad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru / K. Fokt // *Przegląd Historyczny*. – T. 45. – Warszawa, 2004. – S. 441–455.
92. *Fredegarii Chronicon* // Krusch B. *Fredegarii et aliorum chronica*. – Hannover, 1888.
93. Fritze, W. H. Die Datierung des Geographus Bavarus und die Stammesverfassung der Abodriten / W. H. Fritze // *Zeitschrift für slavische Philologie*. – Bd. 21. – Heft. 2. – Berlin, 1952. – S. 326–542.
94. Fritze, W. Probleme der obodritischen Stämme und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zur Herrschaft / W. Fritze // *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale, und Oder* / Hrsg. H. Ludat. – Giesen, 1960. – S. 141–219.
95. Fritze, W. H. Frühzeit zwischen Ostsee und Donau: Ausgewählte Beiträge zum geschichtlichen Werden imö Mitteleuropa vom 6. bis zum 13. Jahrhundert / W. H. Fritze. – Berlin, 1982.
96. Havlík, L. Moravané v údajích franko-bavorského Descriptia / L. Havlík // *Historický Časopis*. – R. 7. – Bratislava, 1959. – S. 282–289.
97. Hellmann, M. Karl und die slawische Welt zwischen Ostsee und Böhmerwald / M. Hellmann // *Karl der Grosse, Lebenswerk und Nachleben* / Hrsg. W. Braunsfels. – Bd. 1. – Düsseldorf, 1965. – S. 712–719.

98. Helbig, H. Die slawische Siedlung im sorbischen Gebiet / H. Helbig // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. – Giessen, 1960. – S. 27–64.
99. Hermann, E. Slawisch-germanische Beziehungen im südostdeutschen Raum von der Spätantike bis zum Ungarnsturm: Ein Quellenbuch mit Erläuterungen / E. Hermann. – München, 1965.
100. Herrmann, J. Siedlung. Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder–Neisse und Elbe / J. Herrmann. – Berlin, 1968.
101. Hessler, W. Mitteldeutsche Gaue des frühen und hohen Mittelalters / W. Hessler. – Berlin, 1957.
102. Hirst, H. Die Urheimat der Indogermanen / H. Hirst // Indogermanische Forschungen. – № 1. – 1892. – S. 464–485.
103. Hołubowicz, W. Śląsk w epoce wspólnoty pierwotnej / W. Hołubowicz // Historia Śląska. – T. 1. – Cz. 1. – Wrocław, 1960. – S. 34–144.
104. Horák, B. Fraganeo / B. Horák // Časopis společnosti přátel starožitnosti. – T. 55. – Praha, 1947. – Čs. 3–4. – S. 81–84.
105. Horák, B., Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský geograf) / B. Horák // Rozpravy Československé akademie věd. Rada společenských věd. – T. 66. – 1956. – Z. 2. – S. 2–79.
106. Jecht, R. Erste Erwähnung der Oberlausitz der Gau Besunzane und die urbs Busine sind gleich dem Orte Biesnitz an der Landeskronen / R. Jecht // Neues Lausitzisches Magazin. – № 96. – Görlitz, 1920. – S. 188–199.
107. Jecht, R. Die Besitzverhältnisse und die Besitzer der Oberlausitz von 1067–1158 / R. Jecht // Neues Lausitzisches Magazin. – № 106. – Görlitz, 1930. – S. 167–178.
108. Jireček, K. Dějiny národa bulgarského / K. Jireček. – Praha, 1876.
109. Kadlec, K. O politycznym ustroju Słowian, zwłaszcza zachodnich. Początki kultury słowiańskiej / K. Kadlec. – Kraków, 1912.
110. Kavlik, H. K otázce národnosti na území Velké Moravy / H. Kavlik // Historický Časopis. – T. 5. – 1957. – S. 491–510.
111. Kavlik, H. Moravané v údajích franko-bavorského Descriptia / H. Kavlik // Historický Časopis. – T. 7. – 1959. – S. 282–289.
112. Keltsch, V. von. Der bairische Geograph / K. von Keltsch // Alpreussische Monatschr. – Vol. 23. – 1886. – S. 507–560.
113. Kiersnowski, R. Plemiona Pomorza Zachodniego w świetle najstarszych źródeł pisanych / R. Kiersnowski // Slavia Antiqua. – T. 3. – 1951–1952. – S. 73–130.
114. Koczy, L. Skławanja Adama Bremeńskiego / L. Koczy // Slavia Occidentalis. – T. 12. – Poznań, 1933. – S. 181–253.
115. Kowalenko, W. Przewłoka na szlaku żeglugowym Warta–Gopło–Wiśła / W. Kowalenko // Przegląd Zachodni. – R. 8. – 1952. – № 5–6. – S. 76–88.
116. Kraliček, A. Der sogenannte bairische Geograph und Mahren / A. Kraliček // Zeitschrift der Vereins für die Geschichte Mährens und Schlesiens. – T. 2. – 1898. – S. 216–235.
117. Krogmann, W. Obodriti / W. Krogmann // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – T. 65. – 1938. – S. 136–148.

118. Krysiński, A. Pomorze pleminne w swietle przekazy t. zw. Geografa Bawarskiego / A. Krysiński // *Materiały Zachodnio-Pomorskie*. – T. 7. – 1961. – S. 479–508.
119. Kucharski, E. Polska w zapisce karolińskiej zwanej niewlasciwie “geografem bawarskim” / E. Kucharski // *Pamiętnik IV powszechnego Zjazdu historyków polskich*. – T. 1. – Lwów, 1925. – S. 111–125.
120. Kürlisówna, B. Dagome iudex – stadium krytyczne / B. Kürlisówna // *Początki państwa polskiego. Księga Tysiąclecia* / Red. K.Tymieniecki. – T. 1-2. – Poznań, 1962. – S. 419–422.
121. Labuda, G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów słowiańszczyzny / G. Labuda. – Warszawa, 1961.
122. Labuda, G. Organizacje państwowe Słowian zachodnich w okresie kształtowania się państwa polskiego (od VI do połowy X wieku) / G. Labuda // *Początki państwa polskiego*. – T. 1. – Poznań, 1962. – S. 61–69.
123. Labuda, G. Narodziny polsko-ukraińskiej granicy etnicznej – w polskiej historiografii / G. Labuda // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu*. – Rzeszów, 1996. – S. 9–17.
124. Lehr-Splawiński, T. Obodriti – Obodrzyce / T. Lehr-Splawiński // *Slavia Occidentalis*. – T. 18. – Poznań, 1947. – S. 223–228.
125. Lehr-Splawiński, T. Najstarsze nazwy plemion polskich w obcych źródłach / T. Lehr-Splawiński // *Język Polski*. – T. 41. – Kraków, 1961. – S. 252–267.
126. Lehr-Splawiński, T. Fresiti / T. Lehr-Splawiński // *Słownik Starożytności Słowiańskich*. – T. 2. – Cz. 1. – Wrocław–Warszawa–Kraków, 1964. – S.72–73.
127. Lelewel, J. Winulska Sławiańszczyzna z Geografa bawarskiego / J. Lelewel // *Tygodnik Wileński*. N 47-50. – 1816. – № 47–50.
128. Lelewel, J. *Geographie du moyen-age* / J. Lelewel. – T. 3–4. – Breslau, 1852.
129. Lelewel, J. *Geographie du Moyen Age III* / J. Lelewel. – Bruxelles, 1852.
130. Lewicki, T. Leizike Konstantina Porfirogenety / T. Lewicki // *Roczniki Historyczne*. – T. 32. – Poznań, 1956. – S. 28–35.
131. Lippert, W. Über die Anwendung des Namens Lausutz auf die Oberlausitz im 14. Jh / W. Lippert // *Neues Archiv für sächsische Geschichte und Altertumskunde*. – T. 15. – Dresden, 1894. – S. 41–62.
132. Ludat, H. Beiträge zur brandenburgischen Namenkunde. 1. Der slavische Namen der Havel / H. Ludat // *Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte*. – T. 48. – Leipzig, 1936. – S. 327–334.
133. Łowmiański, H. Stan badań nad dziejami dawnych Prusów / H. Łowmiański. – Olsztyn, 1947.
134. Łowmiański, H. Kilka uwag krytycznych o początkach Polski / H. Łowmiański // *Roczniki Historyczne*. – T. 18. – Poznań, 1949. – S. 359–421.
135. Łowmiański, H. Stosunki polsko-pruski za pierwszych Piastów / H. Łowmiański // *Przegląd Historyczny*. – T. 41. – 1950. – S. 152–179.
136. Łowmiański, H. O pochodzeniu Geografa bawarskiego / H. Łowmiański // *Roczniki historyczne*. – 1951–1952. – R. 20. – S. 9–58.

137. Łowmiański, H. O identyfikacji nazw Geografa bawarskiego / H. Łowmiański // *Studia Źródłoznawcze*. – T. 3. – 1958. – S. 1–22.
138. Łowmiański, H. Początki Polski / H. Łowmiański. – T. 4. – Warszawa, 1970.
139. Łowmiański, H. Początki Polski / H. Łowmiański. – T. 5. – Warszawa, 1973.
140. Nalepa, J. Biezuńczenie, nazwa i położenie / J. Nalepa // *Pamiętnik Słowiański*. – T. 4. – Kraków, 1954. – S. 304–323.
141. Nalepa, J. Obła, Oblica, Oblisko. Pierwotna nazwa rzeki Havel i jej derywatyw / J. Nalepa // *Språgliga Bidrag. Meddelanden från seminarierna i slaviska språk ... vid Lunds Universitet*. – T. 2. – 1957. – № 9. – S. 3–15.
142. Nalepa, J. Z badań nad nazwami plemiennymi u Słowian Zachodnich. Thafnezi Geografa Bawarskiego / J. Nalepa // *Dobnicy Arsbok. 1957–1958*. – Lund, 1961. – S. 64–85.
143. Nalepa, J. Prapolski bastion toponimiczny w Bramie Przemyskiej i Łędzanie / J. Nalepa // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu*. – Rzeszów, 1996. – S. 47–64.
144. Natanson-Leski, J. Zarys granic i podziałów Polski najstarszej / J. Natanson-Leski. – Wrocław, 1953.
145. Nelson, J. L. The Annals of St-Bertin / J. L. Nelson // *Ninth-century histories*. – T. 1. – Manchester, 1991. – P. 6–13.
146. Niderle, L. Slovanské starožitnosti / L. Niderle. – D. 3. – Praha, 1912.
147. Niderle, L. Slovanske starožitnosti / L. Niderle. – D. 4. – Praha, 1924.
148. Novotný, V. České dějny / V. Novotný. – T. 1. – Cz. 1. – Praha, 1912.
149. Nový, R. Die Anfänge des böhmischen Staates / R. Nový. – Bd. 1. – Praha, 1969.
150. Nový, R. Die Slawen in Deutschland / R. Nový. – Berlin, 1972.
151. Nowak, P. „Dagome iudex” w „Zbiorze kanonów” kardynała Deusdediva / P. Nowak // *Studia Źródłoznawcze*. – T. 51. – 2013. – S. 73–94.
152. Parczewski, M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni / M. Parczewski. – Kraków, 1991.
153. Parczewski, M. Badania nad kulturą wczesnosłowiańską / M. Parczewski // *Archeologia i prahistoria polska w ostatnim półwieczu* / Pod red. M. Kobusiewicza i S. Kurnatowskiego. – Poznań, 2000. – S. 413–421.
154. Parczewski, M. Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet / M. Parczewski. – Bd. 1. – Kraków, 2001.
155. Parczewski, M. Problem Łędzian a kształtowanie się polsko-ruskiej rubieży etnicznej / M. Parczewski // *Civitas Schinesghe cum pertinentiis* / Red. W. Chudziak. – Toruń, 2003. – S. 151–165.
156. Paszkiewicz, H. The Origin of Russia / H. Paszkiewicz. – London, 1954.
157. Perwolf, J. Slavische Völkernamen / J. Perwolf // *Archiv für slavische Philologie*. – T. 7. – 1884. – S. 587–615.
158. Pieskorski, J. M. Civitas Schinesghe. Mieszko I i początki państwa polskiego / J. M. Pieskorski. – Poznań, 2004.
159. Pilař, O. Dilo neznámého bavorského geografa / O. Pilař // *Historická geografie*. – T. 12. – 1974. – S. 205–282.

160. Plezia, M. Neurowie e swietle historiografii starożytnej / M. Plezia // Przegląd Zachodni. – T. 8. – 1952. – № 5–6. – S. 247–268.
161. Potocki, J. Fragment historiques et géographiques sur Scythie, Sarmatie et les Slaves / J. Potocki. – Brunsvic, 1796.
162. Poulik, J. Stároslovanská Morava / J. Poulik. – Brno, 1948.
163. Poulik, J. Jižní Morava, země dávných Slovanu / J. Poulik. – Brno, 1948–1950.
164. Poulik, J. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti “Valy” u Mikulá / J. Poulik // Památky archeologické. – T. 48. – 1957. – S. 357–369.
165. Poulik, J. Velká Morava ve světle nejnovějších archeologických objevů / J. Poulik // Velká Morava – Tisíci letá tradice státu a kultury. – Praha, 1963. – S. 36–47.
166. Powierski, J. Najważniejsze nazwy etniczne z terenu Prus i niektórych obszarów sąsiednich / J. Poulik // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. – 1965. – № 2(88). – S. 161–183.
167. Przemysl w starożytności i średniowieczu. – Rzeszów, 1966.
168. Radig, W. Der Burgberg Meissen und der Slavengau Daleminzien / W. Radig. – Augsburg, 1929.
169. Riasanovsky, V. J. The Embassy of 838 revisited: Some comments in connection with a “Normanist” source on Early Russian history / V. J. Riasanovsky // Jarbücher für Geschichte Osteuropas. – T. 10. – 1962. – P. 1–12.
170. Rospond, S. Dzieje polszczyzny śląskiej / S. Rospond. – Katowice, 1959.
171. Rudnicki, M. Spór o zapis Geografa Bawarskiego z IX w. “Verizane” / M. Rudnicki // Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. – Poznań, 1956. – № 3. – S. 19–21.
172. Rudnicki, M. Geograf Bawarski w oświetleniu językoznawczym / M. Rudnicki // Z polskich studiów slawistycznych. – T. 1. – Warszawa, 1958. – S. 187–197.
173. Rudnicki, M. Nazwy Słowian połabskich i lużyckich u Geografa Bawarskiego z IX wieku / M. Rudnicki // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate. – Poznań, 1959. – S. 249–253.
174. Seek, O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt / O. Seek. – T. 6. – Anhalt-Stuttgart, 1921. – S. 453–464.
175. Schlesinger, W. Die Verfassung der Sorben / W. Schlesinger // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. H. Ludat. – Giesen, 1960. – S. 70–79.
176. Schröder, A. Grundzüge der Territorialentwicklung der anhaltischen Lande von den ältesten Zeiten / A. Schröder // Anhaltische Geschichtsblätter. – T. 2. – Dessau, 1926. – S. 16–29.
177. Schuldt, E. Die Ausgrabungen im Gebiet der “2 Alten Burg” vom Sukov, Kreis Teterow / E. Schuldt // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg: Jahrbuch 1963. – Meklenburg, 1963. – S. 217–238.
178. Schultze, J. Die Prignitz / J. Schultze // Aus der Geschichte einer märkischen Landschaft. – Köln-Graz, 1956.
179. Semkowicz, W. Geograficzne podstawy Polski Chrobrego / W. Semkowicz. – Kraków, 1925.

180. Spal, J. Iména západních Slovanů u Geografa Bavorského / J. Spal // *Slavia*. – T. 24. – 1955. – № 1. – S. 3–16.
181. Sułowski, Z. Bethenici et Smeldingon, przyczynek do krytyki Geografa bawarskiego / Z. Sułowski // *Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Lowmiańskiego*. – Warszawa, 1958. – S. 49–56.
182. Sułowski, Z. Najstarsze dokumenty biskupstwa hobolińskiego / Z. Sułowski // *Roczniki Historyczne*. – T. 19. – 1959. – S. 15–67.
183. Szafarzyk, P. J. Słowiańskie starożytności / P. J. Szafarzyk. – T. 2. – Poznań, 1844.
184. Šafařík, P. J. Slovanské Starožitnosti / P. J. Šafařík. – T. 2. – Praha, 1837.
185. Ślaski, K. Stosunki Prusów z innymi ludami nadbałtyckimi w VII–XII wieku / K. Ślaski // *Rocznik Olsztyński*. – T. 5. 1963 r. – Olsztyn, 1965. – S. 9–27.
186. Treadgold, W. *The Byzantine Revival 780–842* / W. Treadgold. – Stanford, 1988.
187. Toeppen, M. *Historischcomparative Geographie von Preussen* / M. Toeppen. – Gota, 1858.
188. Tomaschek, W. *Die alten Thraker, Eine ethnologische Untersuchung* / W. Tomaschek // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse*. – T. 128. – Wien, 1893. – S. 101–127.
189. Trautmann, R. *Die slawischen Ortsnamen Meklenburgs und Holsteins* / R. Trautmann. – Berlin, 1950.
190. Trávníček, F. *Moravské nářečí* / F. Trávníček. – Praha, 1926.
191. Tymieniecki, K. Kim byli “Uerizane” Geografa Bawarskiego / K. Tymieniecki // *Slavia Antiqua*. – T. 5. – 1954–1956. – S. 84–102.
192. Tymieniecki, K. Uwagi do dyskusji w sprawie autochtonizmu Słowian / K. Tymieniecki // *Księga pamiątkowa dla uczczenia 60 lat pracy naukowej Jana Czekanwskiego*. – Wrocław, 1964. – S. 51–67.
193. Tyszkiewicz, J. Z badań nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem górnego dorzecza Odry. Pierwotne brzmienie i umiejscowienie Lupiglaa i Golensizi tzw. Geografa Bawarskiego / J. Tyszkiewicz // *Studia z dziejów osadnictwa*. – T. 1. – Warszawa, 1963. – S. 7–72.
194. Urbańczyk, P. *Mieszko Pierwszy Tajemniczy* / P. Urbańczyk. – Toruń, 2012.
195. Vaněček, V. *Prvních tisíc let* / V. Vaněček. – Praha, 1949.
196. Vaněček, V. *Staré Čechy 8–9. stol.* / V. Vaněček // *Slavia Antiqua*. – T. 2. – 1949/1950. – Z. 2. – S. 301–314.
197. Vasmer, M. *Der Name der Obodriten* / M. Vasmer // *Zeitschrift für slavische Philologie*. – T. 16. – Heidelberg–Leipzig, 1939. – S. 361–362.
198. Volz, W. *Der ostdeutsche Volksboden* / W. Volz. – Breslau, 1926.
199. Wentz, G. *Das Bistum Brandenburg* / G. Wentz. – Berlin, 1937.
200. Wasilewski, T. Dulebowie – Łędzianie – Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych and Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku / T. Wasilewski // *Przegląd Historyczny*. – R. 67. – 1976. – № 2. – S. 181–187.
201. Widajewicz, J. *Lilikaviki Widukinda* / J. Widajewicz // *Slavia Occidentalis*. – T. 6. – Poznań, 1927. – S. 85–179.
202. Widajewicz, J. *Serbowie nadłabscy* / J. Widajewicz. – Kraków, 1948.

203. Widajewicz, J. Początki Polski / J. Widajewicz. – Warszawa, 1948.

204. Wojciechowski, Z. Najstarszy ustrój plemiennie-szczepowy i administracja do roku 1139 / Z. Wojciechowski // Historia Śląska od najdawniejszych czasów do roku 1400. – T. 1. – Kraków, 1933. – S. 123–154.

205. Wojciechowski, Z. Uwagi nad powstaniem Państwa Polskiego I Czeskiego / Z. Wojciechowski // Przegląd Zachodni. – 1951. – № 1–2. – S. 137–151.

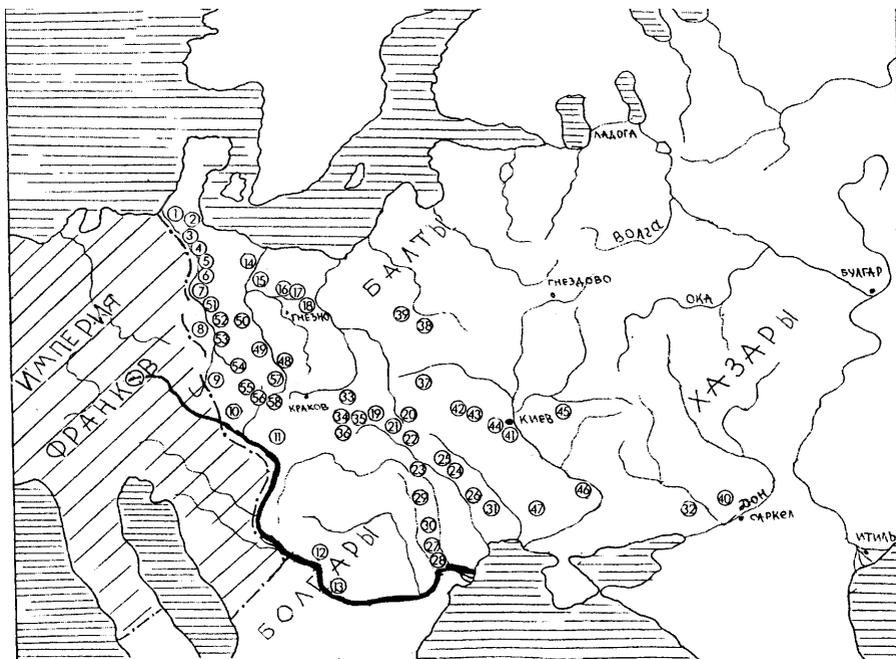
206. Wołoszyn, M. Polsko-ruskie pogranicze w X-XIII w.: perspektywy badań archeologicznych / M. Wołoszyn // Краеугольный камень: археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. – Москва–Ломоносов, 2010. – С. 161–185.

207. Wołoszyn, M. Grody Czerwieńskie i problem wschodniej granicy monarchii perwzych Piastów. Stan i perspektywy badań / M. Wołoszyn // Studia and dawna Polska. – T. 3. – Gniezno, 2013. – S. 85–116.

208. Zakrzewski, S. Opis grodów i terytoriów z północnej strony Dunaju czyli t. zw. Geograf Bawarski / S. Zakrzewski. – Lwów, 1917.

209. Zeuss, K. Die Deutschen und ihre Nachbarstämme / K. Zeuss. – München, 1837; – 2 Aufl. – Heidelberg, 1925.

210. Županić, N. K vprašanju izvora kostobokov in Sabokov / N. Županić // Niederlufv sborninik. – Praha, 1925. – S. 235–242.

Карта. Центрально-Восточная Европа в IX по «Баварскому Географу»

«ОТЦОВСТВО» В ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Именованье «отцом», уподобление отцу, или, наоборот, сыну – наиболее яркая и семантически наполненная метафора древнерусских летописей, в первую очередь – Киевской летописи. Пожалуй, ни один средневековый текст не может похвастаться столь многочисленными и разнообразными формами отождествления с отцом или сыном, как этот источник. Именно неоднородность репрезентации поставлена во главу угла в данной статье, где рассматриваются как исключительно текстологические, так и этикетные, а также политические особенности употребления разных форм этой метафоры.

Летописные эпизоды, содержащие именованье отцом или сыном, часто используются при построении теорий политического развития Древней Руси [1–5] и в сравнительных текстологических исследованиях [6], однако сам по себе этот феномен не получил достаточного освещения.

Обращения

Одной из наиболее частых и распространенных форм отождествления лица, не являющегося родителем, с отцом, или лица, не являющегося прямым потомком в первом поколении, с сыном, в древнейших русских летописях является обращение в составе прямой речи [7]. Оно может состоять как из одинарных терминов: «отец», «сын», так и парных: «брат и отец», «брат, сын». За исключением одного случая (речь Ростислава Юрьевича к Изяславу Мстиславичу [8, стб. 373]), прямое именованье «отцом» или «братом и отцом» используется в тех ситуациях, когда родной отец говорящего уже умер (следует учитывать, что и прямая речь княжичей, чей отец еще жив и является активным действующим лицом в политических перипетиях, приводится в летописи сравнительно реже, чем взрослых князей).

С регулярностью упомянутые обращения используются в княжеских речах к дядьям (как к дяде по отцу – *стрыю*, так и к дяде по матери – *ую*) и племянникам (в нескольких случаях их употребление сопровождается заключением договора «быть отцом и сыном»); а так-

же в речах к тестю, настоящему или будущему, зятю или близкому родственнику супругов, причем контекст такого обращения чаще всего не содержит никаких дополнительных указаний на причину использования этого обращения: договор, обряд или что-то иное. В повествовательном тексте летописи, соседствующем с прямой речью, содержащей обращения, используются термины, обозначающие реальные действующие связи между князьями, участвующими в диалоге или пересылке речами: «уй», «стрый», «сыновец», «сестричич», или же «тесть», «зять», что может быть связано с тем, что употребление терминов «отец», «сын» здесь отражает особенности межкняжеского этикета.

Использование обращений «отец» и «сын» между дядей по отцу и племянником очевидно связано с социальной практикой заключения договоров между братьями о заботе о детях в случае смерти одного из участников договора [9, с. 75–77], о чем свидетельствует диалог Юрия Владимировича и его племянника Владимира Андреевича: «азъ... хрсть цѣловаль на томъ, аѣко кто сѧ наю встанеть, то тыи будетъ вбоимъ дѣтемъ ѿцѣ» [8, стб. 487–488], сопровождавший именование Владимира «сыном» в речи Юрия [8, стб. 487; 9, с. 77]. Также известен договор, заключенный между Вячеславом Владимировичем и его взрослым племянником – Изяславом Мстиславичем [8, стб. 417–418; 9, с. 78; 10]. Но чаще всего обращения «отец» и «сын» между дядей и племянником дополнительно летописцем никак не комментируются, большинство из них (включая приведенные выше) относятся к центральной части повествования Киевской летописи и касаются братьев Вячеслава и Юрия Владимировичей и их племянников, Изяслава и Ростислава Мстиславичей. Эти ситуации несколько отличаются, так как Юрий Владимирович был единокровным, но не родным братом отца Изяслава и Ростислава Мстиславичей – Мстислава Владимировича. Также обращение «отец» к дяде по отцу можно видеть и в речи Олега Святославича к Ярославу Всеволодовичу (Ольговичей).

Племянник по сестре Изяслава Мстиславича, Святослав Всеволодович, называет своего уя (брата матери) «отцом», а тот его – «сыном», и это хронологически первый случай использования вертикальной метафоры в обращении в Киевской летописи. Еще один эпизод, в котором используется термин «отец» в обращении к ую – послание Владимира Ярославича Всеволоду Юрьевичу, брату его матери, Ольги.

Таблица 1

Термины «отец», «сын» в обращениях между дядей и племянником

Святослав Всеволодович и Изяслав Мстиславич	Дядя по матери и племянник	Отец, сын [8, стб. 343]
Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич	Дядя и племянник	Отец, сын, брат, «брат и сын» [8, стб. 397–99, 400, 402, 417–418, 420, 428, 459, 469]
Юрий Владимирович и Изяслав Мстиславич	Дядя и племянник (дядя – единокровный брат отца)	«Брат и сын», брат [8, стб. 380, 394]
Вячеслав Владимирович и Ростислав Мстиславич	Дядя и племянник	«Господин отец», отец; сын, «брат и сын» [8, стб. 422, 428, 470–471 и др.]
Юрий Владимирович и Ростислав Мстиславич	Дядя и племянник (дядя – единокровный брат отца)	Сын, отец [8, стб. 477, 479]
Юрий Владимирович и Владимир Андреевич	Дядя и племянник	Сын (Владимир) [8, стб. 487–488]
Всеволод Юрьевич и Владимир Ярославич	Дядя и племянник (сын сестры)	«Отец господин» (Всеволод) [8, стб. 667.]
Олег Святославич – Ярославу Всеволодовичу	Племянник дяде	Отец (Ярослав) [8, стб. 692–693]

«Отец» – не единственное обращение к дяде (или «сын» – к племяннику) в древнейших летописях, также используется термин «брат», например, в речах Изяслава Мстиславича Юрию Владимировичу и Мстислава Изяславича – Владимиру Мстиславичу [8, стб. 394, 535], обе ситуации объединяет неполное родство дяди и отца племянника (отец племянника – единокровный брат дяди), враждебные отношения на момент диалога и близкий возраст. Термины «стрый», «уй», «сыновец», «сестричич» не встречаются в Киевской летописи как обращения между князьями, однако появляются в этом качестве уже в Галицко-Волынской летописи, продолжающей ее в Ипатьевском списке [8, стб. 883, 911]. Обращение «отец» к родному отцу встречается в тексте Киевской летописи три раза, два из них – слова Андрея Юрьевича к Юрию Владимировичу (один раз в сочетании с термином «господин»: «вѣдѣ, гнѣ, помани слово писаное») [8, стб. 391–392, 444], а также в обращении Игоря Святославича к Святославу Всеволодовичу [8, стб. 616].

Обращения «отец», «сын» характерны для диалогов зятя и тестя (а также для тех случаев, когда тесть приходится зятю еще и дядей) и других родственников супругов, причем эта особенность касается не только Киевской летописи, но также Новгородской первой (НПЛ) и Галицко-Волынской (ГВЛ) летописей. Никаких дополнительных указаний на причину, по которой оказываются выбраны обращения «отец», «сын», например, заключение соглашения, связанного с использованием этих терминов или другие подробности, не приводятся.

Как видно из диалогов Изяслава Мстиславича и Гезы II, «отцом» может называться не только отец жены, но и ее старший брат, однако в этом случае возможно и обращение «брат». На употребление термина «отец» к старшему брату жены в летописи указывал С. М. Соловьев [1, с. 14], предполагая, что это обозначает переход мужа в род жены. В упомянутых текстах термины «зять» и «тесть» никогда не используются в качестве обращений.

Таблица 2

Термины «отец», «сын» в обращениях между родственниками супругов

Изяслав Мстиславич и Геза II	Старший брат жены и муж младшей сестры	Отец (старший брат жены), брат; сын (супруг младшей сестры) [8, стб. 407 (поклон), 408, 450, 444, 446, 448, 450–451, 452]
Рюрик Ростиславич и Роман Мстиславич	Зять и тесть (а также двоюродный дядя и племянник)	Отец и сын [8, Стб. 684]
Мстислав Мстиславич и Ярослав Всеволодович (НПЛ)	Зять и тесть	Сын (зять – Ярослав) [13, стб. 54]
Мстислав Мстиславич и Даниил Романович (ГВЛ)	Зять и тесть	Сын (зять – Даниил) [8, стб. 752]
Котян и Мстислав Мстиславич (ГВЛ)	Дед жены	Отец (Котян) [8, стб. 732]
Роман Михайлович и Владимир Василькович (ГВЛ)	Тесть и зять	«Господин отец» (Роман) и сын (Владимир) [8, стб. 874]
Владимир Глебович (сын Глеба Юрьевича) – Святославу Всеволодовичу (Лаврентьевская летопись)	Дядя жены и муж племянницы	Отец [12, стб. 395]

Традиция использования терминов близкого родства в качестве обращений к более широкому кругу родственников и свойственников находит подтверждение и в более поздних материалах петровского времени – согласно исследованию бытовой переписки А. Г. Кречмер, бедность репертуара обозначений родства объясняется именно «полисемантической и полифункциональностью» номинации братец/сестрица, тетушка/дядюшка, дедушка/бабушка, которые «используются для номинации как ближайших кровных родственников, так и дальних и даже свойственников (например, сестрица для обозначения золовки/невестки) [11, с. 40].

Указание на родство в составе прямой речи

Помимо обращений, отождествление с отцом в диалоговой части Киевской летописи (тексты середины – второй половины XII века, повествующие о деятельности Изяслава и Ростислава Мстиславичей, Рюрика Ростиславича) может принимать форму прямого указания на вертикальную связь и часто содержит сравнительный элемент.

Таблица 3

Сравнения в указаниях на родство в составе прямой речи

«ако мнѣ Гюрги вѣць, тако мнѣ и ты вѣць» [8, стб. 395]	Глеб Юрьевич – Изяславу Мстиславичу	Двоюродные братья
«ты еси Ростиславу снѣ любимыи тако же и мнѣ» [8, стб. 470]	Вячеслав Владимирович – Святославу Всеволодовичу	Сын племянницы (Мстиславны) Вячеславу и племянник (сын сестры) Ростиславу
«како мнѣ снѣ, братъ твои Изаславъ, тако ми ты» [8, стб. 422]	Вячеслав Владимирович – Ростиславу Мстиславичу	Племянник (сын брата)
«и снѣомъ имѣю собѣ, аекоже и первое имѣль» [8, стб. 688]	Рюрик Ростиславич – Роману Мстиславичу	Зять и тесть, двоюродный дядя и племянник

Как мы видим, нередким элементом в такой конструкции является указание на конкретное лицо (находящееся или ставящееся на необходимую позицию родства): Глеб Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу, что он «такой же отец», как и его родной отец Юрий (однако не использует напрямую термин «отец» в обращении к Изяславу, так как его родной отец еще жив), в речи же Вячеслава мы видим отождествление одного неродного «сына» (племянника) – Изяслава

с другим – Ростиславом, также как указание на положение «сына» Святослава Всеволодовича по отношению к Ростиславу Мстиславичу и Вячеславу Владимировичу, ни один из которых не является его родным отцом.

Подчеркнутое упоминание о вертикальном родстве в составе диалогов может иметь более краткую форму и содержать перечисление двух или трех лиц, это касается как прямого указания на родного отца (сына): «Братъ ваю, а мои щѣ тако рекль» [8, стб. 331] (слова Мстислава Изяславича Владимиру и Изяславу Давыдовичам о его родном отце Изяславе Мстиславиче, не являющегося Давыдовичам братом), так и указания на искусственное «отцовство»: «нѣнѣ же, брате, и моему снѣви и твоему Мьстиславоу тако сѧ потѣкло, ажъ възить оу Волговичъ» [8, стб. 695] – Рюрик Ростиславич в диалоге с Всеволодом Юрьевичем о Мстиславе Романовиче (дядя и племянник, зять и тесть). Еще один пример указания на искусственное родство – в словах Гезы II Владимиру Мстиславичу о Изяславе Мстиславиче о его родном брате: «вѣцю моему и своему брату поклонишис Изяславу» [8, стб. 407].

Использование конкретных имен («какo мнѣ снѣ братъ твои Изяславъ, тако ми ты») характерно для подобного рода указаний на искусственное родство, так, в Галицко-Волынской летописи Мстислав Данилович (родной сын Даниила Романовича) говорит двоюродному брату Владимиру Васильковичу: «ты же ми братъ, ты же ми щѣ мои, Данило король» [8, стб. 912], а также близки к формулам, которые используют горожане по отношению к князю, например, новгородцы в речи к Изяславу Мстиславичу, содержащей упоминание его отца и деда: «ты нашъ кнѣзь, ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ» (здесь место термина родства занимает термин, обозначающий статус – «князь») [8, стб. 370; 9, с. 434].

Также мы видим в летописных текстах два примера, где в составе прямой речи князей говорится о третьем лице, которое называется «отцом» автора или адресата. Своим «отцом господином» называет Роман Мстиславич Всеволода Юрьевича (своего двоюродного дедушку, близкого по возрасту его отцу, Мстиславу) в послании Рюрику Ростиславичу: «и речъ Романъ к Рюрикови: ‘То оуж еси крѣтъ целоваль? Пошли ты моуж своегъ ко свату своему, а æ слю своегъ моуж ко вѣцю и гнѣоу великому кнѣзю Всеволоду’» [12, стб. 419].

Кроме того, союзные князья Святослава Ольговича советуют ему переместиться ближе к «отцу», Юрию Владимировичу: «вни же ре-

коша кнѣже... поиди в лѣсноую землю и ѿтоудѣ ти са близь слати къ ѡцю своемуу Гюргеви» [8, стб. 334], что может быть связано как с существованием особого договора между князьями, так и с тем, что уже было достигнуто соглашение о браке дочери Юрия и сына Святослава, Олега, и тогда «отцом» назывался отец невесты по отношению к отцу жениха. Сам Юрий использует в обращении термин «брат» [8, стб. 339–340].

Указанный выше случай не единственный, когда термины вертикального родства «отец», «сын» употреблялись между родителями жениха и невесты. Так, в Новгородской первой летописи мы встречаем предложение мира в послании Всеволода Юрьевича к Мстиславу Мстиславичу (Всеволод приходился Мстиславу двоюродным дедом) в разгар конфликта, где термины родства используются перформативно, как модель будущего взаимодействия: «Ты ми еси сынъ, а язъ тѣбе – отецъ; пусти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседель, исправи; язъ гость пускаю и товаръ» [13, с. 51]. Здесь указание на искусственное родство является частью мирного договора, но не может быть рассмотрено как попытка показать доминирующее положение «отца» Всеволода, так как в плену у «сына» Мстислава находится его родной сын – Святослав. На выбор терминов, очевидно, повлияла разница в возрасте и в счете поколений Мстислава и Всеволода, а также, вероятно, заключение договоренности о браке (между сыном Всеволода Юрьевича, Ярославом, и дочерью Мстислава Мстиславича), которое должно было состояться вслед за этим предложением, а, возможно, являлось его непосредственной частью. Также не исключено, что такое указание на искусственное родство является краткой формой предложения заключить договор «отцовства» (которые будут рассмотрены далее), ср., например, со схожим предложением Изяслава Мстиславича Вячеславу Владимировичу: «ты ми буди въ ѡца мѣсто, поиди сѣди же в Киевѣ» [8, стб. 386], где после предложения «быть в отца место» следует изложение конкретных условий.

Сравнение с отцом

Помимо указания на искусственное родство с упоминанием конкретного лица по отношению к говорящему («какo мнѣ снѣ браг твои Изяславъ, тако ми ты» [8, стб. 422]) в летописи можно видеть сравнение с отцом (или сравнение действия с должным поведением по отношению к отцу – «плакать как по отцу») без прямого называния лица этим термином и без указания на существующую метафорическую вертикальную связь.

Сравнение с отцом, плач как по отцу

«Приде же вѣсть Рюрикови в смрти Романовѣ и печални бывше и <u>плакашася по немъ, аки по вѣи</u> , бѣ бо ихъ старѣи...»	Рюрик Ростиславич – о Романе Ростиславиче [8, стб. 617–618]	Родные братья
«слышав же Гюрги и Ёрославъ... и <u>плакаша по немъ плачемъ вельми, акы по вѣи и по братѣ любимѣмъ</u> ...»	Смерть Константина Всеволодовича [12, стб. 444]	Родные братья
«а са тобѣ, брате, кланяю, тако право есть ако то и молвиши: ' <u>ты мнѣ еси аѣко вѣи</u> ...'»	Слова Юрия Владимировича брату Вячеславу (цитата) [8, стб. 430].	Родные братья
«Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, занеже ми брат и зять <u>старей меня яко отецъ</u> »	Изяслав Мстиславич о Всеволоде Ольговиче [8, стб. 323].	Брат старшей сестры о ее супруге (в составе указания на родство, где он называется старшим братом, братом и зятем)
«а се ми есть аѣко <u>вѣи стрѣи</u> »	Изяслав Мстиславич о Вячеславе Владимировиче до заключения договора [8, стб. 397]	Дядя и племянник
«стрѣи и ми <u>еси аѣко вѣи</u> »	Ростислав Мстиславич – о Юрии Владимировиче [8, стб. 477]	Дядя и племянник
«снѡвѡць ваю Сѡславъ (имеется в виду Изяслав. – М. Л.) <u>акы ѡ ваю роженъ</u> »	Андрей Юрьевич к отцу с просьбой об Изяславе Мстиславиче [стб. 392]	Дядя и племянник

Как видно, значительная часть таких сравнительных оборотов касается отношения младших братьев к старшему, причем в обращении между ними используется термин «брат». Сравнение плача по погибшему старшему брату с плачем по отцу, по всей видимости, относится скорее к традиционным формам летописного описания ритуала погребения, чем к использованию форм метафорического родства и не зави-

сит от сложившихся отношений при жизни, как в случае оплакивания Константина Всеволодовича. Большой интерес представляет сравнительный оборот в словах Изяслава Мстиславича к дружине касательно его отношений с Всеволодом Ольговичем: «Всеволода еси имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять, старѣи мене аѣко ѿць» [8, стб. 323], где Всеволод сначала ставится в место старшего брата, а затем его старшинство (не столько политическое, сколько возрастное) сравнивается со старшинством отца.

Таким образом, опираясь на политический авторитет и военную мощь мужей своих сестер, Мстиславен, Изяслав и по отношению к мужу младшей сестры и по отношению к мужу старшей сестры использует термин «брат», но в первом случае этот термин заменяется на обращение «сын» при личной встрече (Геза II и в переписке и при личных переговорах называет Изяслава «отцом»), а во втором случае присутствует сравнительный оборот, характерный для описания отношений с братьями: «старше как отец».

Также обращает на себя внимание сравнение стрья с отцом (дяди по отцу): «стрый ми яко отец», причем в отношениях Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича оно встречается до заключения соглашения быть «отцом и сыном». Единственной формой сравнения с сыном, без прямого называния этим термином можно считать выражение, содержащееся в просьбе Андрея Юрьевича к родному отцу Юрию Владимировичу: «снѡвецъ ваю Стѡславъ (имеется в виду Изяслав. – М. Л.) акы ѿ ваю рожень» [8, стб. 392]. Ранее он назывался «сыном и братом», просто «братом» Юрия [8, стб. 380].

Договоры быть отцом и сыном

Наиболее сложной и подробно описанной формой уподобления отцу лица, не являющегося родителем, является заключение договора «быть отцом и сыном». Как уже упоминалось, Киевская летопись содержит ретроспективное упоминание о договоре между братьями Андреем и Юрием Владимировичами, которое последний вспоминает в разговоре с сыном Андрея, Владимиром (термин «сын» здесь используется и в обращении): «азъ... хрѣтъ цѣловаль на томъ, аѣко кто са наю встанеть, то тыи будеѣ ѡбоимъ дѣтемъ ѿць» [8, стб. 488; 9, с. 77–78].

Также детально изображен обряд между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем [8, стб. 417–418; 9, с. 77–78], а позже – между Ростиславом Мстиславичем и Вячеславом. При этом использование обращения «отец» по отношению к дяде со стороны Изяслава появляется в летописи еще до произнесения слов самого договора и сразу после

предложения Изяслава его заключить, о чем становится известно со слов Вячеслава: «Изаславъ ми то молвити: «ты ми буди въ ѿца мѣсто, поиди сади же в Киевѣ» [8, стб. 386]. Далее Изяслав уже именуется им «сыном»: «аче ти ма оубити, снѣу...» [8, стб. 397]. После описания крестоцелования между князьями термин «отец» появляется и в тексте повествования: «Изаславъ же поклонивса стма мчнѣкома и ѿцо своему Вячеславу, и реѣ ему...» [8, стб. 399–400, 402, 417–419 и др.], иногда термины «стрый» и «отец» соседствуют как в диалоговой, так и в повествовательной части летописи: «положити чѣтъ на стрѣи своемъ и на ѿци своемъ» [8, стб. 422] (в остальных случаях при описании отношений дяди и племянника в тексте повествования фигурируют термины «стрый», «сыновец» даже при использовании обращений в прямой речи «отец», «сын»).

Летопись сообщает о двух клятвах между дядей и племянником: в первой князья публично обещают быть друг другу «отцом» и «сыном», после второй Изяслав называется Вячеславом не только «сыном», но и «братом». Важным элементом договора можно считать упоминание о том, что родной отец Изяслава уже мертв, также как и сын Вячеслава: «а чо ми Бѣ ѿца моего Мистислава ѿѣлъ, а ты ми еси ѿцѣ» (Изяслав Мстиславич), «аже дѣши: «ты мои еси ѿцѣ», а ты мои и снѣ, оу тебе ѿца нѣту, а оу мене снѣ нѣтуть, а ты же мои снѣ, ты же мои братъ» (Вячеслав Владимирович) [8, стб. 417–418].

Также летопись содержит предложение Вячеслава Владимировича к Ростиславу Мстиславичу, рассмотренное выше («какo мнѣ снѣ, браг твои Изаславъ, тако ми ты» [8, стб. 422]), где указывается на то, что особые родственные отношения, связывающие Вячеслава и Изяслава, переносятся на Ростислава. Этого краткого предложения достаточно для того, чтобы Вячеслав начал называться «отцом» по отношению к Ростиславу в тексте повествования [8, стб. 437, 470–472], а в качестве обращений между князьями – термины «отец», «сын», «брат, сын». После смерти Изяслава князья торжественно заключают договор о продолжении родственных отношений «отца» и «сына»:

«Снѣ, се оуже въ старости есмь, а радовъ всих не могу радити, а, снѣ, даю тобѣ, ажоже браг твои держаль и радиль, тако же и тобѣ даю, а ты ма имѣи ѿцѣмъ, и чѣтъ на мнѣ держи, ажоже и браг твои Изаславъ чѣтъ на мнѣ держаль и ѿцѣмъ имѣлъ» (Вячеслав Владимирович).

«Велми радъ, гнѣ ѿчѣ, имѣю та ѿцѣмъ гнѣомъ, ажоже и братъ мои Изаславъ имѣлъ та, и въ твоеи воли былъ» (Ростислав Мстиславич) [8, стб. 470–471].

Остальные упоминания о договорах быть «отцом» или «сыном» более кратки и не всегда ясно, насколько полно они были осуществлены. С этой точки зрения интересна просьба Ярослава Владимировича Изяславу Мстиславичу после внезапной смерти его родного отца, Владимира Володаревича (противника Изяслава Мстиславича), принять его как сына, также начинающаяся с упоминания о смерти родного отца: «аче Бѣ ѿца моего пональ (в Хлебниковском списке: взял. – М. Л.), а ты ми буди въ ѿца мѣсто... Прими ма, аѿко сна своего Мъстислава, такоже и мене: ать ездить Мъстиславъ подлѣ твои стремянь по ѿдиной сторонѣ тебе, а аѿ по другой сторонѣ подлѣ твои стремянь ѣждю всеми своими полкъ» [8, стб. 465].

Предложение стать «сыном» в речи Ярослава содержит сравнение с конкретным лицом – ситуацию, схожую с уже разобранными нами ранее («како мнѣ снѣ, братъ твои Изяславъ, тако ми ты»), но здесь оно присутствует не в форме указания на уже существующую связь, а в форме предложения занять позицию, соответствующую определенному родственному статусу: «как Мстислав (родной сын адресата. – М. Л.) ездит у одного правого стремени, так и я буду ездить у другого» [8, стб. 465].

Также говорится о заключении договора между Святославом Владимировичем и Святославом Ольговичем: «И на томъ целова хрѣтъ Володимиричъ къ Стѣславу, аѿко имѣти ему его въ ѿца мѣсто, и въ всеи воли его ему ходити и тако възвортишася въ своаеси» [8, стб. 509].

В диалогах Андрея Юрьевича и братьев Рюрика, Романа и Мстислава Ростиславичей (двоюродные дядя и племянники) ретроспективно говорится о «наречении» Андрея Ростиславичами «отцом себе»: «Брате, въ правду та нарекли есмы ѿцѣмъ собѣ и крѣтъ есмы цѣловали к тобѣ и стоимъ въ крѣтъномъ цѣлованѣ, хотаче добра тобѣ...» [8, стб. 570]; «мы та до сихъ мѣсть акы ѿца имѣли по любви» [8, стб. 573] при этом братья используют обращение «брат», Андрей же и вовсе избегает использования обращения: «река тако» [8, стб. 570–573]. По всей видимости, это одна из первых ситуаций внутри рода Мономаховичей (во всяком случае, первое из известных летописных свидетельств), когда договор быть «отцом и сыном», будучи заключен или предложен, оказывается расторгнут. Вероятно, именно этот прецедент послужил появлению хронологического измерения метафорического родства – возможности его окончания, а также восстановления, как, например, в словах Рюрика Ростиславича Роману Мстиславичу: «и снѣмъ имѣю собѣ, аѿкоже и первое имѣлъ» [8, стб. 688].

«Наречение» отцом, по словам А. Я. Голяшкина, подчеркивает производный характер «отцовства», его договорную природу, связанную не с возрастным или политическим старшинством, а с признанием других князей [2, с. 256]. Однако примеры такого «наречения», помимо упоминания об отношениях между Андреем Юрьевичем и Ростиславичами, не слишком многочисленны. Для этих эпизодов характерны обобщения группы лиц – «реципиентов». Так, рязанские князья поставили себе «отцом» Ростислава Мстиславича: «Ростиславъ Мъстиславичъ, Смоленский кнѣзь, цѣлова хрѣтъ съ брагѣю своею, съ Рязанскими кнѣзи на всеи любви. вни же вси зраха на Ростислава, имѣахути и ѿцѣмъ собѣ» [8, стб. 482], а полочане обещают «яко имети отцом» Святослава Ольговича: «прислашася Полотчане къ Стѣславу Сѣлговичю с любовью аeko имѣти ѿцѣмъ собѣ и ходити в послушаньи его и на томъ целоваша хрѣтъ» [8, стб. 445].

В Галицко-Волынской летописи упоминается о «наречении» Владимира Васильковича «отцом» Войшелка [8, стб. 862–863], что может быть связано как с особой формой покровительства, так и с процессом примирения Войшелка с разными линиями Романовичей – незадолго до этого он выдал свою сестру замуж за Шварна Даниловича. Можно предположить, что подобное «наречение» происходило и между рязанскими князьями и Всеволодом Юрьевичем, что и послужило дальнейшему именованию Всеволода «отцом господином» [12, стб. 403], однако сам Всеволод называет рязанских князей – своих союзников – только «братьями» [12, стб. 401]. По всей видимости, термин «сын» является частью более личных отношений и менее связан с покровительством подобного характера.

В отца место

Для древнерусских летописей характерно использование выражения «быть въ ѿца мѣсто», например, в словах Бориса по отношению к Святотополку (единокровные братья) в «Повести временных лет», где также упоминается о смерти родного отца: «аще и ѿцѣ ми оумре, то съ ми буди въ ѿца мѣсто» [12, стб. 132]. Там же встречается аналогичное предложение Владимира воеводе Ярополку – Блуду, это единственный случай использования такой метафоры по отношению к лицу, не обладающему княжеским или духовным статусом в летописи: «кимѣти та начну въ ѿца мѣсто своегѣ» [8, стб. 64], а также в завещании Ярослава: «да ть вы будеть въ мене мѣсто» [8, стб. 150], в словах иностранных союзников Изяслава Мстиславича Вячеславу и Юрию Владимировичам: «вы намъ есте въ ѿца мѣсто» [8, стб. 387], в речи Святослава Всеволодовича Ольговичам:

«а нынѣ а вамъ во вѣдѣ мѣсто всталъ.» [8, стб. 618]. Такие выражения используются как в составе договоров «быть отцом и сыном» (например, предложение Изяслава Мстиславича Вячеславу Владимировичу [8, стб. 386], описание договоренности между Святославом Владимировичем и Святославом Ольговичем [8, стб. 509]), так и в составе выражений, обобщающих дружеские, родственные отношения [8, стб. 323].

Схожую формулировку можно видеть в летописи и без упоминания об «отцовстве»: «иже въскорѣ оумре ту, и посади в него мѣсто брата его Стополка» [8, стб. 163], «хотать оубити, любо ати во Игоря мѣсто» [8, стб. 345]. Близкие выражения можно встретить в исландских сагах: «ek vera þér í sonar stað» («я буду тебе в место сына») [14, р.75], «Kom nú í stað Álfs» («Поступай ко мне (в дружину. – М. Л.) на место Альва») [15, р. 643].

Представляют интерес два летописных употребления терминов «отец», «сын», мало схожих с описанными ранее и используемых в паре с термином «брат». Во-первых, это обращение Ростислава Юрьевича к своему двоюродному брату, Изяславу Мстиславичу – «брат, отец»: «Ростиславъ же емоу то вѣвѣча: «Брате и вѣѣ, ако ни в оумѣ своемъ, ни на срѣци ми того не было» [8, стб. 373]. В свою очередь Изяслав называет его просто «братом» [8, стб. 372], что характерно для обращений между двоюродными братьями в равной степени, как и между родными.

Как мы уже говорили, во всех остальных ситуациях термин «отец» не используется при живом родном отце, и даже при применении метафорического сравнения «как отец» его существование подчеркивается: «ако мнѣ Гюрги вѣѣ, тако мнѣ и ты вѣѣ»), а при заключении договора «быть отцом» упоминается о смерти родного отца «а чо ми Бѣ вѣѣ моего Мистислава вѣѣ»).)

И хотя Ростислав использует парный термин «брат и отец», несколько размывающий значение вертикальной метафоры, поставленной на второе место, употребление такого обращения, по-видимому, было экстраординарным шагом и соответствовало той уникальной ситуации, в которой оказался Ростислав, отказавшийся подчиняться указаниям своего родного отца и перешедший в лагерь его противника. Подвергнувшись подозрениям в том, что он по-прежнему действует в пользу своего родного отца, княжич должен был всячески оправдываться и заверять в том, что он действительно не имеет никаких намерений действовать во вред Изяславу, чему и послужил выбор обращения «брат, отец», призванный

продемонстрировать, что его родной отец словно бы больше не существует для Ростислава.

Несколько неожиданным оказывается появление пары «брат и сын» в посланиях Святослава Всеволодовича Всеволоду Юрьевичу, который приходился Святославу четвероюродным братом, а также двоюродным дядей через Мстиславну – его мать. Первый раз это обращение приводится в речи князя во время конфликта, когда у Всеволода в заложниках находится сын Святослава, Глеб: «Стѡслав же посла попа своаго ко Всеволодоу, река: ‘Брате и снѡу, много ти есмь добра твориль и не чаеъл есмь сажого возмеда ѿ тебе’» [8, стб. 619]. Послание остается без ответа, и князья разъезжаются.

После последовавшего следом примирения, а также заключения брака между Мстиславом Святославичем (братом Глеба) и сестрой жены Всеволода, князья организуют совместный поход на Волжскую Булгарию, инициированный Всеволодом Юрьевичем, в согласии на участие в котором Святослав Всеволодович снова называет его «братом и сыном»: «...и поусту к нему снѡ своего Володимѣра, рекъ емоу: ‘Даи Бѣ, брате и снѡу, во днѣи нашѣмъ намъ створити брань на поганыа’» [8, стб. 625].

На основании чего Святослав использует обращение «брат и сын»? Как было показано выше, часто племянника называют «сыном» или «сыном и братом» дяди, здесь же Святослав сам является двоюродным племянником Всеволоду, хотя старше суздальского князя по возрасту. Еще одна связь двух князей прослеживается через союз Болеславы, дочери Святослава Всеволодовича и Владимира Ярославича, сына Ольги Юрьевны, родной сестры Всеволода. Как видно, брак Мстислава и свояченицы Всеволода никак не изменил выбор обращения, как и смена отношений с враждебных на дружественные. Вероятно, следует рассматривать это термины в сравнении с уже упомянутым обращением Юрия Владимировича к Изяславу Мстиславичу «брат и сын». В обеих ситуациях между князьями не действует никаких договоров, их реальное родство небезупречно – Юрий Владимирович был лишь единокровным братом Мстислава Великого, возраст их был примерно одинаков. Те же нюансы можно отметить и в отношениях между Святославом Всеволодовичем и Всеволодом Юрьевичем – родство между ними двоюродное, сам Святослав находится в положении племянника и четвероюродного брата, но старшего возрастом, Юрий Владимирович (отец Всеволода) и Мстислав Владимирович (дед Святослава) – единокровные, а не родные братья.

Возможно, все эти особенности и послужили тому, чтобы использовать парное обращение, расширяющее узкое значение каждого из тер-

минов: Всеволод Юрьевич не был ни сыном, ни братом Святославу, но в послании, предлагающем мир, было уместно акцентировать внимание на родстве в целом, каким бы путанным оно не было.

Подводя некоторый итог, хотелось бы сказать, что несмотря на условность и взаимопроницаемость выделенных нами форм использования метафоры вертикального родства, предложенный обзор позволяет выявить некоторые закономерности: наибольшее количество обращений «отец» и «сын» встречаются в диалогах между дядей и племянником, а также между зятем и тестем, при описании положительного отношения младших братьев к старшему уместно сравнение с отцом, но не использование этого термина в качестве обращения. При заключении договора «быть отцом и сыном» возможно использование различных фраз, указывающих на отсутствие родного «отца» или «сына» и сравнивающих новый родственный статус князя с тем, кто занимал его прежде в прямом или метафорическом смысле. Указание на родство в составе прямой речи часто содержит те же термины, что и обращения между князьями, но порой к ним добавляются слова, обозначающие прямую, а не искусственную родственную связь.

Выражения, связывающие использование метафорического родства по вертикали с покровительством или даже доминированием «отца», такие как «наречение отцом» дают мало материала для более подробной характеристики этих отношений между князьями, а более частотные обращения между дядей и племянником и между зятем и тестем «сын», «отец» не содержат дополнительных указаний на то, что такая терминология связана с княжеской иерархией или подчинением одного князя другому. Политическая подоплека таких обращений обусловлена смысловой нагрузкой тех княжеских речей, которые их содержат – заключение мира, возврат пленников, совместный поход или же совместное правление и наследование киевского стола (в случае Изяслава и Ростислава Мстиславичей и Вячеслава Владимировича [8, стб. 430]).

Между дядей и племянником может действовать договор, закрепляющий за каждым позицию «отца» или «сына» и тогда термины «отец», «сын» используются и в повествовании, но эти слова также могут быть свободно употреблены в качестве обращений в прямой речи без каких-либо дополнительных соглашений об этом. В случае применения обращений «сын» и «отец» между родственниками супругов, прежде всего, между зятем и тестем, также нет указания на подобное соглашение, по всей видимости им считается сам свадебный обряд.

Список литературы

1. Соловьев, С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома / С. М. Соловьев. – М.: Астрель, 2003.
2. Голяшкин, Я. А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) / Я. А. Голяшкин // Издательство исторического общества при Московском университете: Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. – М., 1898.
3. Пашуто, В. Т. Черты политического строя Древней Руси. Древнерусское государство и его международное значение / В. Т. Пашуто. – М.: Наука, 1965.
4. Пресняков, А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / А. Е. Пресняков. – М.: Памятники исторической мысли, 1993.
5. Назаренко, А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) / А. В. Назаренко // Из истории русской культуры. – Том II, книга 1: Киевская и Московская Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 500–511.
6. Вілкул, Т. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII ст. / Т. Вілкул // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. – Т. II. – Київ, Львів, 2004. – С. 63–74.
7. Лавренченко, М. Л. Устная речь и публичная коммуникация: к вопросу о княжеских речах Киевской летописи / М. Л. Лавренченко // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. – М., 2016. – С. 165–169.
8. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 1997.
9. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Выбор имени у русских князей в XV–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2006.
10. Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Княжеское сиротство: об одном актуальном параметре престолонаследия на Руси XII в. / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. – М., 2015. – С. 63–64.
11. Кречмер, А. Г. Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. / А. Г. Кречмер // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2009. – С. 36–59.
12. Полное собрание русских летописей. – Т. I: Лаврентьевская летопись. – М.: Языки славянской культуры, 1998.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л., 1950.
14. Þorsteins saga stangarhöggs, 7. Íslenzk fornrit XI / Ed. Jón Jóhannesson. – Reykjavík, 1950.
15. Finnþoga saga ramma, 17. Íslendinga sögur og þættir / Ed. by Bragi Halldórsson. – Svart á Hvítu, 1987.

Подберезкин Ф. Д.

КОНТАКТНЫЕ ПЕРСОНЫ ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ В ПРУССИИ (70–80-е гг. XIV ВЕКА): ШТРИХИ К ШЕСТИ ИСТОРИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ

Немецкий историк Вернер Паравичини назвал людей, к чьей помощи прибегали литовские князья при переговорах с Немецким орденом, «контактными персонами» [1, s. 257]. Более точного названия, которое бы объединяло как братьев Немецкого ордена, так и представителей литовской знати, перешедшей на сторону Ордена подобрать нельзя – отсюда современному исследователю взаимоотношений Великого княжества Литовского и Ордена приходится остановиться на современном термине «контактные персоны», который не встречается в источниках. Вместе с тем этот термин отражает часть той реальности состояния постоянной религиозной войны между литовскими язычниками и прусскими христианами на протяжении почти всего XIV века, которое можно охарактеризовать не только как «войну за выживание» (*Existenzkrieg*), но и как период устойчивых контактов между братьями Ордена, его «гостями» и прусской знатью с представителями рода Гедиминовичей. Здесь мы остановимся на шести личностях, упоминаемых в прусских и локальных немецких хрониках XIV–XV вв. (сразу отметим, что мы не будем останавливаться на хорошо известной в историографии личности Маркварда фон Зальцбаха – отсылаем читателя к статье польского историка Антония Прохаски [2]). В результате мы попытаемся определить ту роль, которую играли личности «второго плана» во взаимоотношениях Немецкого ордена и средневековой Литвы в XIV веке.

Ханс и Томас Зурвилле

Один из братьев Зурвилле упоминается впервые в хронике Виганда из Марбурга в 1365 году, в связи с крещением Бутаута (*Butaut/Butaw*), сына князя Кейстута (здесь и далее перевод автора статьи):

«Один из сыновей короля, которого звали Бутаут, остался во время похода Кейстута дома. Вместе со своими боярами и своим братом Зурвиллой они вошли в пущу» [3, s. 550–551].

По всей видимости, под «своим братом» Виганд имеет ввиду конкретно Томаса Зурвилле. Здесь интересно употребление хронистом вы-

ражения «брат» (*frater*) по отношению к Томасу. Исходя из контекста, в котором упоминается Бутаут Кейстутович в хронике, следует признать, что выражение «frater» в отношении Зурвилле было употреблено скорее в переносном смысле: сам Виганд повсюду называет Бутаута не только «сыном короля», но (чаще) «королем», уделяя много внимания его переходу в христианство; при этом Зурвилле (в том числе и в других источниках) не упоминается во время этого важного события. Таким образом, с этого момента (1365 г.) в землях Ордена «находится уважаемый литовский боярин по имени Томас Зурвилле, «язычник по рождению», который со своим братом Хансом долгие годы использовался Орденом на самые различные цели» [там же, прим. 760].

Видимо, в качестве поощрения братья получили рыцарский статус, а также лошадей и земли (около 1370 г.) [1, с. 263]. Подробнее о функциях братьев сообщает следующий отрывок из хроники Виганда (1377):

«В том же году король Ольгерд... и его сын Ягайло... посылали послов к магистру Винрику... и, посоветовавшись, послал магистр (к ним. – Ф. П.) комтура Бранденбурга фон Гогенштайна... переводил их господин Томас Зурвилле, по происхождению язычник» [3, с. 604].

Виганд не забывает подчеркивать происхождение братьев (*paganus origine*), внимательно отслеживая на страницах своей хроники деятельность Зурвилле. Несмотря на то, что в этом отрывке, как и в упоминании похода комтура Балги в августе 1379 г. [3, с. 597], как переводчик упоминается только Томас Зурвилле, не вызывает сомнений, что и Ханс за свою долгую совместную деятельность с братом (до 1399 г.) также переводил литовских князей во время переговоров с Орденом: ведь переводчиков в современном смысле слова тогда не было, а люди, выполнявшие посредническую роль, часто знали язык одной из переговаривающихся сторон.

В сентябре 1385 года хроника Иоанна фон Позильге сообщает, что братья Зурвилле оказали братьям Ордена существенную помощь при переходе реки Вилии вброд:

«Пошли также братья господин Томас Зурвилле и господин Ханс... хорошо знавшие местность, и вели магистра... к одной хорошей переправе, так что перешел со всеми своими, так что в том броду мало было потеряно людей, и пришли к кораблям... благодаря (тем) литовцам... и затем снова пошли походом на (ту) землю» [4, с. 139–140].

Итак, братья Зурвилле обладали знанием местности, полученным, вероятно, еще во время службы Ольгердовичам. Косвенно о братьях Зурвилле свидетельствуют так называемые «Литовские путевые сообщения» («*Litauische Wegeberichte*») [3, Beilage 1, s. 702]. В сообщениях упоминается деревня «*Surwillendorf*» [там же], которая соответствует современной деревне Сурвилишки в Трабском сельсовете, Ивьевского района Республики Беларусь. Вполне возможно, что братья Зурвилле еще до своего крещения владели этим местом, а впоследствии, во время летних рейз из Волковыска в Новогрудок, не раз отдыхали в деревне. Владение Сурвилишками тем более вероятно, если принять к сведению, что многие места в Литве того времени назывались по имени тех знатных, кто ими управлял [3, s. 551, 706].

Братья Зурвилле – пример того, как бывший язычник-литовец мог сделать быструю карьеру в Немецком ордене, в первую очередь благодаря знаниям языка и местности, а также близкому знакомству с литовскими князьями. Известно, что в 1397 г. Томас Зурвилле получил дополнительные земельные пожалования. Потомки братьев и далее составили знатное семейство в Пруссии (литературу по этому вопросу см. в статье В. Паравичини [5, s. 117]).

Согласно сведениям «Мариенбургской книги казначея» [6, s. 8], уже в январе 1399 г. Томаса Зурвилле не было в Пруссии – зимой 1399 г. братья должны были отправиться к Витовту, который замышлял большой поход против татар. Поход завершился 12 августа 1399 г. разгромом войск христиан татарами под предводительством Тимур-Куллуга и Едигея. Поражение Витовта было по-разному воспринято в текстах немецких и русских хроник; однако гибель двух братьев не оставила равнодушным автора хроники Иоанна фон Позильге:

«Также были поражены два благочестивых рыцаря, господа Ханс и Томас Зурвилле, братья, верные и досточтимые» [4, s. 230].

Неудачный «крестовый поход» великого князя Витовта, участие в котором принимало рыцарство из польских земель, Пруссии, Литвы и Руси, стал последним также и для двух братьев, игравших важную роль во взаимоотношениях Литвы и Ордена.

Под 1401 и 1406 гг. в «Мариенбургской книге казначея» упоминается Лукас Зурвилле (*Lucas Surwillen*) [6, s. 123, 406]. Вряд ли в Ордене в это время могли быть однофамильцы братьев Томаса и Ханса немецкого происхождения – очевидно, что фамилия Зурвилле литовская. Остается предположить, что Лукас – это потомок одного из братьев, который после их гибели вступил в наследство. С большей вероятностью можно

говорить о том, что у Ханса Зурвилле был сын, также по имени Ханс. По поводу этого Ханса в августе 1411 г. Витовт написал письмо магистру Генриху фон Плауэну, который заподозрил Ханса в шпионаже в пользу литовского князя [7, s. 226]. По всей видимости, магистр не поверил литовскому князю – фон Плауэн отнял часть владений Ханса [1, s. 264].

Стоит отметить, что переход братьев Зурвилле на сторону Ордена не воспринимался литовской элитой как факт предательства. Об этом говорит как факт посреднической роли братьев во время переговоров (они воспринимались литовской стороной), так и их участие в походе Витовта 1399 г. Наоборот, упомянутые Германом Вартбергом как «apostati» Фридрих фон Майсен и Иоганн Лансберг, о которых мы скажем ниже, нигде в источниках как посредники не просматриваются – они и не могли быть таковыми. Вполне вероятно, что и сам князь Витовт после заговора против его отца мог рассматривать вариант своего постоянного нахождения в Ордене. Нам представляется, что в атмосфере постоянных взаимных рейз (военных набегов), чередования войны и мира, дружбы и вражды по обе стороны Немана в XIV веке между Литвой и Орденом говорить о ситуации «исторического выбора» для отдельных личностей было бы модернизацией. На наш взгляд, все «игроки», как высокого (князья), так и малого (рыцари, бояре) ранга действовали как исходя из позиций личной выгоды, так и из религиозных соображений. Важно то, что в каждом отдельном случае этот выбор воспринимался по-разному.

Гюнтер фон Гогенштайн

В хронике Виганда из Марбурга и в хронике Иоганна фон Позильге не раз упоминается Гюнтер фон Гогенштайн, комтур замка Бранденбург. Часто комтур упоминается в связи с литовским князем Кейстутом и его дочерью Данутой (в крещении – Анной).

Род фон Гогенштайнов восходит к XII веку, примерно к середине XIV века владения рода принадлежат уже двум самостоятельным линиям семьи (здесь мы основываемся на известиях первого историографа графства Гогенштайн Иоганна Хохе [8]). Интересно, что в семейной традиции рода есть упоминание о графе Эльгере фон Гогенштайне, который «погиб в 1190 г. под Вильно» [там же, s. 53]. Очевидно, что издатель «Полной истории» графства Гогенштайн перепутал графа Эльгера с каким-то более поздним представителем семейства, который, как и многие другие представители соседних земель Саксонии и Тюрингии, действительно мог участвовать в литовских рейзах. Во всяком случае, можно предполагать, что традиция рейз в семье Гогенштайнов существовала.

Гюнтер, как и, вероятно, его братья Альгард, Бернард, Николай (*Algard, Bernardus, Nicolaus*) были членами Немецкого ордена. Ко времени его знакомства с братьями Гедиминовичами в 70-х гг. XIV века он уже был опытным управленцем в структуре Ордена [3, s. 587].

По-видимому, еще в начале 70-х гг. XIV века Гюнтер крестил дочь Кейстута Дануту (Анну), которая вышла замуж за мазовецкого князя [9, s. 239]. Мы не знаем, какую роль играл титул крестного отца для князя Кейстута и его окружения, однако комтур Бранденбурга стал с тех пор контактной персоной Гедиминовича. Во время описания большого похода начала 1377 г. вглубь Литвы, когда братья Ордена достигли Вильно, хронист Виганд из Марбурга сообщает, что князь Ольгерд пригласил великого комтура с другими знатными рыцарями к своему двору для оказания ему чести. Тогда между князем Кейстутом и орденским маршалом состоялся разговор, где князь попросил о возможности лично встретиться с комтуром Гюнтером и поужинать с ним [3, s. 587; 4, s. 105]. Примечательно, что Кейстут попросил к себе только Гюнтера, выказав тем самым ему особое почтение. Известно также, что в 1381 г. Гюнтер, будучи комтуром Остероде, предупредил Кейстута о заключении тайного договора между его племянником Ягайло и Орденом в Довидишках [10, p. 271–273].

Нельзя утверждать, что Гюнтер фон Гогенштайн был единственным братом Ордена, которого Кейстут знал лично и использовал как посредника (о более ранних связях Кейстута с Орденом см. статью литовского историка Дариуса Баронаса [11, s. 9–27]). Но в силу того факта, что именно Гюнтер крестил дочь Кейстута Анну, знакомство с ним приобрело для семьи литовского князя особое значение. Гюнтер фон Гогенштайн был для Кейстута «контактной персоной, на посредничество которой с руководством Ордена он надеялся» [1, s. 257].

Трудно отрицать, что в общем контексте взаимных походов Ордена и литовцев друг на друга Гюнтер должен был считать Кейстута своим врагом как язычника. Однако, если одновременно рассматривать литовские рейзы с перспективы непосредственных участников – европейской знати, то можно увидеть, что «общий» враг мог быть одновременно личным другом, такие случаи не были уникальными для участников религиозных войн в Средневековье. Так, крестоносцы в Палестине (в особенности постоянно там находившиеся), имели тесные контакты с сарацинами. Среди самых известных примеров можно вспомнить дружеские контакты императора Фридриха II Штауфена и египетского султана Аль-Камиля (1227 г.), которые привели к мирной сдаче Иеру-

салима христианам. Несколько столетий сосуществования с Орденом характеризовались не только постоянными взаимными набегами, но и тесными контактами – в особенности между комтурами пограничных замков и литовскими предводителями. Весьма вероятно, что именно связи Кейстута с людьми Ордена, завязанные им во время взаимных набегов и торжественных обедов, позволили его сыну, князю Витовту, успешно сотрудничать с немцами во время его распри с братом Ягайло Ольгердовичем.

Фридрих фон Майсен и Иоганн Лансберг

В хронике Германа Вартберга в сентябре 1374 г. мы находим такой сюжет:

«В том же году, в то же время, ливонский магистр с войском был пять дней и пять ночей в землях литовцев, сильно опустошая их, также убил нескольких людей, а других увел с собой. В то время в Ливонии изменнически убежали к литовцам два брата, а именно Иоганн Лансберг и Фридрих Миссен (Joannes Lanzeberg ac Fridericus de Missen. – Ф. П.), храбрые мужи, с проводником, по имени Биллене, а также со всем оружием и вещами, из которых ничего не оставили дома, и со многими лошадьми, не только собственно им принадлежащими, но и с украденными ими у магистра и фохта Кандау» [3, s. 104–105].

Данное упоминание замечательно исходя из нескольких причин. Во-первых, в тех орденских хрониках, которые нам известны, мы практически не находим случаев перехода брата Немецкого ордена на сторону язычников, да еще и со всем вооружением. Во-вторых, «отступники» (apostati) очевидно вызвали интерес самого хрониста – это следует из того, что нам известны имена отступников, а также продолжение истории одного из этих рыцарей, Иоганна Лансберга, сюжетом о котором заканчивается хроника Германа Вартберга (1378 г.):

«В том же году возвратился Иоганн Лансберг, недавно изменивший» [там же, s. 116].

Интересно, что Лансберг так и остался для Германа «отступником». О судьбе другого «отступника», Фридриха фон Майсена, хронист ничего не сообщает; собственно, как и мотивах перехода обоих на сторону язычников. Возможно, ответ на последний вопрос можно было бы искать в биографии Фридриха. У нас нет доказательств, которые позволяли бы отождествлять Фридриха с городом Мейсенем на (современной) территории Саксонии. С другой стороны, в последней трети XIII и в те-

чение всего XIV века мы встречаем на территории Мекленбурга людей из владения Старгард с именем «Misener», «Meisener», «Missener», которые обладали рыцарским статусом. Однако, следует согласиться с мнением немецкого исследователя Клауса Милитцера, который говорит, что у нас недостаточно актового материала для того, чтобы отождествить нашего Фридриха с мекленбургскими родами [12, s. 441].

Возможная разгадка перехода Фридриха на сторону литовцев может лежать в установлении его родства с какой-либо из семей, которая имела своих представителей в структуре Ордена. По всей видимости, Фридрих перешел на службу к князю Кейстуту, о котором Герман Вартберг говорил до сюжета с предательством. Во всяком случае, предательство было спланировано Фридрихом и Иоганном заранее – так как было осуществлено во время похода магистра, к тому же братья взяли все имевшееся у них оружие и коней. Очевидно, с этой сбруей они хотели продолжать свою службу уже у языческих правителей – Кейстута либо его брата, князя Ольгерда. Именно после смерти князя Ольгерда (1377 г.), Иоганн Лансберг решил вернуться к братьям Ордена (1378 г.).

Энгельберт фон Марк

Крестовые походы в Святую Землю, Пруссию и Ливонию были семейной традицией графов Марки из западной Вестфалии. «Гостями» ордена в войне с язычниками (Heidenkampf) были в 1262 г. Энгельберт I, граф Марки [13, s. 103] и другой, неизвестный нам по имени «comes de Marka» в 1330 г. [там же, s. 217]; в паломничество в Палестину отправлялись Энгельберт III, Иоганн I, первый герцог Клевский [14, s. 125–145] и его брат, граф Герхард фон Клеве [15, с. 118]. Наиболее подробно в местных хрониках герцогства Клеве и Марки XIV–XV вв. освещена жизнь и деятельность Энгельберга III, сына Адольфа II, графа Марки (правил в 1328–1347 гг.), и Маргариты, наследницы герцогства Клеве.

Учителем молодого графа был Левольд фон Нортхоф, домашний хронист графов Марки, посвятивший свою хронику «nobili viro, domino suo carissimo, domino Engelberto, comiti de Marka» [16]. Под 1353 годом хроника Левольда повествует:

«В год Господень 1353 граф Марки Энгельберт пошел за море (в крестовый поход. – Ф. П.) не пожелав разрешения апостольского, впоследствии из-за своей дружбы (с папой. – Ф. П.) был освобожден от решения о его экскоммуникации» [16, s. 88].

Анонимная «Хроника графов и герцогов Клеве и Марки...» повествует, что Энгельберт направился в Святую Землю, в Иерусалим и на гору Синай, где совершил паломничество к гробу святой Екатерины

(особо почитаемой в герцогстве Клеве) [17, s. 113]. Путешествие было совершено без разрешения папы, вследствие чего Иннокентий IV лишил Энгельберта права на участие в таинстве причастия. О том, каким именно образом граф освободился от запрета, Левольд ничего не сообщает. Фриц Цшек в своем комментарии к хронике Левольда отметил, что освобождение от наказания Энгельберт получил благодаря походу в Пруссию (*Wallfahrt nach Preußen*) [16, s. 88]. Предположение Цшека подтверждает текст анонимной клевской хроники:

«С того времени как (граф. – Ф. П.) принял знак дела креста, своей храбростью в войнах иоаннитов и тамплиеров с рутенами и московитами, зловредными врагами христиан, снискал он божественное прощение папы» [17, s. 113].

Несмотря на то, что данное сообщение помещено хронистом под 1351 годом, здесь, однако, очевидно указание на крестовый поход в Пруссию против литовцев. Возможно, эта заслуга Энгельберта и обусловила получение прощения от римского папы.

Более подробную информацию о путешествиях и походах Энгельберта в Палестину, Пруссию и на Русь представляет позднейшая (середина XV века) хроника Герта ванн Шюрена (*Gert van Schüren*):

«Затем поехал достопочтенный граф Энгельберт в пилигримацію за море в святую землю в Иерусалим с теми, кого взял с собой, навестил святой Гроб и затем пустился в длинный, тяжелый путь на Синай, где покоятся мощи девы, святой Екатерины. После этого поехал граф Энгельберт с друзьями из своих сильных рыцарей в Пруссию и Ливонию, чтобы помочь немецкому ордену против язычников, христиане выиграли битву и побили многих язычников, но заплатили цену многими убитыми христианами. Случилось во время этого похода, что граф Энгельберт с немецкими господами из Пруссии и Ливонии пошел зимой на один город, называемый Полоцк, где живут сарацины и язычники; там усилились язычники и вышли с большой силой против христиан, чтобы одолеть их, язычники имели трех воинов против одного (христианского – Ф. П.), так случилась битва, и христиане мужественно бились с язычниками, в той же битве особенно отличился граф Энгельберт своей храбростью» [18, s. 29–30].

Из выражения «случилось во время этого похода» (*et geschach tot eunre reusen*) становится ясным, что поход в Пруссию и Ливонию Энгельберт осуществил во время своего путешествия в Святую Землю. Та-

кого рода маршруты (через земли Ордена, Литвы и Руси в Палестину) были традиционны для клевской знати: так, племянник Энгельберта, граф Марки Герхард в 1437–1438 гг. хотел ехать в Святую Землю через земли Ливонии и Новгорода [15, с. 118]. Скорее всего, Энгельберт побывал и в Пруссии, и в Ливонии: в Пруссию он приехал как «гость» Ордена, а в Ливонии присоединился к воинству магистра, отправлявшемуся в земли «рутенов» – к Полоцку.

В 1353 и в 1354 гг. походов на литовцев не было: из-за плохой погоды великий магистр отложил рейзу 1353 г. на следующий год, однако в 1354 году есть упоминание только о походах литовских князей Ольгерда и Кейстута «в землю Гунелаукен» [3, с. 520]. Только в 1355 году братья Ордена отвечают на литовский поход прошлого года [там же]. В ливонских источниках также нет упоминания о походе на Полоцк в 50-х гг. XIV века.

Между тем хроника Виганда из Марбурга под 1381 годом повествует о приходе некоего графа Марки в Пруссию:

«В 1381 пришеи в Пруссию граф Starke из Марки и граф Клеве»
(«Anno 1381 veniunt in Pruziam comes Starke de Marchia comesque Clevensis» [3, с. 603].

Хроника Виганда была рифмованной (см. статью Хартмута Бокмана [19]), вероятно, что слово «Starke» было не именем собственным, а прилагательным. Это значит, что в изначальном немецком варианте данная фраза имела ритмическую структуру и звучала как «Graf Stark von Mark». «Comesque Clevensis» («и граф Клеве») было написано уже в качестве необходимого дополнения. Хроника Герта ван Шюрена не упоминает о походах графа Марки в Пруссию и Литву в 1381 году. Вместе с тем она подробно описывает бой возле Полоцка совместно с ливонскими и прусскими рыцарями, которые действительно были там летом – осенью 1381 года, помогая литовскому князю Скиргайло. Подробность сообщения также не случайна: история о сражениях с «язычниками» могла быть передана устно: либо самим графом Энгельбертом, либо его соратниками из Вестфалии (которых упоминает Шюрен). В свете того предположения, что Энгельберт был под Полоцком именно в 1381 году, а не в 1353 или 1354 гг., говорит то обстоятельство, что хроники Левольда и анонимная клевская хроника, которые были составлены в 50-х гг. XIV века, не могли знать об осаде Полоцка в 1381 году. Таким образом, возникает вопрос, куда же ездил Энгельберт в 1353/1354 гг., ведь анонимная клевская хроника так же сообщает нам о походе на «рутенов и москвитов»? В решении данного противоречия мы опираемся на вы-

вод Удо Арнольда, который полагает, что в период с осени 1353 – зимы 1354 гг. Энгельберт действительно имел возможность совершить поход в Пруссию. Немецкий исследователь пишет: «16 октября 1352 архиепископ Кельнский и епископы Мюнстера, Падерборна заключили с графом Марки, а также городами Мюнстером, Зоестом и Дортмундом земельный мир на пять лет. Мир на родине был установлен, Энгельберт мог путешествовать в Палестину. На обратном пути 3 сентября 1353 г. он навещает папский двор в Авиньоне. Оттуда он направляется в Пруссию. 1 августа 1354 года он возвращается домой. Акты от 5 сентября 1354 года, в которых граф Готтфрид фон Арнсберг провозглашает Энгельберту свою преданность, указывают на то, что к этому времени Энгельберт уже практиковал властные полномочия» [20, s. 84].

Таким образом, принимая во внимание версию о двух восточных походах графа – в 1353/1353 и 1381 гг. – остается предположить, что Энгельберт III и его люди с братьями Ордена из Пруссии и Ливонии были под Полоцком в 1381 г., помогая литовскому князю Скиргайло. Энгельберт фон Марк не был братом Ордена. Тем не менее, мы включили его в нашу статью как представителя давней крестоносной традиции в семье графов Марки, многие из которых занимали ответственные посты в ливонском отделении Немецкого ордена (см. об этом в диссертационном исследовании Сони Найтман [21]). Для графа Энгельберта и братьев Ордена, помогавших в 1381 г. князю Скиргайло, жители Полоцка были «схизматиками» и ничем не отличались от язычников-литовцев. Таким образом, служба Скиргайло как опытному и знатному руководителю была способом поиска рыцарских доблестей, о которых братья Ордена рассказали в Кенигсберге Виганду из Марбурга, а Энгельберт – своему домашнему хронисту [18, s. 83].

Заключение

Вряд ли можно отрицать то обстоятельство, что в ситуации постоянных войн и перемирий литовских язычников и Немецкого ордена происходило развитие государственных структур Великого княжества Литовского. Это касается прежде всего непосредственного окружения литовских князей – начиная со времен Миндовга, а затем Гедимина, при котором началось формирование устойчивой княжеской администрации, и Витовта, создавшего свой двор по образцу двора великого магистра в Мариенбурге. Изучение феномена литовского языческого государства в центре христианской Европы XIV века предполагает выявление системы персональных связей, которые существовали между Гедиминовичами и братьями Ордена. Начиная со времен Ольгерда и Кейстута,

литовские князья имели постоянных контактных лиц в Пруссии, благодаря которым велись переговоры, осуществлялись совместные походы, становились возможными сами контакты между язычниками и христианами. Как правило, отношения между литовскими военными предводителями и братьями Ордена завязывались во время рейз, реже – во время крещения языческих князей. Престиж и могущество литовских князей обусловили привлекательность их двора как для братьев Ордена, так и для «гостей». Возник феномен «служения двум господам», который был новым для Восточной Европы, но не был чем-то особенным для европейских феодальных реалий.

Сравнительное изучение сведений прусских хроник, а также эпистолярных источников (письма Витовта), данных «Мариенбургской книги казначея», немецких локальных хроник позволяет с определенной полнотой реконструировать биографии отдельных братьев Немецкого ордена, а также «гостей» в Пруссии, которые служили литовским князьям: в совместных походах, при крещении, во время переговоров. Данные источников позволяют выяснить несколько типов сотрудничества, которое, как нам представляется, носило типичный характер и было свойственно не только для оговоренных в этой главе персонажей.

На основании одних только орденских хроник возможно выявить несколько примеров устойчивых связей, которые существовали между литовскими князьями и братьями Ордена. «Крестный отец» Гюнтер фон Гогенштайн в силу личного знакомства с князем Кейстутом стал контактной персоной, обеспечивающей любую коммуникацию между литовскими элитами и Орденом. Доблестным для себя делом считали некоторые «гости» Ордена, такие как Энгельберт фон Марк, участие в походе литовского князя Скиргайло против Полоцка. Интересно, что обстоятельства похода 1381 года хорошо освещаются в хрониках – как Немецкого ордена, так и земель, откуда они прибыли «гости». Можно говорить об определенном престиже, которым литовские князья обладали к концу XIV века, и который привлекал к ним рыцарей из разных краев Старого света. Заметим, что почти все обсуждаемые выше братья Ордена либо его ленники (братья Ганс и Томас Зурвилле) имели высокий статус в Пруссии – это позволяет говорить о высокой социальной мобильности, которая обеспечивалась знанием «врага», его языка и обычаев. Некоторые из таких лиц в определенном смысле служили «двум господам» (фон Гогенштайн, братья Зурвилле и их потомки).

Возможно, устойчивые персональные связи с Орденом, которые не прекращались вплоть до его секуляризации в Пруссии в начале

XVI века, позволили впоследствии великому князю Свидригайло Ольгердовичу пользоваться поддержкой Ордена в династической войне с Сигизмундом Кейстутовичем 1432–1438 гг., а Великому княжеству Литовскому быть своего рода посредником в сложных отношениях Ордена и Польши.

Список литературы

1. Paravicini, W. *Litauer: vom heidnischen Gegner zum adligen Standesgenossen* / W. Paravicini // *Tannenberg-Grunwald-Zalgiris 1410: Krieg und Frieden im späten Mittelalter*. – Wiesbaden, 2012. – S. 253–282.
2. Prohaska, A. *Markward Salzbach. Z dziejów Litwy 1384–1410* / A. Prohaska // *Przegląd historyczny*. – 1909. – № 9. – S. 121–133.
3. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 2. – Leipzig, 1863.
4. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 3. – Leipzig, 1866.
5. Paravicini, W. *Heraldische Quellen zur Geschichte der Preußenreisen im 14. Jahrhundert* / W. Paravicini // *Werkstatt des Historikers*. – Thorn, 1987. – S. 111–134.
6. *Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409* / Hrsg. von Dr. Joachim. – Königsberg, 1896.
7. *Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae 1376–1430* / Ed. A. Prohaska. – T. 1. – Cracoviae, 1882.
8. Hoche, J. G. *Vollständige Geschichte der Grafschaft Hohenstein* / J. G. Hoche. – Halle, 1790.
9. Petrauskas, R. *Litauen und der Deutsche Orden: Vom Feind zum Verbündeten* / R. Petrauskas // *Tannenberg-Grunwald-Zalgiris 1410: Krieg und Frieden im späten Mittelalter*. – Wiesbaden, 2012. – S. 237–251.
10. Ivinskis, Z. *Lietuvos istorija iki Vytauto Didžiojo mirties* / Z. Ivinskis. – Rome, 1978.
11. Baronas, D. *Die Flucht des litauischen Fürsten Kestutis aus der Marienburg* / D. Baronas // *Annaberger Annalen*. – 2004. – № 12. – S. 9–28.
12. *Ritterbrüder im livländischen Zweig des Deutschen Ordens* / Hrsg. von L. Fenske, K. Militzer. – Köln, Weimar, Wien, 1993.
13. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. – Bd. 1. – Leipzig, 1861.
14. Harless, W. *Bericht über die Pilgerfahrt Herzogs Johann I. von Cleve nach dem hl. Lande (1450–51)* / W. Harless // *Zeitschrift des Bergischen Geschichtsvereins*. – 1900–1901. – № 35. – S. 125–145.
15. Подберезкин, Ф. Д. *Частная война графа Герхарда фон Клеве* / Ф. Д. Подберезкин // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. – Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 116–129.
16. *Die Chronik der Grafen von der Mark von Levold von Northof* / Hrsg. von F. Zschaeck. – Berlin, 1955.

17. Cronica comitum et principum de Clivis et Marca, Gelriae, Juliae et Montium: necnon Archiepiscoporum Coloniensium, usque ad annum 1392 / Hrsg. von J. S. Seibert // Quellen der Westfälischen Geschichte. – Bd. II. – Arnsberg, 1860.

18. Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Gert van der Schuren nebst Vorgeschichte und Zusätzen von Turck, einer Genealogie des Clevischen Hauses und drei Schrifttafeln / Hrsg. von R. Scholten. – Cleve, 1884.

19. Boockmann, H. Die Geschichtsschreibung des deutschen Ordens. Gattungsfragen und «Gebrauchssituationen» / H. Boockmann // Geschichtsschreibung und Geschichtsbewußtsein im späten Mittelalter: Vorträge und Forschungen. – Bd. 31. – Sigmaringen, 1987. – S. 447–469.

20. Arnold, U. Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen / U. Arnold // Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark. – Dortmund, 1968. – S. 79–95.

21. Neitmann, S. Von der Grafschaft Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschen Orden / S. Neitmann. – Köln, Weimar, Wien, 1993.

ФЕНОМЕН ГОРОДСКОГО «ГРАЖДАНСТВА» В ВЕНГЕРСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ XIV–XV ВВ.

Противопоставление «мы – они» является «универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей» [1, с. 84]. Человек с самых ранних времен делил все, что видит и слышит, на «свое» и «чужое»: свои – обычаи, божественные покровители и сородичи, и чужие – порядки, боги и те, кто внешне похож на его сородичей, но отличается от них образом жизни, поведением или происхождением. Любой язык имеет обозначение для таких людей: «чужаки» – люди/нелюди, лишённые той части общего, которая сделала бы их частью определенного общества. Пока существуют человеческие общности того или иного порядка – семья, племя, город, народ, страна, пока члены определенного социума сознают свою принадлежность к нему, до тех пор представление о «своих» и «чужих», особое для каждого исторического периода и территории, будет существовать в сознании человека. С проблемой «свой – чужой» связано предпринятое в настоящей статье исследование социально-политических общностей позднесредневекового Венгерского королевства.

К какому сообществу мог относить себя его житель в начале XIV века? Социальная принадлежность была для средневекового человека гарантией выживания, особенно в смутное время. В период «междоусарствия» (1301–1308) – затяжной борьбы за наследство вымершей венгерской династии Арпадов – забота о справедливости для подданных отошла на задний план: важнейшей задачей для нового короля стало обеспечить себе поддержку сильных. Если нашему обывателю посчастливилось быть бароном, отпрыском одного из 30 родов высшей знати (венг. *főúrság*) – той, кому король традиционно жаловал исполнять придворные должности и управлять комитатами – то он видел себя полноправным «членом королевства» как *политического тела* (лат. *membrum regni*), тем, кому претенденты на престол – король Вацлав I Чешский или герцог Оттон Виттельсбах – должны что-нибудь посулить, прежде чем он поддержит кого-либо из них. Барон нуждался в верных людях, кому он мог бы доверить управление вверенными и наследными замками. Поэтому менее владетельный, удачливый и благородный выходец из мелкого и среднего дворянства (венг. *köznemesség*) имел шанс выбиться в люди и стать

кастеляном, если бы отдал себя под покровительство сильного. В таком случае он почувствовал бы себя всецело принадлежащим к *клиентеле*, «*фамилии*» барона, в том числе и в судебном отношении, так как в случае иска за него отвечал патрон. Что было делать менее счастливым – держателям земли в том же самом замковом владении, которое оказалось в руках у нашего не столь богатого, но предприимчивого дворянина? Большинство стало той или иной категорией зависимого крестьянства. С практической точки зрения для кастеляна XIV века не было разницы между теми, кто держал земли в его собственных владениях или же в замковой округе. С распадом королевской системы комитатов в начале XIV века прежде несвободный «замковый люд» – *castrensis*¹, *cives/civiles*², *jobagiones*³ – приобрел право свободного перехода, т. е. личную свободу, но остался зависим от кастеляна поземельно и судебно, был обязан уплачивать не только обыкновенный земельный налог (*terragium*), но и дополнительные натуральные сборы с урожая (*akones*,

¹ От лат. *castrum* – замок. Карой Тагани трактовал *castrensis* как «относящийся к замку» и возводил к потомкам покоренного и ставшего несвободным славянского населения, закрепленным за замками и задействованным лишь в невоенном (производственном) труде. Обозначал как замковых слуг (венг. *várszolgák*) в противовес замковым воинам-йобагионам из числа венгров (венг. *várjobbágyok*). Эмма Ледерер относила *civis/castrensis* к низшим слоям замкового люда и видела в них ту часть собственно венгерского населения, которая, будучи приписанной к комитату и подчиненной комесу, утратила свободу, а к концу XII века и военную роль, превратившись в зависимое крестьянство [2, с. 5–9; 3, с. 522; 4, с. 129].

² Карой Тагани возводил эти термины к лат. *civitas* в том смысле, в котором его использовали в XI веке (центр комитата, замок), но видел различия: *cives* – воин/рыцарь (синоним *miles*), группа свободного населения; *civilis* (досл. относящийся к замку или комитату, каждый из которых мог подразумеваться под словом *civitas*) – несвободное, прикрепленное к замку население. Ласло Эрдей, оппонент Тагани, сходил с ним в том, что *civilis* синонимичен *castrensis*, но полагал, что эти термины первоначально в XI веке обозначали служилую, но свободную часть венгерского племенного общества, основной функцией которой была военная. Марксистская историография (Э. Ледерер), выявив общие закономерности разложения родоплеменного строя, способствовала тому, что устоялась точка зрения Эрдей, который пришел к своей концепции, исходя из западноевропейских параллелей [5, с. 45, 489–492].

³ Лат. калька венгерского слова *jobbágy*. Образовано от сравн. степени прил. *jó* – хороший (*jobb* – лучший). В первоначальном значении – представитель наиболее благородной, «лучшей» части какой-либо общественной группы. В XII веке – в том числе собирательное название для носителей светских должностей при королевском дворе. *Jobagiones castri* (венг. *várjobbágyok*) – предводители замкового люда. С середины XIII века термин *jobagiones* без уточняющего дополнения начинает употребляться в значении свободного крестьянского населения, находящегося под судебной властью земельного господина [6, с. 304–305]. После отмены в 1514 г. права свободного перехода закрепилось в значении «крепостной крестьянин», которое имеет и в современном языке.

chibriones). Однако кастелян не имел права принуждать к уплате привилегированных держателей, над которыми не имел судебной власти, например, членов *civitas* – *корпорации средневекового города*⁴. В отличие от королевства как политического тела, «фамилии» барона и зависимой крестьянской общины – сообществ, централизованных вокруг источника власти авторитарной, в городской корпорации господствовал коллективный принцип управления⁵. В настоящей статье критерии социальной принадлежности («гражданства») и проблема «свой – чужой» будут рассмотрены на примере венгерских городских корпораций Пресбурга и Офена. Авторитарные сообщества будут рассмотрены нами в отдельной статье.

Каким образом городская корпорация – общность носителей политической воли в городе – относилась к чужакам (*hospites*⁶), была ли готова принять чужеземца в свой состав и какие разновидности инкорпорирования, предоставления гражданства (индигенации) были ею выработаны? Следует заметить, что средневековый город, прежде всего, в правовом, но также и в экономическом, культурном и любом другом смысле – для Венгерского королевства явление редкое, пришлое и инородное. Редкое, так как к концу XV века было лишь восемь вольных королевских городов, сконцентрированных в северо-западной части страны – наиболее близкой и открытой для влияний из Западной Европы. Пришлые и инородные, потому что наиболее древнюю часть их населения составляли выходцы из немецких земель – южных (*Theutonici*) или северных (*Saxones*), а скученный оседлый образ жизни должен был представляться венгру – недавнему кочевнику, а ныне земельному господину – признаком не вполне свободного статуса. Кто жил скученно и оседло в XI–XIII веках? «Замковый люд» (*castrenses*) – приписанные к замку группы вооруженных

⁴ В Венгерском королевстве начала XIV века существовало несколько типов правового статуса поселения городского типа: *libera villa*, *oppidum*, *civitas*. *Oppidum* (венг. *mészváros*) – поселение под юрисдикцией ишпана, позднее земельного господина. *Libera villa* (венг. *szabad falu*) – деревенское поселение с самоуправлением/ранний город. *Civitas* (венг. *szabad királyi város*) – городское поселение, выведенное из-под юрисдикции ишпана королевской привилегией [7, с. 460–468].

⁵ Здесь мы используем терминологию Н. А. Хачатурян [8].

⁶ Согласно словарю средневековой латыни дю Канжа, *hospes* определяется как *advena* («пришлый человек»), что в сознании тогдашних людей было синонимично слову «чужак». Однако это слово имело и более нейтральные коннотации. Так, А. Бартал, составивший на основе венгерских грамот словарь средневековой венгерской латыни, выделяет значения «гостящий горожанин», «поселенец», т. е. некоренной житель города. Подобное значение имеет и русское слово «гость», произошедшее от того же индоевропейского корня [9, с. 236; 10, с. 311].

людей, уже к XII веку утратившие военную функцию и превратившиеся в крестьян, зависимых от кастеляна (так, в XIV веке кастелян замка Девени воспринимал держателей из числа городской корпорации Пресбурга как зависимую группу *hospites forensium*, принужденную уплачивать натуральный сбор с урожая, именуемого в народе *Gastagob* – «дар гостя» [11, с. 32]). Благородный, «настоящий венгр» еще в XV веке летом обыкновенно покидал свое поместье (курую) и разбивал в поле шатер. Покоренное славянское население было более склонно к скученной оседлой жизни, но его подчиненность власти ишпана закрывала возможности для самоорганизации и выработки форм городской жизни. С возникновением городских немецкоязычных корпораций в XIII веке в ходе т. н. восточной колонизации (нем. *Ostsiedlung*) проблема «свой – чужой» приобрела новый аспект: теперь уже сама немецкая община воспринимала подселяющееся к ней население, в том числе венгерское и славянское, в качестве «чужаков». Рассмотрим политику городов Пресбурга и Офена в отношении своих «гостей».

Средневековый город Пресбург (венг. *Пожонь*), к которому восходит современная Братислава, возник между концом XII – последней четвертью XIII века⁷. В его праве венгерский юрист Я. Кирай различил южнонемецкие, в частности баварские, черты, сопоставив его с правом древних баваров: *Geschlechtsmundium*, *Heimsuchung*, *Schub/Scheub* [13, с. 95, 145–147, 279, 389]. Кого пресбургское право считало гражданином или чужаком? В правовых книгах города отсутствует статья о бюргерах и чужаках, равно как приобретению гражданства. Потому сравним пресбургскую правовую практику с формулировками правовой книги Рупрехта Фрейзингского, в 1328 году обобщившего правовые нормы современных ему баварцев. Основанием для наделения чужака гражданскими правами в судебных постановлениях пресбургских судей выступает приобретение (или взятое на себя обязательство приобретения) недвижимого имущества в течение года: «В среду после дня святой девы Екатерины (1449)... Пауль Долговязый стал гражданином, так как купит Эриб в течение года»⁸ (выделено мной. – Н. Н.) [13, с. 85]. Это условие перекликается с определениями понятий «гражданин/бюргер»

⁷ Эти временные границы определяются следующими данными. В конце XII века в подградье местного замка появилась керамика, характерная для Южной Баварии – первый признак поселения градообразующей немецкой группы. К 1287 году относится соглашение, заключенное между «судьей Тивардом, двенадцатью присяжными и всеми гражданами» [12, с. 610].

⁸ «Item am Mitichen nach Katherine virginis... der lang Pavl ist purgel wurden for im das er in Jarsfrist Erib **scholl khawffen**».

(*pürgl*) и «гость/чужак» (*gast*) в баварском сборнике Рупрехта: «Кто владеет имуществом в городе, зовется бюргером. Его следует судить во все времена по его потребностям. Мы говорим, что гости – все те, кто не владеет имуществом и не судим в городе»⁹ [14, с. 141]. Таким образом, гражданином в Пресбурге считался человек *de praesenti/de futuro* владеющий наследным имуществом¹⁰, а главной задачей потенциального индигената было его приобретение либо путем покупки, как поступил Пауль Долговязый, либо же женитьбы. Так поступил Эберхард Виндеке, выходец из имперского города Майнц.

Впервые Эберхард Виндеке упоминается в залоговой грамоте от 19 октября 1409 года уже как гражданин города, женатый на некоей Элизабет [15, с. 293]. В одной из пресбургских грамот сказано, что «Виндеке взял у нас (бюргеров Пресбурга. – Н. Н.) в жены славную женщину, которая владела достаточным количеством домов, виноградников и вещей, как полагается славной, безукоризненной, благочестивой женщине»¹¹. На основании этого Р. Скорка вполне разумно предположила, что Элизабет – гражданка города и жена чужака-Виндеке – прежде была вдовой, так как девица не считалась субъектом права и находилась под властью отца [17, с. 35]. Пресбургское право, по замечанию Я. Кирая, следовало принципу, присутствовавшему еще во франкском праве, гласящему, что «вдова может самостоятельно управлять, по крайней мере, имуществом вокруг дома», и признавало «ее полную правомочность» [13, с. 106]. Потому не исключено, что большую часть имущества, необходимого для получения Виндеке гражданства, составило «приданое» его жены. Сам Эберхард позднее заявлял, что прежде в Майнце «был со своими братьями и сестрами крайне беден» [16, с. 199]. Вряд ли он имел иную возможность приоб-

⁹ «ain der in der stat gesessen ist und Purgl haizzet <...> Wir sprechen, daz allez gest sein die in der stat nit gesezzen sint noch in der stat gericht...». Gesezzen (досл. сидящий) здесь в производном значении «владельческий» (нем. *angesessen*). Следует заметить, что подсудность в случае бюргера – привилегия быть судимым своими же, доступ к суду как средству утверждения своих прав и собственной безопасности. Чужак же лишен этого, потому менее защищен.

¹⁰ Как можно было гарантировать исполнение этого условия будущей покупки недвижимости, если кандидат сразу становился бюргером? В Пресбурге было дополнительное требование: за кандидата должен был поручиться и внести залог гражданин города. Для Пауля это сделал Вольфганг Шроттер, который вряд ли бы расстался со своими 13 солидами 10 денарами, если бы не был уверен в верности будущей сделки и надежности Долговязого.

¹¹ «auch hat er ein erbar frauwe bi uns genomen zu der e, die huser und wingarten und farnde habe genug hat gehabt, als ein erbar biderwe from frauwe sal haben». См. собрание документов о жизни Виндеке, приведенное в издании Альтманна [16, с. 482].

рести гражданство Пресбурга, кроме как женившись. Видимо, бедность вкупе с неусидчивым характером заставила его покинуть свой родной Майнц и попытаться счастья в чужих землях [подробнее о Виндеке см. 18].

Внешне сходный обычай индигенации установился в городе Офен (венг. *Буда*), возникшем на полстолетия раньше Пресбурга. Статья из правовой книги 1421 года гласит: «кто из чужаков захочет отправиться в город Офен и приобрести право гражданина, должен быть человеком с имуществом, унаследованным от добрых и славных людей... Также не должно заключать с ним никакого побратимства, союза или подлого уговора со злыми умыслами, но следует избегать этого, чтобы служить Господу. И это должно происходить при ведении и разрешении совета»¹² [19, с. 60–62]. Здесь так же применен принцип, что гражданские права (речь идет о «владельческих» горожанах, патрициях) и связанная с ними способность платить налоги должны быть гарантированы наследным имуществом. Однако вводятся дополнительные требования. В процитированной статье – необходимость доказывать свое рождение в законном браке (как это мог сделать выходец из далекого Майнца?) и запрет сговора (видимо, во избежание махинаций с недвижимостью). В других – ограничения для продажи имения чужакам: «Никакой гражданин Офена не может продавать свое имение чужаку, кроме как такому, который будет с ним дальше жить. Тот, у кого нет наследников, может продавать, кому хочет»¹³ [19, с. 117]. Сделка должна быть объявлена за три недели до заключения и в течение первого года может быть обжалована потенциальными наследниками [19, с. 189, 196]. Но даже если человек приобрел имущество, то поначалу получает лишь «плохое гражданство» (*slecht purgrecht*) и входит в число полноправных «владельческих» граждан лишь по истечении трех лет, приобретая *vorsessen purgrecht* (букв. «давнееоседлое гражданство»). Согласно 225-й статье офенской правовой книги, эти виды гражданских прав «следовало различать»: так, если индиген пожелал отказаться от них до истечения этого срока, т. е. еще пребывая в статусе «плохого гражданина», то он был принужден уплатить штраф и продать имущество [19, с. 128]. Если же претендент и вовсе не имел и не сумел приобрести имущества, то

¹² «Welich frömbt man sich in dy stat zu Ofen zihen vnd daselbs purger recht gewinnen wil, der sol sein eines gueten des wol geleüt ge erbter man... Auch sol kain pruederschaft, noch kain verpintnüss, noch haimlich pöss sammung zwischen halten werden, sunder aus genomen zu gots dinst; vund das sol geschehen mit wissen und willenn des rats».

¹³ «Keyn purger in Ofner stat schol seyn gut einem fremden verkauffen, dan nürt eynem, der furpasz mit ym wil wonen unnd pleiben. Eyn itzlich purger, der nit erben hat, mag seyn gut verkauffen, wem er wil».

единственной возможностью для него стать гражданином было пообещать платить *Losung* – присоединиться к городской общине: «Если он не имеет такового, то должен выставить поручителя, что с того самого года и впредь будет платить подать и делить с городом беды и радости»¹⁴ [19, с. 60–61]. Не только простое наличие недвижимости, но и действительное участие в жизни города было залогом того, что патрициат или община Офена станут видеть в нем своего члена.

В офенском праве вопрос о гражданстве и путях его приобретения более разработан, чем в пресбургском. Также бросается в глаза, что в зоне саксонской колонизации и распространения магдебургского права – к этому региону в том числе относились Прага, Сепеш, Семиградье в Трансильвании, а также Офен¹⁵ – сформировалась более закрытая политическая элита, чем на территориях, колонизованных выходцами из Баварии. Объяснение этому можно найти в том, что зона южнонемецкой колонизации была весьма невелика и возникшие в ее ходе города, например Пресбург, непосредственно примыкали к немецким землям и не утратили контакта с ними. Так, Эберхард Виндеке использовал приобретенное имущество как заклад, брал сукно в долг и отправлялся торговать в немецкие земли. В Пресбург, один из пунктов на пути речной торговли по Дунаю (*via Regensburg*), прибывали купцы, которые видели преимущества в значительных торговых привилегиях, которыми обладали граждане и госпиты города, приобретали их, уплачивая необходимую сумму в пользу города. Городской корпорации это было выгодно, и она присуждала гражданство уже тому, кто только дал обязательство приобрести необходимое имущество *de futuro*. В то же время, продвинувшиеся дальше на Восток колонисты-саксонцы оказывались в окружении представителей иной культуры и языка, от которых стремились дистанцироваться. Древние «владельческие» офенцы сформировали закрытую группу, закрепившую за собой места в городском совете; «чужаков» же – подселывшееся окружающее венгеро-славянское население и чужеземных торговцев вроде Виндеке¹⁶ – они были готовы принять

¹⁴ «Hat er des erbes nicht, so sol er setzen pürgen, das er das selbig jar vnd albeg fürpass losung geben vnd mit der stat leiden wil übel und guet».

¹⁵ Влияние магдебургского права на офенское было рассмотрено О. Б. Келлер, оставившей без внимания вопрос о саксонском влиянии на институт «гражданства» и способы его приобретения [20].

¹⁶ Виндеке побывал в Офене между 1406–1408 гг., но, видимо, не собирався там осесть. Он взял в долг у местного бюргера Конрада Хоххюта 50 золотых и, согласно жалобе, поступившей пресбургскому судье, обманул его, подсунув залог стоимостью лишь в шесть гульденов [15, с. 478–480].

лишь как неполноправных «плохих граждан», как общину. В 1402 году община под предводительством мельника Андраша выступила против совета, но потерпела поражение [21, с. 40]. Цитируемая книга Будайского права как раз была составлена для закрепления восстановленного порядка. Суровый запрет на продажу имущества чужакам может быть вызван стремлением избежать вымирания и разорения немецкой торговой верхушки и сохранить ее роль как политической элиты города.

Список литературы

1. Поршнеv, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнеv. – М.: Наука, 1966. – 213 с.
2. Taganyi, K. Megyei önkormányzatunk keletkezése / K. Taganyi. – Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1899. – 41 old.
3. Taganyi, K. Vármegyéink eredetének kérdése / K. Taganyi // Történeti szemle. – 2. évf. – 4. sz. – Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1913. – 510–542. old.
4. Lederer, E. Feudalizmus kialakulása Magyarországon / E. Lederer. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. – 206 old.
5. Erdelyi, L. Árpadkori társadalomtörténetünk kérdései / L. Erdelyi // Történeti szemle. – 4. évf. – 1.–4. sz. – Budapest: Magyar tudományos akadémia, 1915. – 32–50, 202–226, 334–352, 481–514 old.
6. Engel, P. Jobbágy (lat. jobagio) / P. Engel // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század) / Főszerk. Kristó Gy. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994. – 304–305. old
7. Ladanyi, E. Libera villa, civitas, oppidum. Terminológiai kérdések a magyar városfejlődésben / E. Ladanyi // Történelmi szemle. – 23. évf. – 3. sz. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – 450–477. Old
8. Хачатурян, Н. А. Авторитарный и коллективный принципы в эволюции средневековой государственности / Н. А. Хачатурян // Власть и политическая культура в средневековой Европе / под ред. Е. В. Гутновой. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. – С. 14–23.
9. Glossarium mediae et infimae latinitatis / Conditum a Carolo du Fresne Domino du Cange. Editio nova / G. A. L. Henschel. – T. 4. – Niort: L. Favre, 1885. – 491 p.
10. Bartal, A. Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae / A. Bartal. – Lipsiae; Budaepetini: In aedibus B.G. Teubneri; Sumptibus societatis Franklinae, 1901. – 722 p.
11. Fejér, Gy. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Gy. Fejér. – T. 9. – Vol. 5. – Buda: Typis typogr. Regiae universitatis Ungaricae, 1834. – 654 p.
12. Lysá, Ž. Bratislavské hostia v 13. storočí: zvyky, pravo a sprava / Ž. Lysá // Historický časopis. – R. 61. – № 4 – Bratislava: Slovak academic press, 2013, № 4. – 729 s.
13. Király, J. Pozsony város joga a középkorban / J. Király. – Budapest: A Magyar tud. Akadémia kiadása, 1894. – 464 old.
14. Westenrieder, L. Rechtsbuch bairisches des Ruprecht von Freysing / L. Westenrieder. – München: bey Joseph Lindauer, 1802. – 250 S.

15. Zsigmondkori oklevéltár / Összeállította E. Mályusz – 2. köt. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1958. – 630 old.
16. Eberhard Windeckes Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. – Berlin: R. Gaertners Verlagsbuchhandlung, 1893. – 591 S.
17. Skorka, R. A kalandor krónikás – Eberhard Windecke emlékirata Zsigmond királyról és koráról / R. Skorka. – Ph.D. disszertáció. – Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2009. – 134 old.
18. Наумов Н. Н. «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке: автор и проблема жанра / Н. Н. Наумов // Петербургский исторический журнал – Вып. 9. – СПб.: Нестор-История, 2016. С. 65–83.
19. Michnay, A., Lichner, P. Ofner Stadtrecht von MCCXLIV–MCCCCXXI / A. Michnay, P. Lichner. – Pressburg: Druck und Verlag von Carl friedrich Wigand, 1845. – 298 S.
20. Келлер О. Б. Немецкое право в Венгрии в период Средневековья / О. Б. Келлер // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 4. – Минск: РИВШ, 2011. – С. 47–65.
21. Ács, Z. Nemzetiségek a történelmi Magyarországon / Z. Ács. – Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1984. – 329 old.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНЯЗЕЙ КРОШИНСКИХ

Род князей Крошинских, существовавший в Великом княжестве Литовском на протяжении XV–XVII вв., принадлежит к числу княжеских родов, точное происхождение которых остается неизвестным. Впрочем, легендарная традиция о происхождении Крошинских все же существовала, однако возникла она, похоже, очень поздно, только в середине XVII в. А именно, в гербовнике В.-А. Винок Кояловича, составленном в 1650-х гг., их предком назван князь «Wikund» (Вигунт), сын Кейстута, князя Жмудского. Его сын Григорий («Hręgory Wikundowicz») будто бы «построил место и замок на Северю, откуда прозвание князей Крошинских утвердилось» [1, с. 145]. Источником этого сообщения Кояловича был панегирик Л. Коллосовича, изданный в Вильне в 1652 г. по случаю бракосочетания князя К.-Г. Крошинского [2] (по данным Ю. Вольфа, который пользовался наиболее полной, неизданной редакцией гербовника Кояловича [3, с. 186, X]). Эта же версия, безо всяких изменений, была повторена и в гербовнике К. Несецкого 1738 г. [4, с. 711–712]. На самом же деле Вигунт-Александр, князь Керновский († 1392), был сыном не Кейстута, а Ольгерда Гедиминовича, и никакого потомства у него не известно [напр.: 3, с. 161, 339, 552].

Ю. Вольф, хотя и справедливо отметил, что Вигунт был «мнимым» сыном Кейстута, тем не менее, литовское происхождение Крошинских вполне допускал. Их родовым гнездом исследователь предположительно считал Крошин в Новогрудском повете, потерянный ими, возможно, при великом князе Сигизмунде Кейстутовиче в 1430-е годы. Поскольку в Супрасльском помяннике, в статье «Род князя Константина Крошинского» (Федоровича, упоминается в 1482–1513 гг.), первыми записаны князь Роман, князь Иван, князь Федор, князь Константин и т. д. [5, с. 457], Вольф считает Романа отцом Ивана и дедом Федора. Ивана же Романовича Крошинского предположительно отождествляет с одноименным князем, членом рады Свидригайло Ольгердовича, который упоминается в 1446–1450 гг. [3, с. 186–187]. От себя добавим, что точно такой же порядок имен первых князей Крошинских, что и в Супрасльском помяннике, содержится и в древнейшем помяннике Киево-Печерского монастыря, конца XV – начала XVI века [6, с. 70].

В наше время Л. Войтович также считает Крошинское «княжество» частью Новогрудского. При этом исследователь несколько «скорректи-

ровал» версию Коллосовича/Кояловича, признавая предком Крошинских не Вигунта, а Войдата, реального сына Кейстута, князя Новогрудского, сын которого Иван, вероятно, и стал первым князем Крошинским [7, с. 37]. В реальности же никаких достоверных сведений о потомках Войдата мы не имеем (весьма условно, его сыном можно считать только князя Юрия Новогрудского, племянника Витовта, упомянутого в 1384 г.).

Вообще же следует отметить, что сыновья и Вигунта Ольгердовича, и Войдата Кейстутовича, если бы таковые действительно существовали, приходились бы родными племянниками либо королю Владиславу-Ягайло, либо великому князю Витовту, и как таковые, скорее всего, неоднократно упоминались бы в источниках. Вполне очевидно, что утверждение Коллосовича/Кояловича о происхождении Крошинских никаких реальных оснований под собой не имеет; вряд ли подлежит сомнению, что это – генеалогический вымысел, созданный спустя два с лишним столетия после возникновения самого рода, с тщеславной целью представить его ветвью некогда правящей династии Гедиминовичей.

Наконец, еще более фантастическую версию происхождения Крошинских предложил Ян Тенговский. По его мнению, раз предком этого рода был князь Роман, то «обратим в связи с этим внимание на личность князя Романа Михайловича, который был наместником Витовта в Смоленске до 1401 года (...) Роман тот мог быть сыном Михаила Андреевича, погибшего под Рязанью, что, если бы его отождествить с предком Крошинских, позволило бы тех князей связать с Гедиминовичами». Речь идет о Михаиле, сыне Андрея Ольгердовича, князя Полоцкого, погибшего во время похода на Рязань в 1385 году [8, s. 72; 9]! Но такое предположение, основанное, по сути, лишь на совпадении имен, причем весьма распространенных, мы считаем неубедительным. Вряд ли могут быть сомнения в том, что Роман Михайлович, князь Брянский и великий князь Черниговский, был представителем местной древней династии Ольговичей, ветви Рюриковичей [10, с. 4].

В документальных источниках Крошинские впервые упоминаются в 1440-х гг., хотя без княжеского титула и даже имени [11, р. 46, 47]; конкретно же князь Константин Крошинский – только начиная с 1482 г. [12, р. 114]. До московских захватов 1480-х гг. им принадлежали волости Тешиново, Сукромна, Олховец, Отъезд, Залоконье, Волста, Клыпино, Нездилово, Чарпа и Головичи (согласно списку литовских послов, поданному в 1494 г.) [13, с. 118–119]. Те из них, которые возможно лока-

лизировать, «занимали пространство на восток от реки Гжать (приток Вазузы) по обеим сторонам Яузы (правый приток Гжати)». Это была территория на востоке Смоленской земли, скорее всего – когда-то входившая в состав Вяземского княжества, граничащая с Можайским уделом Московского государства [14, с. 173–178 и особенно карта 10].

Исходя из местоположения владений Крошинских, проще всего было бы допустить, что они являлись потомками князей Смоленских, а именно, младшей ветвью Вяземских. Однако мы не можем с этим согласиться по двум причинам. Во-первых, в 1492 г., жалуюсь на захват пяти своих волостей москвичами, Крошинские подчеркивали, что это их «отчина и дѣдина отъ великого князя Витовта, дѣди и отци ихъ дръжали, и они породилися на той своей отчинѣ» [13, с. 74]. Следовательно, смоленские владения Крошинские получили, скорее всего, в качестве слуг Витовта, т. е. уже после присоединения к ВКЛ Смоленской земли, включая Вяземское княжество, в 1404 году. Во-вторых, этот же вывод косвенно подтверждает само их родовое прозвание. А именно, среди смоленских волостей Крошинских, подробно перечисленных в посольской документации, мы не встречаем ни одной, от которой могла бы образоваться их фамилия. Следовательно, первоначальное родовое гнездо Крошинских нужно искать в другом месте. Напоминаем, Ю. Вольф предполагал, что таковым мог быть Крошин в Новогрудском повете – совр. поселок Барановичского района Брестской области Беларуси. Однако мы склоняемся к мысли, что волость, давшая прозвание роду Крошинских, находилась в пределах древней Черниговской земли.

В 1455 г. князь Федор Львович Воротынский получил от короля Казимира подтверждение на ряд волостей, отданных ему несколько ранее, среди которых названы «Крайшина по обе стороне Высы реки, Кцинь, Озерескъ, Перемышль, Логинескъ» [11, р. 39]. Следовательно, раньше эти волости к Воротынскому уделу не принадлежали, хотя и непосредственно к нему примыкали. Очевидно, в прошлом все они входили в состав соседнего, Карачево-Козельского княжества, а их передача князю Воротынскому стояла в связи с назначением его наместником Козельским, незадолго до февраля 1448 г. (после захвата города у Москвы) [15, р. 248]. По крайней мере, о соседнем Перемышле на реке Оке нам точно известно, что еще в начале XV века он имел собственных князей, которые, согласно позднейшим родословным росписям, происходили из Карачево-Козельской линии черниговских Ольговичей [16, с. 499, 501]. А именно, в 1408 году из ВКЛ в Москву выехал князь Семен Перемышльский [17, с. 237].

По-видимому, в состав Карачево-Козельского княжества входила и волость Крайшина, располагавшаяся в бассейне рек Росвы (приток нижней Угры) и Висы (приток Оки, в ее нижнем течении стоял Ворытск). «Самое же Крайшино находилось где ныне село Спаское Крайшино тож, оно лежит между реками Угрою и Окою, при котором признаки находятся старинного жилья» [18, с. 81–82; 14, с. 190–191 и карта 11]. Полагаем, что именно от этой волости и получил свое название род князей Крошинских.

Главным аргументом в пользу нашей версии является запись в знаменитом Любецком синодике князя Симеона Крошинского [19, с. 29, 166]. Аналогичная запись содержится также в более древнем и полном помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры, где кн. Симеон назван иноком; здесь он записан «в окружении» князей, упоминающихся в первой трети XV в., а сразу после него поминается князь Роман [20, с. 19], вполне вероятно – тот же самый, который в Супрасльском и древнейшем Киево-Печерском помянниках фигурирует как первый в роду князей Крошинских. Ведь хорошо известно, что в указанных памятниках поминаются, в подавляющем большинстве, князья, владения которых находились в пределах древней Черниговской земли. Если наша версия верна, то Крошинские могли быть только одной из ветвей Карачево-Козельской линии черниговских Ольговичей. Конкретное же их происхождение, понятно, установить практически невозможно.

Еще одним, косвенным аргументом в пользу версии о происхождении Крошинских от князей Карачево-Козельских, являются данные геральдики. А именно, их герб, приведенный у В.-А. Кояловича (см. рисунок слева), имеет определенное сходство с печатным знаком князя Ивана Ивановича Пузины Глушонка 1499 г. (см. рисунок справа), особенно в их нижней части, основании. Князь Иван же был родоначальником князей Пузин, которые, согласно их родовой традиции, являлись потомками князей Козельских [21, с. 23–24].

Можно предположить, что Крошинские, Перемышльские и некоторые другие удельные князья Карачево-Козельского княжества перешли на службу к великому князю литовскому Витовту после того, как между 1390 и 1402 гг. Московское государство завладело Козельском, «в знак протеста» против этой акции. Затем же, вследствие каких-то причин, Крошинские потеряли свои родовые владения, но взамен получили несколько пограничных волостей на востоке Смоленской земли, окончательно присоединенной к ВКЛ в 1404 г. После того же, как в 1447/48 г. Козельск перешел от Москвы к Литве, Крайшина, вместе с соседним Перемышлем и некоторыми другими волостями, была отдана во владение наместнику козельскому, князю Федору Львовичу Воротынскому.

Список литературы

1. Wijuk Kojalowicz, W. Herbarz gycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium / W. Wijuk Kojalowicz. – Krakow: w drukarni «Czasu» Fr. Kluczyckiego i Spolki, 1897. – 527 s.
2. Kollosowicz, L. Gratulatio nuptiarum inter Perillustr. ac Magnif. Dominum D. Carolum Georgium a Kroszyno Kroszyńscium et Perillustr. ac Magn. Domini D. Elizabetham Perillustr. ac Magn. Domini D. Vilhelmi a Tizenhauzen Capitanei Kupiscensis Filiam. D. 21 Januarii Anno 1652. Vilnae celebratarum per Lavrentivm Kollosowicz exhibita / L. Kollosowicz. – Wilno: w drukarni Oycow Bazyl. S. Troycy, 1652. – Kart 17.
3. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: drukiem J. Filipowicza, 1895. – 698 s.
4. Niesiecki, K. Korona Polska... / K. Niesiecki. – Т. II. – Lwow: w drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu, 1738. – 761 s.
5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Т. IX. – Вильна: печатня О. Блюковича, 1870. – 486 с.
6. Древнейший помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. – Кн. 6. – Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1892. – Приложение. – С. XIV, 88 с.
7. Войтович, Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження / Л. Войтович. – Львів: Інститут українознавства ім. Івана Крип'якевича, 2000. – 649 с.
8. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań-Wrocław: Wydawnictwo Hystoryczne, 1999. – 320 s.
9. Tęgowski, J. Kilka uwag o genealogii kniazíów Kroszyńskich do końca XV wieku / J. Tęgowski // Genealogia. Studia i materiały historyczne. – Т. XV. – Poznań-Wrocław, 2003. – S. 35–43.
10. Келембет, С. Роман Михайлович II – останній самостійний володар Чернігова / С. Келембет // Сіверянський літопис. – 2016. – № 2. – С. 3–16.

11. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 3 (1440–1498). – Vilnius, 1998. – 164 p.
12. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 4 (1479–1491). – Vilnius, 2004. – 288 p.
13. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. – Т. 1. – СПб.: Типография Ф. Елконского и К, 1882. – XXII, 870 с., 88 стб.
14. Темушев, В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 / В. Н. Темушев. – Москва: Квадрига, 2013. – 240 с.
15. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 5(1427–1506). – Vilnius: Mokslas, 1993. – 404 p.
16. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий / Г. А. Власьев. – Т. I. Князя Черниговские. – Ч. I. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1906. – 667 + 8 с.
17. Полное собрание русских летописей. – Т. XXV. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 468 с.
18. Зельницкая, Е. Г. Исследование древних исторических мест и урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии / Е. Г. Зельницкая // Отечественные записки. – Ч. 27. – СПб., 1826. – С. 69–90.
19. Зотов, Р. В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Р. В. Зотов. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 327+47+II с.
20. Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. – Спецвипуск 7. – Київ, 2007.
21. Однороженко, О. Герб князів Полубенських / О. Однороженко // Сіверянський літопис. – 2009. – № 2–3. – С. 22–27.

КНЯЗЬЯ ОЛЕЛЬКОВИЧИ – ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЛАСТЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

История правящих династий в средневековой Европе имела сильнейшее влияние на историю тех государств, во главе которых они стояли. Это влияние можно проследить в самых различных областях жизни, но особенно сильный отпечаток оно наложило, пожалуй, на политическую сферу. Здесь имело значение все – от происхождения рода до его демографии. Малочисленность династии упрощала вопрос о престолонаследии, но одновременно она создавала опасность угасания династии, которое, в свою очередь, могло спровоцировать самые серьезные конфликты в жизни страны – вплоть до гражданской войны. С другой стороны, многочисленность правящего рода также порождала немало проблем. Лишь немногие его представители могли реально рассчитывать на верховную власть, но тогда что же оставалось всем остальным? И вообще, какое место в жизни своих стран занимали близкие монаршие родственники, которых в западноевропейской генеалогии принято называть благородно-поэтическим термином принцев крови? Нередко эти лица и даже целые ветви правящего рода оставались в тени, составляя как бы второй план высшей власти. Стратегии их поведения могли быть разными. Кто-то смирялся с таким положением, благоразумно поддерживая власть более удачливого родственника. Но были и те, которые находились в более или менее явной оппозиции к правящему монарху и были готовы в удобный момент выйти из тени и заявить свои права на трон.

После того, как Ягайловичи прочно закрепили за собой Великое княжество Литовское и стали традиционно избираться польскими королями, другие ветви большого Ольгердова рода оказались в тени королевской династии. К сожалению, мы явно недостаточно знаем об этих ветвях, не говоря уже об отдельных их представителях. А эти княжеские линии, безусловно, заслуживают самого пристального внимания – ведь они играли подчас весьма важную роль, причем не только у себя на родине, в Великом княжестве Литовском, но и в соседних государствах. Остановимся более подробно на судьбе рода Олельковичей, а точнее, на одном из аспектов истории этой знаменитой в свое время княжеской династии.

В литературе уже давно отмечалось, что на протяжении всей своей истории род Олельковичей занимал совершенно особое место в Великом княжестве Литовском¹. Владимир, один из сыновей Ольгерда от первого брака, получил в удел от отца Киев и долгое время княжил там. Но в 90-е гг. XIV в. он оказался заложником борьбы за власть и земли, которую вели между собой Ягайло, Витовт и Скиргайло, и в результате в 1394 г. лишился своего престижного и политически важного киевского удела. В княжение Витовта (1392–1430) Владимир Ольгердович, а затем его сын Александр (Олелько), родоначальник Олельковичей, вынуждены были довольствоваться лишь скромной ролью владельцев небольшого Копыльского (или Копыльско-Слуцкого) княжества². Но, несмотря на это, в XV–XVI вв. Олельковичи считались второй по статусу после Ягайловичей ветвью династии Ольгерда. Это ясно видно по целому ряду фактов.

Согласно сообщению М. Стрыйковского, после смерти великого князя литовского Витовта Олелько Владимирович рассматривался как один из возможных кандидатов на великое княжение литовское³. Двумя другими были Сигизмунд Корибутович и Свидригайло⁴. Сложно однозначно сказать, насколько достоверна эта информация. В историографии высказывалось разное к ней отношение. Критики акцентируют внимание на том, что прочие источники ничего не знают об этом, а М. Стрыйковский был очень близок Слуцким (о чем ниже), и вполне мог даже сам придумать этот факт⁵. И все же, думается, нельзя полностью отвергать такую воз-

¹ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. Warszawa, 1895. S. 336.

² На каком-то этапе к Копылю был добавлен Слуцк. К сожалению, источники прямо не сообщают, когда и в связи с чем это произошло. Однако самой правдоподобной представляется версия, по которой расширение княжества за счет Слуцка было связано с заключением в 1417 г. брака Олельки Владимировича и Анастасии – дочери великого князя московского Василия I и внучки Витовта. По случаю этого события Витовт вполне мог передать молодой паре Слуцк: или в качестве своеобразного свадебного подарка, или же в качестве приданого за невестой. По всей видимости, молодожены в скорости и поселились в этом городе, тогда как остальные члены семьи Владимира Ольгердовича, уже покойного к тому времени, остались в Копыле. В пользу этого предположения говорит хотя бы тот факт, что новорожденный сын Олельки и Анастасии Семен был крещен в 1420 г. именно в Слуцке. И, в любом случае, существуют бесспорные документальные доказательства того, что на 1444 год Слуцк находился во владении Олельки Владимировича и его семьи (см.: Ліцкевіч А. У. *Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum Głównego Akt Dawnych у Варшаве // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі*. Вып. 11 / склад.: Л. Г. Кірыхіна, К. В. Суша. Мн., 2009. С. 14, 15).

³ Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*. T. 2. Warszawa, 1846. S. 177.

⁴ Ibid.

⁵ Глінскі Я. С. Першыя пакаленні князёў Алелькавічаў Слуцкіх у інтэлектуальнай традыцыі Вялікага Княства Літоўскага XV – XVII ст. // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 6. Минск, 2013. С. 246.

можность. Брак Олельки с внучкой Витовта, московской великой княжной Анастасией Васильевной, который был заключен в 1417 г., может указывать на то, что этот могущественный великий князь литовский, не имевший мужского потомства, имел какие-то виды на эту семью.

Трудные времена Олельке Владимировичу и его семье довелось пережить в правление великого князя литовского Сигизмунда Кейстutowича (1432–1440). Несмотря на то, что Олелько был одним из главных участников заговора против Свидригайла⁶, впоследствии он долго колебался и не мог решить, чью сторону принять в разгоравшейся гражданской войне. Сначала он поддерживал Сигизмунда, затем перебежал к Свидригайле и наконец снова оказался в лагере Кейстutowича. Именно Сигизмунд отнял у Олельки Копыль и Слуцк и бросил его вместе с семьей в заключение. Сам Олелько содержался в Кернове, а его жена вместе с сыновьями Семеном и Михаилом – в Утене⁷.

Можно попытаться уточнить время ареста Олельки и его семьи. Еще в 1433/1434 году Олелько вместе с женой и детьми издал в своем дворе Турец, что примерно в 10 км к юго-востоку от Кореличей, вкладную грамоту для Лавришевского монастыря⁸. Следовательно, на то время они еще находились на свободе. Кроме того, в 1434 г. Олелько по приказу Сигизмунда Кейстutowича ходил походом на Киев⁹. К сожалению, пока не удастся более точно датировать этот поход: он мог состояться как в начале года¹⁰, так и летом¹¹. Как бы там ни было, но фактом является то, что в документе 7 февраля 1435 г. в качестве копыльского старосты фигурирует пан Петраш Монтыгирдович¹². А это означает, что Копыль в тот момент уже не принадлежал Олельке. Таким образом, самым вероятным временем ареста Олельки, его жены и детей представляется период с весны (или, возможно, с лета) 1434 г. и до начала февраля 1435 г.

⁶ Korczak L. *Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim*. Kraków, 2008. S. 78–79, 81–82.

⁷ Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32 / сост. и ред. Н. Н. Улащик. Москва, 1975. С. 155, 157.

⁸ Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 147. Воп. 2. Адз. зах. 179. Арк. 1. Публікацыя: Мікульскі Ю. М. Да гісторыі знаці XIV–XVI ст. // Беларуская Даўніна. Вып. 1. Мінск, 2014. С. 160. К сожалению, в документе указаны лишь годовая дата и индикт: «Псан в Турци в лет(о) 6942, индик 12».

⁹ Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (LECUB). Bd. 8 / Herausgegeben von H. Hildebrandt. Riga – Moskau, 1884. Nr 855. P. 501.

¹⁰ Korczak L. *Monarcha i poddani*. S. 81–82.

¹¹ Kolankowski L. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. T. 1. Warszawa, 1930. S. 204.

¹² Codex Epistolaris Saeculi Decimi Quinti. T. 2. Cracoviae, 1891. Nr 232. P. 343.

Мы не знаем в точности причин и обстоятельств заключения Олельки под стражу, но подозрительный Сигизмунд Кейстутович сделал это, скорее всего, с превентивной целью. А непосредственным поводом ареста Олельки мог стать его неудачный поход на Киев. Похоже, что уже тогда Олелько был одним из самых видных представителей династии, который мог представлять реальную угрозу власти Сигизмунда. И дальнейшие события показали, что Олелько действительно имел сторонников, которые были готовы возвести его на трон.

В общем, несмотря на все свои злоключения, Владимир Ольгердович, а затем его сын Олелько и внуки Семен и Михаил неизменно входили в число первых лиц правящего рода Гедиминовичей. Их авторитет был высок как в политической среде стран Восточной Европы, так и в тесно с ней связанной среде церковной. Так, например, княжича Семена Олельковича крестил сам митрополит Фотий¹³.

После убийства Сигизмунда Кейстутовича 20 марта 1440 г. Олелько Владимирович и его сыновья, наряду с Михаилом Сигизмундовичем, Свидригайло и Казимиром Ягеллончиком, рассматривались в качестве возможных претендентов на великокняжеский трон¹⁴. К сожалению, мы слишком мало знаем об этом – в том числе неизвестны и силы, которые выдвигали кандидатуру Олельки. Но, в любом случае, эта ситуация представляется очень показательной. По сравнению с другими претендентами, Олелько состоял в более отдаленном родстве с прежними великими князьями литовскими. Все его конкуренты были сыновьями бывших великих князей, тогда как он – лишь внуком. Тем не менее, Олелько все же рассматривался как реальный кандидат. Это обстоятельство еще раз ярко подчеркивает тот высокий статус, которым обладала данная ветвь Ольгердова рода в государстве.

Достижению и поддержанию этого статуса, по всей видимости, сильно способствовало то, что Владимир Ольгердович, а затем его сын Олелько вовсе не были склонны к мятежам и вооруженной борьбе за власть. Этим они сильно отличались, например, от Свидригайло, Михаила Сигизмундовича или Юрия Лугвеньевича, которые пытались подкрепить свои немалые претензии вооруженной силой. Еще хуже было то, что нередко эти родственники и конкуренты Олельковичей использовали вооруженную силу иностранного происхождения. А привлечение иностранных войск в ходе борьбы за власть в своей родной

¹³ Супрасльская летопись // ПСРЛ. Т. 35 / сост. и ред. Н. Н. Улащик. Москва, 1980. С. 56; Слуцкая летопись // Там же. С. 78.

¹⁴ Strykowski M. Kronika... T. 2. S. 206.

стране никогда не добавляло популярности претенденту – даже если он, в конце концов, добивался этой власти. Оленьковичей невозможно было обвинить в использовании иностранной военной помощи. Их не так-то легко было обвинить даже в бегстве за границу – хотя такие отъезды перед лицом грозящей опасности были в то время вполне обычным делом для князей и их окружения делом. Правда, Хроника Быховца сообщает о бегстве Владимира Ольгердовича в Москву: «князь Володимир бегал на Москву и тым пробегал отчизну свою Киев»¹⁵. Однако это известие является единственным и нигде более не читается, в том числе в московских и других русских летописях, что довольно странно: местные летописцы всегда уделяли большое внимание беглецам и эмигрантам такого высокого ранга. Вместе с тем, сама приведенная в Хронике Быховца аргументация, согласно которой князь лишился своих вотчинных прав на княжество в результате бегства из страны, все же представляет интерес. Однако не стоит возводить ее в ранг непреложного правила – если указанного принципа и придерживались, то далеко не всегда. Так, например, поднятый князем Юрием Лугвеньевичем в 1440 г. мятеж и последовавшее за ним бегство в Москву не привели к лишению этого князя и его потомков наследственных прав на Мстиславльское княжество. Многочисленные скандальные отъезды Свидригайла из Великого княжества Литовского, в том числе в Москву в 1408–1410 гг., также отнюдь не помешали ему занять впоследствии великокняжеский трон.

Обладание престижным Киевом, богатство рода, его лояльность великим князьям литовским, нежелание добиваться власти, поднимая мятежи и разжигая войны в своей стране, постоянное пребывание на родине – все это и сделало Оленьковичей второй по статусу ветвью Ольгердовичей в Великом княжестве Литовском. Что же касается происхождения Оленьковичей от старшего, по сравнению с Ягайлой, сына Ольгерда, то оно, по всей видимости, не сыграло в этом сколько-нибудь заметной роли.

Первоисточником информации о кандидатурах Оленьки и его сыновей в 1440 г. является хроника М. Стрыйковского. Именно из хроники Стрыйковского соответствующие сведения попали в Хронику Литовскую и Жмойтскую¹⁶. Здесь, думается, стоит более подробно остановиться на вопросе об источниках.

В литературе уже неоднократно высказывалось мнение о том, что Хроника Быховца – это памятник слуцкого происхождения. Однако,

¹⁵ Хроника Быховца. С. 162.

¹⁶ Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. С. 85.

сравнивая его с той же хроникой Стрыйковского, можно заметить, что Стрыйковский гораздо больше пишет о слущких князьях – Олельковичах. Кроме того, он гораздо сильнее симпатизирует этому роду, чем автор (или, по крайней мере, последний редактор) Хроники Быховца. Достаточно вспомнить хотя бы приведенную выше не слишком приятную для Олельковичей характеристику их предка – Владимира Ольгердовича. К тому же, у Стрыйковского намного больше известий об Олельковичах, чем в Хронике Быховца. В Хронике Быховца сведения об Олельковичах относительно немногочисленные и отрывочные. Так, например, этот источник содержит не так уж много информации о самых блестящих временах Олельковичей: периоде между 1440 и 1470 гг. У Стрыйковского же сведения об Олельковичах за эти годы гораздо более многочисленны и подробны. Тем не менее, только Хроника Быховца и произведения М. Стрыйковского содержат уникальную информацию о том, что Владимир был самым старшим из сыновей Ольгерда¹⁷. Скорее всего, эта информация не соответствует действительности, но зато она прямо указывает на тенденцию названных произведений.

В таком пристальном интересе М. Стрыйковского к Олельковичам, в общем-то, нет ничего удивительного: князь Юрий II Юрьевич Олелькович-Слущкий был одним из главных его меценатов¹⁸. Знаменитый хронист с благодарностью упоминает его на страницах своей хроники. Считается, что именно Юрий Олелькович вдохновил М. Стрыйковского на создание ещё одного крупного исторического труда – «O początkach...»¹⁹. И этот свой труд Стрыйковский действительно посвятил слущкому князю²⁰. Что же касается Хроники Быховца, то это сложное по своему происхождению и составу произведение, которое за свою долгую историю неоднократно подвергалось переработке и редактированию. На каком-то этапе создания его автор или редактор, безусловно, имел отношение к Слущку и княжескому роду Олельковичей. Но считать Хронику Быховца памятником именно слущкого происхождения все-таки нельзя. Если и говорить о каких-то особых региональных симпатиях, которые прослеживаются на протяжении всего текста этого памятника, то здесь на первое место следует поставить, несомненно, Новоградок.

¹⁷ Хроника Быховца. С. 141; Strykowski M. Kronika... T. 2. S. 57; ejusdem. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego / oprac. J. Radziszewska. Warszawa, 1978. S. 263.

¹⁸ Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990. S. 131–136.

¹⁹ Strykowski M. O początkach... S. 8, 10–11.

²⁰ Ibid. S. 33.

Приход Казимира Ягеллончика к власти в Великом княжестве Литовском 29 июня 1440 г. хоть и не позволил Олельке или его сыновьям занять трон, однако вовсе не стал для них трагедией. В отличие от Сигизмунда Кейстутовича, Казимир отнесся к ним весьма милостиво и после 45-летнего перерыва вернул этому роду Киев²¹. (Чуть ранее, еще до приезда Казимира в Великое княжество, литовские паны выпустили их из заключения²²). Следует отметить, что Олелько был не единственным членом династии, которому вновь избранный юный великий князь литовский вернул прежние, еще отцовские владения²³. Другой внук Ольгерда, князь Юрий Лугвеньевич также получил от нового господаря свой отчинный Мстиславль – и также после достаточно большого перерыва. Политика уступок своим многочисленным родственникам была очень характерна для первых лет правления младшего сына Ягайла. Ситуация в государстве была нестабильной, Казимир крайне нуждался в политической поддержке и союзниках, в связи с чем без особых колебаний восстанавливал старые княжеские уделы и даже создавал новые – как, например, волынский для своего дяди, бывшего великого князя Свидригайла. Однако отметим, что особую (а возможно, даже главную) роль в этом процессе играли паны-рада. По крайней мере, так об этом пишет Хроника Быховца, постоянно подчеркивая, что князья-просители обращались к Казимиру через радных панов.

В первые годы правления Казимира, пока тот еще не достиг совершеннолетия, сложился совершенно особый порядок управления государством. В рамках этой системы родственники юного великого князя, и в первую очередь его двоюродные братья, играли в стране совершенно особую роль. Так, свой договор с Псковом 30 декабря 1440 г. Казимир заключил совместно «з своею братьею»²⁴. Не вызывает никаких сомнений то, что среди этой «братьи» Казимира был Олелько Владимирович. Вероятнее всего, в число этих ближайших родственников молодого великого князя и одновременно его доверенных лиц входили также двое других сыновей Владимира Ольгердовича – Андрей и Иван. Но Олелько все же выделялся среди братьев, обладая очень большим влиянием при дворе господаря. Так, например, «Книга данин Казимира» фиксирует

²¹ Хроника Быховца. С. 160.

²² Там же. С. 157.

²³ В данном случае представляется вполне обоснованным называть эти владения как отцовскими, так и вотчинными: на тот момент эти понятия совпадали не только этимологически, но и по смыслу.

²⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. Москва – Ленинград, 1949. № 335. С. 321.

случаи, когда основанием для оформления великокняжеских пожалований становился «приказ Олельковъ»²⁵. Да и сам Олелько не оставался обделенным такими пожалованиями. В том же источнике читаем: «Князю Олександрю Володимировичу Острецкии Городок»²⁶.

Олелько был завидным господином. Некоторые бояре даже оставляли службу великому князю литовскому, чтобы отправиться служить в Киев к Олельке. При этом они, разумеется, утрачивали свои прежние земли. Но, по всей видимости, они вовсе не боялись этого: очевидно, киевский князь обещал им гораздо больше. Так, например, цитированная выше «Книга данин Казимира» сообщает: «Пану Миколаю Немировичу чоловекъ Яковец оношковскийи до воли, занюж тотъ Оношко поехал к Олелку»²⁷. То есть, после того как некий Оношко, который ранее служил великому князю литовскому, отъехал на службу к Олельке, государь раздал его земли и крестьян другим лицам – в частности, пану Немировичу.

Долгое время Олельковичи вели самую настоящую династическую брачную политику. Среди их родственников были представители монарших, а также виднейших княжеских родов Восточной Европы.

Сам Олелько был женат на дочери великого князя московского Василия I.

Одна из его дочерей, Евдокия 5 июля (или 5 июня) 1463 г. вышла замуж за знаменитого молдавского воеводу Стефана III Великого²⁸. Всего через четыре года она умерла²⁹. Их дочерью была известная Елена Вошанка³⁰.

По мнению Яна Тенговского, еще одной дочерью Олельки была Барбара – жена мазовецкого князя Болеслава IV³¹. Напомним, что именно

²⁵ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 3 / par. L. Anužytė ir A. Baliulis. Vilnius, 1998. P. 42, 68. Однако на основании одних лишь «приказов» Олельки все-таки не стоит абсолютизировать роль этого князя – как это делал, например, Л. Колянковский (Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. Т. 1. S. 280). Во-первых, эти «приказы» вовсе не были такими многочисленными, как о том пишет упомянутый автор, утверждая, что в раде верховодили Олелько вместе с Яном Гаштольдом. А во-вторых, из той же «Книги данин» следует, что такого рода приказы отдавали не только Гаштольд и Олелько, но и многие другие члены господарской рады.

²⁶ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 3. P. 64.

²⁷ Ibid. P. 54.

²⁸ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / сост. Ф. А. Грекул. Москва, 1976. С. 26, 63, 69, 106.

²⁹ Там же. С. 64, 70, 107.

³⁰ Там же. С. 37, 47; Documenta Romaniae Historica. Serie A: Moldova. Vol. 2 / L. Simanschi, G. Ignat, D. Agache. București, 1976. Nr 138. P. 196.

³¹ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań – Wrocław, 1999. S. 89–90.

Болеслав был одним из главных претендентов на польский трон после гибели в 1444 г. Владислава III Варненчика. Более того, в 1446 г. он был избран польским королем – правда, при условии, что от трона откажется основной претендент, великий князь литовский Казимир Ягеллончик. Но Казимир, как известно, в конце концов согласился.

Просто блестящими были династические позиции Семена Олельковича. По мужской линии он был правнуком Ольгерда, а по женской – правнуком Дмитрия Донского и Витовта. Причем это последнее обстоятельство (происхождение от Витовта) имело для Великого княжества Литовского особое значение. По всей видимости, совсем не случайно Семен Олелькович совершил в 1451 г. путешествие в Москву, где встречался со своей бабкой Софьей Витовтовной и дядей – великим князем московским Василием II³².

По сообщению тверской летописи, зимой 1470/1471 г. местный великий князь Михаил Борисович «женися ... Софиею, князь Семенова дщерь Олельковичь»³³. София умерла в Твери 7 февраля 1483 г. и «положена бысть въ Святемъ Спасе»³⁴.

Разные источники относят смерть Олельки Владимировича к разным годам. Согласно Хронике Быховца, князь умер в 6962 (1453/1454) году³⁵, тогда как М. Стрыйковский называет 6964 (1455/1456) год³⁶. По всей видимости, верной является первая дата, поскольку доподлинно известно, что в 1455 г. киевским князем был уже Семен Олелькович³⁷.

Хроника Быховца сообщает также о том, что Казимир после смерти Олельки изменил те условия, на которых его наследникам предстояло управлять Киевом. Во-первых, он не позволил двоим сыновьям Олельки делить между собой Киевщину. А во-вторых, усилившийся к тому времени господарь не пожелал, чтобы Семен, старший сын Олельки, получил древнюю столицу Руси в качестве отцовского наследства (вотчины), а лишь «даст(ь) от себе держати»³⁸. В качестве вотчины за Олель-

³² Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8 / подг. к изд. А. Ф. Бычков. Санкт-Петербург, 1859. С. 123; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18 / под ред. А. Е. Преснякова. Санкт-Петербург, 1913. С. 206.

³³ Тверская летопись // ПСРЛ. Т. 15 / подг. к изд. А. Ф. Бычков. Санкт-Петербург, 1863. Стб. 497.

³⁴ Там же. Стб. 498. В летописи почему-то сказано, будто она была замужем за Михаилом Борисовичем семь лет, хотя в действительности двенадцать.

³⁵ Хроника Быховца. С. 162.

³⁶ Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 248.

³⁷ Długossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XII. Cracoviae, 2003. P 245.

³⁸ Хроника Быховца. С. 162.

ковичами был признан только Копыль, куда и отправился младший сын Олельки Михаил.

Однако лишение Семена владельческих прав на Киев и превращение его де-юре в киевского наместника великого князя литовского мало что изменили в плане практической реализации им власти над Киевщиной. Несмотря на то, что официально старший Олелькович уже не был киевским князем, фактически его власть ничем не отличалась от власти киевского князя – например, той, которой обладал его отец³⁹. Семен Олелькович чувствовал себя в Киеве очень уверенно, его авторитет в стране и за ее границами был чрезвычайно высок. Летописи и хроники того времени постоянно называют Семена Олельковича киевским князем. Да и сам он вел себя как полноправный киевский князь – по крайней мере, во внутренних делах. Об этом ясно говорят, в частности, титулатура и содержание его грамот. Семен совершенно спокойно, без всякого упоминания великого князя литовского жаловал своим слугам земли «вечно и нерухомо»⁴⁰. Семен любил при случае подчеркнуть свои наследственные права на Киев, и это было обычным делом как в его личных грамотах, так и в документах его приближенных. Так, например, в своей грамоте 1470 г. боярин Каленик утверждал, что творит суд «по приказанью господаря нашего, князя Семена Александровича, отчича киевского»⁴¹. На каменном триптихе, который был изготовлен по случаю освящения Успенского собора Киево-Печерского монастыря, было указано, что храм был восстановлен «благочестивым князем Семеном Александровичем, отчичом киевским». Правда, в начале надписи было отмечено, что это произошло «при великом короли Казимире»⁴². Однако это уточнение связано, по всей видимости, с тем, что триптих был выставлен для всеобщего обозрения. Славяно-молдавские летопи-

³⁹ См.: Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1999. С. 124–125, 128–130.

⁴⁰ Українські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. / уклад. В. Розов. Київ, 1928. №№ 89, 90. С. 165, 166; Українські грамоти XV ст. / підг. В. М. Русанівський. Київ, 1965. № 3. С. 29; Похожим образом действовала и его мать, «кнегини Олександр[р]овая Настас(ь)я Киевская», передавая в 1459 г. Троице-Сергиеву монастырю целые волости (Українські грамоти. Т. 1. № 94. С. 174). В то же время вызывает подозрения грамота с титулом: «Мы, князь Семень Александрович, Великог(о) Князства своег(о) Киевского» (там же. № 93. С. 171).

⁴¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 823. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1об. Публикация: Полехов С. В. Новые документы о Киевской земле XV века // Сфрагистичний щорічник. Вип. 2. Київ, 2012. С. 276–278.

⁴² Бартош А. Є. Свідок відновлення Успенського собору в 1470 році // Лаврський альманах. Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури: Збірник наукових праць. Вип. 2. Київ, 1999. С. 70–71, 73.

си называют Семена Олельковича царем⁴³, а молдавско-польская летопись – киевским царем⁴⁴.

После того как великий князь литовский Казимир в 1447 г. был избран польским королем, он был вынужден подолгу находиться в Короне. В Великом княжестве Литовском многие были недовольны долгими отъездами Казимира. Несмотря на унию с Польшей, на протяжении последних пятидесяти и даже более лет в Великом княжестве постоянно был свой собственный, отдельный от Польши великий князь, который все время находился на его территории и занимался исключительно его делами. В результате к середине XV века в Великом княжестве Литовском сложилась система управления, которая фактически не могла нормально функционировать без личного участия господаря.

В августе 1456 г. из Вильни в Польшу было отправлено посольство, в состав которого входили Товтивил Ян Монтовтович, Миколай Немирович и Остафий Копоть. От имени «прелатов, бояр и всего литовского общества» они высказали Казимиру несколько просьб. Так, они просили его вернуться в Великое княжество, забрать у поляков Подольскую землю и другие территории, угрожая в противном случае отнять их силой, и, наконец, вспомнить судьбу своего брата, короля Владислава III, который погиб на войне, не искушать судьбу, вернуться в Литву и вести там спокойную и беззаботную жизнь⁴⁵. Эта последняя просьба представляла собой весьма неприятное для Казимира напоминание об опасностях войны, которую он как король Польши вот уже два года вел с Немецким орденом в Пруссии и однажды едва не погиб. Очевидно, послы имели в виду случай, который действительно произошел в 1454 г. в битве под Хойницами. Однако Казимир так и не дал ответа на это посольство.

Тем временем в Вильне сформировалась группировка знати, которая выдвинула еще более радикальный план. Она предложила избрать нового великого князя литовского взамен Казимиру. В качестве кандидата был предложен киевский князь Семен Олелькович. Сторонниками старшего Олельковича были его тесть, виленский воевода Ян Гаштольд, князь Юрий Острожский (в источнике «Osthrowski», что может поставить под сомнение эту идентификацию) и Олехно (Довойно или Судимонтович). Первоисточником этой информации является хроника Яна Длугоша⁴⁶. Вслед за Длугошем этот эпизод описал М. Стрыйковский –

⁴³ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. С. 26, 63, 69.

⁴⁴ Там же. С. 106.

⁴⁵ Dlugossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XII. P. 258.

⁴⁶ Ibid.

описал очень подробно, с многочисленными деталями. Так, например, он отметил, что Олельковичи – ближайшие по генеалогии к Казимиру Ягеллончику⁴⁷.

В свое время Л. Колянковский высказал предположение, согласно которому впервые план возведения на трон Семена Олельковича был выдвинут литовскими панями еще на рубеже 1454 и 1455 гг.⁴⁸. Однако эта его гипотеза не находит серьезного подтверждения в источниках. Слишком смелым выглядит и предположение этого автора о том, что решающим фактором в возведении Семена на великокняжеский трон должна была стать военная поддержка Саид-Ахмата, хана Золотой Орды⁴⁹.

Семен Олелькович действительно был связан с Саид-Ахматом, но совершенно особым образом: киевскому князю удалось захватить хана в плен. Безусловно, это сильно укрепило репутацию Олельковича в стране. Ян Длугош в своей хронике дважды сообщает о пленении Саид-Ахмата: один раз под 1452 г., а второй раз под 1455 г.⁵⁰. Очевидно, правильной является вторая дата. В пользу этого говорит, в частности, тот факт, что когда в 1457 г. посол Казимира Ягеллончика к папе римскому Каликсту III рассказывал об этом событии, он упомянул, что оно произошло двумя годами ранее⁵¹. Однако ошибки и тенденциозность рассказа Длугоша мы находим и в других деталях его сообщения. Так, например, хронист приписывает захват Саид-Ахмата в первую очередь решительным действиям поляков, а именно львовского воеводы Анджея Одровонжа. При этом Семен Олелькович, правитель города Киева, где, собственно, и происходили эти события, якобы оставался к ним совершенно безучастным. Однако вряд ли это было действительно так. Знаменитый польский хронист хорошо известен тем, что сильно недолюбливал литовскую и «русскую» знать и, наоборот, всячески возвеличивал своих соотечественников – поляков. Очевидно, именно с таким случаем мы и имеем дело. По всей видимости, Семен Олелькович принял самое активное участие в пленении Саид-Ахмата. Трудно себе представить, что киевский князь бездействовал, когда буквально у него под носом поляки захватывали такого важного пленника. Это не слишком вяжется с тем ярким образом воинственного, предприимчивого и амбициозного человека, каким предстает перед нами Семен Олелькович.

⁴⁷ Strykowski M. Kronika... T. 2. S. 250–251; ejusdem. O początkach... S. 493.

⁴⁸ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 1. S. 280–282.

⁴⁹ Ibid. S. 280–281.

⁵⁰ Długossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XII. P. 140, 245.

⁵¹ Codex Epistolaris Saeculi Decimi Quinti. [Tomus I]. Cracoviae, 1876. Pars posterior. P. 174, 175.

В пользу того, что отряды Великого княжества Литовского приняли самое непосредственное участие в захвате хана, свидетельствует также тот факт, что пленник не был отправлен в Польшу, а до самой своей смерти содержался в замках на территории этого государства – в частности, в ковенском.

Как бы там ни было, но попытка возвести на трон Семена Олельковича в 1456 г. оказалась безрезультатной. Как можно понять из сообщения Длугоша, далеко не все в Великом княжестве Литовском желали отстранения Казимира Ягеллончика от власти. А, например, группировка трокского воеводы Яна Монивида вообще занимала пропольскую позицию и не желала разрыва даже личной унии с Польшей. Однако история с избранием Олельковича имела своё продолжение.

Весной 1461 года в Вильне собрался «сейм земель Литвы и Руси». На сейме присутствовал и приехавший из Польши Казимир. Участники – на этот раз, как пишет Длугош, уже единогласно («uniformi sentenciā») – снова предложили ему выбор. Казимир должен был или постоянно жить в Великом княжестве, или назначить нового великого князя литовского – того же Семена Олельковича. Казимир посчитал требования подданных вредными и вообще обидными для себя, отложил решение этой проблемы на другое время и отбыл в Польшу⁵². Позиция Казимира вполне понятна и объяснима. Великое княжество Литовское было для него важно не только само по себе, как наследственное владение Ягайловичей. Пожалуй, еще большее значение оно имело для Казимира как подушка безопасности, которая гарантировала ему надежное положение в Польше. Лишиться ее было бы для него настоящей катастрофой.

Этот второй случай ясно показывает, что выдвижение Семена Олельковича в 1456 г. было отнюдь не случайным, а поддержка его кандидатуры виднейшими литовскими вельможами не может быть объяснена одними лишь родственными связями. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что тесть Семена Олельковича, влиятельнейший Ян Гаштольд умер в 1458 г., однако это не помешало повторному выдвижению кандидатуры его зятя. А это означает, что Семен Олелькович имел немало и других сторонников в высших политических сферах. Однако авторитет этого князя, очевидно, не ограничивался лишь политической элитой. По всей видимости, популярность этого князя была высока и в других слоях общества. В частности, Семен Олелькович прославился как полководец, который вел успешную борьбу с очень опасным внешним вра-

⁵² Długossius J. *Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae*. Liber XII. P. 353; Strykowski M. *Kronika...* T. 2. S. 259–260.

гом – «безбожными» татарами. Однако за решительными заявлениями сейма не последовало таких же решительных его действий. Возможно, в действительности, вопреки свидетельству Длугоша, ситуация была не настолько острой и драматичной, и далеко не все в Великом княжестве желали детронизации Казимира. Не стал нагнетать обстановку и сам претендент – по крайней мере, нам ничего не известно о его действиях, направленных на завоевание трона. По всей видимости, Олелькович попросту не был сторонником силового захвата власти.

Согласно Хронике Быховца, Семен Олелькович умер 4 декабря 1470 г.⁵³. Другие источники сообщают, что это произошло в Киеве⁵⁴. Смерть Семена Олельковича не осталась незамеченной и за границами Великого княжества Литовского. Псковский (!) летописец составил небольшой, но очень емкий и показательный панегирик этому князю. Приведем его полностью:

«...Тоя же осени преставися князь Семенъ Киевскыи на Киеве, братъ Михайловъ Олелковичъ, честно боронивъ отчиноу свою град Кыевъ от силнеи себе ординскихъ царей и от тотарь, тем же и превознесся во всеи Роуси и въ инья далекия земли; яко же и великихъ киевскихъ княжей древнихъ честно имя его»⁵⁵.

Последние месяцы жизни Семена Олельковича сопровождалась драматическими событиями, которые сильно изменили положение всего его рода. Очевидно, Казимир Ягеллончик знал о том, что Семен Олелькович серьезно болен и скоро может уйти из жизни⁵⁶. Король постарался с мак-

⁵³ Хроника Быховца. С. 162. Согласно сообщению киевского историка М. А. Максимовича, Семен Олелькович умер в 6979 (1470/1471) году, что вполне согласуется с данными Хроники Быховца. И одновременно, в этом же своем сообщении Максимович указал, что 3 декабря 6978 (1469) года произошло восстановление Семеном Олельковичем Успенского собора Киево-Печерского монастыря (см.: Максимович М. А. О надгробиях в Печерском монастыре // Собрание сочинений. Т. 2. Киев, 1877. С. 229). Именно на эти свидетельства, явно их недопоняв, опирался Ю. Вольф, когда отнес дату смерти Семена Олельковича к 3 декабря 1470 г. (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 329). Вообще же эти, а также другие свои сведения относительно дат смерти и захоронения Олельковичей М. А. Максимович почерпнул из книги Афанасия Кальнофойского «Тератургим», которая была издана в Киеве в 1638 г. Однако этот труд содержит массу неточностей и ошибок, поэтому к указанным в нем датам следует относиться критично (см. об этом также ниже).

⁵⁴ Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2 / подг. к изд. С. Н. Кистерев и Л. А. Тимошина. Москва, 2000. Стб. 171.

⁵⁵ Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. Москва, 1955. С. 173.

⁵⁶ Так, например, в хронике Яна Длугоша говорится о том, что за какое-то время до смерти Семен Олелькович отослал Казимиру своего коня и меч, которые послужили ему в успешной борьбе с татарами.

симальной выгодой для себя использовать сложившуюся ситуацию. Его заботила, прежде всего, проблема Киева: Казимир уже давно предпринимал планомерные действия, направленные на то, чтобы вернуть под свой непосредственный контроль эту огромную область, которая занимала важнейшее стратегическое положение на юге Великого княжества Литовского. Однако со смертью Семена Олельковича могли возникнуть проблемы с передачей власти в регионе.

Юридически князь Семен Олелькович был всего лишь киевским наместником Казимира. И, похоже, сам он даже не думал оспаривать перед Ягеллончиком этот свой статус. Так, по сообщению Яна Длугоша, перед смертью Семен поручил Казимиру свое владение, а также семью: жену и двоих детей⁵⁷. Таким образом, он даже не попытался самостоятельно передать Киев своим родственникам: ни сыну Василию (впрочем, на тот момент, по всей видимости, еще малолетнему), ни брату Михаилу.

Но не все близкие Семена и не все его киевские подданные были согласны с таким решением князя. Самым очевидным претендентом на Киев был Михаил Олелькович. Он был явно не прочь побороться за престижный стол своих деда, отца и брата. По сообщению Яна Длугоша, Михаил имел в Киеве немало сторонников, которые желали видеть его своим следующим князем⁵⁸. Однако Михаил Олелькович попал в очень затруднительную ситуацию, созданную во многом стараниями Казимира. Незадолго до смерти Семена Олельковича (ориентировочно весной или летом 1470 г.) к Казимиру прибыло новгородское посольство, которое попросило его прислать в Новгород своего князя⁵⁹. Более того, между сторонами был заключен договор, согласно которому новгородцы признавали Казимира своим господином. Они согласились принять его наместника – правда, поставив условие, что этот наместник должен быть «от нашей веры от греческой, от православнаго хрестьянства»⁶⁰. Как опытный политик, Казимир, по всей видимости, недолго думал над кандидатурой и отправил на Волхов Михаила Олельковича. Хотел того князь или не хотел, но ему пришлось отправиться в Новгород: неповиновение Казимиру могло слишком дорого ему обойтись. Младший Олелькович прибыл в столицу вечевой республики 8 ноября 1470 г.,

⁵⁷ Długosz J. Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Księga 12. Warszawa, 2006. S. 275.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Софийская вторая летопись. Стб. 170; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. 8 / подг. к изд. А. Ф. Бычков. Санкт-Петербург, 1859. С. 160.

⁶⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 77. С. 130.

«и прияша его ноугородцы с великою честью»⁶¹. Характерно, что русские летописи постоянно называют его Михаилом Олельковичем Киевским (или, как Псковская третья, «князеи киевских»)⁶² – несмотря на то, что он никогда не княжил в Киеве. Приведенные цитаты из новгородских летописей явственно свидетельствуют о том, что для новгородцев происхождение их нового князя из династии киевских князей и вообще его связь с Киевом все еще были очень почетными и престижными. И литовские корни династии, о которых новгородцы не могли не знать, уже не играли здесь особой роли.

Однако Михаил пробыл на берегах Волхова недолго. Уже 15 марта 1471 г. он отправился на родину⁶³. Нет никаких сомнений в том, что отъезд Михаила Олельковича из Новгорода был связан со смертью брата – по словам русского летописца, князь «поеха на Киевъ, на свою вотчину». Очевидно, Михаил рассчитывал занять освободившийся там княжеский стол. Однако его отъезд все-таки не был таким стремительным, как это представляют некоторые источники, – например, «Fragmentum de supplicio ducum Slucensium Vilnae sumpto anno 1487»⁶⁴. Достаточно сказать, что после смерти брата Михаил оставался в Новгороде еще целых три месяца. По всей видимости, он ожидал санкции на отъезд от Казимира. Однако сам Казимир, который в январе 1471 г. как раз приехал в Великое княжество Литовское, вовсе не медлил и назначил в Киев своего наместника-воеводу. Этим воеводой стал Мартин Гаштольд⁶⁵. Михаил Олелькович остался ни с чем.

Вскоре после отъезда Михаила Олельковича Новгород оказался в центре крупных исторических событий. Летом 1471 г. великий князь московский Иван III совершил большой поход на этот город и фактически подчинил Новгородскую республику своей власти. К сожалению, мы в точности не знаем, дал ли Казимир свое согласие на отъезд Ми-

⁶¹ Псковская 3-я летопись. С. 172; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 5 / [без указ. сост. и ред.]. Санкт-Петербург, 1851. С. 275; Софийская вторая летопись. Стб. 170.

⁶² Псковская 3-я летопись. С. 172; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6 / [без указ. сост. и ред.]. Санкт-Петербург, 1853. С. 5; Софийская вторая летопись. Стб. 170, 171; Воскресенская летопись. С. 160.

⁶³ Псковская 3-я летопись. С. 175; Софийская вторая летопись. Стб. 171.

⁶⁴ Rowell S. C. Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. / red. kolegija: Z. Kiaupa, A. Mickevičius, J. Sarcevičiene. Vilnius, 1997. P. 71–72.

⁶⁵ Długosz J. Roczniki czyli Kroniki Slawnego Królestwa Polskiego. Księga 12. S. 275. Выбирая кандидатуру первого киевского воеводы, Казимир все-таки старался обеспечить хотя бы видимость преемственности между старой и новой властью: сестра Мартина Гаштольда Мария была женой Семена Олельковича.

хаила Олельковича из Новгорода. Но если не дал, то князя легко можно было обвинить не только в самовольном отъезде, но и в том, что он оставил новгородцев без поддержки перед лицом угрожавшей им московской опасности. И в данном случае было неважно, что Михаил Олелькович мог оказать новгородцам разве что морально-психологическую поддержку – ведь Иван III двигался на Новгород с многотысячным войском. 11 августа 1471 г. новгородцы были вынуждены заключить с великим князем московским договор, по которому обещали «за короля и за великого князя литовского ... не отдатися никоторою хитростью» и «ни примати из Литвы князеи в Великий Новгородъ»⁶⁶. Действительно, Михаил Олелькович был последним князем, которого новгородцы приняли «из руки» великого князя литовского⁶⁷.

После возвращения в Великое княжество Литовское Михаил Олелькович не жил затворником в своем вотчинном Копыле. Он немало ездил по стране. Так, например, источники зафиксировали его присутствие в июле 1474 г. в Киеве⁶⁸. А 14 марта 1476 г. Михаил Олелькович подписал в Вильне известное послание к Папе Римскому Сиксту IV, в котором шестнадцать виднейших представителей православного духовенства и светской знати выказывали свое согласие принять церковную унию. Там он поставлен на четвертое место – и на первое среди мирян: «Великославное княжа, ясно врожденый Михайль, братъ по плоти пресветлаго короля полского, князя Казимира литовского и руского пана»⁶⁹.

Однако, пожалуй, самый яркий и вместе с тем самый загадочный эпизод в биографии Михаила Олельковича связан с известным заговором князей против Казимира Ягеллончика. Интересно, что в заговоре принимал участие и еще один подписавший послание в Рим 1476 г. – «благоверный князь Феодоръ зъ Белое, брат во крове великого князя Андрея»⁷⁰. По всей видимости, своим посланием в Рим оба князя стремились добиться особой благосклонности Казимира, еще раз обратить на себя его внимание. Вполне возможно, что они получили согласие и одобрение коронованного родственника на эти свои действия. Суть «проблемы братьев» Казимира состояла в том, что за те несколько десятилетий, которые прошли с 1440-х гг., их позиции в Великом княжестве Литовском сильно ослабли. Можно говорить о том, что, уже начиная с 50-х годов,

⁶⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 26–27. С. 45–46.

⁶⁷ Krupa K. Polityczne związki Giedyminowiczów z Nowogrodem Wielkim w latach 1430–1471 // *Przegląd Historyczny*. T. 84. 1993. Zesz. 3. S. 298–300.

⁶⁸ Скеп'ян А. А. Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 20.

⁶⁹ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7 / подг. к печ. С. Т. Голубев. Киев, 1887. С. 199.

⁷⁰ Там же. Казимир Ягеллончик имел и второе имя – Андрей.

Ягеллончик последовательно проводил политику, направленную на сокращение земельных владений, прав и влияния удельных князей в этом государстве. Постепенно они теряли свое прежнее значение. Одновременно происходило также ухудшение их династических позиций. Когда в 1478 г. литовская знать в очередной раз попросила Казимира назначить себе заместителя в Великом княжестве, то в качестве кандидатов выступали уже его сыновья Казимир и Ян Ольбрахт⁷¹. О претендентах же из других ветвей Ольгердова рода речь вообще не шла.

Вполне возможно, что Михаил Олелькович еще рассчитывал вернуться в Киев. Однако и здесь Казимир не оправдал его надежд: когда в 1480 г. Мартин Гаштольд был назначен трокским воеводой, то на его место в Киев поехал вовсе не Михаил Олелькович, а Иван Ходкевич. По предположению А. Крупской⁷², это и стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения амбициозного князя. Вместе со своими родственниками, князьями Федором Бельским и Иваном Гольшанским, он организовал заговор с целью отстранения Казимира от власти. Хотя источники по-разному представляют планы заговорщиков, однако смертная казнь, которой подверглись двое из них (Бельский бежал в Москву), говорит о том, что князья, скорее всего, действительно намеревались совершить убийство Казимира и его сыновей. Но в таком случае вставал вопрос о преемнике Казимира – следующем великом князе литовском. И больше всех на эту роль подходил Михаил Олелькович⁷³. По всей видимости, в заговоре принимало участие гораздо больше людей, чем представлялось исследователям до сих пор, и деятельность заговорщиков также была намного шире⁷⁴. Вероятно, именно это в конечном итоге и стало причиной раскрытия заговора.

Заговор был новым, и причем весьма отчаянным словом в попытках Олельковичей добиться власти. Конечно, такое восхождение на трон выглядело бы не слишком привлекательно – даже несмотря на то, что у Олельковичей были определенные династические права. Однако не стоит забывать о том, что политическая элита Великого княжества регулярно поднимала вопрос о своем собственном, отдельном от Польши правителе. И кто знает, как бы она повела себя, если бы заговор все-таки удался?

⁷¹ Długosz J. Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księga 12. S. 424–425.

⁷² Krupska A. Olelkowicz (Aleksandrowicz) Michał // Polski Słownik Biograficzny. T. 23. Zesz. 6. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978. S. 745.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ См.: Барэйша Ю. Мсціслаўскі манетны двор Аелелькавічаў-Бельскіх «Пісараўшчына» вясны 1482 г.: хроніка змовы 1480–1482 гг. па нумізматычных матэрыялах. Мінск, 2010. С. 26–27, 56–57, 89–93.

Участие Михаила Олельковича в заговоре против законного монарха и его казнь 30 августа 1481 г. сильно дискредитировали этот род, однако не привели к понижению его статуса в стране. Не были уничтожены и большие политические амбиции этой династии. Отметим, что в большинстве своем Олельковичи были энергичными, деятельными людьми. Вкупе с происхождением, это позволяло им быстро приобретать авторитет в обществе. Правда, были и исключения. Так, например, сын Семена Олельковича Василий не выделялся активностью, умер молодым и не оставил особого следа в истории. Возможно, дело было в его физическом либо психическом нездоровье. Он не был женат и не оставил потомков. На Василии Семеновиче пресеклась старшая ветвь рода. Зато сын Михаила Олельковича Семен был очень видной фигурой в Великом княжестве Литовском.

На протяжении нескольких десятилетий центром вотчинного княжества Олельковичей был Копыль. На это прямо указывают как повествовательные, так и документальные источники. Так, например, говоря об освобождении Олельки и его семьи из заключения в 1440 г., Хроника Быховца сообщает о том, что они направились в Копыль. И тот же источник утверждает, что после смерти Олельки Киев достался его старшему сыну Семену, а младший сын Михаил «сел на отчизне своей на Копыли». Свои документы Михаил Олелькович издавал также в Копыле⁷⁵. Однако при его преемниках ситуация изменилась, и в качестве главной княжеской резиденции стал фигурировать Слуцк. Так, например, в судебном постановлении великого князя литовского Александра от 16 января 1499 г., силой которого был урегулирован спор между членами династии Олельковичей, в паре главных городов княжества «Слуцк – Копыль» на первом месте постоянно упоминается именно Слуцк⁷⁶.

По всей видимости, перенос центра княжества из Копыля в Слуцк осуществили вдова Михаила Олельковича Анна и сын Семен. По мнению А. А. Скеп'ян, это произошло в начале 1490-х гг.⁷⁷ Думается, можно немного уточнить датировку этого события. Например, известно, что уже свою вкладную грамоту Варваринской церкви, датированную 21 декабря 1481 (или, возможно, 1482) года, «княгини Михайлова Александровича Анна» издала в Слуцке (см. приложение). Есть и другие документы 80-х гг. XV в., в которых «княгиня Анна Михайлова»

⁷⁵ Українські грамоти. Т. 1. № 88. С. 164.

⁷⁶ Русская историческая библиотека. Т. 27. Санкт-Петербург, 1910. № 188. Стб. 718–720.

⁷⁷ Скеп'ян А. А. Князі Слуцкія. С. 22. В книге почему-то указаны 90-е годы XVI века, хотя автор явно ведет речь о XV веке.

и князь Семен Михайлович выступают как Слуцкие⁷⁸. В более же ранних источниках этот титул, действительно, не встречается. Очень похоже, что данный шаг матери и сына был связан с заговором князей. Копыль, резиденция казненного Михаила Олельковича, наверняка вызывал у них не самые приятные воспоминания. Анна и Семен могли задумывать переезд из резиденции князя-заговорщика в другой город как символический акт, который должен был продемонстрировать обществу, что жена и сын Михаила Олельковича желают отмежеваться от крайне неприятных событий недавнего прошлого, в которые оказалась втянута их семья.

Точно неизвестно, были ли посвящены жена и сын Михаила Олельковича в его планы. Если их в чем-то подобном и обвиняли, то они сумели доказать свою невиновность – или же были прощены. Как бы там ни было, но Анна и Семен не испытали никаких репрессий в связи с казнью своего мужа и отца. Они сохранили за собой все свои прежние земельные владения и, более того, получали новые пожалования от Казимира⁷⁹. А дальнейшие события показали, что князь Семен Михайлович отнюдь не страдал комплексом вины за преступление отца.

Летом 1492 г., когда после смерти Казимира Ягеллончика происходили выборы нового великого князя литовского, Семен Михайлович во главе отряда из 500 всадников явился на сейм в Вильню и попытался заявить свои права на трон. По утверждению М. Стрыйковского, князь Слуцкий имел сторонников, которые были готовы поддержать его кандидатуру («acz też Siemion Olelkowic Michałowic xiążę Słuckie z strony swoich przyjaciół miał vota na się»)⁸⁰. Нет никаких сомнений в том, что Семен Слуцкий действительно мог собрать 500 всадников. Так, согласно земскому попису 1528 г., сын Семена Юрий должен был выставлять в войско 433 коня⁸¹. Хотя Семен Михайлович и имел при себе внушительный военный отряд, однако он все-таки рассчитывал в первую очередь на избрание. Тем не менее, его надежды не оправдались – позиции Александра, сына Казимира, были очень сильны, а сторонников кандидатуры слущкого князя, по всей видимости, было не слишком много.

⁷⁸ Vide: Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. Kn. 4 / par. L. Anužytė. Vilnius, 2004. P. 82.

⁷⁹ Ibid. P. 81, 82.

⁸⁰ Strykowski M. Kronika... T. 2. S. 293; ejusdem. O początkach... S. 541.

⁸¹ Перепіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / падрыхт. да друку А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. Мінск, 2003. С. 54.

Судя по всему, отношения между великим князем Александром и его менее удачливым соперником еще долго оставались натянутыми. Все это время Семен Михайлович избегал участия в придворной и общегосударственной политической жизни. Когда в марте 1496 г. он не явился на сейм в Бершты, в книги Метрики Великого княжества Литовского была внесена запись «на память», которая имела заголовок: «О нестане князя Слуцкого на сойме». Маршалок Кучук свидетельствовал в ней перед великим князем о том, что «зазывал» князя Семена Михайловича Слуцкого господарским листом на сейм, но тот так и не приехал⁸².

И еще одно наблюдение. Очень похоже, что Семен Михайлович Слуцкий никогда не входил в состав великокняжеской рады Александра. В пользу этого говорит хотя бы то, что в официальных документах этого господаря он ни разу не упоминается в таком качестве. А ведь только в составе 5-й, 6-й и 8-й книг записей Метрики Великого княжества Литовского сохранилось несколько сот таких документов. Очень странно, что ни в один из них Семен Михайлович не включен как свидетель в часто встречающуюся весьма важную и почетную рубрику, которая традиционно начиналась словами: «А при том были панове рада наша». Для сравнения отметим, что сын Семена Михайловича, Юрий Слуцкий, многократно фигурирует в качестве свидетеля в самых разных документах, изданных братом и преемником Александра – Сигизмундом I Старым.

«Благодарный и христоробивый князь Семен Михайлович Александровича Слуцкий» умер 14 ноября 1504 (1505?) г.⁸³.

Юрий Семенович Олелькович-Слуцкий (ок. 1492–1542), как и его отец, был очень известной личностью – причем не только в самом Великом княжестве Литовском, но и за его границами. Талантливый военачальник, он прославился в войнах с татарами и москвичами, а свою первую победу (над крымчаками под Лопушной в 1511 г.) одержал, не имея еще и двадцати лет от роду. Но, в отличие от своего отца, Юрий Семенович был уже вполне лоялен к Ягеллонам. Так, например, он был достаточно частым гостем при дворе Сигизмунда Старого, приезжая для этого не только в столицу Великого княжества Литовского, но и в Польское Королевство.

18 октября 1529 г. в Вильне проходила церемония провозглашения 9-летнего королевича Сигизмунда Августа великим князем литовским. На торжественном заседании князь Юрий Семенович Слуцкий сидел по правую руку от королевской семьи. Он занимал первое место среди кня-

⁸² Русская историческая библиотека. Т. 27. № 140. Стб. 660–661.

⁸³ Хроника Быховца. С. 170.

зей и второе во всем этом ряду – сразу после виленского католического епископа Яна, внебрачного сына Сигизмунда Старого⁸⁴. И этот порядок не был чем-то особенным. Официальный документ Сигизмунда Августа от 20 апреля 1572 г. свидетельствует о том, что обычай, согласно которому князья Слуцкие заседали в господарской раде рядом с виленскими епископами, существовал издавна, и этот обычай был установлен еще его предками, великими князьями литовскими⁸⁵.

Совершенно лояльными по отношению к великим князьям-Ягеллонам были также сыновья и внуки Юрия Семеновича. Но, несмотря на эту лояльность, Олельковичи-Слуцкие, по всей видимости, всегда имели в виду возможность занять великокняжеский трон. Они считали свое положение в государстве особым и старательно поддерживали этот свой исключительный статус. Олельковичи явно сторонились любой официальной службы великим князьям литовским. За всю долгую историю рода лишь считанные его представители занимали какие-либо государственные должности, да и то отнюдь не самые значительные. Это обстоятельство, на первый взгляд, выглядит довольно странно – учитывая хотя бы очень высокое положение рода. Так, например, в 1527 г. Юрий Семенович Слуцкий получил в управление от Сигизмунда I Старого второразрядную кормяловскую державу⁸⁶. Однако совершенно непонятно, зачем она была нужна этому знатнейшему и богатейшему человеку в стране? Не была ли ему навязана эта синекюра? Небось, вдоволь натешились тогдашние остроумцы, потихоньку величая князя голубых кровей Олельковича-Слуцкого кормяловским державцей.

На самом деле, такая позиция Олельковичей по вопросу назначения на официальные государственные должности вполне объяснима. Очевидно, они не желали, чтобы в будущем кто-то упрекал их род в том, что его представители были «служебниками» великих князей литовских. Ведь факт службы прежним монархам мог повредить собственным монаршим планам Олельковичей.

После заключения в 1569 г. Люблинской унии князь Юрий II Юрьевич Слуцкий (ок. 1531–1578), а затем его сыновья, последние представители рода, предпринимали попытки получить место в сенате Речи Посполитой – причем место наследственное. Они аргументировали это свое желание древним происхождением рода и его особым положени-

⁸⁴ Евреиновская летопись // ПСРЛ. Т. 35. С. 235.

⁸⁵ Akta Unii Polski z Litwą 1385–1791 / wyd. St. Kutrzeba i J. Fijałek. Kraków, 1932. Nr 170. S. 392.

⁸⁶ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Kn. 12 / par. D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius, 2001. Nr 654. P. 500–501.

ем, а также тем фактом, что Олельковичи издавна входили в состав господарской рады Великого княжества Литовского. Однако, несмотря на все приложенные на протяжении 20 лет немалые усилия, они так и не смогли добиться желаемого⁸⁷. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Олельковичи-Слуцкие были последовательными сторонниками унии Великого княжества с Польшей, однако в новой Речи Посполитой за ними не пожелали признавать каких-то особых наследственных прав, в том числе, разумеется, и права наследственного занятия места в сенате⁸⁸. В Речи Посполитой сенаторами становились лишь те лица, которые занимали определенные должности, и знатность происхождения не играла здесь ровно никакой роли. То, что Олельковичи-Слуцкие имели в Великом княжестве Литовском на протяжении многих десятилетий как нечто само собой разумеющееся, они в одночасье потеряли с образованием нового, федеративного государства.

Со смертью в 1572 г. Сигизмунда II Августа пресекалась династия Ягеллонов. Казалось, у Олельковичей наконец появилась надежда. В среде знати Великого княжества Литовского распространились слухи о том, что Юрий II Юрьевич Слуцкий как родственник последнего Ягеллона собирается бороться за трон – причем за трон уже объединенного государства⁸⁹. Однако эта история не имела своего продолжения: все ограничилось лишь слухами. Ко всему прочему, неизвестно, насколько обоснованными были эти кулуарные разговоры. Но, как бы там ни было, у Юрия II Олельковича, пожалуй, уже не было шансов: время князей-вотчинников безвозвратно ушло. При всех сантиментах, которые шляхетский социум питал к роду Ольгердовичей, владелец небольшого княжества не мог много предложить магнатерии и шляхте Великого княжества Литовского, а тем более – политической элите всей Речи Посполитой.

И это были последние слабые отзвуки тех претензий, которые некогда так уверенно и громко звучали из уст представителей знаменитой династии.

Однако свои высокие властные амбиции Олельковичи дополняли ещё одной сферой интересов, которая по своему значению временами становилась для них не менее важной, чем первая. К тому же две эти сферы тесно переплетались между собой. Таким образом, мы теперь

⁸⁷ Kempa T. Zabiegi kniazioów Oielkowiczów sluckich o uzyskanie miejsca w senacie po 1569 roku // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. XLVII. 2003. S. 69–88.

⁸⁸ *Ibid.* S. 68, 87–88.

⁸⁹ *Ibid.* S. 74.

обратился к церковно-религиозной проблеме. Потомки Владимира Ольгердовича традиционно исповедали православие и до последней четверти XVI века твердо его придерживались. Прекрасно понимая значение веры, династия Олельковичей уже очень рано, в первой половине XV века, стала добиваться особого, главенствующего положения среди православной («русской») знати Великого княжества Литовского. Фактически это означало бы их лидерство во всей «Литовской Руси». И общая ситуация вполне способствовала выдвижению Олельковичей на эту роль.

Как это ни парадоксально, но именно в составе Великого княжества Литовского та Русь, которая вошла в его состав, стала представлять собой единство – гораздо большее, чем то, которым она обладала на предшествующем, так называемом долитовском этапе своей истории. Литва объединила Русь, включив до того момента разрозненные ее земли в состав своего более или менее сплоченного государства. Однако уже к XV веку в «русских» землях Великого княжества Литовского не осталось ни одной княжеской династии местного происхождения, которая была бы способна говорить и действовать от имени всей «русской» части государства. Одни князья-Рюриковичи были истреблены, другие под давлением военной силы были вынуждены спасаться бегством за границу, третьи измельчали и были оттеснены на периферию общественно-политической и церковной жизни страны. В этой ситуации на позиции лидеров «Литовской Руси» достаточно быстро выдвинулись потомки Ольгерда, и в первую очередь Олельковичи⁹⁰. Олельковичам сыграло на руку сразу несколько обстоятельств. Среди них следует особо выделить происхождение рода от Ольгерда, его православное вероисповедание, близкое родство с великими князьями литовскими из династии Ягеллонов и обладание древней столицей Руси – Киевом. Все это делало Олельковичей династией не регионального, а общегосударственного значения. Династией, которая могла действовать на общегосударственном уровне в любой сфере, в том числе церковной. Нетрудно заметить, что перечисленные факторы имеют немалое сходство с теми, которые привели к политическому возвышению Олельковичей. И даже за границей, на северо-западе и северо-востоке Руси, православных Олельковичей воспринимали уже как свою, русскую династию, особо подчеркивая при этом ее связь с Киевом и даже признавая за ней наследственные права на него.

⁹⁰ Krupska A. W sprawie genezy tzw. spisku książąt litewskich w 1480–1481 roku. Przyczynek do dziejów walki o „dominium Russiae” // Roczniki Historyczne. R. XLVIII (za rok 1982). 1983. S. 136.

И, судя по всему, в какие-то моменты Олельковичи действительно добивались первенства среди своих православных соотечественников, выступая как их главные представители и защитники интересов. Так, в 1451 г. московский митрополит Иона обратился с личным посланием к Олельке Владимировичу, в котором просил князя защищать православие в Великом княжестве Литовском и способствовать воссоединению митрополии. Иона писал также, что многие говорили ему про Олелька как «про великого человека . . . , яко же еси предней православный христианинъ и церкви Божьей сынъ . . . , и заступникъ всему православному христианству, и тоя державы Литовьския земля и всемъ христианомъ туюшимъ похвала и поможение»⁹¹.

Однако прошло всего несколько десятилетий, и уже в XVI веке положение дел изменилось. К этому времени Олельковичи уже не могли всерьез претендовать на трон, а у православных «Литовской Руси» стали появляться новые лидеры. Это были представители как титулованной (Острожские), так и нетитулованной знати (Ходкевичи, Горностаи). Однако, их претензии на лидерство были связаны уже не с происхождением, а с тем высоким положением, которое они заняли в государстве благодаря службе великим князьям литовским.

Свои высокие властные и прочие амбиции Олельковичи сопровождали и подкрепляли соответствующим антуражем, который мы сегодня вполне можем отнести к символике власти и идеологии.

В геральдике Олельковичи пользовались гербами общегосударственного значения «Погоня» и «Колюмны», над которыми помещали княжеский венец. На данный факт специально обращал внимание уже М. Стрыйковский, подчеркивая, что Олельковичи имеют на это полное право⁹². Потомки Александра Владимировича делали оттиски своих печатей на красном воске, что было прерогативой почти исключительно монархов.

И еще о символах власти – но уже в несколько ином ключе. В 90-х годах XIX века в антикварном мире Беларуси и Польши появилась вещь, которая была атрибутирована как древний престол князей Олельковичей-Слуцких. Речь шла о кресле из почерневшей слоновой кости, которое действительно было приобретено в Слуцке. По мнению покупателя, оно могло быть подарено одним из слуцких князей местному фарному костелу, а затем, как вещь слишком светская, продано плебаном и в результате попало в руки торговцев древностями. Очень скоро кресло ока-

⁹¹ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е / подг. к изд. А.С. Павлов и В.Н. Бенешевич. СПб., 1908. № 66. Стб. 562.

⁹² Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 249; ejusdem. O początkach... S. 492.

залось в собрании Британского музея⁹³. К сожалению, сейчас сложно сказать, действительно ли эта вещь имела отношение к Олельковичам.

Олелько Владимирович и его потомки проявляли немалую заботу о своих княжеских резиденциях – благо, одна из них, Киев, во многом и создала их громкое имя. Даже утратив Киев, Олельковичи не порывали с ним связей и никогда не забывали о том, что их предки были киевскими князьями. Множество сочинений XVI–XVII вв. на историческую, генеалогическую, геральдическую тематику также постоянно это подчеркивали. Можно сказать, что Киев всегда оставался для Олельковичей недостижимой мечтой об их славном прошлом.

Через двести лет после монгольского нашествия, и во многом благодаря деятельности Олельковичей, Киев снова стал крупным религиозным и культурным центром Руси. И ярче всего это проявилось, пожалуй, в княжение Семена Олельковича. Именно тогда в Киеве были созданы новые редакции Киево-Печерского патерика⁹⁴. Однако дело не ограничилось лишь православно-русской традицией. Во времена Семена Олельковича Киев стал также очень заметным центром духовной и интеллектуальной жизни представителей других народов и религий. Судя по всему, здесь происходил интенсивный обмен культурно-религиозными ценностями и идеями, на основе которого рождалось нечто новое. Так, например, именно в 50–60-е гг. XV в. в Киеве существовал кружок ученых иудеев. К их числу принадлежали Моисей бен Иаков, а также Схария (по всей вероятности, Захария бен Аарон га-Кохен) – один из главных вдохновителей знаменитой впоследствии новгородско-московской ереси жидовствующих. При этом Схария был лично знаком с Михаилом Олельковичем, вместе с которым в 1470 г. и приехал в Новгород⁹⁵. Кружок киевских евреев известен, среди прочего, перепиской и переводами с древнееврейского на «русский» язык книг по астрономии и философско-богословского содержания, некоторые из которых дошли до нашего времени⁹⁶. В литературе также высказывалось предположение о том, что перевод ряда произведений с древнееврейского на «ру-

⁹³ Uniechowska K. Uniechowski opowiada, czyli Tajemnice mafii antykwarskiej. Warszawa, 1975. S. 228–229.

⁹⁴ Грушевський М. С. Історія української літератури. Т. 5. Вип. 1. Київ, 1926. С. 23–24; Ивакин Г. Ю. Киев в XIII–XV веках. Киев, 1982. С. 99.

⁹⁵ Волоцкий Иосиф. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. 3-е изд. Казань, 1896. С. 31; см. об этом также: Грушевський М. С. Історія української літератури. Т. 5. Вип. 1. С. 73–89.

⁹⁶ Темчин С. Ю. Схария и Скорина: об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) // Senoji Lietuvos Literatūra. 21 Knyga. 2006. P. 303–309.

ский» был сделан Захарией бен Аароном га-Кохеном специально для Семена Олельковича⁹⁷.

Похоже, что в окружении братьев Олельковичей были также католические проповедники либо же сторонники унии. Буквально через неделю после отъезда Михаила Олельковича из Новгорода, 22 марта 1471 г. московский митрополит Филипп отправил в этот город послание, в котором увещевал местное духовенство повлиять на молодых новгородцев, которые увлеклись западным христианством и выказывают желание «оставя православие и великую старину, да приступити къ латыномъ»⁹⁸. Здесь, пожалуй, стоит еще раз обратить внимание на тот факт, что Михаил Олелькович подписал известное послание 1476 г., а значит, не был чужд идей церковной унии.

Семен Олелькович развернул в Киеве работы по реставрации старых, полуразрушенных храмов и монастырей⁹⁹. Особо стоит отметить восстановление им на старом фундаменте церкви Успения Пресвятой Богородицы знаменитого Печерского монастыря. По одним источникам, это произошло в 1466 г.¹⁰⁰, по другим в 1470 г.¹⁰¹, а по третьим – 3 декабря 1469 г.¹⁰² В последнем случае мы имеем дело, по всей видимости, с днем освящения храма.

В Киево-Печерской лавре Олельковичи устроили свою родовую усыпальницу. Здесь нашли упокоение Владимир Ольгердович и Олелько Владимирович. В Успенской церкви были похоронены ее восстановитель Семен Олелькович, его сын Василий Семенович (умер 4 июня 1495 г.), а также правнук Михаила Олельковича слущкий князь Юрий II Юрьевич (умер 9 ноября 1578 г.)¹⁰³. Но это, по всей видимости, далеко не полный перечень Олельковичей, которые лежат в Киевской Лавре¹⁰⁴.

⁹⁷ Темчин С. Ю. Схария и Скорина: об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262) // *Senoji Lietuvos Literatūra*. 21 knyga. 2006. P. 309.

⁹⁸ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е. № 102. Стб. 726–730.

⁹⁹ Івакін Г. Ю. Київ доби Олельковичів // *Історія Русі – України (історико-археологічний збірник)*. Київ, 1998. С. 286–287.

¹⁰⁰ Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. С. 89.

¹⁰¹ Густынская летопись // ПСРЛ. Т. 40 / подг. к изд. Ю. В. Анхимюк, С. В. Завадская, О. В. Новохатко и А. И. Плигузов. Санкт-Петербург, 2003. С. 138.

¹⁰² Максимович М. А. О надгробиях в Печерском монастыре. С. 229.

¹⁰³ Там же. С. 226–227, 229–230. Если верить материалам М. Максимовича (а в действительности книге А. Кальнофойского), на надгробии Юрия Юрьевича Слуцкого значилась другая дата его смерти – 12 апреля 1579 г., однако эта дата является явной ошибкой.

¹⁰⁴ Івакін Г. Ю., Балакін С. А. Поховальний комплекс XV ст. у нартексі Успенського собору Києво-Печерської лаври // *Лаврський альманах. Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури: Збірник наукових праць*. Вип. 2. Київ, 1999. С. 84.

Лишившись Киева, Олельковичи попытались сделать из своих новых резиденций нечто, что хотя бы отдаленно напоминало их прежнюю славную столицу и, конечно же, было бы достойным местом жительства представителей этого достойнейшего из княжеских родов.

К сожалению, мы практически ничего не знаем о том, что собой представляла их резиденция в Копыле. Письменных источников на этот счет до нас дошло очень мало, а археологические раскопки пока не принесли каких-то значимых результатов – несмотря на то, что памятники древнего Копыля, в том числе Замковая гора, хорошо сохранились¹⁰⁵.

Гораздо лучше обстоит дело со слуцким периодом истории рода. Благодаря Олельковичам Слуцк превратился в крупный город, известный на всю страну культурный, религиозный и экономический центр. В предместье Слуцка князья основали свой семейный Троицкий монастырь. Его основателем был либо сам Олелько, либо его младший сын Михаил. Во всяком случае, во времена, когда Копыльским княжеством владел Михаил Олелькович, этот монастырь уже существовал¹⁰⁶. При дворе Олельковичей интересовались историей Руси и Великого княжества Литовского. Одна из белорусско-литовских летописей (Слуцкая, или Уваровская) была или переписана в Слуцке, или оказалась там уже в очень скором времени после написания. Вполне возможно, что она могла быть переписана для Слуцких где-то в другом месте. Бумага рукописи датируется приблизительно 1524 г., а уже во второй четверти XVI в. летопись находилась в Слуцке, причем в нее вносились записи, которые касались семейной истории Олельковичей¹⁰⁷. По всей вероятности, они велись и ранее. Еще одна группа записей, относящихся к этому роду и датируемая XV – началом XVI вв., попала в Хронику Быховца. Очевидно, Слуцкая летопись принадлежала местной княжеской библиотеке, а существование этой библиотеки по крайней мере во второй половине XVI в. является доказанным фактом¹⁰⁸.

Сохранился также целый ряд памятников церковной письменности, которые были созданы по заказу князей Олельковичей и переданы ими в качестве вкладов в слуцкие храмы и монастыри. Так, например, в 1538/1539 году князь Юрий Семенович Слуцкий финансировал пере-

¹⁰⁵ См.: Калядзінскі Л. У. Археалагічнае вывучэнне Капыля ў 1996–2007 гг. (хроніка палявых работ, асноўныя вынікі і магчымыя перспектывы) // Капыль: гісторыя горада і рэгіёна: да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права: зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 2012. С. 336, 340.

¹⁰⁶ См.: Українські грамоти. Т. 1. № 88. С. 164.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 6–7, 68–84.

¹⁰⁸ Strykowski M. O początkach... S. 14.

писку евангелия-тетр, которое сохранилось до нашего времени¹⁰⁹. Еще одно Слуцкое евангелие, которое ранее относили к 1581–1582 гг.¹¹⁰, на сегодняшний день датируется второй половиной 10-х либо 20-ми годами XVI в.¹¹¹ Место его переписки и первый владелец в точности неизвестны, но очень вероятно, что это евангелие издавна было связано с упомянутым выше Свято-Троицким монастырем. В том же Троицком монастыре в 1517 г. был создан ценнейший Слуцкий помянник, в котором мы находим и «Родъ князя Юрья Семеновича, отчича киевскаго, г(о)с(по)д(а)ря слуцк(аго)»¹¹². В этих нескольких словах – как будто вся история его династии.

Случалось, Олельковичи принимали в Слуцке очень высоких гостей. Так, например, в 1527 г. эту столицу Олельковичей посетил последний хан Золотой орды Шейх-Ахмат¹¹³. Незадолго до этого он был выпущен из многолетнего заключения на свободу и следовал, в сопровождении большого кортежа, из столицы Великого княжества Литовского в южные степи. Принимая «татарского царя», хозяин Слуцка Юрий Семенович Олелькович, очевидно, руководствовался в первую очередь соображениями престижа. Вне всяких сомнений, князь хотел произвести впечатление на коронованного гостя, и город в то время наверняка имел весьма солидный, презентабельный вид. В польской переписке этого времени он фигурирует как «хорошо укрепленный город» («satis est munitum oppidum»)¹¹⁴.

В течение всех двухсот лет своей истории род Олельковичей был ярким олицетворением княжеской элиты Великого княжества Литовского. Тем не менее, Олельковичи выделялись среди всех других потомков Ольгерда и, судя по всему, никогда не оставляли надежду когда-нибудь занять трон в этом государстве. Особенно сильными были их позиции в XV веке, когда они не без успеха претендовали еще и на роль лидеров

¹⁰⁹ Галенчанка Г. Я. Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст. Мінск, 2008. С. 99.

¹¹⁰ Слуцкае Евангелле: беларускі рукапіс XVI ст. [электронны рэсурс] / аўт. Н. В. Паляшчук [і інш.]; складальнік Т. І. Рошчына. Мінск, 2008.

¹¹¹ Клімаў І. П. Да пытання аб атрыбуцыі і датаванні Слуцкага Евангелля XVI ст. // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 11. С. 43–46, 47; Пазднякоў В. С. Вадзяныя знакі Слуцкага Евангелля // Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі» (Мінск, 18–19 красавіка 2013 г.) / склад.: Т. А. Сапега, А. А. Суша. Мн., 2013. С. 181–182.

¹¹² Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. Rankraščių skyrius. F21. Nr 799. L. 4v.

¹¹³ Acta Tomiciana. T. 9 / ed. Z. Celichowski. Posnaniae, 1876. P. 212, 252.

¹¹⁴ Ibid. P. 212.

православной «Литовской Руси». Однако несколько попыток Олельковичей добиться высшей власти так ни к чему и не привели. В XVI веке представители рода уже так явно не предъявляли своих претензий на первенство, выказывая лояльность к Ягеллонам. Тем не менее, Олельковичи признавались их ближайшими родственниками и второй по значимости династией в Великом княжестве. Образование Речи Посполитой с ее новой политической системой изменило статус Олельковичей, и отныне их происхождение не гарантировало им даже мест в сенате, не говоря уже о чем-то большем. Закат рода Олельковичей совпал по времени с закатом самостоятельного государственного существования самого Великого княжества Литовского. Последний мужской представитель княжеской фамилии Слуцких умер в 1592 году, ровно на двадцать лет пережив последнего представителя династии Ягеллонов – своих более удачливых родственников и коронованных конкурентов.

Приложение

1481 г. или 1482 г. декабря 21. Слуцк. – Подтвердительная вкладная грамота («лист», «листок») вдовы князя Михаила Олельковича княгини Анны церкви Св. Варвары в г. Слуцке на медовую и денежную подать с крестьянина Дробышца Лопатина.

Во има Бож(ь)е, амин.

Се ꙗ, кн(я)г(и)ни Михаиловаа Александровича Анна.

Свѣ|тчѣ сим моим листком, штоже небожчик г(о)с(о)д(а)рѣ мои кн(я)зь его м(и)л(о)сть придал был кѣ с(вя)тои | Варварѣ двѣ ведрѣ медѣ а десѣт грошей поплатѣ на Дробышцѣ на Лопатинѣ^а. И ꙗ после кн(я)за его м(и)л(о)сти живота придала есми того ч(о)л(ове)ка выше|реченого кѣ с(вя)тои Варвари з дан(ь)ю тою, и с поплатом, и з службою вѣчно и не|порѣшено. Тот ч(о)л(ове)къ мает(ь) дан(ь), и поплат, и службѣ дати томѣ попу, который будеть | слѣжити оу ц(е)ркви тое, а на город вже^б ему службы и дани никоторое не надобѣ.

А | на то и печат(ь) нашу к семѣ листѣ привѣсили есмо.

Дан оу Слуцку дек(абря) 21, 6990.|

Lietuvos Nacionalinis Muziejus. Rankraščių kolekcija. R-841.

^а н написано нечетко, может читаться и как ч.

^б е написано нечетко, может читаться и как о.

Оригинал, грубый пергамен 21,5(21,0) × 8,7(8,6) см, следы от одного продольного и одного поперечного сгиба, на местах сгибов текст немного поврежден. Темно-коричневые чернила.

Печать вислая, на шелковом красном шнуре. Прикреплена с помощью двух прорезей, сделанных в нижней части грамоты, на небольшом (1,8 × 0,3 см) отвороте пергамена, загнутом к лицевой стороне документа. Ковчежец печати из желтого воска, сам же оттиск диам. 3,1 см сделан на красном воске. Печать сильно затерта, изображение плохо читается, возможно, всадник, легенда круговая, возможно, латинской графикой, готическим шрифтом.

Пометки на обороте:

1) Почерком XVII ст.: Року 1600 семьдесятого м(есе)ца сентебра девятого дня сесть листь през пана Яна Федоровича до актъ кгроду Новгородского естъ поданыи. Юреи ...линский^с, подстаростии новгородский.

2) Почерком конца XVIII – начала XIX вв., текст угасает, читается плохо: Фундуш на под...

Примечание. Палеографическая особенность – написание буквы «в» в виде квадратика.

Комментарий. Грамота может быть датирована двумя годами – в зависимости от стиля летоисчисления, которым пользовался ее составитель. В случае, если использовался сентябрьский стиль, грамоту следует относить к 1481 г., если же стиль был мартовский, то она была издана годом позже. Местонахождение Варваринской церкви именно в г. Слуцке подтверждается позднейшими документами – в частности, вкладной грамотой в эту церковь князя Семена Юрьевича Слуцкого от 5 февраля 1582 г. (Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Мн., 1848. № 23. С. 29; уточнение датировки см.: Wolff J. Kniazowie litewsko-rusczy. S. 334).

^с первые 3–4 буквы фамилии написаны нечетко.

**РЭГІЯНАЛЬНАЯ МАНЕТНАЯ ЧАКАНКА
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў СУВЯЗІ З ПЫТАННЕМ ПАЛІТЫЧНАЙ
АЎТАНОМІІ ЯГО ЗЕМЛЯЎ У XIV–XV стст.**

Ранні перыяд чаканкі манет у Вялікім Княстве Літоўскім, які ахоплівае другую палову XIV ст. і XV ст., нягледзячы на дастатковую абмежаванасць крыніц, захоўвае шырокае поле для далейшых навуковых даследаванняў. Вывучэнне гісторыі і тэхналогіі першых манетных эмісій у Вялікім Княстве Літоўскім дапамагае не толькі зразумець пачаткі нумізматыкі ВКЛ у кантэксце далейшага развіцця грашовага абарачэння ў гэтай краіне, але і прааналізаваць тэндэнцыі эканамічнага і палітычнага жыцця тагачаснага Вялікага Княства. Пры гэтым адзначым, што у Вялікім Княстве Літоўскім на другую палову XIV ст. не толькі пачалася цэнтральная, агульнадзяржаўная чаканка манет, але і адбываліся манетныя эмісіі асобных земляў ВКЛ. У той час, калі па пытанню пачатка агульнадзяржаўнай эмісіі манет ВКЛ Ягайлам, Альгердам ці нават Вітаўтам у гісторыяграфіі не перапыняецца дыскусія [1, с. 210–211; 2, с. 182–185], можна меркаваць, што на той момант (1380-ыя, ці раней – 1370-ыя гг.) у шэрагу рэгіёнаў ВКЛ ужо адбывалася біццё ўласных манет, якое ў пазнейшы час развілася і ў некаторых іншых яго землях. Зробім заўвагу, што большасць рэгіёнаў ВКЛ, дзе адбываліся ўласныя манетныя эмісіі, належалі да ўкраінскіх земляў, якія складалі паўднёвыя валоданні Вялікага Княства Літоўскага, што падрабязней будзе разгледжана пазней.

Пытанні грашовага абарачэння ва ўкраінскіх землях у часы Сярэднявечча і Ранняга Новага часу ажыццявіў у цэлым шэрагу сваіх работ украінскі гісторык М. Ф. Катляр [3–5]. Манетную чаканку ва ўкраінскіх землях ВКЛ, а таксама абарачэнне джучыдскіх манет у паўднёвых валоданнях Вялікага Княства закраналі ў сваіх працах украінскі археолаг Г. А. Казубоўскі, нумізmat К. К. Хромаў [6]. Падобную тэматыку разглядае і гісторык з Украіны І. К. Хромава, якая, у прыватнасці, даследуе чаканку манет у Ноўгарад-Северскай зямлі [7]. Манетнае абарачэнне ў ВКЛ і яго асобных землях у ранні перыяд закронае ў сваіх працах Б. Пашкевіч [8, р. 191–212]. У Беларусі пытанні манетнай чаканкі ў Вялікім Княстве Літоўскім, у тым ліку, у Ноўгарад-Северскай зямлі,

разглядаў доктар гістарычных навук В. Н. Рабцэвіч [9, с. 138–159]. Манетную чаканку земляў ВКЛ аналізуе ў рамках сваіх прац па грашоваму абарачэнню ў Вялікім Княстве Літоўскім старэйшы навуковы супрацоўнік Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі Ш. І. Бекцінееў, які прапануе сваю класіфікацыю грашова-вагавых сістэм у ВКЛ [1, с. 165–260, 278–289; 10, с. 40–57]. Цэлы шэраг прац па сярэднявечнай нумізматыцы ВКЛ стварыў беларускі гісторык У. А. Юргенсон, які, дарэчы, працягвае прытрымлівацца думкі пра пачатак агульнадзяржаўнай чаканкі манет у ВКЛ Альгердам [2, с. 182–185]. Валынскія манеты часоў князя Фёдара Любаратавіча, літоўскія надчаканкі на татарскіх манетах часоў Вігаўта і Свідрыгайлы, а таксама неадназначнае пытанне чаканкі манет у Мсціслаўскім княстве разглядае гісторык з Беларусі Ю. Л. Барэйша [11, с. 59–61; 12; 13; 14; 15, с. 66–70]. Да пытанняў ранняй цэнтральнай і рэгіянальнай чаканкі манет у ВКЛ звяртаецца ў шэрагу сваіх публікацый калекцыянер-нумізmat з Мінска Д. Гулецкі, які з’яўляецца таксама стваральнікам манетных каталогаў па дадзенай тэматыцы [16; 17].

Зразумела, што падчас даследавання як манетнай чаканкі ВКЛ агульнадзяржаўнага ўзроўню, так і яго рэгіянальных манетных эмісій асноўная ўвага традыцыйна надаецца пытанням храналогіі і тэхналогіі манетнай чаканкі, яе сувязь з грашовымі сістэмамі ВКЛ і суседніх дзяржаў, фізічнай характарыстыцы манет, аналізу выяў і легенд (калі яны ёсць) на манетах. Мы прапануем паглядзець на пытанне рэгіянальнай манетнай чаканкі ў ВКЛ у некалькі іншым святле. На наш погляд, важным з’яўляецца аналіз праблемы сувязі манетных эмісій у асобных землях ВКЛ са ступенню палітычнай аўтаноміі гэтых земляў у складзе Вялікага Княства Літоўскага. Звязанасць манетнай чаканкі з пытаннямі gasпадарання і эканамічнага жыцця амаль відавочна, у той час, як магчымая сувязь манетных эмісій у той ці іншай зямлі з формай і ступенню яе палітычнай аўтаноміі гісторыяграфіі фактычна не разглядалася. Адзначым, што тэрмін **“аўтаномія”** мы разглядаем у сэнсе **“здольнасць, права самастойнага, адносна незалежнага функцыянавання палітычных суб’ектаў у складзе дзяржаўнага ўтварэння”** [18, с. 17].

Вялікае Княства Літоўскае фактычна на працягу ўсяго свайго існавання ўяўляла сабой дзяржаву з рознатыпавымі і рознаўзроўневымі адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі, вывучэнне характару і ступені аўтаноміі якіх уяўляе сабой перспектыўны накірунак даследавання. У той жа час манетная рэгалія ў розныя перыяды з’яўлялася важным паказчыкам статусу і аўтаноміі дзяржаўнага ўтварэння ці яго

адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі [19, с. 196, 199–200]. Вывучэнне пытання сувязі рэгіянальных эмісій ВКЛ з палітычнай аўтаноміяй яго адпаведных земляў можа не толькі паспрыяць навуковаму параўнанню палітычнага і эканамічнага становішча рэгіёнаў ВКЛ і вывучэнню іх ўзаемасувязяў з цэнтральнай уладай, але і дапамагчы ў адказе на пытанне пра справядлівасць гісторыяграфічнай ідэі пра ліквідацыю Вітаўтам у 1390-х гг. шэрагу удзельных княстваў у ВКЛ і іх пераводзе ў статус “намесніцтваў” [14, с. 17, 41; 20 с. 101; 21, с. 82]. І, у рэшце рэшт, перад намі непазбежна ўзнікае яшчэ адна задача – даць адказ на пытанне: наколькі наогул манетная эмісія зямель ВКЛ можа сведчыць пра ступень палітычнай аўтаноміі гэтых самых земляў? Дадзены артыкул, безумоўна, не прэтэндуе на канчатковае вырашэнне названых задач, аднак у ім прапануецца пастаноўка пытання і кароткі разгляд тэмы сувязі манетнай чаканкі ў шэрагу земляў ВКЛ і палітычнай аўтаноміі гэтых земляў у другой палове XIV – XV ст.

З мэтай аблягчэння ўспрыняцця матэрыяла, што прадстаўлены намі, у артыкуле прапануецца ўмоўная параўнальная храналагічная табліца мясцовых манетных эмісій земляў ВКЛ [гл. табліцу 1]. Даследаванне дадзенай тэматыкі непазбежна сутыкаецца з недахопам гістарычных крыніц. Манеты многіх тыпаў, што чаканіліся асобнымі землямі ВКЛ, мелі, па ўсёй бачнасці, дастаткова невялікую колькасць, некаторых з іх вядома толькі па некалькі штук. Тым больш не прыходзіцца гаварыць пра наяўнасць сур’ёзных пісьмовых крыніц, якія больш-менш падрабязна асвятлялі тэматыку рэгіянальных эмісій манет, а таксама чаканкі першых агульнадзяржаўных манет ВКЛ. Таму, безумоўна, дадзеная праца мае шэраг умоўных дапушчэнняў, што, на наш погляд, відавочна не з’яўляецца перашкодай для гэтага нашага і ўсіх магчымых даследаванняў азначанай тэматыкі. Дадзенае даследаванне абапіраецца на існы зараз узровень даследаванасці грашовага абарачэння ў ВКЛ і яго рэгіёнах у названы перыяд.

Кіеўская зямля

Па ўсёй бачнасці, першым з земляў Вялікага Княства Літоўскага пачало біць уласную манету Кіеўскае княства, якое ажыццяўляла і найбольш працяглую ў храналагічным сэнсе бесперапынную чаканку манет. Трэба адзначыць, што традыцыі чаканкі манет у Кіеўскім княстве з’яўляюцца вельмі старажытнымі і ўзыходзяць яшчэ да златнікоў і срэбранікаў канца X – пачатка XI ст. Можна меркаваць, што ў XIV ст. у Кіеўскай зямлі рабіліся ўласныя перайманні-наследаванні залатаардынскім дзенгам хана Джанібека (1342–1357). Украінскі археолаг Г. Казубоўскі адносіць

іх да I тыпу манет пачатка праўлення кіеўскага князя Уладзіміра Альгердавіча (1362 – прыкладна 1394) [22, с. 121–139]. Аднак з пункту гледжання доктара гістарычных навук Мікалая Катляра і кіеўскага нумізмата Канстанціна Хромава дадзеныя перайманні з’яўляюцца больш раннімі і адносяцца да часу да Сіняводскай бітвы 1362 г. і далучэння Кіеўшчыны да ВКЛ [4, с. 89–99; 6, с. 87–88]. Такім чынам, калі ўлічыць храналогію прўлення Джанібека, то можна меркаваць, што гэтыя манеты ствараліся прыкладна ў 1350-х – пачатку 1360-х гг. Дарэчы, знаходкі такіх манет фіксаваліся і ў Беларусі [17, с. 62] (мал. 1).

Пасля далучэння Кіеўскага княства да Вялікага Княства Літоўскага ў 1362 г. і ўзыходжанне на кіеўскі трон фактычна ў якасці ўдзельнага князя Уладзіміра Альгердавіча ён пачаў эмітаваць уласныя манеты – дэнары, ці пенязі (мал. 2, 3). Мы не будзем падрабязна разбіраць тыпы дэнарыяў князя Уладзіміра, аднак адзначым найбольш важныя для нашага даследавання іх рысы. Па-першае, для нас важна прасачыць іх магчымую сувязь з ранейшымі манетамі, што эмітаваліся на Кіеўшчыне. Канешне, гаварыць пра іх сувязь са старажытнарускімі златнікамі і срэбранікамі не прыходзіцца. Калі ж параўнаць іх з папярэднімі наследаваннямі татарскім дзенгам, то бачым, што апошнія мелі вагу прыкладна ў палову грама, вага ранніх дэнарыяў Уладзіміра Альгердавіча складала ад 0,18 да 0,67 г. Дыяметр наследаванняў дзенгам вызначаецца як большы за 12 мм, у той час, як дыяметр кіеўскіх манет складаў 12–15 мм [17, с. 63–64; 22, с. 122–139]. І татарскія, і кіеўскія манеты вырабляліся метадам біцця са срэбнага дроту. Такім чынам, у тэхнічным сэнсе паміж кіеўскімі наследаваннямі джучыдскім дзенгам і дэнарыямі Уладзіміра Альгердавіча маюцца пэўныя адрозненні, хоць у агульным ім уласціва значнае падабенства. Калі звярнуцца да іканаграфіі кіеўскіх дэнарыяў, то можна заўважыць, што на адным з тыпаў дэнарыя Уладзіміра Альгердавіча, які ён эмітаваў, як лічыцца, прыкладна, да 1377 г. [17, с. 65], мы можам назіраць знак “пляцёнку”. Гэты знак відавочна, з’яўляецца наследаваннем татарскім манетам, некаторыя з якіх мелі падобную “пляцёнку”, амаль такую ж, як і кіеўскія перайманні.

Сучасны ўкраінскі даследчык Ю. Міхайлюк прадстаўляе меркаванне [23, с. 74–76] пра залежнасць Кіеўскага княства часоў Уладзіміра Альгердавіча ад Арды, якая праяўлялася і ў формах грашовага абарачэння ў княстве, а таксама ў некаторых аспектах яго сацыяльна-эканамічнага жыцця. Пад гэтым разумеецца, у першую чаргу, частковае наследаванне кіеўскімі манетамі Уладзіміра Альгердавіча рысаў залатаардынскіх дзенгаў, а таксама выява на кіеўскіх манетах татарскага

сімвала – “пляцёнкі”, якая можа разумецца як ардынская тамга. Яшчэ адным такім аргументам з’яўляецца шырокае абарачэнне на Кіеўшчыне ўласна залатаардынскіх манет, пра што сведчаць іх шматлікія знаходкі на тэрыторыі сучаснай Украіны. Праўда, трэба адзначыць, што ўсе гэтыя асаблівасці грашовага абарачэння на тэрыторыі тагачаснай Кіеўскай зямлі могуць сведчыць не толькі пра яе залежнасць ад Арды, але і ў значнай ступені пра шчыльную звязанасць кіеўскай і ардынскай эканамічных сістэм, якая засталася ў спадчыну ад ранейшай эпохі. Дарэчы, “пляцёнка”, што нагадвае татарскую, прысутнічала і на некаторых тыпах першых манет цэнтральнай дзяржаўнай чаканкі ВКЛ. Паступовае знікненне татарскіх сімвалаў на манетах Уладзіміра Альгердавіча разам з выданнем Тахтамышам ярлыка Вітаўту на Кіеў, Смаленск і іншыя гарады ў 1390-х гг. Ю. Міхайлюк лічыць важнай адзнакай набывання Кіеўскім княствам рэальнай незалежнасці ад Арды [23, с. 77]. Разам з тым адзначым, што выданне падобных ярлыкоў на Кіеў адбывалася і значна пазней – яго працягвалі ажыццяўляць крымскія ханы і ўжо нават у XVI ст. На наш погляд, усё гэта сведчыць хутчэй не пра рэальную дзяржаўную залежнасць Кіеўскага княства ад Арды пасля 1362 г., але пра непазбежную ў той час моц ардынскіх уплываў на палітычнае і эканамічнае жыццё Кіеўшчыны. Пры гэтым заўважым, што чаканка дэнарыяў Уладзіміра Альгердавіча пачалася раней за пачатак агульнадзяржаўнай манетнай чаканкі ВКЛ, што робіць відавочнай адсутнасць непасрэднай сувязі паміж манетами ўласна ВКЛ і Кіеўскага княства.

З 1390-х гг. (арыентыроўка з 1393 г.) у Кіеўскім княстве таксама пачалі эмітавацца дробныя брактэаты – аболы, ці паўпенязі, якія мелі дыяметр 10–11 мм і вагу 0,12–0,16 г [17, с. 65–66; 22, с. 122–139] (мал. 4). Гэта робіць кіеўскі дэнарыў фактычна адзінай грашовай адзінкай рэгіянальнай чаканкі ВКЛ, якая ў той час мела, акрамя асноўнага, таксама разменны намінал. Заўважым, што агульналітоўскі дэнарыў на канец XIV ст. не меў сваёй разменнай адзінкі. Важным для нас таксама з’яўляецца найменне на дэнарыях і некаторых аболах Уладзіміра Альгердавіча яго ўласнага клейнападобнага княскага знака і на некаторых яго дэнарыях – легенды, што ўяўляе сабой надпіс “ВОЛОДНМНРОВА” [17, с. 65]. Такі княскі знак і надпіс на гэтых манетах яскрава сведчаць пра іх прыналежнасць да дакладнага эмітэнта – кіеўскага князя Уладзіміра Альгердавіча. Такім чынам, мы можам сцвярджаць, што ў Кіеўскім княстве 1360–1390-х гг. існавала свая манетная сістэма, якая, з аднаго боку, хоць і мела, напэўна, некаторую пераемнасць ад залатаардынскай грашовай сістэмы, але атрымала ўласную самабытнасць, з другога боку, была

незалежнай ад цэнтральнай літоўскай манетнай чаканкі, што пачалася, напэўна, у 1380-х (але не раней за 1370-ыя) гады.

Пасля ўзыходжання на трон Вялікага Княства Літоўскага Вітаўта (1392–1430) ён залішыў шэраг удзельных князёў сваіх княстваў і надаў ім новыя валоданні. Уладзімір Альгердавіч таксама быў залішаны Кіеўскага княства і пераведзены на княжанне ў Капыль і Слуцк. У гісторыяграфіі называюцца розныя даты гэтых падзеяў, але нам найбольш адэкватнай датыроўкай здаецца 1394 г. З гэтага часу перапыняецца і чаканка манет Уладзіміра Альгердавіча, кіеўская манетная сістэма яго часоў перастае існаваць.

Пасля канфлікта Вітаўта і Уладзіміра Альгердавіча і смяшчэння апошняга з кіеўскага трона згодна з ранейшай угодай новым кіеўскім князем стаў Скіргайла Альгердавіч (1395–1397). Згодна з версіямі, што была выказана некаторымі літоўскімі і беларускімі гісторыкамі і нумізматамі – С. Саяўскусам, Д. Каўбрысам, Э. Іванаўскасам, М. Балчусам, Д. Гулецкім, – Скіргайла ў час свайго нядоўгага кіеўскага княжання паспеў адчаканіць уласныя дэнарыі, што неслі, з аднаго боку, выяву роўнабаковага крыжа, а з іншага боку, выяву льва [13, с. 3; 17, с. 66] (мал. 5). Такое дапушчэнне тлумачыцца, у тым ліку, падобнасцю такіх выяў на манетах да сімвалаў на пячатцы Скіргайлы. Аднак была прадстаўлена іншая версія атрыбуцыі гэтых манет, згодна з якой яны адносяцца не да Кіеўскага княства часоў Скіргайлы, а маюць валынскае паходжанне. Падрэзней мы разгледзім гэтую версію далей, а зараз прыгадаем, што ў Беларусі гэтую версію актыўна падтрымлівае Ю. Барэйша, які нават прысвяціў дадзенай тэматыцы асобную кнігу [13]. Прыхільнікам гэтай версіі таксама з’яўляецца У. Чаплук, падтрымалі яе Э. Іванаўскас і іншыя даследчыкі. У любым выпадку, нават калі б Скіргайла і біў свае манеты, то іх чаканка сканчылася б разам з яго кароткім праўленнем.

У далейшым ад канца XIV ст. і да сканчэння існавання Кіеўскага княства і, тым больш, Кіеўскага ваяводства сваіх манет там не чаканілася. Праўда, нам трэба звярнуць увагу яшчэ на сур’ёзную верагоднасць таго, што Кіеў і Кіеўшчына маглі быць месцам контрамаркавання залатаардынскіх дзенгаў і крымска-генуэзскіх аспраў знакам “Калоны” (мал. 6). Пры гэтым меркаванні наконт даты пачатка стварэння надчаканак на дзенгах Залатой Арды падзяліліся: шэрагам даследчыкаў у якасці такой называлася другая палова 1390-х гг. [14, с. 4–7; 17, с. 47], аднак Ю. Барэйша і А. Казараў у сваёй кнізе 2009 г., прысвечанай гэтым надчаканкам, вызначаюць яе як прыкладна 1415 г. Фінальнай датай контра-

маркавання “Калонамі” ардынскіх дзенгаў з’яўляецца, па ўсёй бачнасці, 1430 г. Акрамя гэтага, прыкладна 1422–1430 гг. датуецца і надчаканкі на крымска-генуэзскіх аспрах [14, с. 7–8, 41–42]. Яшчэ раз падкрэслім, што контрамаркаванне адбывалася выявай “Калонаў” – асабістага знака Вітаўта, а значыць, і ад яго імя. Такое контрамаркаванне, дзе б яно не адбывалася, трэба адносіць ужо, відавочна, не да рэгіянальных эмісій аўтаномных земляў ВКЛ, а да рэгіянальных варыянтаў цэнтральных манетных эмісій Вялікага Княства. У Кіеўскім княстве на гэты час прыпадае праўленне князёў Гальшанскіх, якія атрымалі сваю ўладу з рук Вітаўта і сваіх уласных манет не чаканілі.

Падвядзем прамежкавыя вынікі. У Кіеўскай зямлі свая манетная чаканка ў выглядзе наследаванняў залатаардынскім дзенгам існавала яшчэ да яе ўключэння ў склад Вялікага Княства Літоўскага. Пасля далучэння Кіеўскага княства да ВКЛ у перыяд праўлення Уладзіміра Альгердавіча – прыкладна з 1362 да 1394 гг. – існавала свая манетная сістэма, што была заснавана на срэбным дэнарыі (некаторыя даследчыкі называюць яе таксама “руска-літоўскай” [1, с. 199]). Гэта сістэма, безумоўна, пераняла некаторыя рысы ад залатаардынскіх манет, але развівалася самабытна, з’явілася раней першых манет вялікіх князёў літоўскіх і не залежала ад літоўскай манетнай сістэмы.

Пасля залішэння Вітаўтам Уладзіміра Альгердавіча кіеўскага трона мясцовая манейная сістэма перастала існаваць. Нават найменне гіпотэз пра чаканку манет Скіргайлам у 1395–1397 гг. і пра контамаркаванне ў Кіеве залатаардынскіх і крымска-генуэзскіх манет знакам Вітаўта ў часы князёў Гальшанскіх (другая палова 1390-х гг. – 1430 г.) не адмяняюць таго факту, што актыўная манетная чаканка ў Кіеўскай зямлі больш не адбывалася. Не было тут сваіх манетных эмісій ні ў неспакойныя 1430-ыя гг., ні ў часы князёў Амелькавічаў (1440–1471), ні, тым больш, у часы Кіеўскага ваяводства ў складзе ВКЛ (1471–1569). Канешне, нам прыходзіцца рабіць шмат дапушчэнняў, але яны кардынальна не змяняюць агульнай карціны. Нават калі да 1430 г. на Кіеўшчыне сапраўды рабілася контрамаркаванне замежных манет, то яно адбывалася ўжо не ад імя мясцовага кіеўскага князя, як гэта было ў часы Уладзіміра Альгердавіча, але ад імя Вялікага князя Літоўскага Вітаўта, пра што сведчыць яго знак – “Калоны”. На наш погляд, спыненне сур’ёзнай манетнай чаканкі ў кіеўскай зямлі пасля Уладзіміра Альгердавіча з’яўляецца адным з нямногіх (калі не адзіным) сведчаннем некаторага памяншэння палітычнай аўтаноміі Кіеўскага княства пасля залішэння Вітаўтам трона свайго стрыечнага брата.

Ноўгарад-Северская зямля

У Ноўгарад-Северскай зямлі Вялікага Княства Літоўскага свае манеты чаканіла адразу некалькі княстваў: уласна Ноўгарад-Северскае княства, Старадубскае княства, а таксама Бранскае княства. Першымі свае манеты сталі чаканіць прадстаўнікі дынастыі Гедымінавічаў, што правілі ў **Старадубскім княстве** – Аляксандр і яго брат Патрыкей Нарымонтавічы [24, с. 4–38]. Усе іх манеты ўяўляюць сабой наследаванне залатаардынскім дзенгам і маюць як мінімум на адным з бакоў выяву – нечытальнае перайманне арабскіх літар. Унук Вялікага князя Літоўскага Гедыміна Аляксандр Нарымонтавіч чаканіў срэбны дзенг дыяметрам каля 16 мм вагой 1,23–1,48 г. [17, с. 53–55]. Чаканка адбылася ад імя самога князя, пра што сведчыць яго княскі знак, а таксама надпіс “ПЕЧТЬ КНЗЯ ОЛКСНДРА” на адным з бакоў манеты. На зваротным баку манеты размешчаны нечытальны арабскі надпіс (мал. 7). Гэты старадубскі дзенг з’яўляецца наследаваннем манетам хана Джанібэка II і чаканіўся каля 1367–1370 гг.

Манеты яшчэ аднаго старадубскага князя Патрыкея Нарымонтавіча ўяўлялі сабой наследаванне дзенгам хана Мухамеда Буляка, якія ён чаканіў у 1370-х гг. Дзенг князя Патрыкея (мал. 8) з’яўляецца срэбнай манетай вагой 0,65–1,64 г з выявай нечытальных арабскіх надпісаў на абодвух баках, прычым, на адным з бакоў маецца княскі знак, амаль аналагічны знаку на манетах Аляксандра Нарымонтавіча (выкарыстанне аднаго ці падобнага княскага знака бацькам і сынам ці братамі ў той час было нярэдкай з’явай) [17, с. 54–55; 25, с. 16–22]. У якасці манет князя Патрыкея атрыбуюцца таксама і дзенгі некалькі іншага тыпу, якія на абодвух баках маюць нечытальныя арабскія надпісы, не маюць княскага знаку і з’яўляюцца наследаваннем дзенгам Мухамеда Буляка, іх вага складае 0,81–0,92 г. (мал. 9). Як бачым, вага дзенгаў Патрыкея Нарымонтавіча зніжана ў параўнанні з вагой дзенгаў яго брата Аляксандра. Д. Гулецкі звяртае ўвагу на тое, што вага татарскіх і северскіх манетаў Патрыкея суадносіцца як 2:3 [17, с. 54]. Нам невядома дакладна, калі Патрыкей пакінуў северскі стол, але, напэўна, гэта здарылася ў пачатку 1380-х гг., што, калі ўлічыць храналогію чаканкі татарскіх манет, дае магчымасць датаваць яго дзенгі прыкладна 1372–1380 гг. Старадубскае княства не зазнала замены мясцовых Гедзімінавічаў на Кейстутавічаў да 1406 г., калі пасля праўлення нашчаткаў Патрыкея Нарымонтавіча Старадуб быў аддазены Вітаўтам яго брату Жыгімонту Кейстутавічу. Аднак сваіх манет пасля Патрыкея ў Старадубскім княстве, па ўсёй бачнасці, ужо не білася.

Яшчэ адным княствам гістарычнай Севершчыны было **Бранскае княства**. Манеты, якія ў пачатку 1990-х гг. Г Казубоўскім былі атрыбутаваны ў якасці ранняга тыпу манет Уладзіміра Альгердавіча, пасля былі ўсё ж пераатрыбутаваны К. Хромавым і І. Хромавай як манеты князя Дзмітрыя Альгердавіча [7, с. 17–18], што атрымаў Бранскае княства ад свайго бацькі пасля перамогі над татарамі ў 1362 г. Праўда, з сярэдзіны 1370-х гг. ён быў трубчэўскім князем, таму гэтыя манеты тэарэтычна могуць адносіцца і да **Трубчэўскага княства**. У першай палове 1370-х гг. Дзмітрый Альгердавіч быў яшчэ і чарнігаўскім князем, што можа тэарэтычна звязваць гэтыя манеты і з **Чарнігаўскім княствам**. Манеты Дзмітрыя Альгердавіча з’яўляюцца відавочнымі наследаваннямі дзенгам залатаардынскага хана Мухамеда, якія датуюцца 773 г. х. Дзенгі Дзмітрыя Альгердавіча маюць два тыпы. Першы характарызуецца княскім знакам Дзмітрыя і надпісам “ПЕЧАТЬ [ДМИ]ТРЕВА” на адным з бакоў і вагой прыкладна 1,10 г. (мал. 10). Дзенгі другога тыпу не маюць княскага знаку і нясуць на адным з бакоў легенду: “ПЕЧАТ КЗА ДМНТР”, іх вага складае каля 1,30 г [17, с. 56–57]. На зваротным баку ўсе дзенгі Дзмітрыя Альгердавіча маюць перайманне арабскіх надпісаў. Дату чаканкі гэтых манет можна ўмоўна вызначыць як 1373–1376 гг. [17, с. 57]. Пасля 1380 г. Дзмітрый Альгердавіч перайшоў на службу да маскоўскага вялікага князя Дзмітрыя Іванавіча, Бранскае і Трубчэўскае княствы былі перададзены яшчэ аднаму сыну Альгерда – Дзмітрыю Карыбуту.

Яшчэ адна група манет умоўна атаесамляецца ўласна з Ноўгарад-Северскім княствам. З 1380 г. да прыкладна 1393 г. ноўгарад-северскім князем быў Дзмітрый Карыбут Альгердавіч, малодшы брат Дзмітрыя Альгердавіча. Лічыцца, што ён эмітаваў манеты двух тыпаў: першы ўмоўна назавем “дзенгам”, другі – “дэнарыям”, ці “пенязем”. Дзенгі Дзмітрыя Карыбута таксама маюць два віды, якія на аверсе нясуць аднолькавую выяву: меч і легенду “Д КОРНЕТВА”. На зваротным баку размешчаны нечытальны арабскі надпіс на адным відзе манет, нечытальны арабскі надпіс і княскі знак Дзмітрыя Карыбута ў выглядзе крыжа з закругленымі ніжнімі канцамі – на другіх (мал. 11). Вага гэтых манет складае каля 1,43 г [17, с. 59–61; 25, с. 16–20]. Калі названы тып манет умоўна датуецца першай паловай – сярэдняй 1380-х гг., то другі тып манет – больш позні і датуецца пачаткам 1390-х гг. Гэта манеты дыяметрам каля 13 мм, вагой 0,2–0,33 г. Калі ранейшыя манеты Дзмітрыя Карыбута з’яўляюцца відавочным наследаваннем татарскім дзенгам, то гэты тып больш падобны да срэбнага дэнарыя. На зваротным яго боку

знаходзіцца нечытлівая кірылічная легенда, на аверсе – ці меч і ўжо згаданы княскі знак Дзмітрыя Карыбута, ці толькі гэты знак без мяча [1, с. 232–235; 25, с. 19] (мал. 12). У 1393 г. Дзмітрый Карыбут, як і шэраг іншых князёў з роду Альгердавічаў, быў змешчаны Вітаўтам і пераведзены княжыць на Валынь, новым ноўгарад-северскім князем замест яго быў прызначаны Фёдар Любартавіч. Больш сваіх манет у Ноўгарад-Северскім княстве не эмітавалася.

Такім чынам, нягледзячы на невялікую колькасць захаваных манет, што паходзяць з ноўгарад-северскай зямлі (так, агульная колькасць вядомых на дадзены момант манет Дзмітрыя і Дзмітрыя Карыбута Альгердавічаў не перавышае 30 [7, с. 16–17]), можна меркаваць, што манетныя эмісіі адбываліся тут прыкладна з другой паловы 1360-х гг. да першай паловы 1390-х гг. у цэлым шэрагу княстваў. Гэтыя манеты, відавочна, уяўляюць сабой перайманні і наследаванні залатаардынскім дзенгаім. Некаторыя з іх (старадубскія манеты Аляксаандра і Патрыкея Нарымонтавіча, магчыма, таксама бранскія ці трубчэўскія манеты Дзмітрыя Альгердавіча) з’явіліся яўна яшчэ да пачатку агульнадзяржаўнай чаканкі ў ВКЛ. Спробу адыйсці ад знешняй сувязі з залатаардынскімі манетамі і замяніць усе арабскія надпісы на кірылічныя мы назіраем тут толькі ў позніх манетах ноўгарад-северскага князя Дзмітрыя Карыбута Альгердавіча. Але, у любым выпадку, з цэнтральнай сістэмай ВКЛ манеты княстваў Ноўгарад-Северскай зямлі ніяк не звязаны. І калі манеты братаў Нарымонтавічаў, а таксама Дзмітрыя Альгердавіча перасталі чаканіцца яшчэ да ўзыходжання на вялікакняскі трон Вітаўта, то біццё манет Дзмітрыя Карыбута спынілася пасля яго змяшчэння з ноўгарад-северскага княжання менавіта Вітаўтам. Гэта ў пэўнай ступені збліжае сітуацыю са сканчэннем манетнай чаканкі ў ноўгарад-северскай зямлі з падобнай сітуацыяй у Кіеўскім княстве, калі пасля палітычнага рашэння Вітаўта пра замену іх князёў спыніліся і мясцовыя манетныя эмісіі.

Валынская зямля

Сітуацыя з магчымасцю манетнай чаканкай у Валынскай зямлі доўгі час адрознівалася значнай спрэчнасцю і нвызначанасцю. Лічылася, што на Валыні, напэўна, не чаканілася ўласных манет. Так, напрыклад, яшчэ ў даследаванні Б. Пашкевіча 2007 г. Валынь не вызначалася ў якасці зямлі, дзе адбываліся свае манетныя эмісіі [8, р. 192]. Разам з тым, яшчэ ў знойдзеным у 1911 г. Сосніцкім скарбе мелася адна манета з выявай крыжа і льва на розных баках, якая ў пачатку 1990-х гг. літоўскімі нумізматамі С. Саяўскасам, Д. Каўбрысам, Э. Іванаўскасам і М. Балчусам была атрыбутавана як манета кіеўскага княжання Скіргайлы сярэдзіны

1390-х гг. [13, с. 3], пра што мы ўжо пісалі вышэй. Аднак, пачынаючы з 2006 г., на тэрыторыі Валыні быў знойдзены цэлы шэраг падобных манет (мал. 5), што вымусіла некаторых даследчыкаў перагледзець іх атрыбуцыю. У выніку з'явілася некалькі альтэрнатыўных версій атрыбуцыі дадзеных манет. Беларускі даследчык Ю. Л. Барэйша ўжо ў 2007 г. прадставіў гіпотэзу, згодна з якой чаканка гэтых манет належала князю Фёдару Любартавічу – прадстаўніку дынастыі Гедамінавічаў і апошняму ўладару Валынскага княства, а час эмісіі вызначаны як 1385–1392 гг. [11, с. 59–61]. Разам з тым іншую версію атрыбуцыі і храналогіі гэтых манет прадставілі ўкраінскія даследчыкі У. Чапюк і В. Савіцкі, якія лічаць іх эмітэнтам бацьку Фёдара Любартавіча Дзмітрыя Любарта Гедымінавіча, які быў галіцкім і валынскім князем з 1340 да 1349 г., а потым, пасля страты ўлады над Галічынай, працягваў правіць на Валыні да 1383 г. Згодна з гэтай версіяй, працягваць біць гэтыя манеты мог і Фёдар Любартавіч [26, с. 130–133]. У сваёй рабоце 2009 г. В. Савіцкі вызнаў меркаваную дату чаканкі гэтых манет як канец 1350–1360-х гг. [27, с. 182–187]. Прызнанне гэтай версіі рабіла б валынскія манеты дастаткова раннімі ў параўнанні як з рэгіянальнымі манетнымі эмісіямі ВКЛ, напрыклад, кіеўскімі ці ноўгарад-северскімі, так і ў параўнанні з агульнадзяржаўнымі манетнымі эмісіямі ВКЛ. Заўважым, што абедзве названыя версіі прыпісваюць чаканку манет Валынскаму княству яшчэ да яго далучэння да ВКЛ Ягайлам у 1390 г., пасля чаго эмітаванне ўласных манет на Валыні перапыняецца.

Па іншаму паходжанне названых манет тлумачыць літоўскі нумізmat Э. Іванаўскас, які лічыць, што яны чаканіліся непасрэдна Вітаўтам у Луцку ў 1392–1394 гг. [28, р. 22–24]. Гэтая версія кардынальна адрозніваецца ад дзвюх папярэдніх, бо адносіць валынскія дэнарыі не да яшчэ незалежнага Валынскага княства, а да Валыні ў складзе ВКЛ, прычым, чаканка адбываецца не ад імя мясцовых уладаў, але ад імя вялікага князя Вітаўта. Аргументы супраць ранняй чаканкі гэтых дэнарыяў Дзмітрыям Любартам, а таксама іх эмітавання Вітаўтам з абапай на тэхнічныя характарыстыкі дадзеных манет прадставіў Ю. Барэйша [13, с. 12–38]. Чаканку валынскіх манет ён звязвае з уплывам галіцкай манетнай сістэмы і Львоўскага манетнага двара, а выявы крыжа і льва на дадзеных манетах узводзіць да сімвалікі Галіцка-Валынскай дзяржавы.

Па меркаванню Ю. Барэйшы і некаторых іншых даследчыкаў, ва Усходняй Валыні ў другой палове 1430-х гг. магло часткова ажыццяўляцца контрамаркаванне князем Свідрыгайлам татарскіх манет, прычым,

асноўным яго цэнтрам, па ўсёй бачнасці, з’яўлялася Падолле, што будзе разгледжана пазней.

Застаецца адзначыць, што ў любым выпадку валынскія манеты выбіваюцца з шэрагу рэгіянальнай манетнай чаканкі, якая ажыццяўлялася землямі ВКЛ ад імя сваіх уласных князёў. Хутчэй за ўсё гэтыя манеты эмітаваліся незалежным яшчэ Валынскім княствам, але калі б нават іх чаканіў і Вітаўт, то яны б уяўлялі сабой арыгінальны варыянт цэнтральнай манетнай чаканкі ВКЛ.

Падолле

Падолле было найбольш заходняй з земляў ВКЛ, што эмітавалі ўласныя манеты, і мясцовая чаканка значна адрознівалася ад усіх іншых манет тагачаснага Вялікага Княства Літоўскага. Лічыцца, што першым у Падольскім княстве чаканіў уласныя манеты князь Канстанцін Карыятавіч – унук Гедыміна і заснавальнік роду Чартарыйскіх. Гэтыя манеты вядомы як падольскія паўгрошыкі, паўгрошы, грошыкі, дэнырыі, ці пенязі (мал. 13). Ад усіх манет Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XIV ст. як агульнадзяржаўных, так і зямельных эмісій, яны адрозніваюцца вельмі высокай якасцю чаканкі, а таксама характарам выяў і надпісаў. На адным з бакоў манеты можна бачыць вершніка на кані, які дзёдай забівае цмока, магчыма, што гэта св. Георгій (Юрый) [17, с. 69]. На другім баку можна бачыць герб Анжуйскай дынастыі, прадстаўнік якой Людвік I быў каралём Венгрыі ў 1342–1382 гг. і Польшчы ў 1370–1382 гг. Надпісы на гэтых манетах таксама з’яўляюцца ўнікальнымі для тагачаснай нумізматыкі ВКЛ па прычыне выканання іх на лацінскай мове. На адным баку манеты вакол выявы вершніка знаходзіцца кругавы надпіс: “MONETA CONSTANTINI”, такім чынам, эмітаванне адбывалася ад імя князя. На гербавым баку манеты па колу размешчана легенда: “D N DOMINI DE SMOTRIC”, што дазваляе вызначыць месцам чаканкі Смотрич.

Названыя асаблівасці ў знешнім выглядзе дадзеных манет тлумачыцца, перадусім, размяшчэннем Падолля ў рэгіёне, які быў моцна эканамічна і культурна звязаны з Венгрыяй, а таксама з Польшчай. Падольскія паўгрошыкі з’яўляюцца ў значнай ступені наследваннем тагачасным венгерскім манетам, хоць і не абсалютным. Пра гэта ярка сведчыць і легенда на лацінскай мове, хоць яна і складзена ў адпаведнасці з падольскімі рэаліямі, і найменне герба роду Анжу. Гэта наўрад ці сведчыць пра некую васальную залежнасць Падолля ад Венгрыі, бо Падольскае княства ў той час было часткай ВКЛ. Хутчэй гаворка ідзе пра наследванне элементаў манетнай сістэмы, такса-

ма, як, напрыклад, кіеўскія ці северскія манеты наслідуюць татарскім дзенгам. Даследчыкі адзначаюць, што тэхнічныя характарыстыкі манет Канстанціна Карыятавіча (вага 0,7–1,02 г, дыяметр 17,5–18,5 мм) збліжаюць іх з львоўскім грошыкам, што можа сведчыць пра ўплыў на падольскія манеты і галіцка-манетнай сістэмы [17, с. 67–68]. Трэба ўспомніць, што Галічына ўваходзіла ў склад Польшчы, дзе, як ужо гаварылася вышэй, таксама правілі прадстаўнікі Анжуйскай дынастыі. Дату чаканкі паўгрошыкаў Канстанціна Карыятавіча можна вызначыць умоўна як 1382–1386 гг., калі, магчыма, існаваў пэўны дэфіцыт у паступленні на Падолле найбольш распаўсюджанай у гэтых месцах манеты – рускага (львоўскага) грошыка [17, с. 68].

Яшчэ адным відам падольскіх манет з’яўляюцца дэнары, што чаканіліся князем Фёдарам Карыятавічам, які да атрымання Падолля валодаў Навагрудкам і Гомелем. Яго манеты маюць вагу каля 0,32 г і дыяметр каля 12 мм [17, с. 69]. На адным баку манеты знаходзіцца сімвал, які можна зразумець ці як клейнападобны княскі знак, ці як лацінскую манаграму ТМ, што можа значыць “Theodorus Michael” – “Фёдар Міхайлавіч” (Міхаіл – хрысціянскае імя бацькі Фёдара Карыята). На зваротным баку манеты – выява кароны, пад якой – лацінскія літары dP – “dux Podoliae” – “князь Падоліі” (мал. 14). Паўгрошык Фёдара Карыятавіча, такім чынам, значна адрозніваецца па выглядзе і тэхнічным характарыстыкам ад манет яго брата Канстанціна, хоць відавочна таксама зазнаў заходні ўплыў. Фёдар Карыятавіч быў суправіцелем свайго брата Канстанціна ў Падольскай зямлі з 1308 г., з 1391 г. ён правіў ужо адзін. Прыкладна гэтымі часамі меркаваць і пачатак чаканкі ім манет. У 1393 г. Вітаўт пазбавіў князя Фёдара Падолля, на чым эмісія манет скончылася.

Як ужо зазначалася вышэй, на Падоллі ў часы праўлення вялікага князя Вітаўта па адной з версій магло ажыццяўляцца контрамаркаванне яго знакам “Калоны” ардынскіх дзенгаў (прыкладна ў 1396–1430 гг.) і крымска-генуэзскіх аспраў (прыкладна ў 1420–1430 гг.) [14, с. 7–8, 17–18, 41]. “Падольскі след” могуць мець і надчаканкі ў выглядзе “Калонаў” і чатырох кропак на залатаардынскіх і крымскіх манетах (мал. 15). На думку Ю. Барэйшы і А. Казарава, гэтае контрамаркаванне магло рабіцца Свідрыгайлам у другой палове 1430 – пачатку 1440-х гг. падчас яго барацьбы за ўладу ў перыяд міжусобнай вайны ў ВКЛ. Названія даследчыкі лакалізуюць падобнае контрамаркаванне Падоллем, магчыма таксама – Усходняй Валынню [14, с. 17–18]. Таксама існуе меркаванне, што і ў пазнейшыя часы (з 1440-х да прыкладна 1460 г.) ва Усходнім Падоллі магло працягвацца падобнае контрамар-

каванне татарскіх манет (напрыклад у Брацлаве) [14, с. 25–35, 37–42]. Калі контрамаркаванне Свідрыгайлам адбывалася ад імя вялікага князя і з’яўлялася па сутнасці рэгіянальным варыянтам цэнтральнай манетнай чаканкі ВКЛ, то пазнейшыя падольскія надчаканкі выглядаюць як менавіта рэгіянальнае, зямельнае контрамаркаванне замежных манет. Калі версія пра падольскае паходжанне ўсіх гэтых надчаканак адпавядае рэчаіснасці, то Падолле з’яўляецца фактычна адзінай зямлёй ВКЛ, дзе пасля пачатка 1430-х гг. адбывалася паўнавартаснае контрамаркаванне іншаземных манет.

Можна сказаць, што падольскія паўгрошыкі значна адрозніваюцца ад іншых манет тагачаснага ВКЛ, бо зазналі ўплыў не з боку залатаардынскай, а з боку венгерскай і галіцкай манетных сістэм. Тым не менш, яны не з’яўляюцца поўным перайманнем, але наследаваннем і маюць легенды са сведчаннем пра чаканку ад імя мясцовых князёў, што падкрэслівае карыстанне імі правам манетнай рэгаліі. Але адметнасць падольскіх манет не распаўсюджваецца на храналогію іх чаканкі і ўмовы яе спынення. Пасля пераводу падольскага князя Фёдара Карыятавіча на іншае княжанне ўсялякая манетная чаканка скончваецца, таксама як на Кіеўшчыне і Северскай зямлі, што зазналі падобныя палітычныя працэсы. Аднак Падолле можа з’яўляцца адной з нямногіх земляў ВКЛ (ці не адзінай), дзе пасля пачатка 1430-х гг. адбывалася контрамаркаванне татарскіх манет, якое, магчыма, працягвалася да пачатка 1360-х гг., прычым у якасці эмітэнта выступалі мясцовыя ўлады. Тым не менш, праблему лакалізацыі і датыроўкі татарскіх манет з надчаканкай “Калоны” наўрад ці можна лічыць канчаткова вырашанай.

Манеты паўстанняў і замоваў: міф ці рэальнасць?

Сярод манетных эмісій Вялікага Княства Літоўскага XV ст. вылучаюцца две цяжка вызначальныя, прапанаваныя даследчыкамі атрыбуцыя якіх робіць іх паходжанне вельмі арыгінальным. Згодна з гіпотэзамі атрыбуцыі гэтых манет, яны адносяцца да эмісіі паўстанняў і мецяжоў у ВКЛ, хоць і не маюць між сабой ніякай іншай сувязі. Калі гэтыя версіі адпавядаюць рэальнасці, то дадзеныя манетныя тыпы выразна адрозніваюцца сярод усіх іншых манет тагачаснага ВКЛ, якія ўяўляюць сабой ці цэнтральную агульнадзяржаўную, ці рэгіянальныя варыянты агульнадзяржаўнай чаканкі, ці чаканку асобных земляў ВКЛ.

Першай з такіх манет з’яўляецца дэнарыў з выявай знака, што нагадвае літару “Ю”, а з другога боку мае выяву геральдычнага льва (мал. 16). Дыяметр гэтай срэбнай манеты – каля 14 мм, вага – ад 0,39 да 0,48 г [17, с. 47]. Згодна з версіяй, прапанаванай некаторымі даследчыкамі,

гэты дэнарый можа належаць смаленскаму князю Юрыю Святаславічу. Трэба адзначыць, што ён з'яўляўся князем незалежнай ад ВКЛ Смаленскай зямлі ў 1386–1392 гг., пасля чаго быў вымушаны саступіць смаленскі трон на карысць свайго брата Глеба Святаславіча. Але ўжо ў 1395 г. Вітаўт далучыў Смаленскую зямлю да ВКЛ і замест Глеба пасадзіў там свайго намесніка Рамана Міхайлавіча, чарнігаўскага і бранскага князя. У час яго праўлення ў Смаленску (1395–1401) біліся манеты з выявай “Калонаў” і львоў (мал. 17), вярхоўным эмітэнтам якіх выступаў, безумоўна, Вітаўт [17, с. 47; 29, с. 42–43]. У 1401 г. былы смаленскі правіцель Юрый Святаславіч арганізаваў пераварот, забіў Рамана Міхайлавіча і вярнуў сабе ўладу над горадам. Праўленне князя-“сепаратыста” працягвалася да 1404 г., калі Вітаўт выгнаў Юрыя са Смаленска і вярнуў горад у склад ВКЛ. Уласна да другога праўлення ў Смаленску Юрыя Святаславіча (1401–1404) і адносяць некаторыя даследчыкі чаканку са знакам “Ю” [17, с. 47; 29, с. 32–33].

Аднак названая версія атрыбуцыі дадзенай манеты знаходзіць падтрымку далёка не ў ва ўсіх даследчыкаў. Так, згодна з гіпотэзай Ю. Барэйшы і Э. Іванаўскаса, гэтыя манеты могуць належаць менавіта прыгаданаму вышэй князю Раману Міхайлавічу ў час яго смаленскага намесніцтва (1395–1401), што выкладзена імі ў адпаведнай кнізе 2008 г. [30]. Сімвал на манетах у такім выпадку лічыцца не літарай “Ю”, але проста звычайным княскім знакам. Разам з тым, існуе і радыкальна адрозная ад папярэдніх дзвюх версія. Літоўскія даследчыкі Я. Іваноўскі і М. Бальчус атрыбуюць гэтыя манеты полацкаму князю Андрэю Альгердавічу і мяркуюць час іх эмісіі як 1398–1399 гг. [29, с. 32–33]. Версію пра чаканку гэтых манет у Полацку падтрымлівае са сваімі аргументамі і беларускі гісторык А. Шаланда. Ён таксама лічыць, што сімвал “Ю” на гэтых дэнарыях не мае дачынення да імя “Юрый”, яго трэба “перавярнуць” у візуальным успрыяцці, пасля чаго ён ператворыцца ў звычайны княскі знак [29, с. 32–34]. Пры гэтым падкрэсліваецца пэўнае падабенства гэтага сімвала на княскі знак Івана Андрэевіча, сына Андрэя Альгердавіча, які некалькі разоў быў князем у Полацку. Калі падабенства льва на манетах са знакам “Ю” і на смаленскіх дэнарыях з “Калонамі” тлумачыцца прыхільнікамі першых дзвюх версій як доказ смаленскага паходжання гэтых манет, то прыхільнікі “полацкага следа” такую сувязь адмаўляюць.

Такім чынам, можна канстатаваць той факт, што дакладная атрыбуцыя манет са знакам “Ю” да гэтуль невядома. Гэта можа быць і класічная чаканка манет адной з земляў ВКЛ, і сапраўды эмісія мяцежнага князя.

У абодвух выпадках чаканка гэтых манет адбывалася пазней за эмісію іншых земляў Вялікага Княства. “Вастрыню” пытанню атрыбуцыі гэтых манет надае той факт, што і для смаленскай зямлі, і для полацкай зямлі гэтыя манеты маглі б быць адзінымі ў сваім родзе – больш ніякіх уласных манет ні ў Смаленску (ад імя свайго князя), ні ў Полацку ніколі не чаканілася.

Яшчэ адной гіпотэзай пра існаванне ў ВКЛ “мяцежных” манет з’яшляецца спроба атрыбуцыі аднаго з самых загадкавых тыпаў манет, якія былі знойдзены на тэрыторыі Беларусі, Украіны і Расіі. Першыя прысвечаныя ім публікацыі адносяцца да 2006–2007 гг., найбольшая іх колькасць (пры іх вялікай рэдкасці) была знойдзена ў ваколіцах горада Мсціслава [15, с. 66–70]. Найбольш падрабязнае даследаванне дадзеных манет прадстаўлена Ю. Барэйшам у асобным выданні 2010 г. [12]. Гэтыя манеты ўяўляюць сабой акчэ крымскіх ханаў Менглі-Гірэя I, Хаджы-Гірэя і Нур-Дэўлета (1460-ыя – 1480-ыя гг.), а таксама ёсць і манета з імем хана Узбека, такія манеты працягвалі чаканіцца ў Крыме і ў XV ст. На гэтых крымскіх манетах зроблена надчаканка ў выглядзе добра заўважнага знака, што мае выгляд стралы, якая ніжнім канцом абапіраецца на паўкруг (мал. 18). Беларускі даследчык Ю. Барэйша і літоўскі нумізмат Э. Іванаўскас, якія прааналізавалі храналагічны і іншыя аспекты, робяць вывад пра стварэнне гэтых контрамарак мсціслаўскім князем Іванам Юр’евічам, які, згодна з гэтай версіяй, падтрымаў замову князёў Міхаіла Алелькавіча, Івана Гальшанскага і Фёдара Бельскага супраць вялікага князя Казіміра Ягелончыка ў 1481–1482 гг. [15, с. 66–70]. Пры гэтым надчаканка “Страла на паўкрузе” можа разумецца ў якасці геральдычнага сімвала князя Міхаіла Алелькавіча, які ў выніку адхілення Казіміра ад улады мог бы прэтэндаваць на трон.

Гэтая версія, калі б яна была цалкам даказана, безумоўна, была б сенсацыйнай для гістарычнай навукі не толькі з пункту гледжання нумізматыкі, але і ў сэнсе даследавання замовы 1481 г. і ўсяго ўнутрыпалітычнага жыцця тагачаснага ВКЛ. Аднак пакуль што існуе недастатковая даказальнасць гэтай версіі, на што ўказвае, у прыватнасці, і Ш. Бекцінееў [1, с. 237–238]. Як бы там ні было, трэба звярнуць увагу на важны момант з аргументацыі Ю. Барэйшы і Э. Іванаўскаса для абгрунтавання гэтай версіі. Яны падкрэсліваюць, што ў часы Казіміра Ягелончыка (ад сябе заўважым, пасля ператварэння ім некаторых княстваў у ваяводства ВКЛ) Вялікае Княства ўжо было дастаткова цэнтралізаванай дзяржавай, уласных эмісій асобных земляў не існавала, а ажыццяўленне падобных надчаканак на крымскіх манетах магло ад-

бывацца толькі ў надзвычайных умовах. Так яшчэ раз падкрэсліваецца сувязь нумізматыкі з пытаннямі тагачаснай палітыкі.

Такім чынам, ажыццяўленне позніх, у параўнанні з манетнай чаканкай у іншых землях ВКЛ, смаленскіх (ці, тым больш, полацкіх), а таксама мсціслаўскіх эмісій і іх храналогія не з'яўляюцца на дадзены момант да канца даказанымі і працягваюць выклікаць сур'ёзныя спрэчкі. Далейшага ўдакладнення патрабуюць версіі пра чаканку манет у Смаленску ў часы мяцежа князя Юрыя Светаславіча ці ў часы праўлення князя Рамана Міхайлавіча, калі Смаленскае княства было часткай ВКЛ (у апошнім выпадку Смаленскае княства магло б стаць у адзін шэраг з іншымі землямі ВКЛ, дзе эмітаваліся манеты). Далейшая распрацоўка неабходна і вельмі цікавай версіі пра эмісію мсціслаўскіх манет, якая б магла праліць святло на многія абставіны замовы князёў 1481 г., але якая, на жаль, не мае поўнай доказнай базы.

Замест заключэння

Зробім некаторыя высновы, якія вынікаюць з разгледжанага вышэй матэрыяла. Пры ўсёй беднасці дакументальных сведчанняў знаходкі першых манет, якія чаканіліся на тэрыторыі ВКЛ, што з развіццём тэхнічных прыладаў для іх пошуку працягваюцца дагэтуль, дазваляюць склаці агульную карціну манетнага абарачэння на тэрыторыі гэтай дзяржавы і яе зямель. Зразумела, што ў другой палове XIV–XV ст. на тэрыторыі ВКЛ выкарыстоўваліся далёка не толькі манеты мясцовага чакану, значную долю ад усяго манетнага абарачэння гэтай дзяржавы займалі манеты іншаземнага паходжання – вельмі папулярны на працягу XIV і самога пачатку XV ст. пражскі грош, лівонскі шеляг, разнастайныя манеты розных частак Залатой Арды (у першую чаргу, у паўднёвых валоданнях ВКЛ) і іншых дзяржаў. На падставе аналізу як манетнай чаканкі, так і абарачэння ў ВКЛ манет агульнадзяржанага, зямельнага і замежнага чакана беларускі даследчык Ш. І. Бекцінееў вылучае для названага перыяда тры значныя грашовыя сістэмы: полацка-віцебскую (сярэзіна XIII ст. – 1386/1392 гг.), ужо разгледжаную намі вышэй кіеўскую (прыкладна 1364/1394) і літоўска-татарскую (1398–1425) [1, с. 77, 194–210]. Заўважым, што полацка-віцебская (якая не ведала манет уласнай чаканкі, калі не ўлічваць згаданую раней версію пра эмітаванне ў Полацку манет са знакам “Ю”), а таксама кіеўская манетныя сістэмы спыняюць сваё існаванне да сярэдзіны 1390-х гг., што значыць, у пачатку праўлення Вітаўта.

Пасля разгляду пытання манетнай чаканкі ў асобных землях Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XIV ст. нам трэба заўважыць два

важныя моманты. Па-першае, шэраг земляў ВКЛ чаканілі ў дадзены перыяд свае ўласныя манеты, пры гэтым, усе гэтыя землі з’яўляліся княствамі. Біццё большасці дадзеных манет адбывалася ад імя мясцовага князя. Чаканка зямель ВКЛ адыгрывала значную ролю ў мясцовым грашовым звароце. Як ужо гаварылася вышэй, Ш. І. Бекцінееў нават паклаў манеты кіеўскага князя Уладзіміра Альгердавіча, якія зазналі найбольш масавую і працяглую чаканку, у аснову асобнай кіеўскай грашовай сістэмы, хоць яны і эмітаваліся адначасова з манетамі ў некаторых іншых землях.

Другая важная рэч, якую неабходна асабліва падкрэсліць, гэта тое, што манеты ў шэрагу княстваў – Кіеўскім, Ноўгарад-Северскім, Падольскім – чаканіліся да першых гадоў праўлення вялікага князя Вітаўта. Разам з тым, канец чаканкі ва ўсіх гэтых княствах супадае з залішэннем Вітаўтам мясцовых князёў гэтых княстваў і пераходам іх на княжанне ў іншыя месцы: Уладзімір Альгердавіч, зняты з кіеўскага княжання прыкладна ў 1394 г., Дзмітрый Карыбутавіч – з Ноўгарад-Северскага ў 1393 г., Фёдар Карыятавіч – з Падольскага ў 1393 г. Як мы ўжо зазначалі вышэй, найменне цяжка даказальнай версіі пра чаканку манет у Кіеўскім княстве Скіргайлам у сярэдзіне 1390-х гг. не змяняе дадзенай карціны. Такім чынам, мы можам бачыць, што змяшчэнне Вітаўтам князёў гэтых зямель непасрэдна паўплывала на спыненне манетных эмісій: наступныя князі фактычнай манетнай рэгаліі не атрымалі і сваіх манет ужо не чаканілі. Паказальна, што да часу пачатка агульнадзяржаўнай чаканкі ВКЛ і пачатка праўлення Вітаўта (другая палова 1380-х – першая палова 1390-х гг.) адносіцца і спыненне існавання полацка-віцебскай грашовай сістэмы.

Адзначым, што некаторыя землі выбіваюцца з гэтага шэрагу. Манетная чаканка ў Валынскім княстве, па ўсёй бачнасці, адбывалася яшчэ да яго далучэння да складу ВКЛ, згодна з іншай версіяй, манеты чаканіліся тут Вітаўтам, аднак гэта быў бы ўжо рэгіянальны варыянт агульнадзяржаўнай чаканкі. Спрэчным пытаннем з’яўляецца вызначэнне манетнай чаканкі ў Смаленску. Магчыма, гэта манеты мяцежнага князя Юрыя Святаславіча 1401–1404 гг., што таксама не дазваляе аднесці іх да зямельнай чаканкі ў складзе ВКЛ. Згодна з іншай гепотэзай, манеты маглі належаць пастаўленаму Вітаўтам князю Раману Міхайлавічу (1395–1401), але ў любым выпадку, пасля вяртання Вітаўтам улады над горадам у 1404 г. манет тут больш не чаканілася. Калі ж манеты з сімвалам “Ю” у рэальнасці належалі Андрэю Альгердавічу Полацкаму, то пасля яго гібелі ў 1399 г. манеты тут таксама не эмітаваліся,

што адпавядае сітуацыі і ў іншых землях. Адмысловыя асаблівасці мела манетная чаканка ў Падоллі, мясцовыя манеты былі выбіты па венгерскаму ўзору, акрамя гэтага, Падолле, як лічыць Ш. І. Бекцінеў, не ўдзельнічала ў фармаванні так званай літоўска-татарскай грашовай сістэмы, якая прыйшла на змену полацка-віцебскай і кіеўскай сістэмам і існавала на тэрыторыі Кіеўшчыны, Гродзеншчыны і Брэстчыны [1, с. 202–205, 235–236]. Аднак, нягледзячы на гэтыя значныя асаблівасці, падольскія манетныя эмісіі ўсё ж можна паставіць у адзін шэраг з кіеўскімі, северскімі і, магчыма, смаленскімі па адной важнай прыкмеце – яны спыняюцца пасля змяшчэння мясцовага князя палітычнай воляй Вітаўта. З мэтай аблягчэння дадзенага матэрыялу намі былі распрацаваны ўмоўная параўнальная храналагічная табліца мясцовых манетных эмісій земляў ВКЛ.

Такім чынам, пытанне ўласнай манетнай чаканкі ў землях Вялікага Княства Літоўскага, на наш погляд, з’яўляецца непасрэдна звязаным са ступенню іх палітычнай аўтаноміі. У гісторыяграфіі даўно існуе дыскусія пра значнасць для палітычнай сістэмы ВКЛ змяшчэнне Вітаўтам шэрагу князёў асобных земляў ВКЛ у 1390-х гг. Згодна з першай версіяй, гэта была, па сутнасці, рэформа тэрытарыяльна-адміністрацыйнай сістэмы Вялікага Княства, у выніку якой некаторыя ўдзельныя княствы былі пераведзены ў стан намесніцтваў [14, с. 17, 41; 20 с. 101; 21, с. 82]. У адпаведнасці з іншай версіяй, гэта была, хутчэй, некая маштабная рэформа, а проста замена менш “зручных” князёў на больш лаяльных вялікакняжацкай уладзе [21, с. 82–83]. Для нас бліжэй другая версія: нішто не гаворыць пра стварэнне Вітаўтам замест сістэмы ўдзельных княстваў новай спецыфічнай адзінкі “намесніцтва”. Аднак усё ж існуе, на наш погляд, важная прыкмета таго, што шэраг княстваў пры Вітаўце ўсё ж паменшылі ступень сваёй аўтаноміі – спыненне імі манетных эмісій, а значыць, і звужэнне магчымасці правядзення іх князямі ўласнай эканамічнай палітыкі. Хоць у некаторых землях (Кіеўшчына, Падолле, можа быць Валынь) пазней, па ўсёй бачнасці, адбывалася контрамаркаванне татарскіх манет, яно ажыццяўлялася ў асноўным ад імя вялікіх князёў і наўрад ці можа сведчыць пра сур’ёзны ўзровень палітычнай аўтаноміі гэтых рэгіёнаў. Пасля залішэння мясцовых князёў права манетнай рэгаліі Вялікае Княства Літоўскае, хоць і працягнула ўключаць шэраг княстваў са значнай ступенню палітычнай аўтаноміі, але стала некалькі больш цэнтралізаванай дзяржавай, каб ліквідаваць апошнія ўдзельныя княствы і перавесці іх на стан ваяводстваў у часы Казіміра Ягелончыка ці яшчэ пазней. Разам з тым, скасаванне ўласнай

манетнай чаканкі земляў ВКЛ дало імпэт для развіцця ў гэтай дзяржаве агульнадзяржаўнай грашовай сістэмы, заснаванай на ўласнай срэбнай манеце. Спадзяемся, што вывучэнне сувязяў паміж манетнай чаканкай і палітычнай сістэмай ВКЛ, а таксама ступенню палітычнай аўтаноміі асобных земляў гэтай і іншых дзяржаў працягнецца ў далейшых навуковых даследаванняў.

Спіс літаратуры

1. Бектинеев, Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизмат. исслед. / Ш. И. Бектинеев. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 509 с.
2. Юргенсон, В. А. Монеты Ягайло и Витовта // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: Да 600-годдзя Грундвальскай бітвы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Гродна, 8–9 ліп. 2010 г.); уклад.: А. І. Груша, С. В. Марозава; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2014. – С. 182–185.
3. Котляр, М. Ф. Нариси історії обігу й лічбы монет на Україні XIV–XVIII ст. / М. Ф. Котляр. – Київ: Наукова думка, 1981. – 240 с.
4. Котляр, Н. Ф. Клад монет Владимира Ольгердовича / Н. Ф. Котляр // Нумизматика и эпиграфика. – 1970. – Т. 8. – С. 88–100.
5. Котляр, Н. Ф. Кладоискательство и нумизматика / Н. Ф. Котляр. – Киев: Наукова думка, 1974. – 128+16 с.
6. Хромов, К. К. К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о “киевских” подражаниях монетам Джанибека) / К. К. Хромов // Материалы Двенадцатой Всероссийской нумизматической конференции. – Москва, 2004. – С. 87–88.
7. Хромова, І. Сіверське карбування другої половини XIV ст. / І. Хромова // IV Міжнародна наукова конференція «Україна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі» (Кам’янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 16–19 вересня 2016 р.). – Київ, 2016. – С. 16–19.
8. Paszkiewicz, B. The circulation of the earliest Lithuanian coins / B. Paszkiewicz // Money circulation in Antiquity, the Middle Ages and Modern Times. Time, Range, Intensity. International Symposium of the 50th Anniversary of Wiadomości Numizmatyczne (Warsaw, 13–14 October 2006). – Warsaw, Cracow: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 2007. – P. 191–212.
9. Рябцевич, В. Н. О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) / В. Н. Рябцевич // Средневековая нумизматика Восточной Европы. – Вып. 2. – Москва: Древлехранилище, 2007. – С. 138–159.
10. Бектинеев, Ш. Литовско-татарская денежная система 1397 г. – 2-й четверти XV в.: новые материалы и исследования / Ш. Бектинеев // Беларусь і цюркска-ісламскі свет: з нагоды 615-годдзя ўзнікнення татарска-мусульман-

скай супольнасці на землях ВКЛ: зб. навук. прац / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. “Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы”; уклад. і прадм.: І. А. Сынкова, М. У. Тарэлка. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – С. 40–57.

11. Барэйша, Ю. Аб аtryбуцыі, сімваліцы і датаванні манет ВКЛ з ільвом і крыжам / Ю. Барэйша // Банкаўскі веснік. – 2007. – № 16 (381). – С. 59–61.

12. Барэйша, Ю. Мсціслаўскі манетны двор Аселькавічаў-Бельскіх “Пісараўшчына” вясны 1482 г. Хроніка змовы 1480–1482 гг. па нумізматычных матэрыялах / Ю. Барэйша. – Мінск: Тэсей, 2010. – 144 с.

13. Борейша, Ю. Волынские монеты Фёдора Любартовича в свете кладовых данных и реконструкции символики Галицко-Волынского государства / Ю. Борейша. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 270 с.

14. Борейша, Ю. О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича / Ю. Борейша, А. Казаров. – Минск: Тэсей, 2009. – 56 с.

15. Борейша, Ю., Иванаускас, Э. Мстиславские монеты (монеты заговора Михаила Омельковича 1481 г.) / Ю. Борейша, Э. Иванаускас // Банковский вестник: информационно-аналитический и научно-практический журнал Национального банка Республики Беларусь. – 2009. – № 10. – С. 66–70.

16. Гулецькі, Д. У. Манеты беларускай даўніны / Д. У. Гулецькі. – Мінск: Беларусь, 2007. – 159 с.

17. Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.: Д. Гулецькі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – 2016 с.

18. Словарь по политологии / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.

19. Фенглер, Х., Гироу, Г., Унгер, В. Словарь нумизмата / пер. с нем. М. Г. Арсеньевой; отв. редактор В. М. Потин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Радио и связь, 1993. – 408 с.

20. Шабульдо, Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского / Ф. М. Шабульдо. – Киев: Наукова думка, 1987. – 181 с.

21. Русина, О. В. Україна під татарами і Литвою / О. В. Русина // Україна кризь віки. У 13-ти тт. – К.: Альтернативи, 1998–1999. – Т. 6 / НАН України. Інститут історії України. – К.: Альтернативи, 1998. – 320 с.

22. Kozubowski, G. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. / G. Kozubowski // Wiadomości numizmatyczne XXXVIII, nos. 3–4. – Warszawa, 1994. – S. 121–140.

23. Михайлюк, Ю. Південна Київщина в 60-х рр. XIV – 60-х рр. XVI ст.: державне управління та громадське самоврядування / Ю. Михайлюк. – Черкаси: Вертикаль, ПП Кандич С. Г., 2011. – 348 с.

24. Козубовський, Г. А. Сіверські монети 14 ст. / Г. А. Козубовський. – К., 1992. – 40 с.

25. Зайцев, В. В. «Северские» монеты с «княжеским знаком», 80-е гг. XIV в. / В. В. Зайцев / Нумизматика. – 2011. – № 1 (28). – С. 16–22.

26. Савицький, В., Чопюк, В. Монети Любарта / В. Савицький, В. Чопюк // Наукові записки з проблеми волинезнавства. – Вип. 1. – Луцьк, 2008. – С. 130–133.

27. Савицький, В. Денарії Любарта-Дмитрія (1340–1384) / В. Савицький // Археологічні дослідження Львівського університету. – Випуск 12. – Львів, 2009. – С. 182–187.

28. Ivanauskas, E. Coins of Lithuania 1386–2009 / E. Ivanauskas. – Vilnius, 2009. – P. 22–24.

29. Шаланда, А. Символи і гербы земель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – 182 с.

30. Борейша, Ю., Иванаускас, Э. Смоленские монеты Витовта и Романа Михайловича / Ю. Борейша, Э. Иванаускас. – Каунас, Минск, 2008. – 23 с.

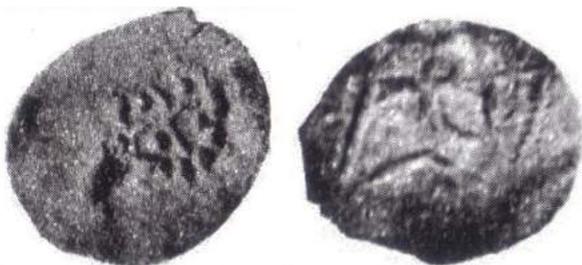
Малюнак 1. Кіеўская манета-наследаванне залатаардынскім дзенгам хана Джанібэка, якая была знойдзена каля Гродна. Фота публікацыя з: Курбанова, Н. Находка подражання монете Джанибека // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 7 (552). – С. 55.

Малюнак 2. Кіеўскія дэнарыі Уладзіміра Альгердавіча ў экспазіцыі Нацыянальнага музея гісторыі Украіны. Фота аўтара

Малюнак 3. Кіеўскі дэнарый Уладзіміра Альгердавіча са збораў Адэскага музея нумізматыкі. Фота публікуецца з сайта Адэскага музея нумізматыкі: http://www.museum.com.ua/expo/kiiev_ru.html

Малюнак 4. Аболы Уладзіміра Альгердавіча. Фота публікуецца з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.: Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 65.*

Малюнак 5. Вальнскі дэнарый (на ранейшай версіі – кіеўскія дэнарыі Скіргайлы). Фота публікуецца з: *Борейша, Ю. Вольнские монеты Фёдора Любартовича в свете кладовых данных и реконструкции символики Галицко-Вольнского государства / Ю. Борейша. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – С. 159.*

Малюнак 6. Татара-генуэзскі аспр з надчаканкай “Калоны”.
 Фота публікацыя з: Гулецкі, Д. Гниваньскі клад другой чверты
 XV века // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 1 (630). – С. 28.

Малюнак 7. Старадубскі дзэнг Аляксандра Нарымонтавіча.
 Фота публікацыя з сайта “Ізрой”: <http://www.belcoins.com/findex.phtml?tpc=1021&pg=1>

Малюнак 8. Старадубскі дзэнг Патрыкея Нарымонтавіча
 (з княскім знакам). Фота публікацыя з: Манеты Беларусі (да 1707 г.):
 даведнік / склад.: Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск:
 І. П. Логвінаў, 2007. – С. 55.

Малюнак 9. Старадубскі дзенг Патрыкея Нарымонтавіча (без княскага знака). Фота публікацыя з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.: Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 55.*

Малюнак 10. Бранскі (?) дзенг Дзмітрыя Альгердавіча (з княскім знакам). Фота публікацыя з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.: Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 57.*

Малюнак 11. Северскія дзенгі Дзмітрыя Карыбута Альгердавіча (без княскага знака на рэверсе – уверсе, з княскім знакам на рэверсе – унізе). Прамалёўка публікацыя з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.: Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 60.*

Малюнак 12. Северскі дэнарый Дзмітрыя Карыбута Альгердавіча, што быў знойдзены каля Навагрудка. Фота публікацыя з: Малежик, В. *О находках древнейших литовских монет у Новограда* // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (480). – С. 79.

Малюнак 13. Падольскі грошык (дэнарый) Канстанціна Карыятавіча. Фота публікацыя з: Громыко, А. *О подольских денариях Константина Кориатовича* // Банкаўскі веснік. – 2010. – №7 (480). – С. 70.

Малюнак 14. Падольскі дэнарый Фёдара Карыятавіча. Фота публікацыя з: Громыко, А. *О подольских денариях Константина Кориатовича* // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (480). – С. 69.

Малюнак 15. Татара-генуэзскі аспр з надчаканкай “Калонаў” і чатырма кропкамі ў верхнім правым кутку. Фота публікацыя з: Борейша, Ю. *О надчеканках «Колумн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича / Ю. Борейша, А. Казаров.* – Минск: Тесей, 2009. – С. 24.

Малюнак 16. Смаленскі (?) дэнарый са знакам у выглядзе літары “Ю”. Фота публікацыя з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.:* Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 47.

Малюнак 17. Смаленскі дэнарый са знакам Вітаўта “Калоны” і львом. Фота публікацыя з: *Манеты Беларусі (да 1707 г.): даведнік / склад.:* Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – С. 47.

Малюнак 18. Крымскі акчэ з мсціслаўскай (?) надчаканкай. Фота публікацыя з: Борейша, Ю., Іванаускас, Э. *Мстиславские монеты (монеты заговора Михаила Олельковича 1481 г.) // Банкаўскі веснік.* – 2009. – № 10 (447). – С. 66.

Годы Субъекты эмісії	1350	1360	1370	1380	1390	1400	1410	1420	1430	1440	1450	1460	1470	1480
	Центральная манетная эмісія ВКЛ	1362	1365	1375	1385	1395	1405	1415	1425	1435	1445	1455		
Кіеўская зямля	3	4	5	6	7	8	9	10						
Поўтарат-Северская зямля	11	12	13	14	15									
	16			17	18					19				
										22	23			
Палолле			20		21									
Смаленская зямля					24	25	26							
Польская зямля (?)					27									
Мсціслаўская зямля (?)														28

Табліца 1. Храналагічнае параўнанне уласных манетных эмісій зямляў ВКЛ, цэнтральных і рэгіянальных манетных эмісій ураду ВКЛ у другой палове XIV ст. – другой палове XV ст.

Умоўныя абазначэнні:

1. _____	1. Прыкладная дата манетнай эмісіі
2. - - - - -	2. Прыкладная дата гіпатэтычнай манетнай эмісіі (па меркаванню некаторых даследчыкаў)
3.
.....	3. Прыкладная дата контрамаркавання залатаардынскіх ці крымскіх манет
4.	4. Прыкладная дата гіпатэтычнага контрамаркавання крымскіх манет удзельнікамі замовы князя Гальшанскага

- 1 – Меркаванья першыя манетныя эмісіі ВКЛ
 2 – Дэнарыі ВКЛ (эмітаванне з перапынкамі)
 3 – Кіеўскія перайманні дзенгаў хана Джанібэка
 4 – Першы тып дэнарыяў Уладзіміра Альгердавіча
 5 – Другі тып дэнарыяў Уладзіміра Альгердавіча
 6 – Трэці тып дэнарыяў Уладзіміра Альгердавіча
 7 – Аболы Уладзіміра Альгердавіча
 8 – Гіпатэтычныя дэнарыі Скіргайлы
 9 – Надчаканкі ў выглядзе “Калонаў” на залатаардынскіх дзенгах
 10 – Надчаканкі ў выглядзе “Калонаў” на крымска-генуэзскіх аспрах
 11 – Дзенгі Аляксандра Нарымонтавіча
 12 – Дзенгі Патрыкея Нарымонтавіча
 13 – Дзенгі Дзмітрыя Альгердавіча
 14 – Дзенгі Дзмітрыя Карыбута Альгердавіча
 15 – Дэнарыі Дзмітрыя Карыбута Альгердавіча
 16, 17, 18 – Розныя дагы эмісій валынскіх манет па меркаванням розных даследчыкаў
 19 – Гіпатэтычнае контрамаркаванне татарскіх манет “Калонамі”
 20 – Паўгрошы Канстанціна Карыятавіча
 21 – Дэнарыі Фёдара (Тэадора) Карыятавіча
 22 – Гіпатэтычнае контрамаркаванне Свідрыгайлам татарскіх манет знакам “Калоны”
 23 – Гіпатэтычнае контрамаркаванне падольскімі ўладамі татарскіх манет знакам знакам “Калоны”
 24 – Смаленскія эмісіі дэнарыя ВКЛ
 25 – Магчымая эмісія дэнарыяў са знакам “Ю” Раманам Міхайлавічам
 26 – Гіпатэтычная эмісія дэнарыяў са знакам “Ю” Юрыям Святаславічам
 27 – Гіпатэтычная эмісія дэнарыяў са знакам “Ю” Андрэем Альгердавічам
 28 – Гіпатэтычнае контрамаркаванне крымскіх манет удзельнікамі замовы князёў Алелькавіча, Гальшанскага, Бельскага

ГРАШОВАЯ СІСТЭМА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў ЧАСЫ АЛЯКСАНДРА ЯГЕЛОНЧЫКА (1492–1506)

У канцы XV – самым пачатку XVI ст. у Еўропе назіраўся уздым гандлёвых стасункаў з рэзкім павелічэннем грашовага абарота. У гэты ж час пачынаецца паступленне велізарнай колькасці срэбра з Амерыкі. У самой Еўропе за кошт новых дасягненняў тэхнічнага прагрэсу былі вынайздзены і пачалі актыўна распрацоўвацца новыя срэбраныя руднікі. Усё гэта прывяло да выбрасу вялікай колькасці срэбра, як сыравіны і адначасовага попыту на яго ў выглядзе грошаў, так як срэбраныя манеты заставаліся тады асноўным грашовым эквівалентам.

Манетная справа ў ВКЛ ў часы папярэдніка Аляксандра – яго бацькі Казіміра, застаецца белай плямай у сучаснай нумізматычнай навуцы. У першую чаргу гэта звязана з адсутнасцю дакументальных сведчанняў аб эмісійнай дзейнасці, а самі манеты практычна не нясуць на сябе той інфармацыі, якая б дазволіла канкрэтна вызначыць эмітэнта – яны не датаваныя і не змяшчаюць ніякіх надпісаў, акрамя асобных літар (знакаў) [1, с. 177–179]. Манеты тыпу “Калюмны”/“Пагоня”, якія зараз большасцю даследчыкаў адносяць да Казіміра [2, с. 123–127], у розныя часы адносілі да розных эмітэнтаў. І зараз некаторыя даследчыкі выказваюць думку аб прыналежнасці манет такога тыпу, напрыклад, да Вітаўта [3, с. 39–43]. Усё гэта звязана з тым, што шэраг манет стылістычна адрозніваецца ад іншых такога тыпу і наяўнасць розных літар (знакаў) у “Калюмнах” ці каля іх дазваляе аднесці іх да розных эмітэнтаў [1, с. 196–197].

7 ліпеня 1492 г. памірае Казімір. У яго засталася пяцёра сыноў. Старэйшы Уладзіслаў быў каралём чэскім (з 1490 г.), трэці Ян Ольбрахт стаў каралём польскім, чацвёртаму Аляксандру дасталася Вялікае княства Літоўскае, шосты, Фрыдрых, быў кракаўскім епіскапам, потым атрымаў яшчэ і гнезненскую архіепіскапію. І толькі пяты Жыгімонт быў па-за дзяржаўнымі справамі.

Малады і амбітны новы вялікі князь актыўна ўзяўся за дзяржаўныя справы. Вялікую ўвагу надаваў развіццю гарадоў і мястэчак, стварэнню новых местаў. Не менш за 49 з іх атрымалі ад вялікага князя розныя прывілеі. Ён актыўна праводзіў урбанізацыйную палітыку і дбаў аб

развіцці лакальных рынкаў. Усё гэта мела мэтай толькі адно – хутчэйшае папаўненне скарбу краіны, які ва ўмовах ваенных сутычак з Маскоўскай дзяржавай аказаўся поўнаасцю спустошаным, а падаткі, якія шлі з местаў займалі значную частку ў гэтай справе [4, с. 18–33]. Пачалося актыўнае наданне ім права на самастойнасць – магдэбургскага права.

З уступленнем на вялікакняжскі пасад Аляксандра у Літве пачаўся новы перыяд у развіцці дзяржавы – гэта пераходны этап ад Сярэднявечча да Новага часу. Прынцыпова змяніліся таксама і спосабы вырабу манет: на змену сярэдневечнай тэхналогіі біцця манет з расплюснутых кавалкаў срэбранага дроту прыйшоў спосаб біцця манет на загатоўках з раската-нага срэбранага ліста. Паслядоўнасць дзеянняў была, прыблізна, такой: бралася срэбра вядомай пробы і лігатура (як, правіла, медзь) і плавілася ў спецыяльнай печы. За тым, каб будучыя манеты былі патрэбнай пробы, сачыў прабірэр, які браў пробы на якасць, такім чынам робячы аналіз складу метала. Для атрымання неабходнай, зарання вызначанай лотавай пробы, прабірэр дабаўляў срэбра або лігатуру. Калі атрымлівалася неабходная канцэнтрацыя, метал вылівалі ў зарання падрыхтаваныя формы. Потым ішоў працэс раскаткі метала да патрэбнай таўшчыні. У атрыманых лістах спецыяльнымі прабойнікамі круглай формы выбівалі манетныя кружкі. Пры дапамозе двух штэмпеляў наносіліся выявы на манетны кружок, які пасля гэтага станавіўся манетай.

Літоўская чаканка была прадстаўлена біццём пенязяў і паўгрошаў [5, с. 92–110]. Упершыню на манетах ВКЛ былі ўведзены доўгія легенды на лацінскай мове. Так, на аверсе паўгроша размяшчаўся дзяржаўны герб Гедзімінавічаў “Пагоня”, вакол якой надпіс MON ALEXANDRI, што азначае “манета Аляксандра”. На рэверсе – “Арол”, але без кароны, – герб дынастыі Ягелонаў, вакол якога надпіс MAGNI DVC LITVANIAE (“вялікага князя літоўскага”). Такім чынам, надпіс гласіў аб прыналежнасці манеты не Вялікаму княству Літоўскаму, а менавіта гаспадару: “манета Аляксандра – вялікага князя літоўскага”. Упершыню на літоўскіх манетах з’явіўся герб Ягелонаў. Гэтым падкрэсліваліся віды Аляксандра і на польскую карону.

Вага гатовых паўгрошаў не была аднолькавай. Гэта было звязана з прынцыпам Al-marko, які азначаў выбіццё канкрэтнай колькасці манет з адной грыўны срэбра, не звяртаючы ўвагу на вагу кожнай манеты асобна. Аналізуючы склад добра апісанага скарба з Мацяляй (Літва) [6, с. 125], В. Какарэка вызначыў сярэдняю вагу 295 паўгрошаў Аляксандра, якія меліся ў скарбе. З улікам 3 % на губленне вагі пры абарачэнні, сярэдняя вага паўгроша Аляксандра раўнялася 1,155 гр., пры тым, што

дыяпазон вагі асобных манет быў вялікім – ад 0,77 гр. да 1,51 гр. Вызначаная сярэдняя вага аказалася трохкі меншай за тую, якую вылічыў польскі нумізмат М. Гумоўскі (1,197 гр. [7, с. 16]). На думку, В. Какарэка, гэта звязана з тым, што для аналізаў былі выбраны манеты з калекцыі, якія мелі лепшы стан (а значыць і вагу), або аналізуемыя манеты са скарба Мацяляй былі ў актыўным абарачэнні большы час і маюць большую ступень зносу [8, с. 63]. Першым да вызначэння пробы паўгрошаў спрычыніўся Ф. Пекасінскі, які вылічваў яе на падставе кракаўскай грыўны. Агнявое апрабаванне дзвух манет дало вынік – 0,372 і 0,373 пункты, або VI лотавае проба [9, с. 162]. Але, як трапна заўважыў М. Гумоўскі, у ВКЛ была свая грыўна, якая была трохкі лягчэйшай за кракаўскую. Яе вага складала 191,29 гр. Атрымліваецца, што кожны паўгрош змяшчае толькі 0,446 гр. чыстага срэбра і з адной грыўны білася 429 паўгрошаў [7, с. 16–17]. Літоўскія даследчыкі Э. Іванаўскас і Р. Дучыс на падставе сваіх дадзеных прыйшлі да трохі іншых вывадаў [10, с. 184].

Пенязі мелі тыя самыя выявы, што і паўгрошы, аднак яны былі анэпіграфнымі – не мелі легендаў і надпісаў. Толькі на аверсе каля герба “Пагоня” была змешчана невялікая літара “А”, якая, верагодна, азначала першую літару імя Вялікага князя. Дыяметр пенязя, у сярэднім, быў 13 мм. М. Гумоўскі ўзважыў меўшыся 18 манет з розных калекцый і вылічыў сярэдняю вагу пенязя – 0,335 гр., а з улікам 3 % на губленне вагі пры абарачэнні – 0,345 гр. У дадзеным выпадку таксама можна выказаць упэўненасць, што сярэдняя вага будзе крыху меншай, бо для аналізу былі ўзяты калекцыйныя манеты ў добрым стане з вядомых польскіх збораў. Апрабаванне вызначыла IV лотаваю (ці 250-ю метрычную) пробу срэбра. Атрымліваецца, што пенязь утрымліваў 0,085 гр. чыстага срэбра. З літоўскай грыўны срэбра (191,29 гр.) білася 2250 такіх манет. Новая грашовая сістэма складалася толькі з двух наміналаў – паўгроша і пенязя. Грош, застаўшыся лічылнай адзінкай, складаўся з двух паўгрошаў або з 10 пенязяў. 100 грошай (або 1000 пенязяў) складалі рубель. Такая структура з’яўлялася прыкладам дзесяцічнай грашовай сістэмы, самай перадавай у тагачаснай Еўропе. Атрымліваецца, што рубель грошай, складзены з 1000 пенязяў змяшчаў у сваім складзе толькі 85 гр. чыстага срэбра. З аднаго рубля чыстага срэбра білася 2,25 рубля пенязямі. Такім чынам чысты прыбытак складаў 125 % [7, с. 14].

У сярэдзіне XIX ст. з’явіўся адзіны экзэмпляр літоўскага гроша Аляксандра. Ён, быццам бы, паходзіў з-пад нямецкага Гановера і ўпершыню быў апісаны Г. Гротам у 1862 г. Выдатнейшы польскі нумізмат К. Бэй-

ер стаў наступным гаспадаром гэтай манеты, якую потым перадаў графу Замойскаму [7, с. 17]. Першым да даследвання гроша спрычыніўся Ф. Пекасінскі, паспрабаваўшы вызначыць яго стапу. Ужо тады ўзнікла шмат пытанняў па “літоўскаму шырокаму грошу” [9, с. 163–164]. К. Строньчынскі з пэўнай долей верагоднасці называў літоўскі грош “скойцам” [11, с. 87]. Да Вялікай Айчыннай вайны грош захоўваўся ў прыватнай калекцыі Замойскіх у Варшаве, але ён знік пры таямнічых абставінах падчас Другой Сусветнай вайны. Захаваліся толькі яго апісанні. Добрае даследванне літоўскага гроша зрабіў М. Гумоўскі і прыйшоў да высновы, што гэта тагачасны фальсіфікат [7, с. 18–20]. У нашы дні канчаткова развясць міф аб рэальнасці існавання такой манеты Э. Іванаўскас [12, с. 301–305]. Аднак, нягледзячы на гэта, некаторыя даследчыкі нават і ў XXI ст. па-ранейшаму выказваюцца аб рэальнасці існавання літоўскага гроша Аляксандра як надзвычай рэдкай або пробнай манеты [13, с. 241].

Да сённяшняга часу застаецца спрэчным пытанне аб пачатку эмісійнай дзейнасці Віленскай мынцы ў часы Аляксандра. У 1492 г. са смерцю Казіміра прырываецца дынастычная ўнія паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам. Літву наследуе Аляксандр, а Польшчу – Ян Ольбрахт. У сувязі з гэтым польскі даследчык І. Лелявель лічыў, што літоўскія манеты не маглі несці польскі герб, а каронныя манеты не бралі літоўскі аж да пасольства 1499 г. [14, с. 20]. Сапраўды, гэтае пасольства мела мэтай палітычнае, эканамічнае збліжэнне дзвюх краін і садзейнічала паляпшэнню адносін паміж імі [15, с. 129–130]. І. Лелявель у дадзеным выпадку блытае паняцці: гербы “Пагоня” і “Арол” не былі на той момант дзяржаўнымі гербамі, а з’яўляліся выключна дынастычнымі сімваламі Гедзімінавічаў і Ягелонаў. Іншы польскі даследчык Ф. Пекасінскі лічыў, што Аляксандр пачаў біць літоўскія манеты на прыклад польскіх толькі ў 1501 г. [9, с. 161] і, верагодна, пасля прыняцця польскай кароны. Аднак, І. Лелявелю і Ф. Пекасінскаму не былі вядомы архіўныя крыніцы, якія тычацца працы віленскай мынцы канца XV – пачатку XVI стст. 9 чэрвеня 1499 г. гаспадарскі маршалак Ян Літавор Храптовіч робіць справаздачу Вялікаму князю аб дзейнасці мынцы за 4 гады. З 1495 па чэрвень 1499 г. мынца прынесла прыбытку ў памеры 61 920 залатых, лічачы па 22 гроша за залаты. За адзначаны перыяд у манету перабіта 24 658 грынвен і 2 скойца срэбра. Сума ўсіх расходаў на вытворчасць манет склала 56 041 капу і 26 грошай [16, с. 338]. З гэтай справаздачы невядома, якія наміналы біліся ў мынцы з 1495 па 1499 г. і ці працавала мынца да 1495 г. У дакуменце не ідзе гаворка аб адкрыцці манетнага

двара і аб закупцы неабходнага абсталявання, што патрабавала даволі вялікіх сродкаў. У сувязі з гэтым, М. Гумоўскі выказвае думку, што гэта была не першая справаздача і мынца функцыянавала і раней [7, с. 8]. Але, трэба пагадзіцца з літоўскімі даследчыкамі Э. Іванаўскасам [10, с. 12–13] і Э. Рэмецасам [17, s. 58], якія указваюць, што гэтая справаздача была першай і мынца пачала сваю эмісійную дзейнасць менавіта з 1495 г. Адкрыццё манетнага двара і арганізацыя яго бесперабойнага функцыянавання патрабавала вялікай арганізацыйнай працы. На гэта і спатрэбілася некалькі гадоў пасля ўступлення на пасад Аляксандра. Новы вялікі князь прыняў дзяржаву ў вельмі неспакойныя часы – працягвалася вайна з Масковіяй, якая скончылася ў 1494 г. падпісаннем “вечнага міру” [18, с. 156–218].

Ранейшых звестак (да 1495 г.) аб працы мынцы няма, аднак беларускі даследчык Ш. І. Бекцінееў у сваёй манаграфіі, не спасылаючыся ні на якія крыніцы, ў розных месцах наогул дае розную храналогію гэтых падзей: мынца адчынена ў 1492 г. [13, с. 9, 45, 71, 245, 247, 267, 297], каля 1492 г. [13, с. 70, 177, 240, 297], пасля 1492 г. (у тэксце памылка – 1482) [13, с. 32].

М. Гумоўскі, аўтар класічнай манаграфіі, прысвечанай дзейнасці Віленскай мынцы ў XVI–XVII стст., сцвярджае, што манетны двор працаваў яшчэ пры жыцці Казіміра і выпускаў пенязі без літары “А”, якая азначала “Аляксандр”, так як апошні пакуль яшчэ не з’яўляўся вялікім князем. У доказ ён прыводзіць два архіўных дакумента са збораў князёў Любартовічаў Сангушкаў, якія датуюцца 1491–1492 гг., у якіх ёсць згадкі б курсе літоўскага і праскага грошаў у пераліку на пенязі [7, с. 3–5]. Аднак, раней намі пераканаўча даказана памылковасць гэтых звестак [19, с. 261–262]. Такім чынам, прыведзеныя дакументы не могуць з’яўляцца доказам таго, што ў 1491–1492 гг. Віленскі манетны двор ужо працаваў і была сістэма лічэння “10 пенязяў у грош”.

Э. Іванаўскас і Р. Дучыс у 2002 г. са спасылкай на архіўны дакумент, вядомы толькі С. Янушонісу, напісалі, што ў 1489 г. згадваецца віленскі грашовы майстра Генрых Шлягер [10, с. 14]. Некаторыя даследчыкі нават развілі гэтыя дадзеныя, сцвярджаючы, што мынца біла манеты з імем Аляксандра яшчэ пры жыцці яго бацькі Казіміра: у 1489 г. адбылася спроба адкрыцця новага Віленскага манетнага двара [3, с. 78; 20, с. 93–94]. Цікава, што сам дакумент аўтарам не вядомы і нідзе не апублікаваны, а яго існаванне падцвярджае толькі сам С. Янушоніс. Такая таямнічасць дазваляе выказаць меркаванне аб нерэальнасці існавання такога дакумента або аб скажэнні звестак.

Другі афіцыйны дакумент, які сведчыць аб дзейнасці віленскай мынцы, датуецца 8 снежнем 1506 г. Новы вялікі князь Жыгімонт дае ліст маршалку М. Глінскаму, у якім засведчана прыняцце “лічбы” аб дзейнасці мынцы і васкоўні за папярэднія 5 год (1501–1506 гг.). З квіта даведваемся, што ён кіраваў мындай з 06.12.1501 г. Ні канкрэтных наміналаў, ні прыходна-расходных аперацый, якія бы сведчылі аб фінансава-гаспадарчай дзейнасці мынцы, не указана. З 15 ліпеня 1506 г. М. Глінскі кіраваў яшчэ і васкоўняй. За наступныя паўгады мынца разам з васкоўняй прынесла прыбытку у памеры “*две тысячи копъ и триста копъ, и пятьдесят копъ грошей, а сукна семь поставовъ лунских, а шесть поставовъ новогонских, а ковши серебряные у восьмнадцать гривен серебра, а три тарели серебряных позолочиваных*” [21, с. 133].

Такім чынам, з двух дакументаў аб дзейнасці мынцы у часы Аляксандра, вядома, што яна дакладна дзейнічала ў перыяд з 1495 па 1499 і з 1501 па 1506 гг. Невядома, ці была якая-небудзь актыўнасць у перыяд 1499–1501 гг. Літоўскія манеты гэтага перыяду недатаваныя, па-гэтаму вельмі цяжка прасачыць храналогію, памеры эмісій і, наогул, вызначыць у які перыяд якія выпускаліся наміналы.

Э. Іванаўскас і Р. Дучыс у 1999 г. выказалі версію аб тым, што пасля смерці Аляксандра ў 1506 г. мынца яшчэ некаторы час працавала, выпускаючы пенязі без літары, але ад імя наступнага князя Жыгімонта [22, с. 47]. У такім выпадку, застаецца незразумелым, які быў сэнс гэтых вельмі непрацяглых эмісій і ці біліся паўгрошы разам з пенязямі, і калі так, то чаму няма іншых варыянтаў легендаў на паўгрошах, якія б сведчылі аб сваёй непрыналежнасці да памерлага князя? Трэба адзначыць поўную несур’ёзнасць гэтай версіі, бо ўжо ў наступных выданнях каталогаў манет ВКЛ Э. Іванаўскас адмовіўся ад яе [23; 2]. Упершыню пенязі без літары “А” былі апісаны яшчэ ў XIX ст. [11, с. 84]. Э. Рэмецас прытрымліваецца думкі, што адсутнасць літары “А” звязана з бракам манетнай вытворчасці [17, с. 59]. Старшыня Беларускага нумізматычнага таварыства В. І. Какарэка згодны з ім, але дапускае яшчэ версію, што пенязі без літары – гэта падробкі XIX ст. [8, с. 64]. Апошняю думку трэба прызнаць дакладна памылковай, так як у Гальшанскім скарбе, частка якога захоўваецца ў Нумізматычным кабінете БДУ, (ухаваны ў на мяжы XV–XVI стст.) быў выяўлены такі пенязь [24, с. 130]. Дз. Гулецкі зрабіў іканаграфічны аналіз тыпаў Пагоні і Арла на пенязях і высветліў, што вядомыя манеты без літары, верагодна, біліся не ў пачатку ці ў канцы, а храналагічна ў сярэдзіне эмісій [25, с. 58–59]. Але пазней, зноў прааналізаваўшы тыпы выяваў на пенязях, ён кардынальна змяніў сваю

думку аб даціроўцы такога пенязя і прычыніўся да першапачатковай думкі Э. Іванаускаса аб эмісіях пасля смерці Аляксандра [5, с. 110]. Э. Іванаускас і Р. Дучыс у сваім каталозе апісалі пенязь такога тыпу (без фота), спаслаўшыся на зборы Нацыянальнага музея Літвы, аднак, супрацоўнікі музея не змаглі знайсці ў сваіх зборах згаданую манету. На дадзены момант апісана, як мінімум, тры такія манеты [24, с. 130; 25, с. 55–58]. Пенязі без літары “А”, на нашу думку, трэба лічыць манетамі з часткова непрачэканеным элементам.

М. Гумоўскі наогул сцвярджаў, што мынца працягвала дзейнічаць і пасля смерці Аляксандра да справаздачы М. Глінскага Жыгімонту ў снежні 1506 г., выпускаючы пенязі і паўгрошы з імем памерлага князя [7, с. 23]. Можна пагадзіцца, што са смерцю вялікага князя эмісія хутка не маглі спыніцца і некаторы час яшчэ працягваўся выпуск пенязяў і паўгрошаў. Але, малаверагодна, што мынца дзейнічала на працягу ўсіх чатырох месяцаў пасля смерці Аляксандра.

Адсутнасць дакументальных крыніц не дазваляе шырока вывучыць абставіны функцыянавання манетнага двара ў часы Аляксандра. Пасля смерці польскага караля Яна Ольбрахта новым манархам становіцца Аляксандр. Такім чынам, ВКЛ і Польскае каралеўства аб’ядноўваюцца пад уладай аднаго манарха. На элекцыйным Петроўскім сейме (14.09.1501) таксама было прынята рашэнне, што каронная і літоўская манета будуць аднолькавымі па вазе і ўтрыманню срэбра, аднак манета ВКЛ павінна несці на сабе свой старажытны герб [9, с. 89–90]. Адначым, што такія спробы былі і ў наступным, але да часоў Стэфана Баторыя літоўская манета была больш вартаснай за каронную.

У выніку грашовай рэформы Аляксандра Ягелончыка ў абарачэнне патрапілі першыя ўласна літоўскія манеты масавага чэкану – пенязь і паўгрош. Гэта падзея адбылася ў канцы XV ст. і садзенічала ўзнікненню развітых таварна-грашавых адносін і агульнага вялікага манетарнага рынку. Стварэнне асабістай моцнай еўрапейскай грашовай сістэмы было адным з важнейшых фактараў, якія паўплывалі на далейшую інтэграцыю ВКЛ у Еўропу.

Спіс літаратуры

1. Грималаускайте, Д., Синчук, И. Монеты Великого княжества Литовского времени Казимира (1440–1492) по материалам Национального музея Литвы / Д. Грималаускайте, И. Синчук // Средневековая нумизматика Восточной Европы. – 2007. – Вып. 2 – С. 174–208.
2. Ivanauskas, E. Coins and bars of Lithuania 1236–2012. T. I / E. Ivanauskas. – Kaunas: Kopa, 2013. – 600 p.

3. Гулецкі Д., Грамыка А., Крываручка А. Манеты Беларусі (да 1707 г.) / Д. Гулецкі, А. Грамыка, А. Крываручка. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – 216 с.
4. Pietkiewicz, K. Polityka w. ks. Litewskiego Aleksandra wobec miast / K. Pietkiewicz // Białostoczczyzna. – 2002. – № 1–2. – С. 18–41.
5. Гулецкий, Д. В. Монеты Великого Княжества Литовского (со второй половины 14-го века до 1536 года) / Д. В. Гулецкий. – Минск: Энциклопедикс, 2014. – 260 с.
6. Duksa, Z. Matelių lobis (Molėtų r. 1622 / 1954) / Z. Duksa // Numizmatika. – 2000. – № 1. – P. 125–150.
7. Gumowski, M. Mennica wileńska w XVI i XVII w. / M. Gumowski. – Warszawa: E. Wende i S-ka, 1921. –VI, 200 s.: XVIII tabl.
8. Какареко, В. Монетное дело Александра Казимировича (1492–1506) / В. Какареко // Материалы III Междунар. нумизмат. конф.: “Монета – символ государства”, Минск, 27–29 авг. 2007 г. / Нац. банк Респуб. Беларусь. – Банкаўскі веснік [Спецвыпуск]. – 2008. – № 7. – С. 61–68.
9. Piekosiński, F. O monecie i stopie menniczéj w Polsce w XIV i XV wieku / F. Piekosiński // Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydz. Hist.-Filozof. Akad. Umiejęt. w Krakowie. – 1878. – Т. IX. – S. 1–320.
10. Ivanauskas, E., Douchis, R. J. Lietuvos monetų kalybos istorija 1495–1769 / E. Ivanauskas, R. J. Douchis. – Vilnius: Savastis, 2002. – 312 p.
11. Stronczyński, K. Dawne monety Polskie dynastji Piastów i Jagiellonów. Cz. III / K. Stronczyński. – Piotrków: druk. E. Pańskiego, 1885. – 244 s.
12. Ivanauskas, E. Aleksandro Jogailaičio lietuviškas grašis – XIX klastotė // Numizmatika. – 2001–2002. – № 2–3. – P. 301–305.
13. Бектинеев, Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках: нумизматические исследования / Ш. И. Бектинеев. – Мн.: Беларуская навука, 2014. – 509 с.
14. Lelewel, J. O monecie polskiej / J. Lelewel. – Poznań, 1862. – 53 s.
15. Volumina legum: w 9 t. / Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane. – Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1859–1860. – Т. 1: Ab anno 1347 ad annum 1547. – 1859. – XXI, 288, XII s.
16. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2001. – 506 p.
17. Remecas, E. XVI a. monetų apyvarta dabartinės Lietuvos teritorijoje / E. Remecas // Pinigų studijos. Ekonomikos istorija. – 2002. – Nr. 2. – P. 58–77.
18. Цемушаў, В. М. На ўсходняй мяжы Вялікага княства Літоўскага (сярэдня XIV – першая палова XVI ст.) / В. М. Цемушаў / навук. рэд. В. Ф. Голубеў; пераклад з рускай мовы Н. Бакшанская, М. Мартысевіч, С. Цемушаў. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 464 с.
19. Карач, А. В. Документы и нумизматика ВКЛ (конец XV – первая половина XVI века): ошибки исследователей / А. В. Карач // Русь. Литва. Орда в памяти

никах нумизматики и сфрагистики: сборник научных статей. – 2015. – Вып. 1. – С. 260–263.

20. Гулецькі, Дз. Манеты беларускай даўніны / Дз. Гулецькі. – Мінск: Беларусь, 2007. – 159 с.

21. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8 / parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 709 p.

22. Ivanauskas, E., Douchis, R. J. Coins of Lithuania 1386–1707 / E. Ivanauskas, R. J. Douchis. – Vilnius–Columbia: Savastis, 1999. – 272 s.

23. Ivanauskas, E. Coins and bars of Lithuania 1386–2009 / E. Ivanauskas. – Vilnius: Кора, 2009. – 408 p.

24. Гулецькі, Дз. Гальшанскі скарб часоў Аляксандра, знойдзены ў 1976 г. / Дз. Гулецькі // Калекцыянер: зборнік артыкулаў. – 2014. – С. 122–131.

25. Гулецькі, Дз. Рэдкія манеты Жыгімонта Старога 1508–1529 гг. у зборах найвялікшых польскіх музеяў / Дз. Гулецькі // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 4. – С. 55–62.

ОБРАЗ ВОИНОВ-«МОСКОВИТОВ» НА КАРТИНЕ «БИТВА ПОД ОРШЕЙ»¹

В исследованиях по восточноевропейскому средневековому вооружению историки неоднократно обращались к замечательному иконографическому источнику – картине «Битва под Оршей» неизвестного художника, хранящейся в собрании Национального музея в Варшаве (№ МР–2575). Историки и искусствоведы много спорили о том, когда было создано полотно, кисти какого художника могла она принадлежать, но первый систематический анализ структуры картины и ее отдельных сцен был сделан только З. Жигульским (младшим) в 1970–1980-х гг. [27, с. 85–132; 28, с. 265–290].

Следует отметить, что практически все работы, посвященные анализу вооружения на картине «Битва под Оршей», касаются в основном польско-литовской армии и совершенно не затрагивают изучение русского войска, изображенного в левой части картины. Только в некоторых современных работах делались попытки сопоставить нарисованные элементы вооружения русских воинов с археологическими данными или с источниками XVI века [10, с. 4; 14, с. 104–109; 19, с. 307–340].

По словам известного археолога А. Н. Кирпичникова на картине «с беспрецедентной точностью представлено несколько сотен русских воинов во главе со своими командирами. Образы последних, по видимому, даже портретны. Мы видим поотрядно построенную сражающуюся средневековую русскую конницу, снабженную традиционным холодным оружием... Наша воинская иконография не знает столь выразительного документа» [10, с. 4]. Но эти слова, сказанные почти сорок лет назад, нуждаются в подтверждении. Прежде всего, необходимо ответить на вопросы – насколько точно изображены русские воины, их оружие, доспехи, одеяние? Насколько они соответствуют реалиям первой половины XVI века? Какими материалами пользовался художник при создании образа «москвитов»?

Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо сравнить иконографический материал картины с документальными и материальными памятниками. Это позволит по-новому осветить некоторые

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м).

аспекты картины «Битва под Оршей» и, возможно, даже очертить ее нижнюю границу датировки.

Основной комплекс вооружения, не раз отмеченный в источниках – «саадак да сабля». Саадак включал в себя комплект из лука, налуча и колчана со стрелами. Посол Ю. Траханиот (1486 г.) отмечал, что главным оружие русских является «сабля или лук; некоторые пользуются копьем для нанесения удара» [10, с. 19–20]. Относительно вооружения «москвитов» имперский посол С. Герберштейн отметил: «Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор (копье) и палка [наподобие (римского) цеста (coestus)], которая по-русски называется кистень (kesteni), а по-польски – бассалык (bassalick). Затем примерно в две пяди (Spanne) деревянная рукоять, к которой прибит крепкий ремень, а на его конце привязан кусок меди, железа или оленьего рога; ремень также длиной почти в полторы пяди. Саблю употребляют те, кто [познатнее и] побогаче. (...) Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к (одному из) пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить (не выпуская повод). Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плетть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими» [6, с. 114].

Создается впечатление, что русские воины на картине «Битва под Оршей» как будто срисованы с описаний имперского посла – на полотне мы видим упомянутые Герберштейном и «чешуйчатые» доспехи, и ватные кафтаны (тегиляи), и луки, и топоры, и сабли. Посадка на лошадях также характерна: на коротких стременах, с согнутыми ногами.

Но при всем при этом есть один весьма существенный нюанс – имперский посол описал вооружение русского воина кратко и сжато, не останавливаясь на детальном разборе типологии снаряжения, ограничившись следующей формулировкой: «Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи (похожий на согaczin), и наручи; весьма у немногих есть шлем заостренный кверху [наподобие пирамиды]. Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов (оно может задержать обычную стрелу)» [6, с. 114].

Одним из ценных источников по русскому вооружению являются «духовные» дворян и детей боярских [16, с. 98–109]. Помещики, выступая в поход, который мог оказаться для них последним, оставляли завещания, где подробно расписывалось имущество. В двенадцати грамотах упоминаются следующие металлические доспехи: «пансыри» (духовная князя

А. Ф. Голенина 1482 г.) [2, с. 18–20], «пансырь» (духовная З. Ф. Катунина 1519 г.) [1, с. 174–177]; «пять пансыров», «закладной пансырь», «бехтерец» (духовная Г. Д. Русинова 1521 г.) [1, с. 198–200]; «кольчюга» (духовная А. И. Шадрина 1525 г.) [1, с. 253–255]; «пять пансырей», «три бехтерцы», «кольчюга» (духовная Василия Ускова Петрова сына Есипова 1528 г.) [2, с. 91–93]; «юмшан» (духовная Г. В. Жукова-Оплечюева 1540 г.) [2, с. 150–151]; «пансырь шюмячен (юшмячен? – А. Л.)» (духовная Г. М. Валуева 1543 г.) [2, с. 169–173]; «бехтерь», «зеркала московская», «пансырь московская» (духовная Д. А. Белеутова 1543/44 г.) [2, с. 164–166]; «бехтерец шемохейской» (духовная князя Ю. А. Оболенского 1547 г.) [2, с. 208–211]; «доспех», «юмшан» (духовная князя Н. А. Ростовского 1548 г.) [3, с. 453, № 420], «пансыри», «юмшяны», «бехтерцы», «зерцало» (духовная Д. Г. Плещеева 1558/59 г.) [2, с. 280], два «пансыря», два «бехтерца» (духовная Мяседа Вислого около 1568–1570 гг.) [3, с. 456, № 421].

В документах военных смотров XVI века – «десятиях» 1556–1571 гг. – фигурируют практически те же металлические доспехи: кольчатые (панцыри, кольчуги, байданы), кольчато-пластинчатые (бахтерцы, юшман), пластинчатые (куяки), зеркальные («зеркала полные» и «зеркала личные») [20, с. 296–338; 12, с. 236–295]. Отдельно следует отметить очень редкий и дорогой кольчато-пластинчатый доспех, не описанный в духовных грамотах и десятиях – калантарь. «Калантырь злачены» считался одним из самых дорогих доспехов. Он поминается в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». В «Казанской истории» говорится, что время похода на Казань в 1552 г. Иван Грозный «в калантырь облекся предо всеми», «и стояше весь вооружен во златыя броня, в рекомый калантырь» [9, с. 125]. Изображений этого дорогого и редкого доспеха на картине «Битва под Оршей» нет.

Значительную часть атакующих и убегających «москвитов» художник «облачил» в восточные доспехи бахтерцы (от перс. «beger»). Бахтерец представлял собой куртку «без ворота и рукавов, с застежками на плечах и правом или левом боку. От других видов пластинчато-кольчатых доспехов он отличается большим количеством мелких пластинок, обычно положенных одна на другую снизу вверх. Пластинки скреплены между собой по краям кольчужными или панцирными кольцами» [7, с. 97]. Утверждение А. Н. Кирпичникова, что «с запозданием (примерно в 70 лет) этот доспех упомянут в одном отечественном документе 1556 г.» [10, с. 38] не соответствует действительности – впервые бахтерец упомянут в 1521 г. (духовная Г. Д. Русинова). Это вполне соотносит-

ся с периодом первой половины XVI века, когда могла быть написана картина.

Основной тип бахтерца, изображенный на картине, – с шестью или восемью рядами пластинок на груди и на спине. Встречаются также и богато оформленные пластинчато-кольчатые доспехи, имеющие один посередине или по два с каждого бока рядов из медных (или позолоченных?) пластинок.

В духовных грамотах упоминается также дополнительное защитное вооружение, среди которого перечисляются: «наручи шамахинские», «наручи московские», «наколенки» (духовная Г. Д. Русинова 1521 г.), «наколенки», «наручи», «боторлыки» (духовная Василия Ускова Петрова сына Есипова 1528 г.), «наручи с ымянем» (духовная З. Ф. Катунина 1519 г.), «наручи», «наколенки шемохейские» (духовная князя Ю. А. Оболенского 1547 г.), «наручи» (духовная Мясоеда Вислого около 1568–1570 гг.).

Известно, что к середине XVI века на военных смотрах повышенное внимание повышенное внимание уделялось защите корпуса (корпусным доспехам). Защита рук и ног являлась дополнительной, и ее наличие было личным делом помещика. Как правило, зажиточный дворянин мог иметь и наручи, и поножи – как показывают приведенные примеры, в большинстве духовных грамот они упоминаются. Но на картине мы вновь отмечаем парадокс – **московская конница практически полностью лишена защиты рук и ног**, даже у всадников с богатым вооружением отсутствуют бутурлыки и наручи. Только у одного командира с зеркальным доспехом на левом плече видим металлический круг, защищавший правое плечо.

Защита головы также в массе своей стилистически однообразна: на воинах простые сфероконические наголовья, в некоторых случаях – с нащечниками или кольчужной бармицей, а также шлемы с медным околышем и с завитыми каннелюрами. Такие наголовья XVI века – с высокой колоколовидной тульей и длинным шпилем, без наносника и глазных прорезей – известны археологам [10, с. 29]. Два шлема похожей формы, предположительно, московских, были найдены около Мстиславля в 2004 и 2006 гг. [4; 5, с. 49–52].

Таким образом, металлические наголовья, изображенные на картине, вполне соответствуют эпохе. Большинство металлических головных уборов было восточного типа – в военном «гардеробе» некоторых дворян и бояр присутствовали, согласно описям, шоломы «кызылбашские», «черкасские с носом», «шамохейские», «шяпки мисюрские» и т. д. Были

и шлемы московской (например, «шолом московскова дела», «шолом московской, грани косые, через грань наведен медью») и литовской («шолом литовской, грани прямые») работы. Вместе с «бехтерцами шемохейскими», «наколенками шемохейскими», саблями «турскими», «кизилбашскими», «черкасскими», луками «ординские» и «крымские» некоторые русские воины часто походили на восточных ратников [14, с. 105–109; 25, с. 142–152].

Еще одна характерная деталь: на картине не показаны московские копейщики. А между тем, «копейный бой» некоторые дворяне и дети боярские практиковали вплоть до Смутного времени [13; 21], а о наличии у «москвитов» копий «для нанесения удара» писали иностранцы в XVI веке. Очевидно, среди трофейного вооружения, которое срисовывал художник, древковое оружие отсутствовало.

«Ориентализация» русской конницы, начавшаяся с XV века, повлекла за собой изменения не только в вооружении, но и в тактике. Тактика сводилась к следующему: избегая рукопашного боя, всадники массированно обстреливали противника стрелами и забрасывали дротиками, и лишь за тем, когда порядки противника оказывались расстроенными, атаковали его построения. Такая тактика ведения боя с успехом использовалась в столкновениях с татарской и литовской конницей.

Но почему же на картине нет того разнообразия московских доспехов и шлемов, которое существовало к началу XVI века? Почему у всех московских всадников отсутствует защита конечностей? Наконец, почему в большом количестве изображены только бахтерцы в разных вариациях? Ведь это был не самый распространенный доспех на Руси. Так, упоминания о «пансыре», состоящем из сплетенных плоских колец, в духовных грамотах 1510–1540-х гг. явно превалируют над остальными гарнитурами. Согласно «Боярской книге» 1556 г. и десятиям 1556–1579 гг. пансырь вместе с кольчатыми доспехами – байданой и кольчугой – упомянут 374 раза. Для сравнения: более дорогие кольчато-пластинчатые доспехи – бахтерец и юшман – упомянуты только 38 раз [23, с. 426–427, табл.], т. е. в десять раз меньше! В музейных собраниях кольчатых доспехов также **на порядок больше**, чем кольчато-пластинчатых. Таким образом, удивительным и парадоксальным служит тот факт, что **из массы доспехов массово показаны только бахтерцы и несколько зеркал, а другие типы металлической защиты полностью отсутствуют.**

Документы XVI века различают следующие виды стеганной военной одежды – собственно «тегиляй», «тегиляй толстый», «тегиляй

камчатый», «тегиляй» и «тегиляй бархатный». Из комплекса источников XVI века известно, что, выступая на войну против литовцев или татар, дворяне и дети боярские облачались в разноцветные кафтаны и тегиляи. На картине «Битва под Оршей» у большинства русских воинов доспехи одеты поверх стеганок. Но не редки были отмеченные документами эпизоды, когда тегиляи одевались поверх металлического доспеха, например описаны случаи, когда «на пансыре тегиляй толстой камчат» или «...да сверх доспеха ферези бархатны» [22, с. 147–154].

Европейцы не раз писали о многоцветии ратной одежды «москвитов»: «Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове, у **некоторых кольчуги докрыты бархатом или золотой парчей**» [8, с. 59]. Кардинал Коммендоне в донесении (1564 г.) также отмечал: «...у этого народа обыкновение перед вступлением в битву надевать **сверх оружия драгоценные разноцветные одеяния**, так что русское войско имеет вид прекрасного цветущего луга (выделено мной. – *А. Л.*)» [18, с. 130].

Открытая демонстрация хорошо и богато экипированных воинов оказывала большой психологический эффект на противника, у которого складывалось впечатление, что на бой выходили лучшие воины. В 1541 г. крымский хан Сафа-Гирей был вынужден отклониться от битвы с русскими. Летописец объясняет это демонстрацией перед татарами качества снаряжения московских ратников: «... начат царь (крымский хан. – *А. Л.*) зрети и дивиться, что идут люди многие, учредив полки красно: видят, а люди цветны и доспешны...» [17, с. 109].

Художнику – и это надо отметить, – **было знакомо такое явление московской рати, как «цветность и доспешность»**, правда он изобразил его в своей авторской манере: наряду с облаченными в дорогие бахтерцы и шлемы воинами художник нарисовал рядовых ратников (боевых слуг?) в войлочных шапках с меховой опушкой и разноцветных тегиляях, которые вообще не имеют никакой защиты. Очевидно, этот прием должен был показать военную иерархию «москвитов». По документам XVI века легким доспехом мог быть «тегиляй толстый», другие же типы тегиляев (из камки, атласа, бархата) не признавались за доспех, а слуги, облаченные в такие одежды полноценными воинами не считались [20, с. 307]. Белые войлочные «татарские» шапки, показанные на картине, действительно имели хождение на Руси. По свидетельству Михалона Литвина остроконечные «ордынские» шапки, москвиты носили в подражание татарам [15, с. 75].

Вполне возможно, на картине легковооруженные всадники показаны в походном, а не в боевом одеянии. Польские и литовские источники показывают хорошую экипировку русских в сражении под Оршей 8 сентября 1514 г. По словам секретаря королевы Боны Сфорца Станислава Гурского, «москвиты» перед битвой с войсками князя К. Острожского «отяготили себя многими доспехами против сильных ударов, и теперь для быстрой битвы были отягощены» [24, р. 4].

Кроме того, командный состав русской армии художник изобразил также без защитного вооружения – у полковых воевод невозможно разглядеть доспех из-под кафтанов и на вырезях рукавов. На их головах вместо шлемов – шапки с опушкой. Ранг воевод подчеркивает особая деталь – прикрепленная к тулье остроконечной шапки голубая лента с золотой запоной, очевидно образком.

Но было бы странным считать, опираясь на иконографию картины, что в реальности русский нобилитет выходил на бой не в дорогих доспехах, защищающих тело, конечности и голову, а в роскошном, но бесполезном в бою, платье. И можно согласиться с А. Н. Кирпичниковым, что при «изображении командирских киверов художник, в данном случае следуя изобразительной манере своего времени, желал так показать руководителей тактических единиц. В реальном же бою кивера, поскольку они изготовлялись из мягких материалов – сукна, кожи, фетра, войлока, – заменялись более безопасными: металлическими шлемами (или надевались на эти последние)» [10, с. 43].

Для изображения польско-литовских воинов художник отобрал ряд боевых гарнитуров высшей знати, и в это число, помимо роскошных «максимилианов», попали и доспехи для пешего турнирного боя [28, s. 85–132]. Поэтому наиболее правдоподобной выглядит версия, что вооружение русских воинов художник также изображал по имеющимся у него в распоряжении комплектам трофейных доспехов. Автор мог опираться на реалии времени написания полотна.

Без сомнения, русские воины на картине изображены достаточно реалистично: тонкой кистью художника отмечены характерные особенности вооружения вплоть до мельчайших деталей (ряды пластин на нагруднике, медные или позолоченные ободки на шлемах, сабельные ножны, узоры на кафтанах и многое другое), мастерски показана во всей красе «ориентализация» военного быта «москвитов». Следовательно, художник был знаком с реальными образцами «москвитского» вооружения. В то же время вместо разнообразия доспехов мы видим на картине доминирование бахтерцов и «мягких доспехов» (тегиляев).

Вероятно, художник использовал только то количество трофейного снаряжения, которое имелось в его распоряжении.

Несомненно, что для составления образов «московитов» художник изучал дорогое трофейное имущество (иначе как объяснить тщательную зарисовку элементов вооружения?), захваченное в ходе сражений, а именно – использовавшиеся в воинском быту поместной конницей бахтерцы, колпаки, шапки, шлемы, ферязи, кафтаны и т. д. Но ограниченное количество имевшихся в распоряжении экземпляров «московитских» вещей заставило художника буквально «клонировать» воинов в одних и тех же доспехах, выделяя из массы всадников командиров отрядов, одетых в дорогие, но совершенно не приспособленные для боя одеяния.

Если доски, на которых написана картина, согласно данным дендрохронологии, были сделаны в 1530-е годы, то тогда очевидно, что художнику могли быть знакомы трофеи Стародубской войны 1534–1537 гг. После взятия Стародуба в руках гетмана Яна Тарновского оказалось много знатных пленников во главе с наместником князем Ф. В. Телпневым-Оболенским. В плен попало большое количество воинов, из которых до 1400 человек было казнено [11, с. 80–81], а также богатые трофеи.

Не исключено, что нарядная «гражданская» одежда, в которую художник облачил представителей московского нобилитета – кафтаны с горностаевым мехом, ферязи, шапки, сафьяновые сапоги и другие элементы, – могли быть срисованы с одеяний послов из Москвы, прибывших к Сигизмунду I для заключения перемирия в 1537 г. По крайней мере изображения одеяний русских дипломатов на гравюрах и рисунках XVI века очень похожи на некоторых персонажей картины.

Мотивы создания картины во второй половине 1530-х гг. едва проглядываются, но если связать ее написание со взятием Стародуба 29 августа 1535 г. и в целом со Стародубской войной 1534–1537 гг., то в этом случае становятся понятными причины появления полотна. На волне новой громкой победы над «московитами» понадобилось «воскресить память» о былых победах, а именно – о «Великой битве» 1514 года на берегах Борисфена. В этом случае триумф гетмана Яна Тарновского под Стародубом созвучен с триумфом князя К. И. Острожского под Оршей. Не следует также забывать, что будущий покоритель Стародуба прославился там же, в «Великой битве», командуя хоругвями польских добровольцев, пришедших воевать с московитами [14, с. 120]. Картина поэтапно рассказывает об упорном сражении с многочисленным и хорошо вооруженным врагом. Левая нижняя и верхняя части полотна наглядно

иллюстрирует апокалипсическое описание заключительного этапа сражения, сделанное в свое время секретарем королевы Боны Сфорца: «На поле были видны претерпевшие убийство тела, с вытекшей на землю кровью, лежащие без голов, рук или ног, а у иных голова была разбита молотом или рассечена надвое, у кого обнажен позвоночник, у кого выпали кишки, у кого отсечено от тела плечо с рукой, у кого разбиты мечом лицо или рот, кто разрублен от головы до пупа, в ком торчало копьё, кто стонал, кто испускал дух, кто раздавлен конями, кто завален огромными тушами лошадей. Очень печально и ужасное для самого Господа зрелище» [24, р. 5].

Заказчиком картины мог быть только тот феодал, кто обладал внушительной коллекцией европейского и трофейного (московского) оружия, при дворе которого участники сражения 1514 года могли подробно проконсультировать художника относительно географической привязки к местности, тактических приемов польско-литовских и «московитских» войск, их снаряжения и вооружения. Поэтому вполне допустимо, что заказчиком картины могли выступить богатый магнат (например, кто-то из князей Острожских) или даже сам король Сигизмунд Старый, но данная версия пока остается на уровне гипотезы.

Список литературы

1. Акты русского государства 1506–1526 / Сост. С. Б. Веселовский. – М., 1975.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства / Подг. А. А. Зимин; отв. ред. Л. В. Черепнин. – Ч. 2. – М., 1956.
3. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изданы Археографической комиссией. – СПб., 1838.
4. Бохан, Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск, 2008;
5. Бохан, Ю. М. Новыя знаходкі сярэднявечных шлемаў у Месціславе / Ю. М. Бохан // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 12. – С. 49–52.
6. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн; пер. А. В. Назаренко. – М., 1988.
7. Гордеев, Н. В. Русский оборонительный доспех / Н. В. Гордеев // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной оружейной палаты / Под ред. С. К. Богоявленского и Г. А. Новицкого. – М., 1954. – С. 1–58
8. Готье, Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Ю. В. Готье. – М., 1937.
9. Казанская история / Подг. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. – М.; Л., 1954.

10. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Л., 1976.
11. Кром, М. М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. – М., 2008.
12. Курбатов, О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 236–295.
13. Курбатов, О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 227–235.
14. Лобин, А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения / А. Н. Лобин. – СПб., 2011.
15. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В. И. Матузовой. – М. 1994.
16. Пенской, В. В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. / В. В. Пенской // Вопросы истории. – 2011. – № 9. – С. 98–109.
17. Полное собрание русских летописей. – Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М., 2000.
18. Сапунов, А. П. Витебская старина / А. П. Сапунов. – Т. IV. – Отд. 1: Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного. – Витебск, 1885.
19. Селиверстов, Д. А. Московское войско в битве при Орше 1514 г. / Д. А. Селиверстов // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном историческом музее. – Вып. 3 – 2015. – С. 307–340.
20. Смирнов, Н. В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны / Н. В. Смирнов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 296–338.
21. Смирнов, Н. В. О “копейном бое” русской поместной конницы второй половины XVI в. (по поводу статьи О. А. Курбатова) / Н. В. Смирнов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. II: Дискуссия. – Вып. II. – СПб., 2015 – С. 104–111.
22. Фатеев, Д. М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–1579 гг. / Д. М. Фатеев // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. – Великий Новгород, 2002. – Ч. 1. – С. 147–154.

23. Шиндлер, О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века / О. В. Шиндлер // История военного дела: исследования и источники. – 2014. – Т. V. – С. 417–486. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>. – Дата доступа: 18.08.2014.

24. Acta Tomiciana. Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie. – Т. III: 1514–1515. – Poznanæ, 1853.

25. Łobin, A. Wojsko rosyjskie na obrazie Bitwa pod Orszą / A. Łobin // Biblioteka epoki nowożytnej. – Nr 3. – 2015. – S. 142–152.

26. Żygulski, Z. (j) Broń w dwanej Polsce na tle uzbrojenia Europy i bliskiego Wschodu. / Z. Żygulski (j). – Warszawa, 1975.

27. Żygulski, Z. (j) Światła Stambułu / Z. Żygulski (j). – Warszawa 1999.

28. Żygulski, Z. (j) Bitwa pod Orszą. Struktura obrazu / Z. Żygulski (j) // Rocznik Historii Sztuki. – Т. XII. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1981. – S. 85–132.

Осиян А. Л.

ПРОШЛОЕ КАК АРГУМЕНТ: ОБРАЩЕНИЕ К ОТДАЛЕННОМУ ПРОШЛОМУ В СУДЕБНОЙ ТЯЖБЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ПАТРИЦИАТА С АРМЯНАМИ ЛЬВОВА В 1578 г.

В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции
«Memory before Modernity. Memory Cultures in Early Modern Europe»
(20–22 июня 2012 г., Лейден, Нидерланды)

Данная статья посвящена историческим представлениям в мещанской среде Львова последней четверти XVI в. Основная цель статьи – исследовать, как политический кризис 1570-х годов повлиял на изменения в восприятии прошлого на локальном уровне. Основное внимание уделено причинам и механизмам реабилитации и ре-актуализации допольского «древнерусского прошлого», а именно галицкого князя Даниила. В статье предпринята попытка ответить на вопросы: Почему свое поселение во Львове армяне связывали именно с князем Даниилом? Что за грамоту армяне продемонстрировали королю на судебном заседании в 1578 г.? Почему именно в это время произошло обращение к отдаленному прошлому?

Социальный конфликт как стимул обращения к прошлому

С момента своего основания в эпоху правления князя Даниила Романовича Львов был городом с полиэтничным населением. Кроме австро-русинов в городе оседали немецкие купцы и ремесленники, приглашенные князем по примеру правителей соседних Польши, Чехии и Венгрии для развития экономики и возрождения городов после монгольского нашествия. От князя они получили право иметь свой отдельный суд, в юрисдикции которого находились члены немецкой (шире – католической) общины на основе «немецкого права». Польский король Казимир III (1333–1370), завоевав Галицкую Русь и Львов в 1349 г., застал в городе также и армян, татар, иудеев и сарацин. Все эти этноконфессиональные общины пользовались самоуправлением. Это право король подтвердил всем общинам в своей привилегии Львову на магдебургское право 17 июня 1356 г. [13, с. 28]. Однако, если галицко-волинские князья, судя по всему, в равной мере покровительствовали всем

городским «нациям», то после польского завоевания ситуация изменилась. Отныне мещане-католики (*cives catholici*) превратились в доминирующую группу, поскольку как католики пользовались поддержкой польских королей, которым необходимо было опереться на поддержку единоверцев в недавно завоеванной земле, за которую они, к тому же, вели длительные войны с литовскими князьями. Доминирование немцев в городе было закреплено королевской привилегией 1356 г., предоставлявшей магдебургское («немецкое») право именно мещанам-католикам. Согласно этому документу, прочие этно-конфессиональные группы получали возможность либо перейти под юрисдикцию этого же права и созданным на его основе органам городского самоуправления (магистрат, включавший «раду» и «лаву»), либо сохранить автономию своей «нации» с собственным судопроизводством [13, с. 28].

Однако, дальнейшая эволюция городской общины пошла совершенно иным путем. Немцы, пользовавшиеся протекцией польских королей, продолжали прибывать во Львов (прежде всего из городов Польского королевства и Силезии) на протяжении второй половины XIV–XV в. По отношению к иным городским «нациям» они проводили политику сегрегации и маргинализации, которую привыкли осуществлять в городах Западной и Центральной Европы по отношению к иудеям. Постепенно из Львова были вытеснены сарацины, татары преимущественно были низведены на уровень маргинальной общины огородников на предместье, не имевших какой-либо автономии [34, с. 77]. Во второй половине XV в. Львов превратился в Лемберг (*Lemburga*), имевший многие черты присущие немецким городам. В первой половине XVI в. католики (главным образом немцы и поляки) составляли больше половины населения города, русины – 24 %, иудеи – 8 % и армяне 7 % [8, с. 264]. Только католики считались истинными христианами, представители иных христианских конфессий – неверными еретиками и схизматиками (*schismatici*). Соответственно, неверные не принимались в состав городской общины (*civitas*) и не считались гражданами (*cives*) Львова. Все члены городского магистрата были мещанами-католиками. В центральной части города, защищенной крепостными стенами, были выделены специальные кварталы для армян, русинов и иудеев (соответственно Армянская, Руськая и Еврейская улицы). Неверные не могли приобретать недвижимость на улицах, заселенных католиками. По этой причине большинство еретиков и иудеев проживало на городских предместьях.

Экономические права еретиков и иудеев были существенно ограничены. Их не принимали в ремесленные цехи. Соответственно, ремеслен-

ники не-католики были вынуждены работать нелегально («партачить»), что провоцировало частые конфликты с цехами. Католики не имели права наниматься работниками или домашней прислугой к купцам «неверных наций». Данный запрет был введен магистратом, дабы ослабить экономические позиции конкурентов – купцов не-католиков. В интересах купцов католиков армянам, русинам и евреям было запрещено торговать определенными товарами [21]. Таким образом, не-католики жили в городе, защищали его от врагов, платили налоги, но при этом не были полноправными членами городской общины.

Однако, армянская община, состоявшая преимущественно из богатых купцов, занимавшихся восточной торговлей, и зажиточных ремесленников (специализировавшихся, главным образом, на изготовлении ювелирных изделий и обработке кож), оказывала серьезное сопротивление и долго сохраняла полную юридическую автономию от магистрата. Лишь в 1469 г. мещане-католики добились королевского декрета, окончательно ликвидировавшего должность армянского войта, возглавлявшего заседания армянского суда [18, s. 132–133]. Тем не менее, армянская «нация» сохранила отдельный суд, состоявший из армянских старших (*seniores*) и судивший армян по армянскому праву. Правда, уже в 1510 г. из юрисдикции армянского суда были изъяты наиболее важные дела, связанные с убийством, насилием, грабежом и наследством. Отныне они должны были рассматриваться только на заседаниях городского суда («лавы»), все члены которого были католиками [14, с. 170–171]. Однако и в дальнейшем экономически сильная армянская «нация» доставляла хлопоты католическому патрициату Львова.

Армянские купцы были хорошо известны благодаря торговле с Крымом, Османской империей и Персией, откуда они поставляли на европейский рынок пряности, жемчуг, шелк и шелковые ткани. Многие армяне выполняли и функции толмачей в королевской канцелярии. Некоторые армяне выполняли дипломатические или шпионские поручения королей [19; 24, s. 179–183; 29]. В случае необходимости, армянские купцы предоставляли королям крупные кредиты. Поэтому польские короли оказывали покровительство армянской диаспоре.

В XVI веке, вследствие изменений в мировой экономике, напряжение между католической и армянской «нациями» во Львове нарастает. Великие географические открытия конца XV – первой половины XVI в. привели к тому, что отныне пряности – основной товар восточной торговли армянских купцов – попадали в Западную Европу морским путем на португальских парусниках, а не по суше, как было ранее, и сто-

или значительно дешевле. Сокращение прибыли от восточной торговли армянские купцы старались компенсировать более активным участием в экспорте пшеницы, скота, поташа и лесных товаров из украинских земель Речи Посполитой и Молдавского княжества, локальной розничной торговле, изготовлением и продажей алкогольных напитков [14, с. 250–254, 261–264].

Вкладывая в эти сферы капиталы, аккумулированные благодаря оптовой восточной торговле, армянские купцы составляли серьезную конкуренцию местным католикам, старавшимся сохранить свое монопольное положение на рынке благодаря королевским привилегиям и еще большей регламентации торговли. Важную роль играла дискриминация купцов не-католиков на основе их конфессиональных отличий, что совпало по времени с эпохой Контрреформации. Во второй половине XVI в. противостояние между католическим патрициатом Львова и местной армянской «нацией» неуклонно возрастало и в 1563 г. вылилось в судебный процесс. Эту тяжбу лично рассматривал король Сигизмунд II Август (1548–1572). В изданном им декрете отмечалось, что армяне жаловались на нарушение городским магистратом прав армянской общины и постоянное вмешательство в ее юрисдикцию. В частности, возмущение вызвал арест одного из членов армянского суда Тома Стецковича: «спокойного человека, насильно поймав, бросили в городскую тюрьму, и за двумя дверями в заключении несправедливо оставили и держали ... А причиной того было (то), ... чтобы не осмеливался ехать в Хотин на ярмарку, а по старому обычаю ехал бы в Снятин». Истцы жаловались, что львовские бурмистр, райцы, войт и лавники «запрещают покупку недвижимости в городе и на предместье ... Их возы с товарами без какой-либо справедливой причины бурмистры и райцы арестовывали. ... привыкли по наименьшей причине подавать иск на армян и в тюрьму бросать, не позволяя обращаться к юрисдикции армянских старших ..., запрещают им, чтобы не ездили в чужие края для приобретения или продажи каких-либо товаров и чтобы покупали определенное количество волов или воска по их (райцев) решению» [14, с. 283–284].

Католический патрициат в своем ответе не скрывал, что старается сохранить давнюю сегрегацию по конфессиональному признаку: «Покупка недвижимого имущества в городе и на предместьях запрещается потому, что согласно древней локации этого города определено некоторое количество улиц армянам, русинам и иудеям, ... чтобы не осели по всему городу, и с того времени всем нациям не пристало иметь недвижимость более того числа, кое теперь имеют» [14, с. 285]. Расследова-

ние дела установило, что «заключение Тома Стецковича и арест возов произошли не по какому-то праву, а во вред, бесчестие, ущерб и убытки тех (армян)» [14, с. 286]. Назначенные королем 200 гривен штрафа за незаконное заключение под стражу Тома Стецковича так и не были выплачены городским магистратом в королевскую казну. В окончательном решении король пытался найти компромисс, который устроил бы обе стороны. «Относительно ареста возов с товарами армян постановляем, что невозможно установить, чтобы бурмистр и райцы таковой арест свершили с ограничением грамоты нашего мандата либо для унижения и бесчестия армян. А что (касается) упомянутых домов армян, поскольку донныне ни райцы не доказали, что меньшее (число) должно быть, ни также армяне не подтвердили, что им больше позволено, оставляем (как есть) и вольно армянам держать такое число домов, каковое теперь имеют» [14, с. 288]. Однако, экономическая конкуренция и далее усиливалась, что делало неизбежным обострение конфликта.

Обращение к отдаленному прошлому в суде

В мае 1578 г. после сейма во Львов прибыл недавно избранный король Стефан Баторий (1576–1586). Готовясь к возобновлению войны с Москвой, король хотел обеспечить мир на южной границе, поэтому отправил послов к турецкому султану, крымскому хану и запорожским казакам [27, р. 107–108]. Ожидая их возвращения, король почти четыре месяца (до конца сентября) занимался рассмотрением различных судебных дел, в частности и тяжбы между магистратом Львова и армянской общиной. Армяне подали на рассмотрение королю статьи, в которых жаловались, что «ответчики запрещали им продавать дорогие ткани в своих домах, как привыкли издавна продавать, также не позволяли арендовать пустые магазины, иначе (называемые) «окна», для продажи тканей, также запретили им ручным ремеслом заниматься и исполнять (его); и далее, что им запрещено шинкование и изготовление всех напитков в армянских домах по какому-то новому уставу» [14, с. 298–299]. Представители армян подчеркивали, что им запрещают свободы, коими издавна пользовались их предки («*quibus ab antiquis temporibus antecessors Armenorum utebantur*») [14, с. 298]. Они также заявили, что армян ограничивают в правах, «несмотря на то, что эти армяне включены в общину (мещан) и налоги платят наравне (с католиками); и относительно цехов, то (армяне) не допускаются к пользованию свободами упомянутых (цехов) и городскими (свободами)» [14, с. 298]. Таким образом, армяне апеллировали, во-первых, к тому, что, поскольку они платят все налоги наравне с мещанами-католиками, то должны иметь

равные с ними права, во-вторых, к прошлому, а именно, подчеркивали, что их предки уже пользовались этими правами, а сейчас магистрат нарушает эти древние права.

В свою очередь, представители магистрата отрицали принадлежность армян к городской общине (магдебургского права), аргументируя это тем, «что армяне в виду отличия языка и религии не равны им» («Armenos propter disparitatem linguae et religionis pares ipsis non esse») [14, с. 299]. Таким образом, мещане-католики апеллировали к этноконфессиональным критериям определения принадлежности к городской общине, которая, по их мнению, совпадала с общиной католической. Для них армяне были пришлыми иноземцами, а не согражданами. Также представители магистрата заявили, что из тех свобод, коими пользуются мещане (католики), армяне допущены только к некоторым, «что из их оригинальных привилегий локации, если бы показали, может оказаться» («quod ex privilegiis eorum originalibus locationis, si producerentur, ellici posset») [14, с. 299]. Привилегии локации даровались королем или собственником земли (в случае частновладельческих городов) при основании города (фактически, при пожаловании ему магдебургского права) мещанам либо определенной этноконфессиональной группе («нации»), поселявшейся в городе на определенных правах и составлявшей автономную общину. С точки зрения мещан-католиков (как видно из их позднейшей жалобы) Львов был основан в 1356 г., когда Казимир III даровал городу магдебургское право. По их логике, поскольку это право король дал только католикам, все иные «нации», коим позволено было жить в городе, должны были получить от него определенные привилегии локации, где были бы определены их права, которые априори не могли быть равными правам католиков в виду принадлежности к иной (еретической/схизматической) конфессии. Как правило, подобная схема применялась по отношению к иудеям, которых мещане не хотели терпеть в городе, но были вынуждены, поскольку иудейская община получала соответствующую привилегию от короля или собственника города. Подобная логика игнорировала тот факт, что Львов был основан как минимум за столетие до 1356 г. Основание города приписывалось князю Льву Даниловичу, от коего он и получил свое имя – Львов [22, р. 171; 26, с. 201; 28]. Это было хорошо известно жителям города, судя по местным преданиям, зафиксированным приблизительно в это же время в дневнике Мартина Груневега – уроженца Гданьска, в 1582–1588 гг. служившего приказчиком у богатого львовского купца армянина Асвадура [4, с. 110–111; 23, S. 655–656].

Однако армяне заявили, что у них нет локационной привилегии. «Относительно этого армяне поведали, что они никакой привилегии своей локации или фундации не имеют, но равно с прочими мещанами ко всем и каждой в частности свободам призваны и приняты» [14, с. 299]. С точки зрения армян, отсутствие у них специальной привилегии локации доказывало, что они на время основания города рассматривались не как отдельная группа, а как полноправная часть городской общины, и, соответственно, получили равные права с иными мещанами Львова. Поскольку это выходило за пределы обычной схемы, представителей армянской общины привели к присяге: «Мы решили, что должны дать телесную присягу три из числа армянских старших первого ранга, что никакой оригинальной привилегии своей фундации или локации не имеют, и ее не прятали и не скрывали» [14, с. 299]. После принесения присяги процесс продолжился. «И снова обе стороны перед нами и нашими советниками возобновили свои споры и показали свои привилегии, кои были в их пользовании и владении. ... Мы с нашими советниками, что подле нас заседают, выслушав и изучив споры обеих сторон и привилегии, поданные нам обеими сторонами, рассмотрев и надлежащим образом взвесив, поскольку из городских дел и привилегий, поданных нам и нашему суду, ясно видно, что эти все права и привилегии были даны нашими предшественниками всем мещанам и что армяне не исключены от городской общины и каких-либо городских прерогатив и свобод в соответствии с их правами, привилегиями и декретами. Поэтому постановляем, что эти армяне должны пользоваться теми же городскими правами и прерогативами и выгодами, как и иные мещане» [14, с. 299]. Далее, королевский декрет от 21 июля 1578 г. позволял армянам торговать алкогольными напитками, продавать в розницу дорогие ткани и изделия из шелка, пользоваться суконными лавками «Слово» (название лавки. – *А. О.*), изучать и заниматься ремеслами. Таким образом, армяне выиграли тяжбу, получив равные с мещанами-католиками экономические права.

Как именно убедили армяне короля в своей правоте? Более того, как понимать текст декрета, где сказано, что армяне присягнули, что не имеют локационной привилегии, а потом, как и католики, демонстрировали королю и его советникам имевшиеся у них привилегии? Вероятно, следует исходить из того, что армяне и мещане-католики по-разному понимали факт основания города. Для магистрата основанием Львова (собственно, Лембурга) было предоставление городу магдебургского права в 1356 г., когда начали функционировать институты городского

самоуправления и городская община в их современном виде. Армяне же появились в городе до этого и до польского завоевания 1349 г. Соответственно, они не считали себя иноземцами, которым была бы необходима специальная привилегия локации. Все городские привилегии распространялись на них автоматически, как на коренных жителей города. Необходимо было лишь доказать, что армяне поселились во Львове до 1356 г. Таким образом, следовало продемонстрировать привилегии, полученные от галицко-волинских князей.

Декрет короля Стефана Батория, конечно же, не снял напряжения в экономической конкуренции католиков и армян. Противоречия между ними сохранялись, и особенно усилились после смерти Стефана Батория, поскольку католики возлагали надежды на нового короля Сигизмунда III (1587–1632), известного сторонника Контрреформации. Львовский католический архиепископ Ян-Дымитр Соликовский (1583–1603) в 1597 г. возглавил комиссию по примирению двух конфликтующих сторон. Он составил проект из 12 пунктов под названием «Способы, предложенные для примирения господ райцев и мещан-католиков с господами армянами, также мещанами города Львова» (8 декабря 1597 г.). Обе тяжущиеся стороны повторили перед комиссией свои аргументы. С точки зрения магистрата «при основании старого Лембурка или Львова поляки местные граждане и как дети коронные были, а господа армяне пришлые, что как видим не новость во всяких королевствах и землях христианских, особенно (вследствие) бедствий от войн гражданских и внешних» [8, с. 366]. Соответственно, отношения у «поляков с господами армянами были как у старшего брата с младшим», а иначе и быть не могло ввиду отличий в языке и вере. Поэтому армяне не могли быть приняты «в тело Республики города этого Львова», чтобы это неравенство и это отличие не стали причиной раздора. «Господа армяне сначала оставались на этих условиях, аж до прихода короля Стефана славной памяти, поскольку хотя и считались львовскими мещанами, однако не были участниками всех свобод людей коронных, тут испокон века сидящих, а поэтому себе новых привилегий понемногу от королей наших, стремясь к равенству, получали, коими потом причину к неприязни и раздору с поляками давали и дают нами» [8, с. 366–367]. Армяне же утверждали, что «мы являемся мещанами, как и вы, и так нам все выгоды и свободы служат, как и вам, но согласимся на этот (проект) ради любви и согласия с вами, постановим нечто определенное по обоюдному согласию, чтобы и вам и нам было хорошо» [8, с. 367].

Из первого пункта проекта видно отношение к королевскому декрету 1578 г. мещан-католиков и Я.-Д. Соликовского, бывшего тогда регентом Коронной канцелярии. «Помнит, однако, что он государь воинственный больше в то время думал о войне, нежели о чьих-то судебных тяжбах. А поскольку был иноземцем (до избрания на польский престол Стефан Баторий был князем Трансильвании. – *А. О.*), благодаря чести и достоинству на королевство Польское поляками избранным, сразу же в королевство приехавши, не мог всего знать, что полякам и всей Короне необходимо было» [8, с. 367]. Таким образом, в завуалированной форме Соликовский намекает, что новый король, к тому же иноземец, не разобрался как следует в деле, вынес не взвешенное решение, которое только ухудшило ситуацию (po którym dekrecie, a to wszystko gorzej). В своем сочинении «Краткие записки дел польских от смерти Сигизмунда Августа», изданной уже после его смерти, Соликовский более откровенно поддерживает экономические ограничения, наложенные на армян, и обвиняет Стефана Батория в пособничестве армянам: «Прежние короли поступили так мудро и осторожно, потому, что армяне, утопающие в роскоши, и в силу общности языка тесно и часто общаются с турками, могли бы вскоре завладеть всем городом, который при уравнивании прав мог бы превратиться из католического в схизматический, к великой опасности для страны. Но на этот раз фортуна улыбнулась армянам, поскольку король своим декретом уравнил их в правах с иными гражданами города. Многие ворчали на короля, что сам он будучи пришлым, не заботился как следует о правах местных, либо же ради собственной выгоды, либо же из-за приязни к тем, кто вступился за дело армян» [27, р. 108]. Здесь видны и фобии, настоящие или выдуманные, мещан-католиков, которые свои опасения конкуренции с армянами старались представить как заботу об интересах государства, которому угрожают подозрительные армяне, знающие турецкий язык и ездящие торговать в турецкие владения. Соликовский намекает даже на возможность подкупа короля, или же на то, что армяне пребывали под покровительством некоей особы, имевшей большое влияние на короля. Скорее всего, Соликовский не отважился прямо назвать Яна Замойского – канцлера (1578–1605) и великого гетмана коронного (1581–1605), который действительно пользовался особым доверием Стефана Батория и имел на него влияние. Замойский вполне мог выступить протектором армян в этом деле. Известно, что когда Замойский в 1585 г. основал в своих владениях новый город Замостье, он, среди прочих поселенцев, специально пригласил туда армян. В городе начали оседать армяне как из Польского королевства, так и из иных

стран. Довольно быстро в Замостье сформировалась третья по численности (после Львова и Каменца-Подольского) армянская община, которой Замойский даровал полную юридическую автономию (30 апреля 1585 г.) [17; 20; 30; 32; 33]. В любом случае, по мнению Соликовско-го и мещан-католиков, король-иноземец не мог быть настоящим арбитром, а потому дело требовало пересмотра, хотя, конечно, формально делалось заявление о неизменности декрета покойного короля (*niechby decret decretem został w swey mocy*).

В последнем 12 пункте проекта Соликовский вернулся к вопросу, когда и каким образом армяне появились во Львове. «Как конец возвращается к началу, то есть как же господа армяне пришли и [как были] приняты. Но, поскольку уже речь ведем о согласии во всем, а не о декретах, кои должны были быть поставлены под сомнение, и не об отмене присяг, кои уже принесены. Тогда, кажется, не о том далее должна быть речь, как и по какой привилегии сюда пришли, когда по незначительной причине никого в то время от городского права не исключали, и от католиков также не было возражений. А то показали нам [армяне от] Даниила Федоровича малую грамотку старую, ту, которую его [королевской] милости Стефану [показали]. Уж тогда пусть этому вопросу будет конец, и то суть армяне граждане и сограждане и привилегиями своими, по праву и законно приобретенными, должны пользоваться, как и господа католики» [8, с. 368–369].

Поскольку Соликовскому в тот момент казалось, что достигнут компромисс между двумя сторонами и конфликт будет улажен, он готов был признать за армянами право считаться гражданами Львова, не вдаваясь в подробности их прибытия сюда. Он соглашается с тем, что прибывшие армяне в давние времена были приняты в городскую общину: «когда по незначительной причине никого в то время от городского права не исключали, и от католиков также не было возражений». Очевидно, речь тут может идти о временах до польского завоевания Галицкой Руси, когда мещане-католики не имели влияния на решения князя позволять или нет поселиться в городе новым поселенцам. Наконец, благодаря этой записи выясняется, что в 1578 г. армяне продемонстрировали Стефану Баторию грамоту, полученную от Даниила Федоровича. Таким образом, это согласуется с нашим предположением, что доказать свои претензии на равные права с католиками армяне могли только с помощью документа с до-польских времен. Именно такой документ армяне представили королю в 1578 г. и архиепископу Соликовскому в 1597 г. Грамота эта не сохранилась до нашего времени, однако можно попытаться рекон-

струировать ее содержание. Даниила Федоровича, вероятно, следует отождествить с галицким князем Даниилом Романовичем. По крайней мере, именно он необходим был армянам, чтобы доказать их претензии, ведь именно Даниил Романович княжил на Руси во времена основания Львова (грамоты от более поздних Даниилов Федоровичей уже не могли служить аргументом в пользу армян). Именно так личность князя восприняли и представители магистрата, что видно из их жалобы, поданной ими Сигизмунду III между 1597 и 1600 гг. [5, с. 195]. Именно так личность князя идентифицировал и Соликовский, судя по тому, что он даже не считал необходимым объяснить в тексте проекта, кто же это такой, настолько фигура князя Даниила была известна современникам. Именно с князем Даниилом должны были отождествить эту личность Стефан Баторий и его советники на судебном процессе 1578 г., поскольку они нашли этот документ достаточным для признания справедливыми требований армян («Мы с нашими советниками, что подле нас заседают, выслушав и изучив споры обеих сторон и привилегии, поданные нам обеими сторонами, рассмотрев и надлежащим образом взвесив ...»).

Относительно путаницы с отчеством («Даниил Федорович» вместо «Даниил Романович») может быть несколько объяснений. Во-первых, это могла быть обычная описка писаря или путаница (1597 г.), ведь для западной традиции не было характерно использование отчества в титулатуре правителей. Кроме того, в отличие от самого князя/короля Даниила, игравшего ведущую роль в истории Галицкой Руси и ее отношений с Польшей и Римом, его отец Роман был мало известен в XVI в. Грамота могла быть письмом, адресованным армянам, которых князь приглашал свободно приходить в его владения. Соликовский отметил, что это была малая грамотка (*mały listek*). Соответственно, можно предположить, что там не была указана титулатура князя, цель, с которой он приглашал армян, перечень свидетелей, дата и место издания.

Подобные охранные грамоты для безопасного прохода (*salvum conductum*) были типичным явлением международной торговли второй половины XIII – XV в. Охранные грамоты, необходимые для въезда в некоторые итальянские города и заморские фактории Генуи и Венеции, также предусматривавшие определенные права на ведение торговли, предоставлялись как натурализованным, так и прочим партнерам итальянского купечества [9, с. 323]. Подобным образом, по свидетельству Иоганна Шильдбергера, была организована торговля итальянцев с Египтом в конце XIV – начале XV в.: «Иностранные вельможи или купцы, которые посещают короля-султана, получают от него предвари-

тельно подорожную, которую подданные короля читают не иначе, как став на колени. Затем, поцеловав письмо, возвращают его предьявителю, которому оказывают всяческие почести и водят его из одного места в другое, по его желанию» [15, с. 48].

Такие же охранные грамоты давали купцам и правители Восточной Европы. Однако, поскольку со временем эти грамоты теряли юридическую силу (из-за смерти правителя, или же в силу того, что купцы поселялись в его владениях и получали грамоту, детально регламентировавшую их права и деятельность), купцы не считали необходимым хранить их, и до нашего времени сохранилась весьма немного подобных грамот. В частности, сохранилась грамота, изданная вскоре после 1341 г. на старославянском языке литовскими князьями Кейстутом (князь Черной Руси) и Любартом (князь Волыни). Маленькая грамота (всего восемь строк) позволяет купцам из города Торуня ездить в Луцк через Дорогичин, Мельник и Брест: «ω(т) князя. ω(т) кестутя. и ω(т) князя ω(т) либорта. у торунь к мѣстичемь. што іесте просили. насъ. абыхомъ васъ пустили до лучцька търговать. через берестіе. абы вамъ. не закажали. мы хочемъ. ради то учинити. вамъ не блюдитесь. ничего. поидите. а коли которыи. торговецъ поидеть. торговать ис торуня через берестіе до лучьска без печали будте. а кто поидеть съ сею грамотою. через до-рогычинь. чесь мелникъ. и черес берестіе. до лучьска. торговать. ис то-руня. язъ князь кестути. не велю ихъ заимати» [2, с. 23–24]. Напуганные военными действиями между Польшей и Венгрией, с одной стороны, и литовскими князьями, с другой, во время войны за Галицко-Волынское наследство (началась в 1340 г.), купцы (в грамоте «мѣстычи») хотели гарантий безопасного проезда и получили их от местных правителей. В грамоте отсутствует прямое указание на то, где именно княжили Кейстут и Любарт, нет перечня свидетелей, даты и места издания [1, с. 23–24].

Еще раньше, специальной грамотой от 27 августа 1320 г. галицкий князь Андрей Юрьевич позволил торуньским купцам свободный въезд в свои владения, беспошлинную торговлю и компенсацию убытков и обид, причиненных его слугами, в двойном размере, как и «во времена нашего блаженной памяти отца». В конце весны 1341 г. староста Русской земли Дмитрий Дедько издал грамоту для торуньских купцов, приглашая их возобновить прерванную войной торговлю [10, с. 152–158, 158–161, 194–200]. Практика выдачи охранных грамот сохранялась на этих землях и в XVI–XVIII вв. Магнаты, поощрявшие переселение армянских купцов в свои частные города, выдавали им охранные грамоты

(*litteras salvi conductus, glejt, litteras moratorias*) [31, s. 28–29]. Купцы использовали эти грамоты для того, чтобы не платить пошлины в городах, через которые они следовали, и избежать юрисдикции местных судов.

Охранные грамоты купцам выдавали и монгольские правители – известные покровители торговли [16]. Более того, предоставления охранных грамот для иностранных купцов они требовали и от своих вассалов – русских князей. Так, между 1267 и 1272 гг. золотоордынский хан Менгу Тимур (1266/7–1281) приказал новгородскому князю Ярославу (1266–1271/2), чтобы тот пропустил через свои владения купцов из города Риги: «Менгу Темерово слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость». В соответствии с приказом, Ярослав дал охранную грамоту рижским купцам: «От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ по моеи волости; а кто мнѣ ратнии, с тимъ ся самъ вѣдаю; а гостю чистъ путь по моеи волости» [3, с. 57].

Таким образом, можно предположить, что «малая грамотка» князя «Даниила Федоровича», представленная армянами в 1578 и 1597 гг., скорее всего, была охранной грамотой армянским купцам. Галицкий князь Даниил мог быть экспонентом грамоты. В частности, он мог установить контакт с армянскими купцами во время своего пребывания в ставке Бату-хана на нижней Волге зимой 1245–1246 гг. Из современных армянских источников известно, что в годы правления Бату-хана после его возвращения из западного похода (1243–1256) в его ставке побывало немало армянских князей и купцов [1, с. 218]. Как известно, князь Даниил прилагал большие усилия для заселения городов, разрушенных во время монгольского нашествия и основания новых (таких как Холм и Львов).

Возможна и иная идентификация личности «Даниила Федоровича». Это мог быть волынский князь Даниил Федорович, княживший в Остроге в начале XV в. Уже во второй половине XIV в. армянские колонии существовали на Волыни в городах Луцке и Владимире. Возможность поселения армян рассматривалась и в иных городах Волыни. Так, князь Свидригайло, даруя магдебургское право городу Кременцу 9 мая 1438 г., отмечал, что в судебной власти войта будут находиться русины, поляки, немцы, волохи, армяне, иудеи, татары и иные. Очевидно, что представители далеко не всех перечисленных этносов проживали в то время в Кременце. Тут упомянуты типичные для этого региона и времени этноконфессиональные группы мещан. Армянские купцы приезжали на Волынь из других княжеств и стран, и Даниил Федорович Острож-

ский вполне мог выдать им охранную грамоту. В частности, охранная грамота могла быть дана львовским армянам, и хранилась в их архиве до того момента, когда была предъявлена на суде в 1578 г. Тем не менее, из обсуждения грамоты в 1597 г. (и последующего обращения к теме приглашения армян в XVII в.) видно, что экспонентом грамоты считали именно галицкого князя Даниила. Вольнский князь Даниил Федорович навряд ли был известен во Львове конца XVI в., а вот галицкого князя/короля Даниила и его сына Льва здесь знали очень хорошо и неоднократно апеллировали к их подлинным и подложным грамотам [6; 7].

Обстоятельства обращения к отдаленному прошлому: историко-культурный контекст

Интересно также и то, что грамоту Даниила армяне впервые использовали на судебном процессе 1578 г. Более того, до этого армяне никогда не апеллировали к Даниилу или Льву и вообще к отдаленному прошлому Львова и Руси – до их польского завоевания в 1349 г. Наоборот, после 1578 г. апелляция к отдаленному прошлому становится одним из обязательных аргументов, приводимых как армянами, так и католиками в судебных процессах, сочинениях по истории Львова и отчетах католических миссионеров, проповедовавших среди местных армян. На всех судебных процессах до 1578 г. тяжущиеся стороны обращались исключительно к декретам польских королей, изданным после 1356 г. Каждый новый король при вступлении на престол подтверждал армянам (и не только им) права, дарованные его предшественниками [14, с. 24, 136–138, 140–142, 167–169, 251–253, 265–268, 274–276, 291–294, 295–297, 301–303]. Так, например, когда король Сигизмунд I (1506–1548) на сейме 1509 г. подтвердил армянам их права, в его декрете прямо было указано: «наши львовские армяне, показали оригинальные ниже поданные грамоты относительно определенных вольностей, дарованных им блаженной (памяти) покойными нашими предшественниками, **польскими королями** (здесь и далее выделено нами. – А. О.)» (*Armeni nostri Leopolienses, exhibitis originaliter privilegiis infrascripti super libertatibus certis per divos olim predecessores nostros reges Polonie eis concessis*) [14, с. 167–169]. Это также подчеркнуто и в грамоте его сына – Сигизмунда II (1548–1572) от 1561 г.: «поскольку в соответствии со своими привилегиями, пожалованными покойными наияснейшими предшественниками, **польскими королями...**» (*privilegiorum suorum a serenissimis olim antecessoribus nostris regibus Poloniae illis concessorum*) [14, с. 274–276]. Но всегда это были привилегии, дарованные после польского завоевания. Таким образом, со временем польское завоевание

(М. Кромер и прочие польские историки XVI в. датировали его 1340 г.) стало символической чертой, отделявшей «наше время» от «давних времен», утративших актуальность для современников.

Что в последней трети XVI в. было известно о времени и обстоятельствах поселения армян во Львове?

В 1564 г. Львов посетил папский нунций Джованни Франческо Коммендони, в частности интересовавшийся и богослужением местных армян. Его секретарь – Антонио Мария Грациани составил биографию нунция (опубликована в 1669 г.), в которой так написал о происхождении армянской общины Львова: «Армянская нация, сущая в этом городе [Львове] имеет архиепископа. Эти, угнетенные турецкой неволей, жилища свои старые [оставили], переправились через Черное море и от устья Дуная через Валахию на Русь перешли [и] с королевского позволения там осели» (“*Armeniorum natio suum in ea civitate Archiepiscoporum habet. Ea Turcarum pressa servitio sedibus suis relictis, cum Euxinum transmisisset ab hostio Danubii per Valachiam in Russiam transgressa permissu Regum ibi consedit*”) [25, р. 166–167]. Вероятно, Грациани писал со слов местных армян. Показательно, что в сообщении отсутствует какая-либо хронологическая привязка – не упомянуты даже имена короля или султана. Можно с уверенностью предположить, что в данном случае не было обращения к каким-либо письменным свидетельствам. Более того, вопрос о начале армянских поселений на Руси, Волыни или в Подолии не поднимался в армянских хрониках, которые велись во Львове и Каменце-Подольском в XV–XVII вв. Упоминание о «королевском позволении» указывает на то, что информаторы Грациани склонны были считать, что армяне скорее проживают в городе на законных основаниях, чем поселились во Львове уже после польского завоевания.

Мартин Груневег, молодой немец уроженец Гданьска, в 1582–1602 гг. проживал во Львове, причем в 1582–1588 гг. пребывал на службе у армянского купца Асвадура и жил на Армянской улице. В своем дневнике Груневег пишет о начале армянской колонии во Львове следующим образом: «При этом Казимире впервые непосредственно на Руси, прежде всего в этом городе, появились армяне, которым он дал особые привилегии и отвел особую улицу, в пределах которой они и живут до сих пор» (“*Untter diesem Kazimiro sein erst die Armenier recht in Reussen, tzumale in diese statt gekommen, welche er sonderliche privilegien gemacht hatt, auch ihnen eine eigne gasse abgesondert, welcher sie sich bis in heuttigenn tag haltten*”) [12, с. 136; 23, S. 666]. То есть Груневег связал поселение армян во Львове именно с королем Казимиром III (1333–1370). Следует учи-

тывать, однако, что помимо Армянской улицы в городе (то есть в пределах городских стен), армяне также проживали на Подзамче и в Краковском предместье. И если Лемберг был возведен уже во второй половине XIV в., то Подзамче и Краковское предместье – это старейшая часть города, заселенная еще во времена галицких князей. Таким образом, позволение Казимира III армянам селиться в Лемберге вовсе не означает, что они не жили во Львове до польского завоевания.

Показательно, что ни Грациани, ни Груневег не упоминают князя Даниила и вообще кого-либо из русских князей в связи с переселением армян (хотя Груневег приводит легенды об основании Львова князем Львом). Таким образом, до 1578 г. местные армяне не связывали появление своей общины во Львове с князем Даниилом. Только требование в суде представить документ их локации в городе, вынудило армян прибегнуть к поискам надлежащего письменного свидетельства. Поскольку никто из польских королей не даровал армянам права поселиться во Львове, но только подтверждал уже имеющиеся у них права и привилегии, то руководство армянской общины обратилось к имевшимся у них документам на старославянском языке. В результате королю была представлена грамотка князя «Даниила Федоровича». Это могла быть «охранная грамота» как от галицкого князя Даниила, так и от острожского князя Даниила Федоровича. Отсутствие даты, места издания и полной титулатуры правителя делало подобные грамоты весьма удобными для вольной интерпретации. Хотя острожский князь Даниил Федорович княжил в начале XV в., но грамотка была на старославянском языке и в Галицкой Руси однозначно связывалась с до-польским периодом, тем более, что князь был отождествлен с местным правителем Даниилом.

Важен и историко-культурный контекст, который, с одной стороны, требовал обращения к *отдаленному прошлому*, а с другой стороны, способствовал его ре-актуализации – превращению в *актуальное прошлое*.

Интересным примером того, как в правовом поле функционировала местная память, может быть тяжба 1561 г. в Луцком замковом суде. Северин, приор луцкого костела Девы Марии, возбудил иск против Ионы, архимандрита Жидичинского монастыря, о незаконном строительстве на земле костела на улице Татарской. Поскольку на тот момент в Луцке не было Татарской улицы, суд обратился к свидетельским показаниям местных жителей. 5 октября письменное свидетельство дали князя и шляхта, а 6 октября – войт и бурмистры Луцка. В обоих случаях использована стандартная формула: «Яко ж подлуг лет и памети нашої, иншии лет ѿ шестидесат и далеи, иншии – ѿ патидесат, а иншии – ѿ

сорока лет. И еще з отцов своих то слыхаючы и ведаючы аж до сего часу иначе того не вѣдаемъ ани паметаемъ...» [11, с. 435, 437]. Свидетели обращаются к собственной памяти и к тому, что слышали от отцов. То есть эта память двух поколений, которая суммарно не превышала ста лет.

Таким образом, в судебных тяжбах обращение к прошлому, выходящему за пределы личного опыта, означало обращение к коммуникативной памяти двух поколений, сопровождавшееся присягой, или же к письменным документам, изданным актуальными носителями власти и их предшественниками. Поскольку Галицкая Русь была завоевана Польшей в 1349 г. и Львов был заново основан на «магдебургском праве» в 1356 г., то грамоты, изданные галицкими князьями, постепенно утратили свое значение по мере того, как были переведены на польский или латинский и утверждены королями (в основном речь о земельных пожалованиях шляхте и церкви). Почему же тогда в королевском суде 1578 г. армяне представили грамоту князя Даниила, и эта грамота была принята к рассмотрению?

Темпоральные разрывы и ре-актуализация отдаленного прошлого

Обращение армян на судебном процессе 1578 г. к грамотке князя Даниила, ранее никогда ими не использовавшейся, не было случайным, но обусловлено трансформацией историко-культурного контекста. А именно – в 1570-х годах произошла реабилитация до-польского «русского» прошлого, которое из отдаленного превратилось в актуальное, могущее быть использованным как аргумент в суде.

20 мая 1572 г. на Варшавском сейме Сигизмунд II, по просьбе русинской общины Львова, издал декрет, которым уравнял в правах православных русинов с мещанами-католиками. В самом декрете этот акт обоснован ссылкой на унию Польского королевства с Великим княжеством Литовским 1569 г., когда духовные и светские феодалы «греческого обряда и руськой веры» получили равные права с «вельможами Польского королевства». В королевском декрете 1572 г. отмечено, что это равенство должно распространяться и на мещан: «тем более необходимо, чтобы подобного равенства придерживались среди людей меньшего и низшего сословия» [14, с. 49]. Более того, привилегии, дарованные Львову от «русских князей», в декрете поставлены в один ряд с привилегиями от польских королей и их наместников: «постановляем, чтобы русины наравне с иными мещанами и предмещанами поляками римской веры пользовались всеми правами, привилегиями, вольностями, прерогативами и иммунитетами, дарованными городу Львову по

разным поводам и разным образом наияснейшими нашими предшественниками, дражайшими королями Польши, князьями Руси и всеми прочими властителями и вельможами королевства и наших владений, и пользовались ими без каких-либо исключений» [14, с. 49].

Армяне, также стремившиеся к получению равных с мещанами-католиками прав, несомненно, не оставили без внимания этот случай и могли рассматривать его как прецедент для собственного иска: если привилегии, данные «князьями Руси», действуют в случае с русинами во Львове, они должны действовать и в случае со львовскими армянами.

Люблинский сейм 1569 г. принял решение подтвердить все без исключения грамоты и привилегии князя Льва, большинство которых было сфабриковано уже в период пребывания Галицкой Руси в составе Польского королевства. Эти грамоты должны были узаконить земельные владения местной шляхты, полученные ею за службу еще от галицких князей и позже подтвержденные польскими королями. Следует, однако, отличать фабрикаты от фальсификатов. Фабрикаты не воспринимались их создателями и заказчиками как фальсификация, наоборот, они были призваны восстановить справедливость. В тех случаях, когда оригинал был утрачен (из-за частых пожаров, войн и т. п.), его можно было воссоздать по памяти, при этом осовременив и добавив новые реалии, появившиеся после создания оригинала. Фабрикатеры и копиисты считали естественным обновлять прототип внесением современных им юридических и социально-политических понятий и реалий [7, с. 61, 62]. Поэтому и армяне в 1578 г. могли вкладывать в «малую старую грамотку» князя Даниила нужный им смысл, которого там, на самом деле, не было.

Еще одной причиной использования армянами грамоты князя Даниила была необходимость предъявить в суде в 1578 г. «привилегию локации» армян во Львове или в Польском королевстве, которой у них не было. Подобную привилегию имели евреи, проживавшие в Польском королевстве. Основанием для их пребывания в Королевстве считалась привилегия от 16 августа 1264 г., полученная от великопольского князя Болеслава Благочестивого. Затем, когда через несколько десятилетий польские княжества были объединены под властью Казимира III, эта привилегия начала рассматриваться как привилегия всем евреям Королевства, а не только великопольским евреям. На основании привилегии 1264 г. Казимир III в 1367 г. даровал устав евреям Львовской земли и Львова. После пребывания Галицкой Руси в составе Венгерского королевства и возвращения в Польское королевство в 1387 г.,

Владислав II Ягайло подтвердил львовским евреям устав Казимира III. Ссылки львовских евреев на привилегию 1264 г. встречаются дважды: в декрете наследного принца Яна Альбрехта в 1488 г. [14, с. 389–391] и в декрете Сигизмунда II в 1553 г. [14, с. 426] Армяне же поселились во Львове еще во времена галицких князей и вместе со всей Галицкой Русью оказались в составе Польского королевства. Эта земля рассматривалась как присоединенная «по праву войны» (*jure belli*), то есть, все привилегии, дарованные до завоевания, считались утратившими свою силу. Именно эту позицию отстаивал львовский магистрат, что видно из жалобы мещан-католиков, поданной ими королю между 1597 и 1600 гг. Только реабилитация до-польского прошлого вследствие постановлений Люблинского сейма 1569 г. обеспечила грамотам «руських князей» юридический вес равный декретам польских королей. Соответственно, уже в 1578 г. армяне продемонстрировали «старую грамотку» князя Даниила как аналог «локационной привилегии» армянам на землях Руси.

Наконец, 1570-е годы оказались временем разрыва как в истории Польско-Литовского государства, так и в истории Львова. В 1572 г. со смертью короля Сигизмунда II закончилось почти трехсотлетнее правление династии Ягеллонов и началось бескорольевье 1572–1576 гг. В 1573 г. акт Варшавской конфедерации гарантировал еретикам свободу вероисповедания. В 1574 г. Генрих Валуа – первый приглашенный король – бежал из Польши во Францию. В 1575 г. масштабный татарский набег (известный как «Татарская Покрова») на несколько десятилетий оставил кровавый след в памяти жителей восточных земель Королевства. Календарная реформа 1582 г. «съела» 10 дней и вызвала смятение в умах, а во Львове в следующем 1583 г. привела к закрытию православных и армянских церквей католическим архиепископом Соликовским, поскольку православные, армяне и протестанты продолжали жить и праздновать по старому календарю. Это только подлило масла в огонь противостояния католиков и «еретиков». В 1571 г. страшный пожар уничтожил большую часть Львова. Это привело к масштабному строительству новых 3-х и 4-х этажных каменных домов («камениц») в городе в последующие годы. В 1573 г. были сооружены Низкий замок и городской арсенал. В 1573–1578 гг. на средства Константина Корнякта, львовского нувориша греческого происхождения, была возведена колокольня православной Успенской церкви – самое высокое здание в городе. В 1577 г. Львов сотрясали землетрясение и социальный конфликт между городской общиной («посольство») и олигархическим город-

ским советом («рада»), узурпировавшим власть и злоупотреблявшим ею. В соответствии с королевским декретом, отныне община должна была избирать своих представителей в новый институт – «совет сорока мужей», которые должны были контролировать действия львовского магистрата. Под конец этого же года три недели в небе была видна комета. Таким образом, в краткий период времени – на глазах одного поколения людей – существенные изменения претерпел как архитектурный, так и социальный ландшафт города. Календарная реформа повлияла не только на религиозную жизнь, но и на экономику, прежде всего, торговлю (время проведения ярмарок, возвращение кредитов и т. д.) и сельское хозяйство (время посева и различных работ, связанных с праздниками, а также наблюдениями за природой, приметами и т. п.). Все это, очевидно, заставило многих задуматься (вероятно, впервые) над циклическим временем и временем линейным. Большинство этих событий с соответствующей оценкой упоминаются в масштабной истории Львова «Leopolis triplex», написанной в 1660-х гг. львовским патрицием Ю.-Б. Зиморовичем (1597–1677) [34]. Даже через несколько десятилетий, события 1570-х годов все еще воспринимались как разрыв с предыдущей историей города.

Разрыв с уходящей эпохой зафиксирован и на национальном уровне – именно в 1570-х и в начале 1580-х современниками было написано и опубликовано невиданное ранее число исторических сочинений, посвященных как событиям последних лет, так и отдаленному прошлому Польши, Литвы и Руси. Достаточно вспомнить известные исторические произведения Александра Гваньини (1579), Мацея Стрыйковского (1582), Станислава Сарницкого (1587), рефлексии над событиями в Польше после смерти Сигизмунда II Свентослава Ожельского «Восемь книг бескорольвья» (1617), Яна-Дымитра Соликовского «Краткие записки дел польских от смерти Сигизмунда Августа» (1647), Райнгольда Гейденштейна «История Польши от смерти Сигизмунда Августа» (1672).

Разрывы, как известно, способствуют рефлексиям над прошлым. Новое положение дел, или же существенные изменения, заставляют современников искать истоки нового в прошлом, или же утверждать, что новое это на самом деле ре-актуализированное призабытое старое.

Таким образом, судебная тяжба 1578 г. (и ее отголоски в 1597–1600 гг.) позволяет нам взглянуть на то, как масштабные события разрыва 1570-х гг. отразились на восприятии и использовании прошлого на микроуровне – в мещанской среде одного города.

Спис літератури

1. Гандзакеци, К. История Армении / К. Гандзакеци. – М., 1976.
2. Грамоты XIV ст. / Упоряд. М. М. Пешак. – К., 1974.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Изд. С. Н. Валк. – М., 1949.
4. Груневег, М. Опис Львова / М. Груневег // Жовтень. – 1980. – № 10. – С. 105–114.
5. Дашкевич, Я. Р. Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) / Я. Р. Дашкевич // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (1982 г.). – М., 1984. – С. 177–195.
6. Дашкевич, Я. Р. Грамоты князя Льва Даниловича как исследовательская проблема / Я. Р. Дашкевич // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. – Днепропетровск, 1985. – С. 133–139.
7. Інкін, В. Ф. Чи є історична основа в фальсифікатах грамот князя Льва Даниловича? / В. Ф. Інкін // Вісник Львівського університету. – 1988. – Вип. 24. – С. 60–68.
8. Капраль, М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст.: соціально-правові взаємини / М. Капраль. – Львів, 2003.
9. Карпов, С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С. П. Карпов. – М., 1990.
10. Купчинський, О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV ст. Дослідження. Тексти / О. Купчинський. – Львів, 2004.
11. Луцька замкова книга 1560–1561 рр. / Підгот. до вид. В. М. Мойсієнко, В. В. Поліщук. – Луцьк, 2013.
12. Мартин Груневег (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек: Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / Составитель А. Л. Хорошкевич. – М., 2013.
13. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М. Капраль. – Львів, 1998.
14. Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М. Капраль. – Львів, 2000.
15. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / И. Шильтбергер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.by.ru/Texts/rus3/Schiltberger/text2.htm>. – Дата доступа: 20.04.2016.
16. Allsen, T. T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 / T. T. Allsen // *Asia Major*, third series. – 1989. – Vol. 2. – No. 2. – P. 83–126.
17. Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego. – T. 4: 1585–1588 / Wyd. Kazimierz Lepszy. – Kraków, 1948.
18. Balzer, O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie / O. Balzer. – Lwów, 1909.
19. Baranowski, B. Ormianie w służbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej / B. Baranowski // *Myśl karaimska. Rocznik naukowo-społeczny. Seria Nowa*. – Tom I (1945–1946). – Rok XXIII. – Wrocław, 1946. – S. 119–137.

20. Bielowski, A. Zamość / A. Bielowski // *Albumy lwowskie*. – Lwów, 1862.
21. Charewiczowa, Ł. Ograniczenia gospodarcze nacyj schyzmatyckich i żydów we Lwowie XV–XVI w. / Ł. Charewiczowa. – Lwów, 1925.
22. Cromerus, M. De origine et rebvs gestis Polonorum libri XXX / M. Cromerus. – Coloniae Agrippinae, 1589.
23. Die Aufzeichnungen des Dominikaners Martin Gruneweg (1562 – ca. 1618): über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen / Hrsg. von Almut Bues. – Wiesbaden, 2008. – Bd. 2.
24. Dypломаци w dawnych czasach. Relacje staropolskie z XVI–XVIII stulecia / Oprac. A. Przyboś, R. Żelewski. – Kraków, 1959.
25. Gratiani, A. M. De vita Jannis Francisci Commendoni cardinalis libri quatuor / A. M. Gratiani. – Parisii, 1669.
26. Gwagnin, A. Sarmacja Europejska / A. Gwagnin / Tłum. A. Piskadło. – Kraków, 1860.
27. Solicovius, I. D. Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti / I. D. Solicovius. – Dantisci, 1647.
28. Strykowski, M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego / M. Strykowski / Opracowała J. Radziszewska. – Warszawa, 1978.
29. Wróbel-Lipowa, K. Działalność dyplomatyczna Ormian polskich w XVI–XVII w. / K. Wróbel-Lipowa // *Studia z dziejów kontaktów polsko-ormiańskich* / Pod red. M. Zakrzewskiej-Dubasowej. – Lublin, 1983. – S. 107–117.
30. Zakrewska-Dubasowa, M. Ormianie Zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem / M. Zakrewska-Dubasowa. – Lublin, 1965.
31. Zakrewska-Dubasowa, M. Ormiańska Temida / M. Zakrewska-Dubasowa // *Palestra*. – 1980. – T. 24. – № 7. – S. 19–37.
32. Zakrewska-Dubasowa, M. Ormianie w dawnej Polsce / M. Zakrewska-Dubasowa. – Lublin, 1982.
33. Zakrewska-Dubasowa, M. Organizacja gminy ormiańskiej w Zamosciu w XVI–XVII wieku / M. Zakrewska-Dubasowa // *Rocznik Lubelski*. – 1960. – T. III. – S. 63–82.
34. Zimorowicz, J. B. Leopolis triplex / J. B. Zimorowicz // *Opera quibus res gestae urbis Leopolis illustrantur* / Edidit C. J. Heck. – Lwów, 1899.

ЯН ДАНКАРТ И ЕГО СОЧИНЕНИЕ О РОССИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА

«Описание Московии» нидерландского секретаря и дипломата Яна Данкарта принадлежит к заметным произведениям зарубежной России. Опубликовано в 1615 году амстердамским типографом Янсом Броэром (Jansz Broer, 1580–1652) [1], оно за следующее столетие выдержало несколько изданий, став важным фактором восприятия европейцами русской жизни.

Отдавая должное популярности книги, исследователи стремились рассмотреть источники сведений автора, определить круг его информаторов, объяснить намеренность или случайность допущенных ошибок, выявить присущую тексту тенденциозность, политические задачи, сопоставляли с трудами предшественников и современников, вроде записок барона Зигмунда фон Герберштейна (Siegmund von Herberstein, 1486–1566), отчета Антониса Гутериса (Anthonis Goeteeris, 1574–1660) и других [2, р. 35–46; 3, р. 51–73].

Иная судьба ожидала «Описание Московии» в отечественной науке. В отличие от многократно цитировавшихся Жака Маржерета (Jacques Margeret, около 1550 – около 1621) [4] или Конрада Буссова (Conrad Bussow, 1552/53–1617) [5], оставшаяся без русского перевода работа оказалась практически неизвестна за пределами узкого круга специалистов. Составленные историками XIX – начала XX века сводные перечни иноземных сочинений о России ограничились упоминанием факта ее существования или, в лучшем случае, кратким обзором основных частей, приводя название исключительно в голландском варианте [6, с. XXVII–XXX.].

Вполне вероятно сравнительно скромный по объему труд нидерландца уступает содержательной ценностью более детальным, точным и сведущим рассказам других очевидцев Смуты. Например, «Краткое известие о Московии» его соотечественника уроженца Харлема Исаака Массы (Isaac Massa, 1586–1643) [7, с. 13–150], многократно превышает «главные события» русского прошлого, изложенные Яном Данкартом. Однако сочинение Массы до 1866 г. оставалось рукописным, тогда как различные экземпляры «Описания» еще в XVII веке заняли почетное место на полках ведущих европейских библиотек. Это подчеркивает

важность перевода книги на русский язык с учетом последующих редакций и дополнений, который готовится к публикации в одном из московских издательств.

Ян Данкарт один из самых загадочных авторов своей эпохи. Неизвестны его происхождение, даты рождения и смерти, уровень образования, семейное положение. Исключая редкие биографические факты, приводимые им в своем сочинении, большинство остальных событий жизни реконструируется с определенной условностью.

Его творческая активность относится к первой четверти XVII века. Как вспоминал он сам, «несколько лет тому назад, я, находясь в Шведском королевстве, был приглашен господином Якобом Понтусом Делагарди, намеревавшимся выступить на помощь царю Московии против Польши по поручению его величества короля шведского, присоединиться к нему в этом походе; какое предложение я (страстно желая посетить чужие страны) с радостью принял...» [1, р. 2–5]. Речь идет о событиях начала 1609 г., когда после подписания Выборгского договора с представителями царя Василия IV Шуйского король Карл IX Ваза приказал отправить в Россию наемников для борьбы против отрядов Лжедмитрия II.

Полученное предложение не вызвало особенного удивления. Активное сотрудничество Стокгольма и Гааги в начале XVII века увенчалось заключением 5 апреля 1614 г. формального союза. Успехи Соединенных Провинций внушали надежды всему протестантскому миру. Именно здесь в 1606–1608 гг. под началом принца Маурица Оранского (Maurits van Oranje, 1567–1625) совершенствовал воинское искусство будущий шведский фельдмаршал и граф Якоб Делагарди (Jakob De la Gardie, 1583–1652). Поскольку его финансовое положение до русских кампаний 1609–1617 гг. оставляло желать лучшего, кто-либо из офицеров, депутатов Генеральных Штатов, дворян или торговцев, оказывавших денежную помощь, вполне мог рекомендовать ему знакомого в качестве полезного спутника. Но чем занимался нидерландец до 1609 года?

Фамилия Данкарт (Danckaert) часто встречается в Исторических Нидерландах, как в северных протестантских провинциях, подписавших 23 января 1579 года Утрехтскую унию, так южной католической части, признававшей власть испанской короны. Имя Ян (Йохан, Йоханнес, Ханс) также сложно считать редким. Американский ученый Маршалл По наделяет Данкарта вторым именем – Яна Питера (Jan Peter), сначала уверенно [8, р. 242], затем менее решительно [9, р. 113], но каковы основания этого остается неясным.

В начале XVII столетия сразу несколько современников носили схожие фамилии, биографии которых рассмотрим подробнее.

Одним из них был некий Ян Данкарт, упомянутый между 1586 и 1605 г. как школьный учитель в зеландском городке Бизелинге (Schoolmeester te Biezelinghe), а с 1605 г. в расположенном по соседству Хейнкензанде (Heinkenszand). В 1604 г. он исполнял обязанности церковного старосты (Ouderling van de gemee nte te Kapelle en Biezelinghe), исчезая из местных документов после 1605 г. [10, р. 425]. Это можно было бы объяснить поездкой в Швецию и Россию, если не учитывать ряд возражений. Во-первых, допустимо продолжение его учительства до 1610 г. [11]. Во-вторых, он мог просто скончаться. В-третьих, судя, по имеющимся сведениям, бизелингский учитель вел устоявшуюся жизнь, имел прочное общественное положение, давно занимал свои должности, без склонности радикально менять привычки пожилого возраста, внезапно пускаясь в дальние странствия.

Гораздо насыщеннее оказался досуг другого Яна Данкарта, гаагского нотариуса первой половины XVII века. За свою бурную жизнь этот уроженец Брюсселя сменил множество занятий. Родившись в семье Рейнбаута Данкарта и Барбары Ланселот из Мехелена (Reijnbouts Danckaert en Barbara Lanceloot), Ян или Йохан Рейнбаут (Johan Reynbout), успел побывать секретарем воевавшего в 1577–1584 и 1585 гг. на стороне Нидерландов английского генерала сэра Джона Норриса (Sir John Norreys или Norris, около 1547 – 1597), купить дом 14 мая 1605 г. в разоренном испанцами Остенде, сочетаться браком с Алисией Сёйнертс (Alithea Sijnerts) 2 июня 1617 г. в величественной церкви Святого Якоба (De Groote kerk te s' Gravenhage), завести шесть детей, одного из которых так же звали Ян Рейнбаутс (Jan Reijnbouts), а так же прославиться употреблением крепких напитков и скандальным характером [12, р. 357–358.].

Будучи практикующим юристом, он четырежды привлекался к ответственности за клевету, в 1616 г. находился под следствием как распространитель «грубых и оскорбительных речей» против властей, в 1618–1619 гг. публично обвиняя в измене фактического главу правительства Голландии Яна ван Олденбарневелта (Johan van Oldenbarnevelt, 1547–1619) и лидера ремонстрантов Яна Эйтенбогарта (Johannes Wtenbogaert или Uytenbogaert, 1557–1644) во время пристрастного судебного процесса, закончившегося казнью первого и вынужденной эмиграцией второго [12, р. 334–336; 13, р. 179; 14, р. 67; 15, р. 40–41].

Вместе с тем среди его знакомых было много выдающихся политиков и ученых «золотого века». Именно к нему обратилась за советом

в 1624 г. мать знаменитого государственного деятеля, архитектора, поэта, композитора Константейна Хёйгенса (Constantijn Huygens, 1596–1687) Сусанна Хёфнагель (Susanna Hoefnagel, 1561–1633) перед составлением брачного контракта одного из своих сыновей [16, р. 358]. Ян Рейнбаут интересовался политикой, составлял «антипапистские» листовки, вместе с памфлетами, критикующими голландских ремонстрантов [17, р. 209, 221]. Ему принадлежит письмо 1610 г. к Яну ван Олденбарневелту, хранящееся в библиотеке Лейденского университета [18, р. 570].

С именем нотариуса Данкарта (Johannem Danckaert, per curiam Hollandiae admissum Notarium) связана украшенная его автографом иллюстрированная рукопись 1617 г. «Хроники графа Эгмонда», рассказывающая о средневековых правителях Голландии и соседних земель [19, р. 48–50; 20, р. 87].

Все это рисует смелого, предприимчивого, любознательного, энергичного человека без лишней щепетильности, способного оценивать происходящее и делящегося впечатлениями с окружающими.

Мог ли он быть автором «Описания»? Некоторые факты свидетельствуют в пользу этой версии. Ян Рейнбаут, также как и «московский путешественник», до занятия нотариатом служил секретарем, имел склонность к литературному творчеству, интересовался далекими странами и событиями прошлого [21, р. 111]. С другой стороны, в доступных материалах по изданию книги отсутствует хотя бы эпизодическое упоминание его второго имени Рейнбаут и должности нотариуса, составляющей отличие, едва ли не обязательное для деловых бумаг. К тому же среди гаагских правоведов 10–20-х гг. XVII столетия было два Яна Данкарта – старший, о котором шла речь, а также младший, его сын (Jan Danckaert[s] junior), принятый в корпорацию нотариусов после присяги 7 мая 1615 г. [22; 23, р. 263].

Помимо заверенных ими актов, даты которых совпадают с походами сочинителя, существуют доказательства их различия, не исключающие близкое знакомство или родство. 29 ноября 1619 г., распределяя 50 гульденов среди группы лиц, Генеральные Штаты специально отделили нотариусов Йохана Данкарта, Филиппа Ленгеле, Якоба ван дер Вестене от лишнего подобного статуса Ханса Данкарта [24, р. 314].

Историки вслед за Фридрихом Аделунгом присваивают нашему сочинителю гелдернское происхождение [6, с. 175; 25, р. 228], что вызвано упоминанием Гелдерна и Зютфена на первых страницах книги. Подобная точка зрения уязвима для критики.

По нашему мнению, наиболее предпочтительным автором «Описания Московии» следует считать упомянутого в 1605 г. среди студентов медицинского факультета Лейденского университета двадцатилетнего Яна Данкарта, названного гаагцем [26, р. 79]. В таком случае его рождение приходится на 1584 или 1585 годы [27, р. 114].

Поскольку брата нотариуса Яна Рейнбаута Старшего звали Питер Рейнбаут (Pieter Reynbout) [12, р. 357], соблазнительно полагать, что если у последнего были сыновья, один из них мог получить привычные для семьи имена Яна Питера. Это предположение «подыгрывает» версии Маршалла По, одновременно уводя исследователей на зыбкую почву не подтвержденных документами предположений [28].

Лейденский университет имел репутацию одного из лучших учебных заведений. Основанный принцем Виллемом I Оранским (Willem van Oranje, 1533–1584) в 1575 г. как оплот кальвинистского образования, он вскоре стал важным научным центром. В начале XVII в. его профессорами были создатель точной хронологии, лингвист, комментатор античных текстов Юстус Скалигер (Josephus Justus Scaliger, 1540–1609), гебраист и математик Рудольф Снеллиус (Rudolph Snellius, Rudolph Snel van Royen, 1546–1613), филолог, поэт, драматург Даниэл Хейнсиус (Daniël Heinsius, 1580–1655).

Чуть раньше Данкарта, в 1598 г. университет закончил племянник профессора юридического факультета Корнелиса Гроция (Cornelius Huugensz Grotius или de Groot, 1546–1610), выдающийся философ, теоретик международного права Гуго Гроций (Hugo Grotius или de Groot, 1583–1645), а в 1602 г. его сверстник, будущий востоковед, теолог и переводчик Корана Томас Эрпениус (Thomas Erpenius или van Erpe, 1584–1624).

В 1602–1603 гг. университет возглавлял историк и географ Павел Мерула (Paulus Merula, 1558–1607), после которого в 1605–1606 гг. ректором был знаменитый протестантский богослов Якоб Арминиус (Jacobus Arminius или Hermansz 1559–1609).

В годы студенчества Данкарта на медицинском факультете помимо лечебного дела преподавали натуральную философию, логику, химию, анатомию, ботанику известные ученые – врач Элий Эверард Ворстиус (Aelius Everardus Vorstius, 1565–1624) и Карл Клузиус (Carolus Clusius, 1526–1609), считавшийся главным флористом своего времени, организатор европейской сети обмена растениями, способствовавший распространению культуры картофеля и созданию голландской индустрии тюльпанов [26, р. 26].

Если наша догадка справедлива, она вполне может объяснить пристрастие автора московского путешествия к естественнонаучным сюжетам, несколько сбивчивому описанию религиозной жизни, болезней, видов рыб и прочего, выходящего за обязательный перечень путевых очерков, комплексом знаний и интересов, сформировавшихся в процессе учебы. После курса наук молодой человек, знавший латынь и основы медицины, при отсутствии более выгодных вакансий, вполне мог рассматривать частную службу у влиятельного лица как успешное начало карьеры.

Согласно Данкарту, сопровождая Якоба Деллагарди, он «побывал во многих городах и землях Московии, заметил и узнал множество таких вещей, которые показались мне не заслуживающими забвения, и решил описать их в своих заметках. Однако, после того как вышеназванный господин Деллагарди исполнил возложенное на него поручение... Господь Всемогущий посетил меня столь тяжелым недугом, что я был вынужден вернуться обратно в Нидерланды». Поскольку в 1609 г. союзные русско-шведские войска князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Якоба Деллагарди разгромили отряды Тушинского вора, 12 марта 1610 г. торжественно вступив в Москву, нидерландец посетил северо-западные и центральные уезды, уже затронутые Смутой. Надо полагать, ему удалось осмотреть и столицу, хотя нигде прямо он об этом не пишет. Во всяком случае его первое пребывание в России закончилось до разгрома союзников в Клушинской битве 24 июня 1610 г. и свержения царя Василия IV Шуйского 17 июля того же года.

Занятие польским гарнизоном Кремля осенью 1610 г., провозглашение царем сына ярого католика короля Речи Посполитой Сигизмунда III королевича Владислава, падение Смоленска в июне 1611 г., оккупация шведами в июле 1611 г. Великого Новгорода, хозяйничанье казацких банд, беспокоили Соединенные Провинции, опасавшиеся конечного распада России. Установление на Востоке Европы прочного господства верной папскому Риму Варшавы, тесно связанной с другими центрами контрреформации, нарушало сложившийся баланс сил. Поэтому, когда в 1612 г. европейские наемники решили сформировать отряд для помощи Московскому государству «бороться с его противниками», они, оставшись без официальной поддержки, не встретили противодействия. Это было особенно показательно с учетом постоянно подтверждаемых запретов нидерландцам выбирать армейскую службу других государств без согласия Генеральных штатов [29, с. СXXX].

Отряд возглавили английский командир сэра Артур Астон (Sir Arthur Aston of Fulham, 1571–1627), полковник Джеймс Хилл (James Hill)

и старший начальник над всеми офицерами барон Адриан Балтазар ван Флдорф (Adrian Balthasar van Flodorf, 1580–1656), предложивший должность секретаря уже имевшему опыт восточных экспедиций Яну Данкарту [30, p. 109–119].

Новый покровитель принадлежал к старинной аристократической фамилии, обладая длинным перечнем титулов, включая достоинства барона Лёта, Велла и Рикхолта (Herr von Leut, Well [Wöhl], Rijckholt [Rickhelt] etc.). Он состоял в свойстве с известным гуманистом Карлом ван Утенхофом (Karel van Utenhove, heer van Hogenwalle, 1536–1600), а двоих других родственников, племянника Йохана Кристофа ван дем Биландта (Johann Christoph van dem Bilandt) и Йохана ван Палланта (Johann van Pallant), взял с собой в Россию [31, p. 225].

Флдорф отличался обширными связями, учился в академии Женевы (1594) и университете Орлеана (1597), посетил Париж (1598), Падую (1601), Мантую (1609), Берлин (1611), Лондон, владел несколькими замками, был убежденным протестантом, занимался фортификацией, картографией, горным делом, строительством шлюзов и каналов, пиротехникой [32, p. 118; 33, p. 282–284; 34, p. 375; 35, p. 393–394; 36, p. 19].

Экспедиция не задалась с самого начала. Прибывшие в Архангельск наемники встретили холодный прием Второго земского ополчения, отказавшего самозванным спасителям в поступлении на службу [37, с. 187–198]. Освобождение Москвы от поляков осенью 1612 г., и избрание царем Михаила Федоровича в феврале 1613 г. мало изменили ситуацию. Англо-шотландской части отряда во главе с сэром Артуром Астоном, после героической обороны Холмогор от очередной «воровской шайки» полковников Сидорки и Барышпольца зимой 1613/1614 гг. удалось поступить на царскую службу и даже видеть ясные царские очи на кремлевском приеме 8 января 1615 г. [38, с. 96–97]. Не дождавшись этого, нидерландцы во главе с Флдорфом отплыли осенью 1613 г. домой.

Большую часть своей второй поездки Ян Данкарт провел на севере России. В русских документах он упоминается неоднократно. Среди росписи «людей, что остались у князя Ортемья Астона на Колмогорах» встречается имя «Аген Денкар» (Яган Данкарт), после которого идут «две немки портомойницы да русской повар Давыдко Ларионов да Сёмка Иванов» [38, л. 3.] – явный признак его гражданского статуса. Чуть позже он упоминается «на Москве» как «Ганденкарт», опять перед «русским поваром Никиткой Федоровым» [36, л. 5].

В другом списке он занимает более выигрышную позицию, после поручиков и прапорщиков, но перед рядовыми: «Дирик Ван Верденборх

поручик, Готфорикен Нинхер прапорщик, Чаган Ван Холант прапорщик, Чаган Данкарт, Индрик Фанблок...» [38, л. 7].

Наконец, крайне любопытен один из последних холмогорских списков 1613 года, содержащий следующее перечисление:

«Со Ондrejaном [Флодофом. – О. Н.] племянник его Иван Христофор, 3 ротмистра, 2 порутчика, 2 прапорщика, лекарь, да 19 человек немец ж, да немка, да руской человек.

И всего на Колмогорах княж Ортемьевых и Якубовых Хиля и с Ондrejaном немец всех: 6 ч. ротмистров, 3 человеки порутчиков, 3 ч. прапорщиков, да рядовых немец 40 человек, а племянник Ондrejaнов и приказные люди, что в дворецких место, и лекарь в том же числе, да 2 человека русских людей, да 2 немки...» [38, л. 8].

В этом документе отсутствует имя Данкарта, но упомянутый среди иноземцев лекарь явно он. Следовательно, недавний выпускник Лейдена совмещал престижные (по его мнению) обязанности секретаря с медицинской практикой. Знай москвичи, что перед ними будущий автор истории России, они поместили бы его в лучшие условия. Тогда, вероятно, описание страны отличалось бы большей теплотой и дружелюбием.

Вернувшись домой, Ян Данкарт решил упорядочить свои записи, подготовив их публикацию. Он упоминает наличие своеобразного дневника, который велся в поездке. Весной 1614 г. рукопись была готова. Обращение к Генеральным Штатам за содействием в издании встретило отказ [39, р. 260]. Россия оказалась представлена в «Описании» слишком мрачной, холодной, варварской страной, и власти не хотели связывать себя изданием, опасаясь протестов [40, с. 325]. Еще свежи были события 1591 г., когда почти весь тираж вышедшего в Лондоне «антирусского» сочинения Джайлса Флетчера (Giles Fletcher, 1548–1611) был уничтожен самой английской «Московской компанией», полагавшей, что его распространение нанесет вред взаимной торговле [41].

Находившемуся в бегах за дерзкую попытку осенью 1613 г. похитить из-под венца невесту правителя Юлиха графа Адама фон Шварценберга (Adam von Schwarzenberg, 1583–1641) барону Адриану Флдорфу было не до издательских дел [30, р. 116]. Приходилось искать помощь на стороне.

В 1615 г. работа увидела свет с посвящением другому сановнику. Им стал барон Герлах ван дер Капеллен (Gerlach van der Capellen, 1543–1625), канцлер герцогства Гелдерн и графства Зютфен [42; 43, р. 29–32]. Он был высокообразованным человеком, поощрял литературу и искусства, покровительствовал по долгу службы и благородству души пишу-

щей братии, удостоившись после своей смерти трогательной эпитафии [44, р. 61–62].

Книга оказалась востребованной. Когда в 1615–1616 гг. Гаага выступила посредником между Россией и Швецией, отправив представителей на Дедеринские переговоры, Ян Данкарт получил место секретаря посольства, возглавленного председателем верховного совета Голландии Рейнаутом ван Бредероде (Reinoud van Brederode, 1567–1633), бургомистром Амстердама Дирком Бассом (Dirck Jacobsz Bas, 1569–1637) и известным дипломатом Альбертом Иоакими (Albert Joachimi, 1560–1654) [45].

Это была третья поездка Яна Данкарта в Россию. Хотя посольству не удалось примирить противоборствующие стороны, оно содействовало переговорам, которые уже без участия Соединенных Провинций завершились заключением Столбовского мира в феврале 1617 г.

Летом 1616 г. возвращавшиеся через Стокгольм послы поручили своему секретарю доставить русским властям в Ладоге или Тихвине дипломатическую почту, выдав 250 гульденов дорожных расходов с кредитным письмом к новгородскому купцу Герриту ван дер Хейдену, обязанному заплатить 150 гульденов на месте [46, с. 498, 508]. Расходы превысили отпущенную сумму. 7 апреля 1617 г. Данкарт обратился к Генеральным Штатам с просьбой компенсировать затраты поездки [47, р. 92]. Общая сумма издержек на 24 мая 1617 г. составила 1200 гульденов, о чем свидетельствовал один из послов Альберт Иоакими [48, р. 118].

В дальнейшем Ян Данкарт продолжал исполнять мелкие правительственные поручения [49, р. 118]. Представляется, что если бы не «Описание Московии», его след мог окончательно затеряться.

Впрочем, определенная заслуга в сохранении его имени для потомков принадлежала издателю. Янс Броер относился к предпринимателям, которые брались за все, сулившее прибыль. Он печатал книги, памфлеты, летучие листки, первые газеты – «Амстердамские куранты», карты, ноты, гравированные портреты и виды городов [50, р. 388]. Многие его издания носили коммерческий характер. В 1613 г. он выпустил популярный рыцарский роман «Амадис Гальский» [51], в 1614 г. – брошюру о герцогствах Юлих и Клеве [52], а в 1616 г. – условия Луденского договора принца Конде с королевой-регентшей Марией Медичи, ограничившего власть ее фаворита маршала Д'Анкара [53].

Судя по частым сменам адреса, дела издателя не всегда шли удачно [54, р. 557]. Возможно он рассчитывал заработать на привлекательном

для читателя путешествия. В XVII веке подобная литература пользовалась спросом. Регулярно появлялись истории каналов, проливов, островов, городов, земель. Название новой книги было типичным. В 1592 г. увидело свет «Описание» Пикардии, Нормандии, Бретани, в 1600 г. – Роттердама, в 1612 г. – Нидерландов, в 1620 г. – Норвегии, в 1628 г. – Харлема, в 1660 г. – Балтийских стран [55; 56; 57; 58; 59].

В издании Яна Данкарта 1615 г. заметна определенная поспешность «бюджетного» производства, без иллюстраций, с минимумом ренессансных завитков и заставок. На 75 страниц текста приходилось 23 нумерованных чистых листа, включенных в общий переплет [60].

Сложно сказать, насколько массовым и финансово выигрышным оказался первый тираж. Однако (в том же XVII веке или позднее) он поступил во многие частные и государственные собрания различных стран, включая библиотеки Гента, Лондона, Гёттингена, Парижа, Санкт-Петербурга. До нашего времени сохранилось более десятка экземпляров издания 1615 года, украшающих коллекции «Уралики», «Сибирики» и «Россики». Читателями книги были как государи и министры, ответственные за принятие политических решений, свидетельством чего является включение книги в каталоги частных библиотек принцев Оранских, королей Шведских и других влиятельных особ еще в XVII веке, так и ученые эрудиты, черпавшие знание о России их записок Данкарта.

Список литературы и примечания

1. Danckaert, J. Beschryvinge van Moscovien ofte Ruslant: gestelt in twee deelen. Waer van het eerste tracteert van den stant des Rijcks ende op wat tijt de selve eerst bekent is geweest: met eencort verhael van t' gene daer te lande, zedert tot noch toe meestghepasseert is. Het tweede van der Moscoviten oft Russen Religie, Ceremonien, Wetten, Policijen ende Crijcht-handel. Amsterdam, by Broer Jansz, woonende buyten S. Anthonis Poort, 1615 [75 pp., 4o] / J. Danckaert. – Amsterdam, 1615.

2. Piso, C. «De alderbarbarichste natie ter werelt». De reisbeschrijvingen over Rusland van Sigismund von Herberstein en Johan Danckaert / C. Piso // Leidschrift. Historisch tijdschrift. – Vol. V. – Afl. 2. – P. 35–46.

3. Driessen, J. Het gezantschap van Reinoud van Brederode in 1615 en 1616 naar Rusland / J. Driessen // Rusland in Nederlandse ogen. Een bundel opstellen / Ed. J. Driessen, M. Jansen, W. Roobol. – Amsterdam, 1986. – P. 51–73.

4. Маржерет, Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Ж. Маржерет / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. – М., 2007.

5. Бусов К. Московская хроника 1584–1613 / К. Бусов / Отв. ред. И. И. Смирнов. – М.; Л., 1961.

6. Аделунг, Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений / Ф. Аделунг. – М., 1864. – Ч. II. – С. 175–176; Койэт, Б. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу / Б. Койэт / Пер., ст. и прим. А. М. Ловягина. – СПб., 1900.

7. Масса, И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / И. Масса // О начале войн и смут в Московии. – М., 1997.

8. Poe, M. T. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748 / M. T. Poe. – Ithaca, L., 2000.

9. Poe M. T. Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources / M. T. Poe. – Iowa, 2008.

10. «School Jan Danckaert is aenghenomen voor wettelick der porochie van bieselinghe, ende synem tydt sal ingaen den 1 en decembris 1586». Op. cit.: Classicale acta, 1573-1620: particuliere synode Zuid-Holland. – Deel IV. Provinciale synode Zeeland. Classis Walcheren 1602–1620. Classis Zuid-Beveland 1579–1591 / Bew. J. Bouterse. – Haag, 1995.

11. «Schoolmeester te Biezelinghe, 1586–1605; idem te Heinkenszand, 1605–1610?». Op. cit.: Uil, H. De scholen syn planthoven van de gemeente. Het onderwijs in Zeeland en Staats-Vlaanderen, 1578–1801 / H. Uil. – Bergschenhoek, 2015.

12. Morren, T. De Haagsche Notarissen. I. 1525–1600 / T. Morren // Die Haghe. Bijdragen en Mededeelingen. – 's Gravenhage, 1902.

13. «Stukken betreffende informatie ingewonnen door de advocaat-fiscaal, Arie van Kinschot, betreffende een beledigende uitlating van notaris Danckaert over de regering in Holland; originelen. 1616 feb. 9, 12». Op. cit.: Meiboom, W. E. Inventaris van het archief van de Staten van Holland en West-Friesland, 1572–1795 (Nummer archiefinventaris: 3.01.04.01) / W. E. Meiboom. – Haag, 1990.

14. Deursen, A. T. Het kopergeld van de Gouden Eeuw: Het dagelijks brood / A. T. Deursen. – Amsterdam, 1978.

15. Deursen, A. T. Plain Lives in a Golden Age. Popular Culture, Religion and Society in Seventeenth-Century Holland / A. T. Deursen. – Cambridge, 1990.

16. «Omtrent het huwelijk van een zijner zoons in 1624 teekent Susanna Hoefnagel – moeder Constantijn Huygens – in har dagboek aa: 6 Meert: Ende noch een bruydegom die niet vergeten en dient, dat is een sone van ouden Danckaert, notaris, wewener van omtrent 42 jaar, en trout met de cameniere van jouffvr». Op. cit.: Morren, T. De Haagsche Notarissen... P. 358.

17. О «гнусном» памфлете нотариуса Я. Данкарта, направленном против Я. Олденбарневелта см.: Motley, J. L. Life and Death of John of Barneveld, Advocate of Holland: with a view of the primary causes and movements of the Thirty Years' War / J. L. Motley. – Vol. II. – Hague, 1874.

18. Brief van J. Danckaert aan Johan van Oldenbarneveldt (1547–1619) // Leiden, UB (Universiteitsbibliotheek): PAP 3. 1610; Tex. J. Oldenbarneveldt: Bestand, 1609–1619. Deel. III / J. Danckaert. – Haarlem, 1966.

19. Afbeeldinge ende Levens beschryvinge van de Heeren en graven van Egmond. – Haarlem, 2002.

20. Roelfs, V. J. G. De Egmondsche Abtenkroniek van Iohannes a Leydis / V. J. G. Roelfs. – Nijmegen, 1942.

21. Например, 26 июля 1621 г. он получил 30 гульденов в связи с изданием брошюры, рассказывающей об успехах освоения колонии Ост-Индской компании на острове Амбон: «En uitbetaald aan den Notaris Jan Danckaert 30 (dertig) gulden voor de presentatie van zeker boekje aan H. H. Mog., getiteld: «Historisch en grondig verhaal van den stand des Christendoms iu 't Kwartier van Amboina...». Оп. cit.: Troostenburg de Bruijn C. A. Biographisch Woordeboek van Oosti-Indische predikanten. – Nijmegen, 1893.

22. Notarieel archief Den Haag (Haags Gemeentearchief). Kenmerken. Inventaris. 0372–01. Namen van de notarissen, aan wie door het Hof van Holland admisssie te 's-Gravenhage is verleend, doch waarvan de minuten niet aanwezig zijn. 1615 mei 7. Johan Danckaert.

23. Vries, A. Ingelijst werk: de verbeelding van arbeid en beroep in de vroegmoderne Nederlanden / A. Vries. – Zwolle, 2004.

24. «Johan Danckaert, Philippo Lengele en Jacob van der Westen, notarissen, en Hans Danckaert, die de synodale akten gekopieerd hebben, krijgen hiervoor ieder 50 gld.» Resolutiën der Staten-Generaal Oude en Nieuwe Reeks 1610–1670 / Bew. door J. Roelevink. – Deel. IV: 1619–1620. – 's Ggravenhage, 1981.

25. Locher, T. J. Geschiedenis van ver en nabij: bundel verspreide geschriften / T. J. Locher. – Leiden, 1970.

26. «Joannes Danckaert Hagiensis». Album studiosorum Academiae Lugduno Batavae MDLXXV–MDCCLXXV: accedunt nomina curatorum et professorum per eadem secula. – Hague, 1875.

27. Ряд современных историков предположительно датирует жизнь Я. Данкарта временем между 1577 и 1655 гг., сопровождая свое утверждение вопросительными знаками. – См.: Haitsma Mulier, E. O. G. & Lem, G. A. C. Repertorium van geschiedschrijvers in Nederland 1500–1800 / E. O. G. Haitsma Mulier & G. A. C. Lem. – Den Haag, 1990. – В литературе встречаются и другие условные датировки.

28. Для полноты картины укажем данные церкви Св. Николая в Генте. 26 апреля 1606 г. здесь сочетались браком Ян Данкарт и Адриана Ромилс, а 15 октября 1616 г. Ян Данкарт и Майтген Зётэрт (Danckaert Jan huwt met Romeels Adriana op 26.04.1606 in de parochie Sint-Niklaas in het bijzijn van de getuige en getuige. Danckaert Jan huwt met Zoetaert Maytgen op 15.10.1616 in de parochie Sint-Niklaas in het bijzijn van de getuige De Gusseme Gillis en getuige De Gusseme Jooris). – См.: De Zwarte Doos – Stadsarchief Gent Huwelijken Sint-Niklaasparochie Gent, 1590–1796... – P. 54; 16.08.1614 в другой гентской церкви (Св. Петра) венчались Ян Данкарт с Элизабет де Рочт (Danckaert Jan huwt met De Roocht Elisabet (jonkvrouw) op 16.08.1614 in de parochie Sint-Pieters in het bijzijn van de getuige en getuige). – См.: De Zwarte Doos – Stadsarchief Gent Huwelijken

Sint-Pietersparochie Gent, 1584–1796... – P. 83. – Поскольку Гент контролировался Габсбургами, протестанты не решались выбирать город для свадебных торжеств без веских причин.

29. Подобные распоряжения («плакаты») регулярно издавались с конца XVI как центральным правительством, так и отдельными землями. Очередное постановление, запрещавшее поступать на воинскую службу «к королям Дании, Швеции и России» без специального согласия республиканских властей было издано 10 августа 1612 г. – См.: Кордт, В. А. Очерк сношений Московского государства с Республикой Соединённых Нидерландов с половины XVI в. по 1631 г. / В. А. Кордт / Сборник Русского исторического общества. – Т. 116. – СПб., 1902.

30. Nozdrin, O. J. The Flodorf Project: Russia in the International Mercenary Market in the Early Seventeenth Century / O. J. Nozdrin // Warfare in Eastern Europe, 1500–1800 / Ed. by V. L. Davies. – Leiden, 2012. – P. 109–119.

31. Владевшие замком Велл до 1600 года Биландты (Bijlandt, Bylandt) связаны с Флдорфами через бабу Адриана Балтасара Катарину ван Биландт. Представитель боковой ветви Й. К. ван дем Биландт благополучно вернулся в Нидерланды, фигурируя в деле 1615 г. – См.: Das Staatsarchiv Düsseldorf und seine Bestände. Bd. I. Landes und Gerichtsarchive von Jülich-Berg, Kleve-Mark, Moers und Geldern / Hrsg. F. W. Oediger. – Siegburg, 1957.

32. Имя Адриана Балтасара Флдорфа, вольного барона Лёта («Adrianus Balthasar a Flodroff, liber baro in Leuth») упомянуто в книгах прокураторов «германской» нации Орлеанского университета в период 17.06.1597–25.09.1597 гг. – См.: Les Livres des procureurs de la nation germanique de l'ancienne Université d'Orléans 1444–1602. Quatrième Livre des procureurs de la nation germanique de l'ancienne Université d'Orléans 1587–1602. Texte des rapports des procureurs / Éd. par C. M. Ridderikhoff, H. de Ridder-Symoens. – Leiden, Boston, 2015.

33. Относительно его пребывания в Академии Женева см.: Le Livre du recteur de l'Académie de Genève (1559–1878) / Ed. by S. Stelling-Michaud. – Vol. VI. – Genève, 1980.

34. О прочих путешествиях: Das Hauptstaatsarchiv Düsseldorf und seine Bestände = Das Staatsarchiv Düsseldorf und seine Bestände. Reichskammergericht I-L / Bearb. von W. Antweiler und B. Kasten. – Bd. 9. Teil 5. – Siegburg, 1991. – P. 393–394;

35. Haugwitz, Christoph von. Stammbuch / C. von Haugwitz. – London, Paris, Stuttgart. 1598.

36. Ноздрин, О. Я. Солдаты смуты. Наемники в России начала XVII в. / О. Я. Ноздрин // Средние Века. – Вып. 72 (3–4). – 2011. – С. 187–198.

37. Книги разрядные. Т. I. СПб., 1853. С. 96–97.

38. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 150. – № 3. – 1613 год. – Л. 3, 6, 7, 8.

39. Резолюции 27 и 30 мая 1614 г. – См.: «Johan Danckaerts vraagt bij rekest verlof tot het drukken van een beschrijving van Moscovië, nu H. H. M. de opdracht

van een dergelijk werk nien hebben aanvaard. Hij bierdt aan buiten de vergadering van de Staten geen exemplaren te verspreiden. 30 mei 1614». Op. Cit.: Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe reeks. 1610–1670. – Deel 2: 1613–1616 / Bew. A. T. van Deursen. – S' Gravenhage, 1984.

40. Что, кстати, не помешало Генеральным Штатам в 1615 г. принять от шведского короля Густава II Адольфа «четыре пушки превосходного металла, добытые в России». Видекинд, Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Ю. Видекинд / Под ред. В. Л. Янина и А. Л. Хорошкевич. – М., 2000.

41. Середонин, С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник / С. М. Середонин. – СПб., 1891.

42. Nijhoff, I. A. Levensberigt van Gerlach van der Capellen (1543–1625), kanselier van Gelderland / I. A. Nijhoff. – Arnheim, 1851.

43. Janssen, A. E. M. Gerlach van der Capellen, 1543–1625, raadsheer en kanselier / A. E. M. Janssen // Biografisch Woordenboek Gelderland. – Deel. VII. – Hilversum, 2009.

44. «Pietate et fortitudine. Gerlacus a Capelle stipre nobili / Genus ex clivici trahens Majoribus / Vir eruditus et peritus et pius / Qui quas pararat artes ingenique vim / Dum marte fatam en artibus Germaniam / Terram Italamque Galliasque viseret. / Primos per annos Geldriae bono sibi / Natalis utens affenda pro fule / Et exstinguenda oppressione exercuit / Patris secutus Strenui Vestigia / Gradus honoris functus omnes denique / Summi Senatus Praeses annorum satur / Post lustra vitae sedecim tædæ decem. / Fessum labore spiritum reddens Deo, / Corpus reliquit Patriæ Terræ sinu, / Luctumque remque gloriamque Liberis. / Vale Haspes en mortalitatem cogita.» – Эпитафия подписана литератами «Р. М». – Цит. по: Chalmot J. A. Biographisch woordenboek der Nederlanden / J. A. Chalmot. – Deel. V. – Amsterdam, 1798.

45. Посольство Ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991.

46. Отчет нидерландских посланников Рейноута фан Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоахима об их посольстве в Швецию и Россию (годы 1615 и 1616). – СПб., 1878.

47. «Het rekest van Johannes Danckaert met declaratie van de kosten tijdens zijn reis van zweden naar Moscovië en vandaar naar Nederland, wordt voor advies in handen gesteld van de gewesen ambassadeur naar Zweden». Op. cit.: Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe reeks. 1610–1670. – Deel 3: 1617–1618 / Bew. J. G. Smit. – S' Gravenhage, 1975.

48. «Veenhuizen, president van de Hoge Raad van Holland, en Joachimi, gewezen ambassadeur in Moscovië en Zweden, brengen rapport uit over de pretenties van Johan Danckaert die deel heeft uitgemaakt van het gezantschap naar deze landen. Zij stellen voor hem voor zijn pretenties en gedane moeite eenmaal 1200 gld. te betalen boven hetgeen hij reeds uit de algemeine afrekening gekregen heeft. H.H.H. conformeren zich hieraan». Op. cit.: Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe reeks. 1610–1670. – Deel 3: 1617–1618 / Bew. J. G. Smit. – S' Gravenhage, 1975.

49. «3 maart 1621... Hans Danckaert krijgt voor dezelfde periode een vacatiegeld van 2 gld. 10 str. per dag, plus 30 gld. voor zijn diensten als secretaris». Op. cit.: Resolutiën der Staten-Generaal. Nieuwe reeks. 1610–1670. – Deel 5: 1621–1622 / Bew. J. Roelevink. – S' Gravenhage, 1983.

50. Salman, J. Populair drukwerk in de Gouden Eeuw: De almanak als lectuur en handelswaar / J. Salman. – Zutphen, 1999.

51. Het sevenste boeck, van Amadis de Gaule een seer schoone uytnemende historie. – Amsterdam, 1613.

52. Corte beschrijvinge van tgene in den Lande van Gulich, Cleve etc. – Amsterdam, 1614.

53. Articulen voorghestelt inde Conferentie tot Loudun, by myn Heere den Prince van Condé enz... – Amsterdam, 1616.

54. Lommel, A. Boekverkoopers, boekdrukkers en uitgevers in Nederland / A. Lommel // De Navorscher. – Amsterdam, 1870.

55. Beschryvinge vande lantscapen ende zeekosten van Picardie, Normandie, ende Bretagne, de maniere vande selve landen te beseilen, mitgaders de Eÿlanden, ondiepten ende Clippen die men moet wachten ende scuwen. – Amsterdam, 1592.

56. Quacq, J. Beschryvinge der wijdberoemde koopstad Rotterdam / J. Quacq. – 1600.

57. Guicciardini, L. Beschrijvinghe van alle de Nederlanden / L. Guicciardini. – Amsterdam, 1612.

58. Beschryvinge der Zeeusten van Noorweghen, geleghen tusschen Berghen ende Dronten, hoemen alle Havenen ende Foorden aldaer beseÿlen ende alle periculose clippen ende rudsen myden sal... – Amsterdam, 1620.

59. Ampzing, S. Beschryvinge ende lof der stad Haerlem in Holland / S. Ampzing. – Haerlem, 1628; Beschryvinge van de Noordsche Landen, Die gelegen zijn onder den Kouden Noordt-Pool, Als Denemarcken, Sweeden, Noorweghen, Finlandt, Laplandt, Godtlandt, Poolen, Pruysen, Ys-Landt, &c. / S. Ampzing. – Amsterdam, 1660.

60. Наличие чистых нумерованных листов в издании 1615 г. не только особенность экземпляров Гаагской Королевской библиотеки (Koninklijke Bibliotheek), что объяснялось бы позднейшей реставрацией переплета, но и в других, взятых для сравнения образцах.

**СТАН ЗНЕСНЯГА І ЎНУТРАНАГА ГАНДЛЮ
У МЯСТЭЧКАХ КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ
Ў СЯРЭДЗІНЕ XVII – XVIII ст.**

Мястэчкі вылучаліся паміж вёскай і горадам наяўнасцю таргоў і звязаным з тым ажыўленнем гандлёвай дзейнасці і рамяства. Яны выконвалі перадусім функцыю пасрэдніка ў абмене паміж вёскай і горадам. У якасці асяродка таргоў яны мелі значную канцэнтрацыю корчмаў і пэўную лічбу рамеснікаў, якія працавалі на патрэбы лакальнага рынку, а таксама для абслугі камунікацыйнага руху [36, с. 150].

Паводле С. Александровіча, прынцыповай розніцай паміж горадам і мястэчкам была структура рынку. Рынак мястэчка меў простую структуру – мястэчка і вёскі вакол яго. Рынак жа гораду адрозніваўся структурай, якая магла складацца з некалькіх дзясяткаў лакальных рынкаў мястэчак і малых гарадоў. Аднак, некаторыя мястэчкі былі звязаны таксама з іншымі рэгіёнамі, аб чым сведчаць дадзеныя крыніцы [36, с. 151].

Адной з найважнейшых прыкмет, дзякуючы якой мястэчкі адрозніваліся ад вёсак і сёл, з’яўлялася наяўнасць таргоў. Паводле С. Александровіча, ва ўласна літоўскіх рэгіёнах ВКЛ іх з’яўленне трэба адносіць да XIII ст., у рускіх жа – да X–XII стст. Аднак на той момант лічба таргоў была ня вельмі вялікай, удзел насельніцтва ў рынку быў нязначным [36, с. 153]. З той прычыны, што пераважная большасць намі вывучаных мястэчак сталася ўласнасцю каталіцкай царквы яшчэ да сярэдзіны XVII ст., пры вывучэнні дадзенага пытання мы будзем звяртацца да больш ранніх звестак з XV–XVI ст., якія дазваляць нам прасачыць працэс з’яўлення і функцыянавання таргоў і ярмарак. Так, напрыклад, вялікі князь літоўскі Аляксандр, надаючы ў 1497 г. фундацыйны прывілей для парафіяльнага касцёла ў Пасволі (які знаходзіцца па-за межамі Беларусі), дазволіў плябану заклаці там мястэчка з гаргам і неабмежаванай лічбай карчмаў [36, с. 154]. У дадзеным артыкуле мы будзем карыстацца абодвума тэрмінамі: “ярмарка” і “кірмаш” як узаемазамяняльнымі, бо часцей за ўсё яны так і ўжываліся ў крыніцах.

Адным са сродкаў атрымання большых прыбыткаў было пашырэнне сеткі карчмаў і таргоў, якія давалі вялікія грашовыя паступленні. Як

падкрэслівае С. Александровіч, пераважная большасць таргоў і мястэчак паўстала без прывілеяў, стыхійна [36, с. 154].

Напачатку гандлёвая дзейнасць у мястэчках ажыццяўлялася непасрэдна з вазоў тых, хто прыязджаў прадаваць. Але па меры развіцця мястэчак узнікае патрэба ў з’яўленні сталых пабудоў – крам (хоць іх назвы маглі быць рознымі: крамы, склады, свіраны, буды і г. д.). Да таго ж трэба ўлічваць, што назвы пабудоў залежалі ад тых тавараў, якія там прадаваліся. Напрыклад, каля 1595 г. іх існаванне зафіксавана ў мястэчку Пяршай Ашмянскага павету, калі татары напалі на мястэчка і пабілі ўрадніка “подле клеток в рынку” [4, с. 242]. Паводле інвентара факторыі Вяжышча Полацкай езуіцкай калегіі з 4 студзеня 1623 г., у мястэчку Вяжышча (мела 113 дымоў) былі 53 склады для тавараў, з кожнага купцы плацілі па 10 злотых, а мяшчане павінны былі рамантаваць склады і кожны год пабудаваць 4 новыя [28, с. 213–216]. У 1644 г. у мястэчку Задзеў згаданы 2 свіраны [32, с. 3 адв.]. Інвентар 1702 г. згадвае ў мястэчку Стрэшын 20 новапабудаваных крам [18, с. 2], да таго ж пад мястэчкам ў 1700 г. была закладзена буда, але адзначана, што тавары пагарэлі [18, с. 2 адв.]. Каля 1730 г. у Параф’янаве згадана буда, якой валодаў ордэн бернардынцаў і якая была пазней прададзена аканому маёнтка [38, с. 304]. У інвентары Відз згадана “арэнда за крамкі ад жыдоў і мяшчан” [34, с. 77]. У сталовым уладанні віленскага біскупства Ўборць з цэнтрам у мястэчку Лельчыцы інвентар 1763 г. згадвае “свіран стары” [23, с. 2]. Паводле уставы гораду Бяроза 1767 г. на рынкавай плошчы былі свіранкі [30, с. 4]; павіннасць бярозаўскіх жыдоў утрымлівае звесткі таксама пра крамы [30, с. 5 адв.]. Інвентар мястэчка Германішкі 1790 г. згадвае “свіранак малы”, таксама пры карчме “свіранак” [5, с. 46, 49]. Рапарт са сталовых уладанняў Відзы віленскага біскупства за 1796 г. адзначае, што трэба як мага хутчэй збудаваць крамы “як тое, што дае прыбытак” [25, с. 4].

Гандлёвая дзейнасць мястэчак канцэнтравалася перадусім на правядзенні штотыднёвых таргоў. Іх сляды можна знайсці яшчэ ў XV ст. Яны адбываліся ў розныя дні тыдня, найчасцей адзін раз у нядзелю. Аднак некаторыя мястэчкі мелі 2 таргі на тыдзень. Напрыклад, да 1530 г. у Бярозе яны адбываліся ў пятніцу, пасля 1530 г. – у панядзелак і суботу [36, с. 160] (паводле просьбы тагачаснага ўладальніка Бярозы Мікалая Гамшэявіча, вялікі князь літоўскі Жігімонт I дазволіў прывілеем перанесці таргі з пятніцы на суботу [41, с. 12]), у Гадуцішках у 1526 г. чацвер [26, с. 70], у Пасволі у 1497 г. у чацвер [36, с. 161]. У 1649 г. было закладзена мястэчка Параф’янава, якое атрымала 3 гады слабады

і тарг “у дзень нядзельны кожнага тыдня [12, с. 17-18]. Інвентар Стрэшынскага маёнтка 1714 г. гадвае, што ў мястэчку Горвалі “як перад тым кірмаш, таргі бывалі, так і цяпер вольныя маюць быць” [19, с. 14], гэта значыць, што падчас іх правядзення не збіраліся аніякія аплаты на карысць уладальніка маёнтка. Паводле аўтараў выдання „Polski słownik geograficzny”, таргі ў Горвалі адбываліся ў нядзелю “паводле даўнейшых прывілеяў” [40, с. 157].

Паводле С. Александровіча, таргі адбываліся ва ўсіх мястэчках [36, с. 161]. Аднак, калі мы кажам пра мястэчкі каталіцкай царквы, далёка не ў кожным даводзіцца знайсці іх сляды (перадусім з прычыны адсутнасці крыніц).

Некаторыя з мястэчак атрымлівалі, найчасцей дзякуючы спецыяльным прывілеям, кірмашы [27, с. 96–97]. У 1566 г. згаданы кірмаш у Бярозе ў дзень “святога Яна” [1, с. 279]. Так, у скарзе Галены Тышкевічавай на Слоніўскіх яўрэяў з 1610 г. згадваецца кірмаш у Бярозе, на які тая даслала свайго слугу [2, с. 107–108], праўда, ніякіх іншых звестак, якія б маглі падцвердзіць існаванне кірмашу, ня знойдзена. У 1679 г., калі Бяроза ўжо была ва ўласнасці ордэну картузаў, яна атрымала прывілей на кірмаш ад караля Яна III. Ён павінен быў адбывацца ў дзень “адшукання святога Крыжа” [41, с. 15]. Каля 1701 г. згаданы таксама кірмаш у Бярозе, які адбываўся ў “дзень Прачыстай Рускай” [41, с. 15]. Інвентар Стрэшына ў 1702 г. гадвае “кірмаш другі на Грамніцу” (маці Божай Грамнічнай, 2 лютага. – А. П.), які быў адкладзены [18, с. 8 адв.]; з гэтага можна зрабіць выснову, што іх было 2, аднак дадзеных, якія гэта падцвярджаюць, няма. Паводле больш позняга інвентара 1727 г. у Стрэшыне і Карпілаўцы адбываліся кірмашы. Таксама ў інвентары адзначана, што кірмашы ў Стрэшыне і Карпілаўцы павінны заклікаць, каб ўводзіліся паволі, “як было з даўніх часоў” [20, с. 21, 23]. У 1731 г. у Відзах згаданы кірмаш “Найсвяцейшай Панны Шкаплернай і Божага Цела”, на які дазвалялася мяшчанам з Відз купляць спіртныя напоі ад “пастаронніх людзей на таргу” [34, с. 78]. Апошнія словы дазваляюць таксама сцвярджаць, што ў мястэчку рэгулярна адбываліся таргі. Складальнік інвентара Ўборці 1763 г. заўважыў, што “ў Лельчыцах мястэчку закласці можна таргі, заклікаць на ярмаркі” [23, с. 3 адв.]. Аднак цяжка гаварыць пра тое ці з’явіліся яны ў згаданым мястэчку пазней. У мястэчку Гадуцішкі ў 1790 г. адзначана, што “ярмарак ані кірмашоў у тутэйшым мястэчку, ані таргоў няма, аднак на ўзнясенне Гасподне, на Тройцу, на ўзнясенне Панны Марыі і на Святога Міхала

прызджаюць крамнічкі з крамкамі, збіраецца люд грамадны, п'юць, гуляюць і пад дудой скачуць” [9, с. 40].

Варты ўвагі той факт, што вельмі часта рэвізоры і складальнікі інвентароў уладанняў выдавалі распараджэнні, якія тычыліся арганізацыі таргоў. Калі мястэчка закладалася нанова (асаджалася), найчасцей яны абмяжоўваліся вызначэннем аднаго дня ў тыдні для таргу [36, с. 162]. У якасці прыкладу можам прывесці звесткі пра мястэчка Параф'янава, якое пры заснаванні ў 1649 г. атрымала тарг у нядзелю [12, с. 17–18]. На жаль, мы мелі магчымасць карыстацца абмежаваным колам дакументаў, да таго ж дадзеныя, якія тычацца гандлю і яго арганізацыі, трапляліся даволі нячаста.

Вельмі часта пры заснаванні таргоў сустракаецца абгрунтаванне гэтага і даецца вызваленне на пэўны час ад дадатковых падаткаў. Складальнікі інвентара 1649 г. Параф'янава адзначаюць, што “праз таргі і ... гандаль гарады памнажаюцца; не толькі двору прыбытак, але і абывацелям”. Таму, пакуль тарг добра не ўладкуецца, было забаронена збіраць мыты, плату за меры і за месцы [12, с. 17–18].

Самай дзейснай мерай пры арганізацыі таргоў і кірмашоў з'яўлялася ўвядзенне абавязку прымаць у іх удзел для насельніцтва воласці. Так было у згаданым Параф'янаве ў 1649 г., дзе ўраднік пры дапамозе воіта і падвойскага павінен быў заклікаць жыхароў навакольных мястэчак і валасцей, а таксама распавядаць ім пра адсутнасць падаткаў [12, с. 17–18]. У Горвалі інвентар 1714 г. адзначае, што кірмаш і таргі павінны быць вольныя, а Двор павінен заахвочваць людзей з воласці, а калі б хто быў супраць такога парадку, той павінен быў заплаціць кару [19, с. 14]. Паводле інвентара 1727 г., у мястэчках Стрэшын і Карпілаўка праводзіліся кірмашы; на кірмаш у Карпілаўцы падданыя воласці павінны былі прыходзіць з таварам пад страхам кары 10 коп грошай [20, с. 21]. Аднак, хутчэй за ўсё, таргі ў Карпілаўцы не вельмі добра прыжываліся. Арандатар, лідскі чэснік Ю. Пакаршэўскі ў 1740 г. даносіў, што старадубскі стараста Жаба разагнаў таргі ў Карпілаўцы і змусіў гандляроў ехаць у Жлобін, хапаючы і палонячы людзей па дарозе. Таксама Пакаршэўскі прапанаваў для ўтрымання таргоў дазволіць пасяліцца жыдам і уладкаваць ім сінагогу і кіркут. На што віленская капітула дазволіла 30 жыдам даць пляц на сінагогу і кіркут, але за горадам [38, с. 318–319].

У інвентарах вельмі часта можна сустрэць звесткі пра тое, што забаранялася адчыняць крамы і прадаваць алкагольныя напоі перад сканчэннем імшы, а таксама пра абавязак прытрымлівацца справядлівых

мераў і вагі [36, с. 163]. Так, у Параф’янаве інвентар 1649 г. адзначае, што “шынк перад імшой святой не можа адбывацца, каб ніхто нікому аніякага напою перад імшой у нядзелю і ў святы не даваў (акрамя хворага) і не шынкаваў, пад страхам кары 50 грошаў літоўскіх” [12, с. 18]. Інвентар мястэчка Задзеў 1644 г. згадвае “меру рослаўскую” [32, с. 3]. Інвентар мястэчка Бусяж 1712 г. адзначае, што арандатар павінен трымацца слухных мераў вагі [31, с. 21]. Паводле ўставы мястэчка Відзы 1731 г., падданыя для продажу алкагольных напояў павінны былі карыстацца “віленскай цэхавай мерай”, для продажу збожжа – “мераў звычайнай рынкавай мерыць” [34, с. 78]. Калі мястэчка Бяроза аказалася ва ўласнасці ордэну картузаў, новыя ўладальнікі выказаліся шырокай падтрымкай гандлю і рамяства. Найбольшай увагай аказаліся абдораны дакладныя меры на таргах бярозаўскіх. Пракуратар ордэну картузаў, ксёндз Хрысціян Бекерс спецыяльна даслаў курсора ў Вільню, каб той прынёс “меру гарнцовую”, колькі гарнцаў уваходзіць у бочку віленскую і г.д. Дакладна невядома калі той курсор ездзіў у Вільню, але адзначана, што ён ужываў мераў віленскіх 1712 году [41, с. 14–15]. Інвентар Бярозы 1767 г. у павіннасці жыдоў бярозаўскіх адзначае, каб шынкары, крамары і іншыя “розныя меры мець павінныя як найсправядлівшыя, згодныя ва ўсім з мерамі” (хутчэй за ўсё, са згаданымі вышэй віленскімі). Калі б хто падманваў, меў заплаціць 20 злотых на карысць Двору [30, с. 5].

Усе тыя, хто займаўся гандлёвай дзейнасцю ў мястэчках каталіцкай царквы – ці то ўласныя падданыя або прыезжыя, павінны былі ўносіць спецыяльныя аплаты. Паводле С. Александровіча, каштоўную інфармацыю пра развіццё ўнутранага рынку даюць тарыфы мыта мастовага і тарговага, якія былі выдаваныя канкрэтнымі феодаламі для гарадоў [36, с. 167]. Аднак, у дачыненні да ўладанняў каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі гаварыць пра гэта вельмі цяжка, бо дакладныя дадзеныя пра тарыфы намі не знойдзены. Найчасцей толькі прысутнічае згадка пра тое, што згаданае тарговае трэба аплочваць.

Аплаты, вядомыя пад агульнай назвай “мыта тарговае”, збіраліся ва ўсіх мястэчках. Для яго ўвядзення ўладальнік не павінен быў мець спецыяльны прывілей, памер аплаты акрэсліваў уладальнік у залежнасці ад звычайнай практыкі [36, с. 169]. Так, у Стрэшынскім маёнтку мыта існавала ўжо напрыканцы XIV ст. [39, с. 144].

Можам вылучыць некалькі тыпаў аплат. Па-першае, гэта аплата за перавоз тавару праз рэкі, якія працякалі ў межах уладанняў. У тым жа Стрэшыне, паводле Е. Ахманьскага, з даўных часоў існавала мытная ка-

мора, у якой трэба было плаціць за перавоз тавараў праз Днепр. Дакументы на права збору мыта знаходзіліся ў Стрэшыне для прадстаўлення купцам, бо аплочваць мыта павінны былі ўсе без вынятку, нават вызваленыя вялікакняскім лістом. За арэнду стрэшынскага мыта стрэшынскі служачы Шульга ў 1541 г. заплаціў віленскай капітуле 25 коп грошаў, у якую суму таксама была ўлічана аплата за карчму [39, с. 145]. У 1539 г. згадваецца мыта ў Германішках і Бакштах [39, с. 149]. Ва ўладанні ордэну езуітаў мястэчку Экімань у 1615 г. згадваецца арэнда перавозу (праз Дзвіну. – *А. П.*), за якую трэба было заплаціць 30 коп, таксама адзначана, што па сканчэнні арэнды ўвесь водны транспарт павінен застацца пры калегіі езуітаў [28, с. 183–185]. Арэнда перавозу згадваецца таксама ў яшчэ адным уладанні езуітаў мястэчку Вяжышча ў 1623 г. [28, с. 213–216].

У якасці другой аплаты варта згадаць так званае тарговае. Існаванне гэтай з’явы можна прасачыць з найдаўнейшых часоў, калі таргі толькі з’яўляюцца ў мястэчках. Тарговае (іначай мясное) – гэта часцей за ўсё аплата ад жывога або забітага быдла. Хоць часам гэтая назва ахоплівала ўсе таргавыя прыбыткі, на практыцы гэтым тэрмінам акрэслівалася аплата ад жывога быдла [36, с. 170]. У 1617 г., калі мястэчка Бяроза другі раз увайшла ў лік уладанняў Сапегаў, яно было куплена з “мытам тарговым” [41, с. 13]. У 1727 г. у Стрэшыне і Карпілаўцы падчас кірмаша “ад купцоў прыезжых” збіралася тарговае [20, с. 21].

Вельмі рэдка, бо толькі ў дачыненні мястэчка Параф’янава, згадваюцца “памернае” і “памесцавае”, якія, аднак, не павінны былі збірацца, пакуль ня выйдзе вольнасць мястэчку і таргу [12, с. 17]. Таксама з дадзеных інвентара невядома ў якім памеры павінны былі збірацца гэтыя аплаты. Памернае (або іначай пабочнае) уяўляе сабой аплату ад меры (бочкі) прадаваных збожжа і солі. Паводле С. Александровіча, напачатку памернае аплочвалі толькі купцы, але з часам феодалы таксама абавязалі аплочваць яго тых, хто набываў тавар. “Памесцавае” азначала аплату за месца, якое займалі гандляры на таргу [36, с. 169–171]. Да свайго роду памесцавай аплаты можна залічыць розніцу ў памеры чыншу за рынкавыя і звычайныя пляцы. Так, экіманскія мяшчане ў 1615 г. за рынкавыя пляцы павінны былі плаціць 14 грошаў на год, за завулкавыя – 12 [28, с. 183]. Але часам гэтая розніца была вельмі адчувальнай, як, напрыклад, у мястэчку Відзы. Тут, паводле інвентара 1731 г., за рынкавыя пляц мяшчане плацілі па 8 злотых 10 грошаў, за звычайны вулічны па 50 грошаў [34, с. 78].

У якасці яшчэ адной аплаты можна згадаць так званае “берагавое” (brzegowe – польск.). Яно азначала аплату за складанне дрэва на беразе ракі. У інвентары Стрэшына ў 1702 г. г. прысутнічае інфармацыя пра тое, што мяшчане “з людзьмі падбярэжнымі” плоцяць 30 злотых берагавага [18, с. 2 адв.]. І, хутчэй за ўсё, яны плацілі не толькі за дазвол складаць гэтае дрэва, але за магчымасць ім гандляваць у Стрэшынскім маёнтку, а таксама за яго межамі.

У якасці яшчэ адной аплаты варта згадаць плату за арэнду вагаў і мер, за якую ў Экімані, паводле інвентара 1615 г., трэба было заплаціць па 10 коп грошаў [28, с. 183].

Часцей за ўсё інвентары маёнткаў толькі згадваюць аплаты за гандлёвую дзейнасць, але не вылучаюць яе з агульнай сумы прыбыткаў. Для каталіцкіх уладанняў гэтае сцверджанне з’яўляецца вельмі слушным, бо фактычна ў кожным інвентары адсутнічаюць звесткі аб памеры гэтых аплат.

Пры разгляданні пытання развіцця гандлю надзвычай важным з’яўляецца вылучэнне артыкулаў, якія купляліся і прадаваліся на таргах і кірмашах. Ужо ў XVI ст. існаваў вельмі вялікі попыт на ўнутраным рынку на збожжа, што тлумачыцца развіццём гарадоў і мястэчак і іх патрэбамі харчавання, а таксама вырабам вялікай колькасці алкагольных напояў, перадусім піва [36, с. 174]. Напрыклад, у 1514 г. 11 падданных віленскага ваяводы Мікалая Радзівіла з Верхні паехалі ў біскупскае ўладанне Відзы, каб купіць сабе жыта для харчавання. Кожны з іх меў па 40 грошаў [36, с. 175].

Трэба адзначыць, што, на жаль, у большасці інвентароў каталіцкіх мястэчак адсутнічае інфармацыя пра гандаль збожжам, яго памеры, цэны і г. д. Аднак, варта звярнуць увагу хаця б на згаданне ў інвентарах фальваркаў, якія, як вядома, існавалі для забеспячэння патрэбы ў збожжы і яго далейшага продажу. Паводле С. Александровіча, пытанне ці фальваркі прымалі ўдзел у забеспячэнні ўнутранага рынку, ці іх прадукцыя была вызначана выключна для замежных рынкаў, застаецца адкрытым. Але дадзеныя аналізаў гісторыка ўказваюць на вельмі значную ролю ўнутранага рынку ў сферы продажы збожжа фальваркаў. Асабліва характэрнай была з’ява продажу фальваркавага збожжа на рынках вялікіх гарадоў, пра што сведчыць сярод іншага магчымасць ужывання феадаламі бясплатнага транспарту ў выглядзе падводнай павіннасці сялян і жыхароў мястэчак [36, с. 177, 180–181].

Паводле аналізу Е. Ахманьскага, ужо ў 1539 г. фальваркі былі ў Відзах, Гервятах, Пяршай, Мядзведзіцах і Бакштах [39, с. 149]. У езуіцкім

уладанні Экімань, паводле інвентара 1615 г., быў фальварак [28, с. 185–186]. Інвентар мястэчка Задзеў 1644 г. падае звесткі пра “будынак фальваркавы”. Інвентар 1739 г. згадвае ў Гадуцішках “страж тыднёвую да фальварку”, а таксама “падводы да Вільні паводле даўняга звычаю” [7, с. 8], што падцвярджае інвентар 1763 г., у якім знаходзім “фальваркавых асаднікаў” і “падводы 3 да Вільні” [8, с. 4 адв.]. У некалькіх інвентарах Стрэшына (1714, 1727) прысутнічае згадка пра абавязак мяшчан адвозіць ласіныя скуры ў Вільню [19, с. 14 адв. – 15 адв.; 20, с. 21]. Падчас такіх паездак, цалкам верагодна, прывозіліся ў сталіцу ВКЛ не толькі скуры, але таксама і збожжа. Нават у так далёкім ад Вільні Стрэшынскім маёнтку ў мястэчку Карпілаўка ў 1755 г. згаданы “будынак стары фальваркавы” [22, с. 9 адв.], г. зн. фальварак існаваў там даволі даўно. Але, хутчэй за ўсё, гандаль збожжам у так адлеглым маёнтку быў арыентаваны на тэрыторыю блізкага Падняпроўя, а не ў кірунку Вільні. Інвентар Уборцкага ключа 1763 г. згадвае ў мястэчку Лельчыцы павіннасць даваць падводы пад дань мядовую, рыбу, грыбы і інш. для давозу да Вільні [24, с. 15]. Другі інвентар Уборці таго ж 1763 г. згадвае “фальваркавы будынак” у Лельчыцах [23, с. 2]. Інвентар Параф’янава 1737 г. дае звесткі пра павіннасць выконваць падарожжы да Вільні, а таксама больш блізкія на 5-6 міль [13, с. 10]. Упершыню згаданы пры заснаванні ў 1649 г. фальварак у Параф’янаве [12, с. 13], знікае на некаторы час у крыніцах; зноў згадваецца ў 1776 і 1781 г. [14, с. 6; 15, с. 4]. У Бярозе інвентар 1767 г. згадвае абавязак мяшчан “хадзіць з падводамі” не далей за 6 міль ад Бярозы да Хомску, Пружан і г. д. [30, с. 4]. Інвентар Бусыжскай воласці 1712 г. згадвае фальварак, які тут быў раней, а таксама абавязак “хадзіць у падводы [31, с. 12, 20]. Інвентар мястэчка Германішкі згадвае “дарогі да Вільні” ў лічбе ад 1 да 15, аднак, некаторыя падданыя былі ад гэтага вызвалены, а таксама “падводы 4 да Вільні” або ў іншы бок той жа адлегласці ў год “са збожжам або з сенам” [5, с. 58–59, 78]. Гэты інвентар нам дае непасрэдня звесткі пра тое, што адміністрацыя віленскага біскупа выкарыстоўвала падданых для дастаўкі збожжа з уладанняў для гандлю ў Вільні.

Адным з найважнейшых артыкулаў, якія прадаваліся на таргах і кірмашах, з’яўлялася мясная прадукцыя. Хоць дакументальныя звесткі пра продаж гэтага тавару ў мястэчках каталіцкай царквы сустракаюцца не вельмі часта, цяжка гаварыць пра тое, што гэтага не было. На гандаль мясам указваюць згадкі пра рэзнікаў у інвентарах мястэчак і вёсак, якія іх акружалі [36, с. 182–185], аднак інвентары маёнткаў каталіцкай царквы часцей за ўсё не даюць ніякіх звестак пра

прадстаўнікоў гэтых рамесных прафесій. Але разам з гандлем мясам адбываўся гандаль скурамі, а пра рамеснікаў, якія гэтым займаліся, звестак нашмат болей.

Так, інвентар мястэчка Задзеў першай паловы XVII згадвае рамесніка, які “шкуры дворныя выпраўляе” [33, с. 1–2]. У 1650 г. у Стрэшыне мы бачым рамеснікаў, якія маглі мець дачыненне да апрацоўкі скуры і продажу мясной прадукцыі: згаданы Гаўрыла і Сцяпан Кушняровіч (кушнер), у мястэчку Радуніца (Карпілаўка) мы бачым Міхала Аўчынніка [17, с. 1 – 1 адв.]. Інвентар Стрэшынскага маёнтка 1712 г. згадвае ў мястэчку Горваль абавязак адвозіць у Вільню ласіныя скуры раз на год [19, с. 1–5], а, значыць, там магло прадавацца і мяса гэтых жывёл. Падобныя звесткі прысутнічаюць у наступным інвентары 1727 г.: “скуры лася, мядзведзя, рысі” [20, с. 1–4]. Інвентар Відзкага ключа 1731 г. згадвае ў мястэчку Відзы кушнера Марціна Казлоўскага, Юзафа Кажамяку ў вёсцы Айцмяны [34, с. 65–71, 77]. У 1735 г. у мястэчку Карпілаўка згаданы “кажамяка” (без імя) [21, с. 7–17]. У мястэчку Лельчыцы ў 1763 г. інвентар згадвае кушняроў і баброўнікаў [24, с. 14–16].

Пра гандаль быдлам сведчыць таксама забарона валашчанам уладання Германішкі прадаваць валоў, кароў і інш., акрамя як пасля азнямлення двору [5, с. 80].

Таварам, які з найдаўнейшых часоў таксама прадаваўся на таргах, быў мёд. Ён меў значэнне ў якасці артыкулу экспарту, ужытку і сыравіны для вырабу “мядоў пітных”. Галоўнымі прадаўцамі мёду выступалі сяляне, аднак далёка не заўсёды ім ўдавалася прадаць усю прадукцыю [36, с. 185]. Інвентар мястэчка Экімань утрымлівае звесткі, што кожны, хто мае “піва, мёд, гарэлку”, павінен заплаціць па капе літоўскіх грошаў на год ад кожнага напою; тыя, хто арандуе продаж мёду і інш., – па 10 коп на карысць езуіцкага калегіюму [28, с. 185]. Інвентар 1714 г. згадвае ў Горвалі борці [19, с. 14]; інвентар Стрэшына 1727 г. згадвае “борці на пчолы” [20, с. 21]; у Ігумене ў 1787 г. борцяў было 13 [10, с. 10 адв. – 12]. У мястэчку Пяршай інвентар 1795 г. згадвае 43 борці [37, с. 140], мёд з якіх, цалкам верагодна, прадаваўся на мясцовых таргах. Звесткі аб стане сталовых уладанняў біскупства ў 1794 г. згадваюць у Мядзведзіцах (тут было аж 575 пнёў!) і Старынках пчолы [11, с. 2 адв. – 3 адв.].

Інвентары многіх мястэчак каталіцкай царквы згадваюць у павіннасці “дань мядовую”. Можна дапусціць, што далёка не ўвесь выраблены мёд ішоў на забеспячэнне падатку, частку, якая заставалася, прадавалі на таргах і кірмашах. Ва Ўборці ў 1763 г. згадана “даніна мядовая” ў па-

меры 3 вядзёрак, калі б хто не меў мёду, мог заплаціць па 4 польскіх злотых за “вядзёрка” [37, с. 141; 24, с. 15]; падобныя ж звесткі сустракаем і ў дачыненні да Ігумена ў 1787 г. [37, с. 141]. Увогуле гэта мястэчка вельмі часта згадваецца ў актах Віленскай капітулы, перадусім з прычыны даніны мядовай. Запісы аб гэтым прысутнічаюць пад 1679 г. [38, с. 236]; 1725 г. [38, с. 295] і інш.

У тых мястэчках, што знаходзіліся на берагах вялікіх суднаходных рэк, тавары перапраўляліся па рэках. Напрыклад, у Стрэшыне каля 1735 г. згадваецца прадаванае маштавае дрэва [38, с. 311]. У 1753 г. у актах віленскай капітулы прысутнічае яшчэ адна згадка пра гандаль маштавым дрэвам у Стрэшыне, згадваецца “такса бігомльская”, паводле якой павінен быў вылічацца кошт дрэва [38, с. 336]. У кастрычніку 1780 г. невядомы яўрэй пад апекай нейкага расійскага генерала хацеў купляць дубы ў Стрэшыне для апрацоўкі і продажу; на што капітула пагадзілася пры ўмове падпісання кантракту на імя гэтага яўрэя [38, с. 373]. У Стрэшыне ў 1783 г. гандаль маштавым дрэвам, клёпкам і інш. прадукцыяй для караблёў прыносіў віленскай капітуле 6511 злотых за 4 гады [38, с. 377]. Маштавае дрэва і іншая прадукцыя са Стрэшына прадавалася нават у Рызе, іншае дрэва сплаўлялася ў Херсон [38, с. 389].

Таксама водным шляхам трапляла ў каталіцкія мястэчкі соль. Пра гэта сведчыць, напрыклад, павіннасць інвентара мястэчка Германішкі 1790 г., якая апісвае абавязак выладавання солі з прыстані [5, с. 79].

Варта дадаць таксама, што адной з функцый мястэчак з’яўляўся продаж вырабаў рамяства жыхарам навакольных вёсак. Паводле С. Александровіча, рамесныя вырабы траплялі да сялян пры пасярэдніцтве таргаў у мястэчках [36, с. 188]. Пра тавары, якія прадаваліся і купляліся на таргах і кірмашах можна знайсці звесткі ў інвентарах уладанняў, але таксама і ў матэрыялах судаў. Вельмі частымі былі выпадкі, калі падданыя, якія вярталіся з мястэчак дадому з таргоў, былі рабаваныя. У 1595 г. татары Ашмянскага павету напалі на ўладанне віленскіх біскупаў мястэчка Пяршай і два сёлы, да яго належачыя. У тых сёлах яны забралі нямала маёмасці, сярод чаго можна вылучыць: 20 сыроў, 10 чорных мужчынскіх сярмяг, 8 звоў палатна і шмат чаго іншага [4, с. 242]. Хутчэй за ўсё, гэтыя рэчы падданыя пяршайскія набылі на таргу ў мястэчку. У 1610 г. слуга Галены Тышкевічавай Габрыель Анікеевіч паехаў у Бярозу на кірмаш, каб купіць пэўныя тавары, вяртаючыся, трапіў на рабаўнікоў жыдоў, якія забралі ў яго купленае адзенне [2, с. 107–108].

Часам, калі няма прамых згадак пра продаж на таргах і кірмашах, прадмет гандлю можна вылучыць з павіннасцяў падданных. Падданыя віленскай капітулы павінны былі выконваць так званую “камісаршчыну” – даніну, якую трэба было даваць сябрам капітулы, якія прыязджалі ў маёнтак. Так, у 1742 г. акты капітулы падаюць, што ў Стрэшыне, Горвалі і некаторых іншых маёнтках падчас прыезду камісараў трэба было даць сярод іншага: 3 кадкі па 6 гарнцаў (кожны гарнец меў каля 3,5 літраў) масла, капу сыроў, саланіны 2 вялікія кавалкі, мядніцу мёду, 6 бочак соладу, 2 камяні (?) соладу, 30 локцяў палатна кужалю, 1 пуд пянкі, а таксама шмат смалы [38, с. 321–322]. Цалкам верагодна, што падданыя не толькі выконвалі павіннасць, а таксама прадавалі частку гэтых тавараў на таргах і кірмашах.

Зразумела, што гэта далёка не поўны пералік тавараў, якія прадаваліся і купляліся на таргах і кірмашах каталіцкіх мястэчак Беларусі. Згадкі пра некаторыя тавары проста не трапілі на старонкі дакументаў. Аднак, нават з прыведзенага пераліку можна зрабіць выснову, што ў каталіцкіх мястэчках прадаваліся фактычна тыя ж тавары, што і ў падобных паселішчах іншых феадальных уласнікаў.

Вельмі важнае значэнне для функцыянавання мястэчак мелі карчмы, якія разам з таргам з’яўляліся неад’емнай часткай кожнага мястэчка. Гэта знайшло адлюстраванне ў тэкстаў прывілеяў, а таксама інвентароў, прысвечаных заснаванню мястэчак. Стварэнне камунікацыйнай сеткі патрабавала месца для начлегу, харчавання, а таксама адпаведных рамесных паслуг [36, с. 193]. На існаванне карчмаў у мястэчках каталіцкай царквы аўтарам была звернута ўвага ў іншым артыкуле [35], аднак, як падаецца, варта больш глыбока разгледзець гэтае пытанне.

Карчмы ва ўладаннях каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі існавалі з даўніх часоў. Ва ўладаннях віленскага біскупства карчмы аддавалі ў арэнду, за што карчмар праціў так званую “капшчызну”. Дадзеныя 1539 г. падаюць 313 карчмароў у Вільні і каталіцкіх мястэчках, што складала вельмі значную лічбу [39, с. 143–144]. Капшчызна складала значную частку прыбытку феадалаў, у тым ліку духоўных.

Паводле С. Александровіча, ўжо ў 3-й чвэрці XVI ст. арэнда карчмаў зрабілася звычайнай практыкай, бо запэўнівала феадалу значна большыя прыбыткі. Прычынай, дзякуючы якой гэтыя прыбыткі былі магчымыя, была манаполія феадала на выраб алкаголю [36, с. 201], што вельмі часта знаходзіла адлюстраванне ў тэкстах інвентароў.

Мястэчка Экімань у 1615 г. мела 136 аселых пляцаў. Згадак пра карчму няма, але адзначана, што тыя, хто трымае “піва, мёд, гарэлку”, ад кожнага

напою павінны заплаціць па 1 капе літоўскіх грошаў [28, с. 183–185]. У мястэчку Вяжышча паводле інвентара 1623 г. знаходзілася карчма, якую мяшчане арандавалі за 400 злотых [28, с. 213–216]. У 1635 г. у Стрэшыне, якія меў 105 пляцаў, арандатар плаціў за карчму 600 коп грошаў літоўскіх у год [16, с. 1–1 адв.]. У 1644 г. у мястэчку Задзеў на 41 дым мелася 17 катлоў, гэта значыць, што фактычна кожны трэці жыхар мястэчка займаўся вырабам алкаголю. Згаданыя таксама 2 карчмы, адна з якіх была піўная. За кожны кацёл трэба было заплаціць 1 капу грошаў, столькі ж і за піўную карчму. Ва ўсёй воласці быў 31 кацёл [32, с. 3–13 адв.]. Такім чынам, капшчызну можна ацаніць у памеры мінімум 19 коп грошаў. Інвентар 1649 г. згадвае ў мястэчку Параф’янава (17 дымоў) карчму, прыбытак з якой складаў каля 240 коп грошаў (што падаецца не вельмі верагодным). Мяшчанам і валашчанам было дазволена вырабляць піва на вышынк, пры тым заплаціўшы: ад паловы бутэлькі соладу 12 грошаў літоўскіх, ад бочкі соладу – 1 злоты, ад бочкі мёду – 1 злоты. Быў забаронены толькі выраб гарэлкі пад страхам кары ў 20 коп грошаў літоўскіх, акрамя хрэсьбін і зашлюбін. У мястэчку пражывалі Яраш Півавар і Стаска Віннік. Таксама складальнік інвентара адзначаў, што не павінен прадавацца алкаголь перад імшой у нядзелю і ў святы пад страхам кары ў 50 грошаў літоўскіх [12, с. 13, 15–17, 18].

Пад 1682 г. у актавых кнігах згаданы Майжэш Абрамовіч, былы пісар мінскай мытнай каморы, які ў той час быў арандатарам карчмы ў Ігумене [3, с. 127–128]. У 1690 г. у мястэчках Германішкі (49 дымоў) і Герваты (66 дымоў) было па 1 карчме [6, с. 3 адв.]. У Стрэшыне (36 дымоў) ў 1702 г. згадваецца “новы бровар, збудаваны на гарэлку”. Арандатар карчмы павінен быў заплаціць 250 злотых у год [18, с. 1 адв. – 3 адв., 7–7 адв.]. Інвентар 1712 г. згадвае ў мястэчку Бусыж (12 дымоў) “стары, але добры” бровар, карчомную арэнду, якая складала 50 злотых, і саму карчму. Дадаткова адзначана, што ніхто з падданных не мае права вырабляць алкаголь, акрамя вяселля, хросту і памінак [31, с. 8, 20 адв. – 21]. У 1714 г. арэнда карчмы ў Стрэшыне (34 дымы) складала 400 злотых, у Горвалі (36 дымоў) – 300 злотых [19, с. 5 адв., 13]. У 1727 г. у Стрэшыне на 51 дым была 1 карчма “дворная з дзвюма белымі ізбамі”, а таксама арандатар меў свае 2 дамы для шынка, аднак не ўказана колькі ён плаціў. У суседнім мястэчку Карпілаўка (23 дымы) ў 1727 г. арэнда карчмы складала 50 злотых, на 1728 г. запланавана павялічыць да 80 злотых, на 1729 г. – да 100 злотых. Інвентар згадвае таксама ў Стрэшыне “півавара”, да працы ў якім не павінны былі выкарыстоўвацца мяшчане [20, с. 2, 3 адв., 19 адв.]. У 1731 г. у Відзах (54 дымы) згадана карчма і бровар, за арэнду карчмы плацілі 800

злотых [34, с. 65–66, 77]. У 1735 г. у Стрэшыне (50 дымоў і бровар) арэнда карчмы з рудняй і 3 млынамі складала 1200 злотых, у Карпілаўцы арэнда карчмы – 100 злотых [21, с. 2, 3–3 адв., 7–7 адв., 17].

Інвентар Параф’янава (усяго 7 дымоў) 1737 г. згадвае карчму і бровар. За арэнду карчмы ўладальнік атрымліваў 160 злотых [13, с. 1–2, 9 адв.]. У 1776 г. у гэтым жа мястэчку было таксама 7 дымоў, арэнда карчмы давала 500 злотых прыбытку [14, с. 6, 14]. У 1763 г. у мястэчку Лельчыцы (Уборць), якое мела 55 дымоў, была карчма з каморай, а таксама новы бровар [24, с. 3 – 3 адв.; 23, с. 2 – 3 адв.]. У 1765 г. у Стрэшыне (82 дымы) згадваецца карчма [37, с. 161].

У 1767 г. у Бярозе на 144 дымы былі 3 карчмы: 2 мураванья, 1 драўляная; адзначана, што яны былі вольныя ад падаткаў і чаповага назаўсёды. Падданья маглі купляць напоі толькі ў “бярозаўскіх шынкароў або ў падкляштарнай карчме”. Аднак дазволена было на вяселле і хрост вырабляць гарэлку і піва, папярэдне заплаціўшы арандатару [30, с. 2, 4]. З таго, што карчмы былі вызваленыя ад падаткаў, можна зрабіць выснову, што ўладальнікі мястэчка былі зацікаўленыя ў павелічэнні колькасці карчмаў і, адпаведна, прыбытку. Паводле актаў Віленскай капітулы ў 1831 г. у мястэчку Лоск быў “дом заездны” [37, с. 162].

Табліца 1

Карчмы ў мястэчках

№	Год	Мястэчка (лічба дымоў)	Колькасць дымоў/ пляцаў мястэчка	Карчмы	Капшчызна
1.	1615	Экімань	136	?	1 капа грошаў ад асобы
2.	1623	Вяжышча	113	1	400 злотых
3.	1635	Стрэшын	105	1	600 коп грошаў
4.	1636	Стрэшын	105 (?)	1	600 коп грошаў
5.	1644	Задзеў	41	2 (1 піўная)	19
6.	1649	Параф’янава	17	1	240 (?)
7.	1682	Ігумен	?	1	не ўказана
8.	1690	Германішкі	49	1	не ўказана
9.	1690	Гервяты	66	1	не ўказана

Окончание таблицы 1

№	Год	Мястэчка (лічба дымоў)	Колькасць дымоў/ пляцаў мястэчка	Карчмы	Капшчызна
10.	1702	Стрэшын	36	1	250 злотых
11.	1712	Бусяж	12	1	50 злотых
12.	1714	Стрэшын	34	1	400 злотых
13.	1714	Горваль	36	1	300 злотых
14.	1727	Стрэшын	51	1 з шын- ком	не ўказана
15.	1727	Карпілаўка	23	1	50 злотых
16.	1728	Карпілаўка	23 (?)	1	80 злотых
17.	1729	Карпілаўка	23 (?)	1	100 злотых
18.	1731	Відзы	54	1	не ўказана
19.	1735	Стрэшын	50	1	1200 злотых (за карчму і 3 млыны)
20.	1735	Карпілаўка	35	1	100 злотых
21.	1737	Параф'янава	7	1	160 злотых
22.	1702	Бусяж	13	1	не ўказана
23.	1763	Лельчыцы (Уборць)	55	1	няма звестак
24.	1765	Стрэшын	82	1	не ўказана
25.	1767	Бяроза	144	3	няма звестак
26.	1776	Параф'янава	7	1	500 злотых
27.	1787	Ігумен	?	мінімум 1	няма звестак
28.	1790	Германішкі	19	1	не ўказана
29.	1831	Лоск	?	1 (дом за- ездны)	не ўказана

Як падаецца, у тых мястэчках, дзе не ўказана цана арэнды карчмы, гэтыя карчмы не здаваліся ў арэнду, а цалкам знаходзіліся ва ўласнасці і карыстанні ўладальніка маёнтку. З дадзеных табліцы таксама відаць, што ў пераважнай большасці мястэчак мелася толькі 1 карчма. На думку С. Александровіча, гэта сведчыць аб узмацненні эксплуатацыі падда-

ных, феодалы пачалі пераходзіць да практыкі перадачы корчмаў у арэнду. Пераход на арэнду быў найбольш карысны з прычыны павялічанага попыту ўнутранага рынку [36, с. 201].

Акрамя таго, што мястэчкі абслугоўвалі лакальныя рынкі, яны складалі важны элемент рынкаў рэгіянальных, якія стваралі вялікія гарады. Сувязь з рэгіянальным рынкам ажыццяўлялася праз дзейнасць купцоў з вялікіх гарадоў на таргах у мястэчках, а таксама ўдзел купцоў з мястэчак у гандлёвых аперацыях у гарадах [36, с. 202]. Напрыклад, купцы з Полацка і Віцебска каля сярэдзіны XVII ст. актыўна скуплялі прадукцыю сельскай гаспадаркі на таргах мястэчак у рэчышчы Дзвіны, між іншым, ва ўладаннях ордэну езуітаў Вяжышча і Капцэвічы [36, с. 203].

Часам мястэчкі праз дзейнасць сваіх жыхароў і прыезжых купцоў прымалі ўдзел у замежным гандлі. Так, напрыклад, жыхары Ігумена вельмі часта дзейнічалі на так званым нёманскім водным шляху. С. Александровіч падае звесткі, што ў 1605 г. яны перавозілі ў Каралевец праз гарадзенскую камору наступныя артыкулы: Сямён Луціц 2 мая – пяньку, воск, льняное насенне, пшано, за якія заплаціў 4 капы 52 грошы мыта; Захары 4 мая – пяньку, цвёрды тлушч, пшано, льняное насенне, насенне каноплі, збожжа, за што заплаціў 10 коп 38 грошаў; Іван Стэфановіч 4 мая – пяньку, тлушч, сырыя шкуры коштам 11 коп 11 грошаў і 2 пнязьяў; Хама Івановіч тады ж – пяньку, тлушч, воск, сырыя шкуры коштам 9 коп 27 грошаў і 2 пнязьяў; 12 мая Фёдар Ухаловіч перавозіў попел, тлушч, пяньку і пшано коштам 3 капы 27 грошаў і 6 пнязьяў [36, с. 210].

У пераліку тавараў, прывезеных з Каралёўца ў 1613 г. праз Юрборг, пад датай 7 і 15 мая згаданы Захарыя Кузьміч з Ігумена, які прывёз шмат солі, сялёдку, слівы, волава, кмін і перац [36, с. 210].

Некаторыя купцы займаліся гандлем таксама на дзвінскім водным шляху. У 1616 г. з мястэчка Лепель 6 купцоў на 12 чоўнах везлі тавары ў Рыгу праз полацкую камору. У тым жа годзе з Рыгі вярталіся 7 купцоў, якія вялі 10 чоўнаў з таварам [36, с. 213].

Развіццё сплаўнога гандлю патрабавала наяўнасці і пабудовы складаў для тавару, а таксама прыстані. Паводле С. Александровіча, менавіта такія склады (а іх было 53) знаходзіліся ў мястэчках Вяжышча і Капцэвічы паводле інвентара 1623 г. У якасці цікавай павіннасці жыхароў Вяжышча даследчык адзначаў абавязак штогадовага рамонту існуючых складоў і пабудовы 4 новых мяшчанама і 4 сялянама. Той жа інвентар згадвае сярод арандаваных аплат так званае “струговае” –

аплату за стругі, якіяплылі ў Рыгу. Усё вышэйпералічанае ўказвае на значны ўдзел мяшчан Вяжышча ў дзвінскім сплаве [36, с. 215; 28, с. 215–216].

Часам стырнікі і кормнікі наймаліся разам са сваімі суднамі для перавозкі тавару з аднаго мястэчку ў другое. Паводле рэестру полацкага мыта 1616 г. кормнікаў, якія вялі судны ў Рыгу, было: з Капцэвічаў – 4 (везлі з Чарэі і Лепеля на 9 суднах), з Лепеля – 2 (везлі з Лепеля і з Лукомля на 4 суднах). З кормнікаў, якія везлі тавар з Рыгі, было: з Капцэвічаў – 4 (везлі ў Чарэю і Галоўчын на 8 суднах), з Лепеля – 2 (везлі ў Лепель і Лукомль на 4 суднах) [36, с. 218].

Падсумоўваючы, можна зрабіць выснову, што асновай гандлёвай дзейнасці каталіцкіх мястэчак Беларусі ў сярэдзіне XVII–XVIII ст. з’яўлялася правядзенне штотыднёвых таргоў і менш рэгулярных кірмашоў, мэтам абслугоўвання якіх служылі таксама шматлікія карчмы. Карчмы былі не толькі месцам продажу алкаголю, але таксама выконвалі функцыі “заездных дамоў”, бо многія мястэчкі знаходзіліся ўздоўж лакальных і рэгіянальных шляхоў зносін. Духоўныя феадалы разумелі прыбытковасць таргоў і карчмаў, а таксама іх пазітыўнае значэнне для развіцця мястэчак, таму імкнуліся любымі шляхамі павялічыць іх лічбу, даючы паслабленні ў падатках, або іх часовую адмену. Падчас правядзення таргоў або кірмашоў на карысць уладальнікаў мястэчак збіраліся разнастайныя аплаты: за месца на таргу, за прадаваны тавар, за права перавозу тавару праз рэкі і г. д. Нейкай адзінай сістэмы збору аплат не існавала, кожны ўладальнік вызначаў іх вялічыню самастойна.

Асноўнымі прадаванымі таварамі з’яўляліся прадукты харчавання, збожжа, вырабы мясцовага (і не толькі) рамяства, алкаголь, дрэва і інш. Перавозіліся тавары па дарогах або па суднаходных рэках, дзякуючы чаму некаторыя мястэчкі прымалі ўдзел і ў замежным гандлі.

Спіс літаратуры

1. Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне (далее АВАК): в 39 т. – Вильна: 1865–1915 г. – Т. 22 (Акты Слонимского земского суда). – 1895. – 470 с.
2. АВАК. – Т. 28 (Акты о евреях). – 1901 г. – 439 с.
3. АВАК. – Т. 29 (Акты о евреях). – 1902 г. – 539 с.
4. АВАК. – Т. 31 (Акты о литовских татарах). – 1906 г. – 586 с.
5. АВАК. – Т. 38 (Инвентари староств, имений, фольварков и деревень XVIII века (1720–1798)). – 1914 г. – 504 с.
6. Адзел Рукапісаў Навуковай Бібліятэкі Акадэміі Навук Літвы (далей – АР НБ АНЛ). – Ф. 43, спр. 679.

7. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3841.
8. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3845.
9. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3849.
10. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 8829.
11. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 8831.
12. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14659.
13. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14671.
14. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14680.
15. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14684.
16. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17424.
17. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17452.
18. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17484.
19. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17486.
20. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17490.
21. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17516.
22. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17595.
23. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 18694.
24. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 18695.
25. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 23794.
26. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 15 / под ред. Г. Карпова. – СПб.: Типография Ф. Елконского и Ко, 1863–1892 г. – Т. 1 (1361–1598). – 1863. – 301 с.
27. Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007–2010. – Т. 2: К–Я. – 2007. – 788 с.
28. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 вып. / под ред. М. Веревкина. – Витебск: Типография Г. А. Малкина, 1871–1906 г. – Вып. 25. – 1894. – 508 с.
29. Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 1928, воп. 1, спр. 101.
30. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 101.
31. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 102.
32. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 17.
33. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 42.
34. Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки: в 4 вып. – Вып. 2. – 1897. – 152 с.
35. Пруднікаў, А. А. Асаблівасці арганізацыі і развіцця рамеснай вытворчасці ў каталіцкіх гарадах і мястэчках Беларусі ў другой палове XVII – XVIII ст. / А. А. Пруднікаў // Весн. БДУ. – Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 1. – С. 3–8.
36. Alexandrowicz, S. Studia z dziejów miasteczek Wielkiego Księstwa Litewskiego / S. Alexandrowicz. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK w Toruniu, 2011. – 422 с.

37. Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju: 3 cz. / J. Kurczewski. – Wilno, 1908–1916. – Cz. 2: źródła historyczne. – 1910. – 381 s.

38. Kurczewski, J. Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju: 3 cz. / J. Kurczewski. – Wilno, 1908–1916. – Cz. 3: Streszczenie aktów Kapituły Wileńskiej. – 1916. – 607 s.

39. Ochmański, J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa wileńskiego, 1387–1550: ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu / J. Ochmański. – Poznań, 1963. – 236 c.

40. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: 15 t. / pod red. F. Sulimierskiego i inn. – Warszawa, 1880–1902. – T. 3, 1882. – 960 s.

41. Rewieńska, W. Bereza Kartuska, wybrane rozdziały z antropogeografii miasteczka / W. Rewieńska. – Wilno, 1934. – 64 s.

РЕЦЕНЗИИ

Мартынюк А. В.

**РУСЬ ПО ОБЕ СТОРОНЫ УГОРСКИХ ГОР
(рецензия на книгу Мирослава Волощука «“Русь”
в Угорському королівстві (XI – друга половина
XIV століття): суспільно-політична роль, майнові
стосунки, міграції». Івано-Франківськ, 2014)**

Книга украинского исследователя Мирослава Волощука посвящена выявлению и систематизации сведений о выходцах из Руси в средневековой Венгрии. Связи древнерусских княжеств (прежде всего Галицко-Волынского) с Венгерским королевском давно привлекают к себе внимание историков-медиевистов, но еще никогда не становились предметом специального просопографического исследования. Между тем, как показывает книга Мирослава Волощука, такое исследование способно придать «плоть» изучению политических, экономических и культурных связей, показав конкретных «носителей» этих связей – князей и бояр, представителей духовенства и иных социальных слоев. На наш взгляд, такая постановка вопроса является чрезвычайно интересной и перспективной с научной точки зрения.

Книгу отличает логичная структура и ясный стиль изложения. В начале следует обстоятельный очерк источниковой базы и историографии, а также определяется методология и понятийный аппарат исследования (раздел 1). Следующий раздел (2) посвящен общей постановке проблемы о выходцах из Руси в Венгерском королевстве: истории их появления в Венгрии, правовому и социальному положению, вопросам этимологии и терминологии (чрезвычайно сложным именно в случае средневековой державы Арпадов, в которой латинская письменная речь соседствовала с живой стихией венгерского языка, славянской топонимикой разных эпох, немецким культурным влиянием и пр.). Следующие четыре раздела содержат собственно биограммы русинов («руси» в терминологии автора). В разделе 3 собраны сведения об исторических личностях, русское происхождение которых бесспорно. Чрезвычайно продуктивным представляется выделение автором в особую категорию «прозванных русскими» (раздел 4), среди которых есть как выходцы из Руси, так и получившие это прозвище в силу иных причин (например, как результат выполнения дипломатических поручений в русских княжествах). Это

большой шаг вперед по сравнению с предшествующей историографией, в которой любое «русское прозвище» рассматривалось как свидетельство происхождения его носителя с древнерусских земель. В разделе 5 представлены «гипотетические» русины, т. е. персоналии, происхождение которых не может быть определено окончательно. Наконец, в разделе 6 под заголовком «Disputatio» собраны проблемные очерки, в которых автор более подробно останавливается на спорных и дискуссионных вопросах. Выделение такого раздела оправдано, так как история соседнего с Венгрией Галицко-Волынского княжества сравнительно хорошо обеспечена источниками, среди которых прежде всего следует назвать «Галицко-Волынскую летопись (хронику)». Этот замечательный памятник предоставляет в распоряжение исследователя большое количество имен участников политической борьбы за Галич в первой половине XIII века и русско-венгерских отношений в этот период, что породило обширную историографию и сопутствующую ей научную полемику. В целом следует признать, что такая дифференцированная структура позволила автору как сочетать в своей книге достоинства справочного издания, так и отдать должное научной полемике.

Всего в книге представлено около ста биограмм выходцев из русских земель, нашедших пристанище в Венгерском королевстве. Это достаточно большой массив биографических сведений, который станет хорошим подспорьем в дальнейшем изучении контактов Руси, Венгрии и иных стран региона, при подготовке к изданию источников и т. д. Приведем лишь один пример. В книге представлена биограмма «Ивана Руса», который оставил свой след в истории Венгрии и балканских стран в конце XIII – первой трети XIV века (с. 210–213). Это имя упоминается в «Истории» византийского императора Иоанна VI Кантакузина. Автору данных строк приходилось держать в руках сравнительно недавнее зарубежное издание текста «Истории» (1980-х годов), в комментариях к которому «Иван Рус» был отождествлен с московским князем Иваном Калитой. Эта фантастическое отождествление показывает насущную потребность в фундаментальных справочных изданиях, к которым мог бы обратиться исследователь, не являющийся специалистом по истории Древней Руси. Представленные в книге биограммы дают своеобразный срез «русской Венгрии» в XI – первой половине XIV века и в то же время показывают потенциал дальнейшего изучения данной проблематики.

Хорошую книгу легко критиковать: рецензент не боится задеть чувства автора. Наши критические замечания носят как частный, так и общий характер. Начнем с нескольких небольших замечаний. В об-

зоре историографии автор коротко касается «татищевских известий», допуская, что Татищев «мог использовать» не дошедшие до нас летописи (с. 20). На наш взгляд, проблема закрыта после выхода в 2005 г. монографии А. П. Толочко «“История российская” Василия Татищева: источники и известия», выводы которой в начале были встречены историческим сообществом с некоторой настороженностью, но в итоге были приняты современной историографией. После этой книги предположения, что Татищев «мог держать в руках» некие «позднее утраченные летописи», уже кажутся наивной архаикой – даже не из XX, а скорее из XIX века. Несколько странно видеть имя А. А. Шахматова в общем алфавитном списке «исследователей летописания» (с. 63): Шахматов определил развитие летописеведения как научной дисциплины, а не был лишь одним из ее представителей. При рассмотрении вопроса о том, как корректнее именовать государственные образования Древней Руси («земли», «княжества» и др.) (с. 80), остро не хватает отсылки к работам А. А. Горского, посвятившего данному вопросу серию специальных публикаций. Разумеется, в огромном массиве биографического материала есть множество отдельных предположений автора, которые не могут быть приняты безоговорочно и должны стать предметом научной дискуссии. Так, например, из косвенных данных о посольствах некоего «Доминика Рутенуса» автор делает вывод о возможности участия русских (галицко-волинских) контингентов в битве между Рудольфом Габсбургом и Пржемыслом II Оттокаром в 1278 году (с. 187); оснований для этого, на наш взгляд, недостаточно. Наличие таких дискуссионных вопросов является совершенно естественным для научной монографии, посвященной столь сложной и комплексной проблематике, и не снижает высокого научного уровня и ценности рассматриваемой книги Мирослава Волощука.

Более серьезные замечания есть к структуре и содержанию книги. Мирослав Волощук систематизирует биограммы упомянутых в источниках выходцев из Руси по социальному признаку: представители знати, духовенства, военно-служилого сословия и др. При этом совершенно непонятным остается отсутствие в монографии биограмм «верхушки» этой пирамиды – представителей династии Рюриковичей, как русских князей, вышедших замуж за принцев из дома Арпадов, так и князей, находивших убежище в Венгерском королевстве. Автор упоминает о пребывании молодого Даниила Романовича при дворе венгерского короля Андрея II (с. 83), но не рассматривает этот вопрос, который мог бы быть чрезвычайно интересен в контексте формирования личности Да-

ниила – самого «европейского» русского князя XIII века. Еще большее сожаление вызывает отсутствие биограммы князя Ростислава Михайловича – наверное, наиболее яркого «русского эмигранта» в Венгрии. Это тем более досадно, что в источниках сохранились сведения об участии Ростислава Михайловича в политической жизни и военных предприятиях Венгерского королевства, его владениях, его семье и сторонниках (биограммы некоторых из них, например, епископа Артемия (с. 177–178) и боярина Льва (с. 268–269), представлены к книге) и т. д. В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса исследователей из разных стран к этой исторической личности. Отказ от анализа такого благодарного материала обедняет книгу. Рассмотрение «княжеских» биограмм не только обогатило бы книгу фактологическим материалом (в силу естественных причин в источниках сохранилось значительно больше информации о князьях, чем о боярах и тем более простолюдинах), но и дало бы возможность провести сопоставление их положения в Венгрии с положением представителей других социальных групп.

На наш взгляд, книге не хватает исторического контекста, который мог бы вывести просопографическое исследование на более высокий уровень. Автор с первых страниц сосредотачивается на рассмотрении частных вопросов, многие из которых имеют давнюю историографическую традицию и «отягощены» сложной и разветвленной научной полемикой. В этой полемике и мелких уточнениях часто теряется фигура самого исторического персонажа и понимание его роли в событиях эпохи. Безусловно, исследование адресовано прежде всего профессиональной аудитории, но даже для нее было бы полезным дать общее авторское видение исторического контекста. Выбранный Мирославом Волощуком хронологический период исследования весьма обширен, и для понимания исследовательской позиции автора было бы интересно увидеть его взгляд на общие проблемы: на тенденции развития древнерусских земель в XI–XII вв., на монгольское нашествие середины XIII века и его последствия, на особенности политической ситуации в Галицко-Волынском княжестве и т. п. Не хватает и очерка (хотя бы и очень кратко) тенденций развития Венгерского королевства, в том числе и ясного определения роли Венгерского королевства XIII–XIV вв. как «региональной сверхдержавы» (благодаря чему в «венгерской» книге оказался представлен и материал по Словакии, Хорватии и другим землям). По нашему мнению, при наличии такого общего исторического контекста «заиграли» бы новыми красками и отдельные биограммы. По тексту исследования видно, какие большие усилия затратил автор по сбору

и систематизации информации о Володиславе Кормильчиче (с. 145–174) и боярине Судиславе (с. 284–359) – двух ярких деятелях в период политической борьбы в Галицко-Волынской земле в начале XIII века. Заметно, что это «любимые персонажи» автора, изучению биографий которых он посвятил немало времени. Однако при отсутствии общего контекста и авторской оценки событий политической жизни в Галиче теряется и возможность превратить биограммы в полноценные исторические портреты этих незаурядных личностей, лидеров галицкого боярства и упорных врагов Романовичей. Автор говорит о «субъективных оценках» исторических персонажей (с. 174), вкладывая в эти слова негативный смысл. Но что такое «объективные оценки» применительно к деятельности людей Средневековья, особенно представителей «второго ряда», о многих из которых сохранились лишь крупницы информации? Мирослав Волощук посвятил своему исследованию более 15 лет научной работы, и на наш взгляд, именно его субъективные оценки историческим персонажей в общем контексте эпохи и были бы чрезвычайно интересны коллегам-историкам и широкой публике.

Мирослав Волощук собрал и профессионально обработал огромный фактический материал, но, на наш взгляд, чрезмерно осторожно подошел к выводам. Во многих случаях читателю не хватает завершающего авторского взгляда на поднятые проблемы. Так, из текста исследования возникает картина достаточно высокой мобильности в этом регионе Восточной Европы; хотелось бы увидеть какие-то выводы автора о динамике миграции в разные исторические эпохи и т. д. Интересной была бы постановка вопроса о скорости ассимиляции «руси» в Венгрии: собранный автором материал (во многих случаях генеалогические линии прослежены на протяжении двух, трех и даже четырех поколений) вполне дает возможность для некоторых обобщений. Чрезвычайно интересна проблема восприятия древнерусских земель с венгерской перспективы. Нет сомнения в выводе автора, что большинство русинов, оказавшихся в Венгерском королевстве, были выходцами из соседнего Галицко-Волынского княжества. Однако для венгров они на протяжении всего исследуемого периода оставались выходцами из Руси в целом, а не из «Галиции», «Лодомерии» или других княжеств. Из собранного материала объективно следует вывод, что «Русь» для венгров долго оставалась единой – даже и в первой половине XIV века. Возможно, мы склонны преувеличивать степень политической дифференциации Древней Руси и уровень формирования региональных идентичностей в XII–XIII вв., находясь в ситуации «постфактумного знания» о распаде древнерусской

культурно-исторической общности. По этим и иным проблемам хотелось бы увидеть более развернутые мнения и обобщения автора.

Данные наши замечания не снижают высокого научного уровня книги, их задача – побудить автора продолжить исследования по данной проблематике. Просопографические исследования требуют от автора чрезвычайной скрупулезности, умения извлекать крупницы информации из источников и детального, почти энциклопедического, знания историографии. Но если они сделаны профессионально, то и «работают в науке» долго: к ним как к справочнику обращаются многие поколения историков. По нашему мнению, исследование Мирослава Волощука принадлежит к этой категории и будет востребовано исследователями из Украины, России, Беларуси, Венгрии, Польши, Чехии и других стран. Но это книга – не только «рабочий инструмент» историка. Это одновременно и драгоценный подарок читателю, интересующемуся историей Древней Руси, который дает возможность увидеть ее связи с соседними странами (в данном случае с Венгрией) не в виде абстрактных «политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений», а в виде живых человеческих судеб. Книга носит ярко выраженный новаторский и «пилотный» характер, ее методика может быть «перенесена» и на другие страны и регионы. Автор данных строк надеется, что Мирослав Волощук продолжит свои исследования и представит в будущем книги о выходцах из Руси в Польском и Чешском королевствах.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вацеба Ростислав Миролюбович – аспирант кафедры истории средних веков и византистики Львовского национального университета имени И. Франко (Львов)

Войтович Леонтий Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории средних веков и византистики Львовского национального университета имени И. Франко, старший научный сотрудник Отдела истории средних веков Института украиноведения имени И. Крипякевича НАН Украины (Львов)

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси (Минск)

Карач Андрей Владимирович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (Гродно)

Келембет Станислав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Кременчугского университета экономики, информационных технологий и управления (Кременчуг)

Лавренченко Мария Леонидовна – соискатель Института славяноведения РАН (Москва)

Лобин Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель группы научно-методических разработок ФГБУ Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Наумов Николай Николаевич – аспирант кафедры истории Средних веков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва)

Ноздрин Олег Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Среднерусского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орел)

Осипян Александр Леонидович – кандидат исторических наук, докторант Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко (Киев)

Подберезкин Филипп Дмитриевич – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Попель Родион Игоревич – магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, старший преподаватель кафедры социально-правовых дисциплин Международного гуманитарно-экономического института (Минск)

Прудников Александр Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Вацеба Р. М. *Внешняя торговля Полабья в VIII–IX веках* [25.03.2016].

В статье на основе анализа письменных источников и результатов изучения археологических источников исследована внешняя торговля Полабья в VIII–IX вв. Прослежены пути попадания арабских и франкских монет на земли полабских славян, установлены субъекты морской и сухопутной торговли, определены предметы славянского экспорта и импорта, главные направления торговых потоков. Исследованы скандинаво-славянские, фризско-славянские и франко-славянские торговые отношения, изучены изменения характера и объемов торгового обмена, его влияние на экономическую жизнь полабского региона в VIII–IX вв.

Войтович Л. В. *«Баварский Географ»: попытки этнолокализации населения Центрально-Восточной Европы в IX в.* [22.02.2016]

В статье подведены итоги попыток локализации славянских племен по источнику IX в. – «Баварскому Географу», предложены уточнения международных торговых путей в соответствии с гипотезой И. Германа и связанные с этим новые версии локализации племен. Рассмотрены наиболее дискуссионные проблемы интерпретации источника.

Лавренченко М. Л. *«Отцовство» в древнейших русских летописях* [25.05.2016]

В данной статье рассматриваются различные формы использования метафоры вертикального родства среди Рюриковичей. Мы выделяем текстологически и ситуационно различающиеся эпизоды, в том числе – обращения «отец», «сын», фигурирующие чаще всего в диалогах дяди и племянника, а также зятя и тестя, сравнение с отцом, использующееся в большинстве случаев по отношению к родному брату, указание на родство, где может присутствовать имя кровного родственника в сравнительном обороте, заключение договора «быть отцом и сыном», употребление выражения «быть в отца место». Разделение этих и других форм способствует лучшему пониманию самого феномена частого отождествления с отцом в древнейших русских летописях.

Подберезкин Ф. Д. *Контактные персоны литовских князей в Пруссии (70–80-е гг. XIV века): штрихи к шести историческим портретам* [15.06.2016]

Статья посвящена так называемым «контактным персонам» в истории взаимоотношений Немецкого ордена и Великого княжества Литовского в 70–80-х гг. XIV века. Этот период характеризуется становлением устойчивых личных связей между представителями династии Гедиминовичей и отдельными братьями Ордена, «гостями» и рыцарями в Пруссии. На основании сравнительного изучения прусских, немецких локальных хроник автор пытается реконструировать биографии шести личностей, которые играли посредническую роль между Немецким орденом и ВКЛ. Таким образом подчеркивается роль личностей «второго плана» в истории взаимоотношений языческой Литвы и христианской Европы во второй половине XIV века.

Наумов Н. Н. *Феномен городского «гражданства» в Венгерском королевстве XIV–XV вв.* [24.05.2016]

В настоящем очерке автор рассуждает о проблеме «свой и чужой в средневековой Венгрии» и рассматривает практику предоставления права гражданина (ср.-верх.-нем. *pürgrecht*) в городских корпорациях Пресбурга (совр. Братислава) и Офена (совр. Будапешт). В качестве источника выбраны правовые книги середины XV века и судебные документы, иллюстрирующие применение правовых норм. Право полноправного гражданина в обеих корпорациях основывалось на владении недвижимым имуществом в городе, и задачей претендента становилось его приобретение путем купли, либо же женитьбы. Практика показывает, что в Пресбурге оба пути были реализуемы, в то время как в Офене продажа имущества чужакам была практически запрещена, что приводит к предварительному выводу о разнице правовых практик в зонах южнонемецкой и саксонской колонизации.

Келембет С. Н. *Происхождение князей Крошинских* [15.04.2016]

В статье оспаривается традиционная версия происхождения князей Крошинских, по которой они были потомками литовской династии Гедиминовичей. По мнению автора, Крошинские происходили из карачево-козельской линии черниговских Ольговичей, а их основным первоначальным владением была волость Крайшина, располагавшаяся на левом берегу Оки при впадении в нее Угры.

Воронин В. А. *Князья Олельковичи – претенденты на власть в Великом княжестве Литовском* [10.04.2016]

Династия Олельковичей вела свое происхождение от великого князя Ольгерда и считалась вторым после Ягеллонов по значимости княжеским родом в Великом княжестве Литовском. Именно это давало им право претендовать на великокняжескую власть. Действительно, представители рода несколько раз в XV веке выступали в качестве кандидатов на трон. Но, несмотря на немалую поддержку в стране, они так и не добились этой своей цели. Рассмотрены также различные аспекты обоснования Олельковичами своего особого положения в государстве: династическая политика, стремление занять первое место среди православных так называемой Литовской Руси, строительная и другая деятельность в Киеве, который продолжительное время был их резиденцией.

Попель Р. И. *Региональная монетная чеканка Великого княжества Литовского в связи с вопросом политической автономии его земель в XIV–XV вв.* [31.05.2016]

В XIV в. в Великом княжестве Литовском начали осуществляться первые монетные эмиссии, причем производились они в формах центральной правительственной чеканки от имени великих князей литовских, региональной правительственной чеканки в разных землях ВКЛ от имени великих князей литовских, а также региональной монетной чеканки в разных землях ВКЛ от лица местных князей. Ранняя монетная чеканка в Великом княжестве Литовском продолжает оставаться перспективным направлением исследований, в том числе из-за крайне слабой ее освещенности в письменных источниках и постоянных находок новых монетных типов. В данной статье прослеживается связь региональной монетной чеканки в ВКЛ с вопросом политической автономии его земель в XIV–XV вв. Подобная новая постановка проблемы может помочь в развитии взгляда на Великое княжество Литовское как на государство с разноуровневой системой административно-территориальных единиц.

Карач А. В. *Денежная система Великого княжества Литовского во времена Александра Ягеллончика (1492–1506)* [12.03.2016]

Статья посвящена изучению монетного дела Великого княжества Литовского во времена великого князя Александра Ягеллончика (1492–1506). Автор анализирует ряд спорных и проблемных моментов, свя-

занных со временем начала работы виленского монетного двора, хронологией эмиссий, чеканкой отдельных номиналов и метрологическими характеристиками самих монет. Создание своего мощного денежного хозяйства содействовало повышению международного авторитета ВКЛ.

Лобин А. Н. *Образ воинов-«москвитов» на картине «Битва под Оршей»* [10.05.2016]

В исследованиях по восточноевропейскому средневековому вооружению историки неоднократно обращались к замечательному иконографическому источнику – картине «Битва под Оршей» неизвестного художника, хранящейся в собрании Национального музея в Варшаве. В своей статье автор сравнивает иконографический материал с документальными и материальными памятниками XVI в., что позволило ему по-новому осветить загадки картины. Автор заключает, что неизвестный автор полотна «Битва под Оршей» был знаком с реальными образцами «московитского» вооружения. В то же время отсутствие разнообразия доспехов, доминирование бахтерцов и «мягких доспехов» («тегиляев») является достаточным свидетельством того, что художник мог использовать только то количество трофейного снаряжения, которое имелось в его распоряжении. По мнению автора статьи, заказчиком картины мог быть только тот феодал, кто обладал внушительной коллекцией европейского и трофейного (московского) оружия, при дворе которого участники сражения 1514 года могли подробно проконсультировать художника относительно географической привязки к местности, тактических приемов польско-литовских и «московитских» войск, их снаряжения и вооружения.

Осипян А. Л. *Прошлое как аргумент: обращение к отдаленному прошлому в судебной тяжбе католического патрициата с армянами Львова в 1578 г.* [30.04.2016]

Данная статья посвящена историческим представлениям в мещанской среде Львова последней четверти XVI в. Основная цель статьи – исследовать, как политический кризис 1570-х годов повлиял на изменения в восприятии прошлого на локальном уровне. Основное внимание уделено причинам и механизмам реабилитации и ре-актуализации допольского «древнерусского прошлого», а именно галицкого князя Даниила. В статье предпринята попытка ответить на вопросы: Почему свое поселение во Львове армяне связывали именно с князем Даниилом? Что за грамоту армяне продемонстрировали королю на судебном заседании

в 1578 г.? Почему именно в это время произошло обращение к отдаленному прошлому?

Ноздрин О. Я. *Ян Данкарт и его сочинение о России начала XVII века* [14.05.2016]

Статья реконструирует биографию нидерландского секретаря и дипломата Яна Данкарта, в 1615 году опубликовавшего описание Московского государства, созданного на основе работ предшественников и современников, а также личных впечатлений автора от его поездок в Великий Новгород и Холмогоры.

Прудников А. А. *Состояние внешней и внутренней торговли в местечках католической церкви на территории Беларуси в середине XVII – XVIII в.* [27.05.2016]

Статья посвящена изучению организации внешней и внутренней торговли в местечках католической церкви на территории Беларуси в середине XVII–XVIII в. Автор обращает внимание на черты, отличающие местечки от деревень и сел: прежде всего, это наличие торгов, корчем и специальных хозяйственных построек; в некоторых местечках проводились ярмарки. В статье выделяется несколько видов оплат за возможность осуществлять торговую деятельность, а также автором рассмотрены основные виды товаров, которые продавались и покупались на торгах и ярмарках в католических местечках. Также обращено внимание на то, что некоторые местечки принимали участие в заграничной торговле.

SUMMARY

Vatseba R. M. *The foreign trade of eighth- and ninth-century Polabya*

Based on analysis of written evidences and results of archaeological studies the article describes the foreign trade of Polabya in the 8th and 9th centuries. The ways of Arabic and Frankish coins getting on the lands of the Polabian Slavs were retraced, the maritime and overland trade participants, the goods of Polabian export and import, the main directions of trade routes were identified. The author explored the Scandinavian-Slavic, Frisian-Slavic, Franco-Slavic trade relations, analyzed the changes in the nature, and volume of trade exchange, outlined its influence on the economic life of the 8th–9th century Polabya region.

Voytovych L. V. *“Geographus Bavarus”*: an attempt ethnoclassification population of Central and Eastern Europe 9th century

The article summarizes the attempts localization of Slavic tribes at the source of 9th century – “Geographus Bavarus”. A clarification of international trade routes in accordance with the hypothesis of J. Herrmann and related new versions ethnic classification. The most debatable problems of interpretation of source are considered.

Lavrenchenko M. L. *“Paternity” in Old Russian chronicles*

This article focuses on different forms of the paternity metaphor in the relationships among the members of Rurik dynasty descriptions. We separate textologically and situation-based metaphor forms such as an addressing (most common between an uncle and a nephew, a son-in-law and a father-in-law), a comparison (often speaking about an elder brother), a short indication in direct speech, including the name of the concrete person, a conclusion of a treaty “to be a father and a son”, and using the utterance “to be in father’s place”. This classification will help to understand better the essence of the paternity metaphor phenomenon in Old Russian chronicles.

Padbiarozkin Ph. D. *The contact persons of Lithuanian princes in Prussia (70–80s of 14th century): some details to six historical portraits*

The article is dedicated to the so called «contact persons» in the history of relations between Teutonic order and Grand Duchy of Lithuania in the 70–80s of the 14th century. In this period the sustainable connections between the Gediminids and some brothers, «guests» and knights from Prussia were established. Based on the comparative study of the Prussian, local German chronicles the author tries to reconstruct the biographies of six persons, who were mediators in the Teutonic order and GDL relations. Therefore, the role of the «secondary persons» in the history of the contacts between the pagan Lithuania and Christian Europe in the second part of the 14th century is stressed.

Naumov N. N. *The phenomenon of municipal citizenship in the Kingdom of Hungary in the 14th–15th century*

The present essay aims to reflect on the problem of «our»/«their» identities in the medieval Hungary, while analysing the practice of granting citizenship (purgrecht) by the municipal corporations of Preßburg town (now Bratislava) and Ofen town (now Budapest). The research is based on the local legal books composed in the middle of the 15th century and the legal documents

demonstrating the way the legal regulations were used. The full and equal citizenship was based on the possession of immobile properties in the city. One who wanted to become a citizen had to get it by purchase or marriage. The documents show that the both way have worked in Preßburg, while in Ofen it has been almost prohibited to sell the immobility to the non-citizens. It allows to reveal the differences between the legal practices in the areas of the South German and Saxon colonization.

Kelembet S. M. *Origin of Kroshinskis dukes*

In the article the traditional version of origin of Kroshinskis dukes, according to which they were the descendants of Lithuanian dynasty of Gediminids is challenged. According to the author's opinion, the Kroshinskis originated from Karachevo-Kozelska line of Chernyhov Olhovichs, and their main original possession was Kraishyna volost, situated at the left bank of Oka next to Uhra joining it.

Varonin V. A. *Dukes Olelkovichs as contenders for power in the Grand Duchy of Lithuania*

The dynasty of Olelkovichs led their origin from the grand duke Olgerd, and it was considered the second after the Jagiellons ducal family in the Grand Duchy of Lithuania. This is what gave them the right to state a claim for a higher power in this country. Indeed, some members of the Olelkovichs genus several times acted as candidates for the throne in the 15th century. However, despite considerable support in the country, they did not achieve their aim. The various aspects of justification by the Olelkovichs their special position in the state are considered in this article: dynastic politics, striving to take the first place among the Orthodox believers in so-called Lithuanian Rus, the construction and other activities in Kiev, which was their residence for a long time.

Popel R. I. *Regional coinage of the Grand Duchy of Lithuania in connection with the question of political autonomy of its lands in 14th–15th centuries*

In the 14th century in the Grand Duchy of Lithuania began to be carried out the first coin issue, moreover they produce in the forms of the central government's coinage on behalf of the Grand Dukes of Lithuania, the regional government of coinage in different lands on behalf of the Grand Dukes of Lithuania, as well as regional coinage in different lands of the Grand Duchy of Lithuania on behalf of the local princes. Early coinage in the Grand Duchy of Lithuania continues to be a promising area of research, including due to

the extremely weak consecrated it in written sources and constant discoveries of new coin types. This article traces the relationship of regional coinage in the Grand Duchy of Lithuania with the question of political autonomy of its lands in 14th–15th centuries. This new sufficient statement of the problem can help in the development view of the Grand Duchy of Lithuania as a state with a multi-level system of administrative-territorial units.

Karach A. V. *The monetary system of the Grand Duchy of Lithuania during the time of Alexander Jagiellon (1492–1506)*

The article studies the coinage of the Grand Duchy of Lithuania during the time of the Grand Duke Alexander Jagiellon (1492–1506). The author analyzes a number of controversial and problematic issues related to the launch of the Vilno Mint, chronology of emissions, mintage of separate denominations and metrological characteristics of issued coins. Establishment of the powerful monetary facilities assisted the increase of the international authority of the Grand Duchy of Lithuania.

Lobin A. N. *Image of soldiers “Muscovites” in the picture “Battle of Orsha”*

In their research on the Eastern European arms and armor, many historians do often refer to one iconographical source, namely, “Battle at Orsha” – a painting of an unknown artist which is placed on the exposition at the National Museum in Warsaw, Poland. In the following article author cross-references the authenticity of this painting against his own findings based on scrupulous examination of various documents and existing archeological artefacts, which should shed a new light on this historic battle. The author argues that the unknown artist of the painting was, generally, familiar with the real weaponry and armament of the Muscovy’s troops. On the other hand, he did not show the diversity in Muscovites’ armor and equipment but rather limited himself to depicting primarily mail and plate armor (beherets) and doublets (tegilyai). In author’s opinion this is a clear indication that the unknown artist had been using, perhaps, only a limited samples of a trophy equipment rendered to his possession. The author further argues that this painting, most likely, was commissioned by a rich aristocrat who, himself, had some European and Muscovy’s weaponry stored in his private home collection as trophies. It is also plausible to assume that the artist received some professional consultation from the ex-battle’s participants who might provide him with an insight as to the geographical landscape and tactical formation of the belligerents, as well as their arms and armor used in the battle.

Osipian A. L. *The past as an argument: uses of the distant past in the litigation between the Catholic patricians and armenians in Lviv in 1578*

This paper is devoted to the historical imagination in the townspeople milieu of Lviv in the last quarter of 16th century. The main aim of the paper is to investigate how political crisis of 1570s influenced the changes in the past perception on the local level. The main attention is given to the reasons and mechanisms of rehabilitation and re-actualization of the pre-Polish “old Rus’ past”, in particular of Daniel, prince of Galicia. The paper will try to answer questions: why Armenians associated their settlement in Lviv with person of the prince Daniel? What charter Armenians demonstrated to the King in the law court session in 1578? Why the uses of the distant past took place at this particular point in time?

Nozdrin O. Ya. *Jan Danckaert and his writing about Russia in the early 17th century*

The article explores the biography of the Dutch diplomat and Secretary Jan Danckaert, who published a description of the Muscovite State (1615), based on the work of predecessors and contemporaries, and author’s personal impressions from his trips to Novgorod and Kholmogory.

Prudnikov A. A. *Condition of foreign and domestic trade in the Catholic townships at the territory of Belarus in the middle of 17th–18th centuries*

The article is about investigation of foreign and domestic trade in the Catholic townships at the territory of Belarus in the middle of 17th–18th centuries. The author draws attention to the features that show the difference among township and village or any countryside: first of all it’s the presence of auctions, taverns and different farm buildings; fairs also had place at some townships. The article shows several types of payment for the opportunity to carry out trading activities. The author also describe the main types of goods that were sold and bought at the auctions or fairs in the Catholic townships and draws attention to the fact that some townships took part in the foreign trade.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы» объявляет о подготовке к печати десятого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п. л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются до 1 июня 2017 года по e-mail: a.martyniuk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 319.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т. д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением редколлегия

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник

Выпуск 9

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *С. С. Руховой*

На обложке: Воины-московиты. Фрагмент картины «Битва под Оршей»
(Варшава, Национальный музей)
(к статье А. Н. Лобина «Образ воинов-“московитов”
на картине “Битва под Оршей”»)

Подписано в печать 24.10.2016. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 15,91. Тираж 100 экз. Заказ 85.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.
Тел.: +375(17) 219-06-68. E-mail: a.martyniouk@mail.ru.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.